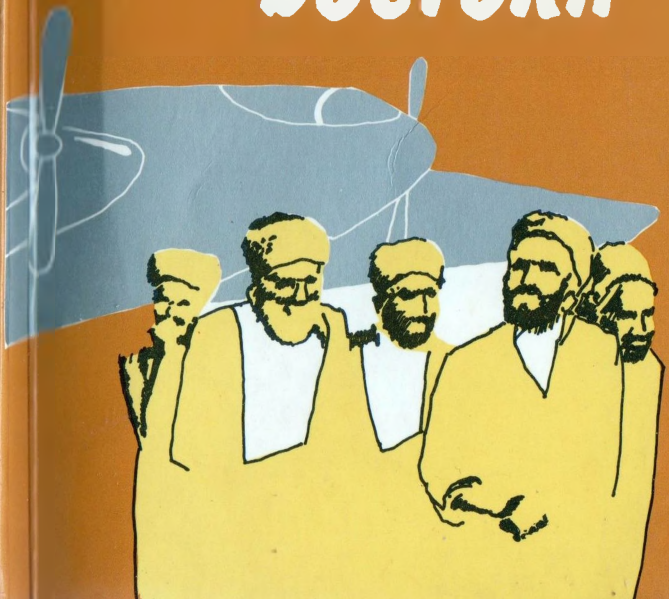
Шломо Гилель

С ВЕТРОМ ВОСТОКА



Шломо Гилель С ВЕТРОМ ВОСТОКА

140

תורה
JDC
ג'וינט
ДЖОЙНТ

Шломо Гилель

С ВЕТРОМ ВОСТОКА

Шломо Гилель

Шломо Гилель

С ВЕТРОМ ВОСТОКА

Библиотека
Просьба не загибать

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1991

שלמה הלל

רוח קדים

Shlomo Hillel
OPERATION BABYLON

Перевод с английского *С. Векслер*
Консультант *И. Леви*

Оформление обложки *Д. Мороза*

Репринт с издания 1989 г.

העמותה לקליטת עליה בהיפה
רח'י. ל. כרך 20 חיפה 33041
ספריה
מס' 178

©
All rights reserved

כל הזכויות שמורות
לספרית־עליה
ת.ד. 4140, לירושלים
יצא לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
אירגון הג'וינט העולמי, ניו־יורק,
והועדה לציון עליתה והשגיה
של יהדות בבל, תל־אביב

מהדורה שניה

Printed in Israel
OCR Давид Титиевский, сентябрь, 2021 г., Хайфа

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции I
От автора III

Пролог 1
От подпольной мастерской к жизни в подполье 4
Владыки пустыни 25
"Операция Майклберг" 53
Ливанская интерлюдия 97
Ветры войны 138
Парижская интерлюдия 167
Мсье Перез едет в Тегеран 195
"Оживут ли кости сии?" 235
Под угрозой виселицы 284
Новый удар Нури Саида 302
Чудо на берегах Тигра 345
Занавес опускается 392
Эпилог 430

Примечания 449

ОТ РЕДАКЦИИ

Шломо Гилель, автор этой книги, родился в Багдаде в 1923 г. Семья Гилелей была весьма состоятельной и занимала почетное положение в багдадской еврейской общине, поскольку в ней бережно хранили еврейские традиции и мечту о Сионе. В 1934 г. Шломо Гилель вместе с семьей приехал в Эрец-Исраэль; окончил школу, стал принимать участие в социалистическом молодежном движении, а в 1942 г. с группой товарищей создал киббуц Мааган-Михаэль.

В 1946 г. Ш.Гилель начал работать в Мосаде, где ему поручили заниматься организацией нелегальной алии и работой сионистского подполья в арабских странах. Не раз он выезжал в опасные командировки, жил на нелегальном положении, участвовал в рискованных и сложных операциях. Приходилось ему выполнять секретные задания и после провозглашения государства Израиль. Впоследствии он стал работать в канцелярии главы правительства, а в 1953 г. был впервые избран членом Кнесета.

В период с 1959 по 1964 г. Ш.Гилель служил послом Израиля в нескольких африканских странах (Гвинее, Республике Берег Слоновой Кости, Дагомее, Верхней Вольте, Нигерии); в

1964—1967 гг. занимал один из видных постов в израильском представительстве при ООН; в последующие годы неоднократно входил в состав израильского правительства. С 1984 по 1988 г. Шломо Гилель исполнял обязанности председателя Кнесета.

Административно-политическая карьера Ш. Гилеля всегда сочеталась с широкой общественной деятельностью. Кроме того, он автор ряда статей, посвященных истории массового исхода иракских евреев.

Предлагаемая читателю книга также посвящена истории алии иракского еврейства. Историческая точность соседствует в ней со свежестью и непосредственностью восприятий участника событий; выдержки из архивных документов придают достоверность почти неправдоподобным приключениям. Не случайно, что эта книга, вышедшая на иврите в 1985 г., вскоре стала бестселлером, была инсценирована на радио, а потом переведена на английский язык.

Мы надеемся, что теперь и русскоязычный читатель с интересом прочтет эту книгу, прочтет — и снова удивится тому, как похожи судьбы евреев, выросших в далеких друг от друга странах.

ОТ АВТОРА

Согласно семейному преданию, предки мои "сиделина реках вавилонских" с тех самых пор, когда в 586 г. до н.э., после разрушения Первого Храма, евреи Иудеи были насильно переселены в Вавилон, а быть может, их увели в вавилонский плен двумя годами раньше, вместе с царем Иехояхином. На ивах вавилонских "развешивали они свои арфы" и никогда не забывали "ставить Иерусалим во главе веселия своего". Из поколения в поколение передавали они друг другу мечту о возвращении на родину. И вот, в 1934 г., мои родители поднялись с насиженных мест и отправились вместе с детьми в Эрец-Исраэль. Прошло еще несколько лет, и мне выпала честь участвовать в работе сионистского подполья в Ираке и в организации алии всей еврейской общины Ирака.

Не раз приходилось мне с тех пор выступать с рассказами о деятельности сионистского подполья в Ираке, об опасностях, подстерегавших подпольщиков, о пытках, которым подвергались они в тюрьмах, и в особенности о нелегальной алие в Эрец-Исраэль, которая не прекращалась несмотря на все запреты, пока наконец иракские власти не разрешили открытую эмиграцию евреев.

И всякий раз во время этих выступлений меня спрашивали, почему не существует книг об этих знаменательных событиях.

Долгие годы зрело во мне решение описать историю тех, кто проложил путь еврейским караванам с востока. Я чувствовал, что мой долг рассказать детям иракских олим, плохо знакомым с историей алии из Ирака, о героической борьбе их родителей. Я надеялся также, что такая книга найдет путь к сердцам выходцев из стран Запада и Восточной Европы, которые знают об этой истории и того меньше.

Перед летописью сионистского подполья в Ираке меркнет история легендарных операций "Ястребиные крылья" и "Ковер-самолет", в ходе которых были доставлены в Израиль евреи из других восточных стран, ведь там олим оставались пассивными, им не приходилось и пальцем пошевелить до тех пор, пока "летающий ковер" не доставил их, словно по волшебству, домой. Иракские же евреи сами отчаянно и неустанно боролись за право на алию, невзирая на все опасности.

Пока в Ираке еще оставалась маленькая еврейская община, мы не хотели открывать подробности исхода евреев из Ирака, чтобы не делать достоянием гласности возможные пути бегства из страны. Потом, когда Ирак покинули почти все евреи и необходимость соблюдать тайну отпала, множество других неотложных дел мешало мне взяться за перо. Когда же появилась возможность засесть за книгу, оказалось, что и на этот раз подтвердилась старинная еврейская пословица, что "всякая задержка к добру, а не к худу". Поскольку со времени описываемых в книге событий прошло более тридцати лет, большинство архивных документов того периода, как в Израиле, так и за границей, стали доступны

для публикации, и я получил возможность воспользоваться материалами архива Всемирной сионистской организации, архива Хаганы, хранящемся в Доме Элияху Голомба в Тель-Авиве, Государственного архива Израиля и, наконец, архивами министерства иностранных дел Великобритании, которые помогли узнать, как оценивались наши действия противной стороной. Тщательное изучение сохранившихся в архивах документов позволило мне не только проверить описываемые в книге факты, но и проанализировать их значение, правильно понять их соотношение, придало событиям необходимую перспективу. Кое-где я включил в текст документы: оперативные радиограммы, письма и отчеты, иногда помещая их целиком, а иногда только цитируя из них небольшие отрывки. Мне кажется, оригинальные источники оживляют текст, подчас помогают лучше уяснить ход событий.

Книга написана от первого лица, поскольку основывается на моем личном опыте и касается событий 1946—1950 гг., когда я работал в Ираке, Сирии, Ливане и Иране. Если я порой позволял себе выходить за эти рамки, то лишь для того, чтобы яснее обрисовать картину и придать ей должную перспективу.

Книга эта несет на себе те ограничения, которые характерны для любого автобиографического повествования, где рассказчик естественно некоторые лица и события выделяет, а другие оставляет в тени, просто за счет большей или меньшей личной связи с ними. Но эта форма обладает одним ценным преимуществом: она позволяет читателю услышать голос непосредственного участника событий.

ПРОЛОГ

"Дуглас" оторвался от земли почти без рывков и точно по графику. Наш первый полет начался. Все шло довольно гладко, даже спокойно, насколько возможно в таких условиях. Когда огни Багдада остались позади, я попросил капитана включить освещение в кабине и пошел в хвост нашего грузового самолета, чтобы приободрить пассажиров. На голом полу, судорожно схватившись друг за друга, лежали ничком пятьдесят подростков — запуганные, растерянные ребята.

"Вы можете сесть и устроиться поудобнее, — закричал я сквозь гул моторов, — бояться больше нечего".

На самом деле это было не совсем так. Нам оставалось еще добраться до Палестины, совершить тайную посадку и избежать ареста. Но раз мы в воздухе, самое страшное уже позади. Вокруг меня на перекошенных ужасом лицах стали проступать улыбки, вскоре ребята освоились и я смог объяснить им правила поведения при посадке.

Когда самолет начнет снижаться, сказал я, им снова придется распластаться на полу, ухватившись за руки, и оставаться в этом положении до полной остановки самолета. Затем двое крепких

ребят выпрыгнут первыми, а двое других встанут у двери, чтобы помочь выбраться остальным. Если по какой-либо причине мы не сможем приземлиться на секретной посадочной полосе в Явнеэле и нам придется совершить вынужденную посадку на одном из аэродромов, то на все вопросы английской охраны следует отвечать на иврите: "Я еврей из Эрец-Исраэль", — и ни слова больше. Этого правила мы придерживались во всех операциях Мосада[1]*.

Когда я вернулся в кабину экипажа, только начинало светать — мы летели на запад, и потому заря задерживалась. Усевшись позади пилота, я стал всматриваться в расстилавшуюся под нами пустыню. Когда, пролетев примерно полпути, мы пересекли ирако-сирийскую границу, Майкл показал мне наше местоположение на карте. Безжизненный пейзаж внизу, по эту сторону границы, ничуть не изменился — да и опасности, подстерегавшие нас по обе стороны границы, остались теми же.

Чем ближе мы подлетали к Палестине, тем быстрее нагонял нас рассвет. Внезапно унылое плато Голан сменила яркая синева Киннерета во всей ее красе — вот мы и дома. Первые солнечные лучи пробежали по глади озера, и меня вдруг проняло таким восторгом, что, почувствовав слезы на глазах, я прижался лбом к стеклу, стараясь спрятать лицо.

Западнее озера я заметил группы палмахников[2], развернутые для охраны посадочной полосы. Края нашего самодельного аэродрома были обозначены параллельными столбами дыма. Многое можно было бы сказать о нашем летчике Лео Вессенберге, но посадить самолет он умел великолепно, с первого захода. Мы, еще подпрыгивая,

---

* Цифрами обозначены примечания, помещенные в конце книги.

катились по полю, когда я увидел в толпе встречающих знакомые лица. Казалось, встречать нас собрался весь Мосад, а в стороне Гриша орудовал небольшой кинокамерой, стремясь увековечить историческое событие.

Через несколько минут последний из олим[3] уже стоял на земле, а самолет снова поднялся в воздух. Два грузовика развезли ребят по близлежащим еврейским поселениям. Костры были погашены, вооруженная охрана распущена, и Явнеэль вернулся к пасторальной жизни, будто все только что происшедшее было лишь иллюзией, фата-морганой. Стоя на опустевшем поле, я отдал свой последний приказ по операции — закодировал и передал с помощью подпольной радиостанции сообщение для наших людей в Багдаде.

Иераху от Шаммая (подпольная кличка автора).

"23 августа 1947 года.

1. Прибыли целыми и невредимыми, нам оказан восторженный прием.

2. Проверьте и сообщите, не аукнулось ли у вас. Позаботьтесь о том, чтобы участники операции не проболтались".

Потом я тоже отправился к себе домой, в киббуц, прямиком в палатку Тмимы. Увидев, что палатка пуста, я прилег на несколько минут — хотел просто расслабиться, собраться с мыслями — и не заметил, как сразу же провалился в сон. Вдруг что-то меня разбудило, в палатке горел свет, я услыхал голос Тмимы, ворчливо уговаривавшей меня не спать одетым.

"Спокойно! Я тебе сказал — ни звука", — зашипел я на нее в полной растерянности. И услышал тихий смех Тмимы. Последнее, что я помню из событий этого исторического дня, было бешенство и растерянность оттого, что Тмима устроила адский грохот в такой момент. "Боже мой, —

подумал я в панике, — она нас всех выдаст!"

Когда я снова открыл глаза, солнце высоко стояло в небе, я был в палатке один. Утекло немало лет, прежде чем я снова заговорил с Тмимой об этом дне. Тогда она ни о чем не расспрашивала, а я ничего не объяснял. В те времена люди вроде нас о таких вещах не разговаривали, это было просто не принято. Но теперь всю эту историю уже можно рассказать.

ОТ ПОДПОЛЬНОЙ МАСТЕРСКОЙ К ЖИЗНИ В ПОДПОЛЬЕ

Серым холодным утром в декабре 1945 года, или, чтобы быть более точным, на Рождество, по узкой асфальтовой дороге, которая в те времена была главным шоссе, соединявшим Хайфу с Тель-Авивом, двигался на север черный "Хиллман". Автомобиль на полной скорости проскакивал огромные лужи, и ветровое стекло все гуще заляпывалось грязью. Примерно через полчаса после выезда из Тель-Авива машина притормозила, свернула с шоссе на грязную проселочную дорогу, запетляла среди цитрусовых плантаций и, наконец, подкатила к воротам обнесенной забором рощицы. Поставив переключатель передач на нейтраль, водитель дал три коротких гудка и стал ждать, пока человек в помятом засаленном комбинезоне протопает к воротам и отопрет. Машина въехала во двор и, трясясь, остановилась у облупленной хибары, по внешнему виду ничем не отличавшейся от других бараков, окружавших цитрусовые плантации Шаронской долины.

За рулем черного "Хиллмана" был Моше Барон из Тааса — сети предприятий подпольной военной промышленности Хаганы[4]. Рядом с водителем сидел ваш покорный слуга, в то время секретарь

молодого киббуца, который еще не стал знаменитым, но уже был тесно связан с Таасом. А барак был, разумеется, не складским помещением, а секретной фабрикой, производившей легкое оружие и боеприпасы. На фабричке этой работало человек пятнадцать из нашего киббуца, которые в то утро были заняты весьма прозаическим конфликтом с Хаганой. Предметом спора была, разумеется, не зарплата, а взаимоотношения рабочих с бригадиром. Как бы то ни было, меня, ответственного за рабочую силу, "бросили на прорыв".

Моше Барон избрал своеобразный, но очень эффективный способ разрешения трудового конфликта. Вместо того, чтобы разбираться в жалобах, он усадил строптивых рабочих в кружок и принялся рассказывать новости про "Хану Сенеш" — утлое суденышко, сумевшее проскользнуть мимо кораблей английской морской блокады и благополучно доставить на берег двести пятьдесят пассажиров. Следует объяснить, что англичане, осуществлявшие в те годы мандатное управление Палестиной, решили во что бы то ни стало не пускать в нее евреев. Противниками англичан были уцелевшие от "окончательного решения еврейского вопроса" беженцы — скорее не люди, а тени, сгрудившиеся на палубах трещавших по всем швам старых судов и преисполненные решимости попасть в Палестину. Нелегальную перевозку иммигрантов осуществляло еще одно ответвление Хаганы — Мосад ле-Алия-Бет[5].

Одним из таких нелегальных судов и была "Хана Сенеш". Барон рассказывал о ее прибытии в Палестину, и мои рабочие слушали как зачарованные. За два дня до высадки, когда "Хана Сенеш" еще не вошла в территориальные воды Палестины, на корабле заметили английский самолет и решили, что судно обнаружено англича-

нами. Но поскольку патрульный катер не появился, 24 декабря с наступлением темноты "Хана Сенеш", резко изменив курс, направилась к побережью в районе Нахарии. Однако, когда корабль уже приближался к берегу, внезапно начавшийся шторм выбросил его на мель. Судно резко накренилось, чуть было не опрокинулось, и все его шлюпки смыло волной. Но бойцы Хаганы не растерялись: они протянули канат от корабля к берегу и, держась за эту нить жизни (без кавычек!), беженцы переправились через бушующее море. Группа Хаганы и бросившиеся на помощь парни из Нахарии вплавь добрались до севшего на мель судна и спасли тех, кто не мог добраться до берега самостоятельно. Когда операция была закончена, не досчитались только одной девушки, которая, очевидно, утонула.

— Сам корабль сдвинуть не удалось, и тогда наши ребята повесили на нем бело-голубое полотнище с надписью: "Хана Сенеш" — корабль нелегальных иммигрантов — памятник шести миллионам наших братьев и сестер, свидетельство позора правительства Великобритании". Только сегодня утром английская полиция обнаружила корабль, — победно заканчивал Барон, — и можете себе представить, как они взбесились. Сейчас они прочесывают каждый дюйм в прилегающем районе, выставили патрули на всех дорогах.

— Но как же они не увидели корабль, когда он подходил к берегу? — спросил один из слушателей.

Барон усмехнулся, точно показывая, что самое интересное приберег на закуску: "Вы тут, сидя на своих плантациях, не учли пикантную подробность — вчера был сочельник. Правда, позвольте вас заверить, что английские матросы пропустили корабль вовсе не из христианского милосердия — они были просто слишком заняты попойкой,

многие, наверное, перепились до полусмерти!"

Тут и на нашей фабричке запахло праздником. Рабочие, настраивавшиеся на выговор, вдвойне обрадовались, услыхав от Барона добрые вести. А в таком радостном настроении ни у кого не хватало духу заводить неприятный разговор об условиях труда. Посему разбирательство было отложено и все вернулись к работе с удвоенной энергией.

— Это же чистая демагогия, — ворчал я на обратном пути в Тель-Авив, — какое отношение имеет "Хана Сенеш" к тому, как обходится с ними бригадир?

— Ошибаетесь, молодой человек, — отвечал Моше Барон полушутливо-полусерьезно. — История "Ханы Сенеш" позволила им увидеть реальное соотношение вещей. Они осознали, что здесь происходят великие события, а посему нечего разбазаривать время по пустякам.

Я не вполне был убежден его доводами, но, по правде, и сам подпал под обаяние красноречия Барона. По дороге из Тель-Авива на фабрику я обдумывал решение уйти с должности секретаря киббуца, на которой засиделся куда дольше, чем мне хотелось. Наш киббуц все еще размещался на временной территории и по плану должен был со всеми своими сараями, курятником, детским садиком и прочими постройками перебраться на холм возле Реховота (неподалеку от института Вейцмана) и стать "крышей" для подпольного оружейного завода, на котором будет производиться основная часть боеприпасов для Хаганы. Я отвечал за переселение, а проблема эта, по-видимому, была из тех, которые требуют ведения бесконечных переговоров со всеми киббуцниками, от первого до последнего. В процессе этих переговоров я и решил, что сразу же после переселения сдам дела. Пускай кто-нибудь другой

обхаживает наших киббуцников, с меня хватит. Мне хотелось какой-нибудь спокойной работы, все равно где: в поле, на рыбачьей лодке или на проектируемом оружейном заводе.

Но рассказ Барона заставил меня вспомнить о других судах, пытавшихся пробиться в Палестину. Нелегальная иммиграция шла с мая 1939 года, с тех пор как англичане опубликовали Белую книгу[6], ознаменовавшую крутой перелом в их политике. Вопреки Декларации Бальфура[7] о создании "еврейского национального очага" в Палестине, Белая книга 1939 года утверждала, что правительство Его Величества выполнило свои обязательства по этому вопросу и теперь может перейти к задаче создания независимого арабского государства в Палестине в течение десяти лет.

Такое резкое изменение курса явно было продиктовано собственными интересами Великобритании. Поскольку арабы решительно возражали против еврейского национального очага в регионе и имели возможность доставить англичанам массу неприятностей на всем Ближнем Востоке, Лондону страсть как не хотелось ломать копья, особенно принимая во внимание сгущающиеся на горизонте военные тучи. А раз Англии нежелательно пускать евреев в Палестину, то этого и не следует делать. Так англичане сперва решили ограничить еврейскую иммиграцию, установив очень низкую иммиграционную квоту на ближайшие пять лет, после чего грозили ввести полный запрет на въезд евреев в Палестину.

Самым потрясающим аспектом этого заявления был избранный для него момент. К маю 1939 года уже не возникало никаких вопросов о том, что уготовано евреям Германии и других стран, попавших в пасть к нацистам. Уже более года истекло после "аншлюса" — германской аннексии Австрии и несколько месяцев — после разоруже-

ния Чехословакии. Прошло уже полгода после погромов "Хрустальной ночи"[8], начавших собой кампанию убийств, грабежей и депортации, которая должна была неминуемо привести к уничтожению евреев Германии и других стран Европы. Почти год назад безрезультатно закончилась Эвианская конференция[9] по решению проблемы беженцев в Европе. Всем было предельно ясно, что если уж проблема беженцев во всем ее объеме практически неразрешима, то судьба еврейских беженцев ужасна вдвойне, ибо единственным местом, где они могли бы спастись, являлась Палестина. И двери этого единственного убежища закрывала перед ними Белая книга.

Евреи Палестины не согласны были принять британский эдикт в тот момент, когда над их братьями в Европе нависла угроза уничтожения. Ответом на Белую книгу была организация Мосад ле-Алия-Бет, занимавшаяся нелегальной иммиграцией, если неповиновение чудовищно жестокой политике можно называть "нелегальной деятельностью". На протяжении всех военных лет Мосад неутомимо спасал евреев Европы всеми возможными средствами. В мою память, как, наверное, в память каждого жившего тогда в Эрец-Исраэль еврея, навсегда врезались названия трех кораблей. Первый из них был своего рода символом, ведь он прибыл в Палестину 1 сентября 1939 года, в день начала войны.

Корабль "Тайгер Хилл", на борту которого находилось 1400 евреев из Польши, Румынии и Болгарии, вышел из румынского порта Констанца почти за месяц до этой даты. Судно попыталось незаметно пристать к берегам Палестины, но было встречено пулеметным огнем британских патрульных кораблей, в результате которого двое беженцев погибли, а четырнадцать были ранены. "Тайгер Хилл" развернулся и направился в от-

крытое море. но, в сущности, плыть ему было некуда. Запасы топлива и пищи были на исходе, не хватало медикаментов для ухода за ранеными. Поэтому на следующее утро "Тайгер Хилл" снова появился перед Тель-Авивом и полным ходом двинулся на город, пока не врезался в отмель недалеко от дома, где я тогда жил. У нас у всех глаза на лоб полезли при взгляде на эту сюрреалистическую картину: солидных размеров корабль, застрявший как раз напротив нашего пляжа. Беженцы попрыгали в воду и несколько сотен человек сумело добраться до берега и смешаться с толпой. Но тут появилась полиция, окружила оставшуюся тысячу с лишним беженцев и увезла их в концентрационный лагерь. Операцию эту трудно считать особенно успешной, но "Тайгер Хилл" вошел в историю уже хотя бы потому, что (как гласила надпись на могиле одной из жертв) "первые выстрелы английских солдат в ходе Второй мировой войны были сделаны не по наступающим гитлеровским дивизиям, а по безоружным евреям, бежавшим от ужасов нацизма".

Второй была старая баржа для перевозки скота "Струма", вышедшая из Констанцы в декабре 1941 года, имея на борту 769 еврейских беженцев, уже переживших нацистские убийства и издевательства румынской "Железной гвардии"[10], не уступавшей в садизме немецким фашистам. Судно добралось до Стамбула, но пассажирам не разрешили сойти на берег; продолжать рейс к берегам Палестины также было запрещено. Похоже, что англичане, узнав об этой истории, надавили на турецкое правительство и заставили его запретить "Струме" проход через Дарданеллы в нарушение международной конвенции, гарантирующей свободный проход гражданских судов через пролив.

Два с лишним месяца, в промозглую турецкую

зиму "Струма" оставалась в Стамбульском порту, а пассажиры ее были лишены элементарных санитарных удобств. Потом, к концу февраля 1942 года, баржу отправили через Босфор назад, в Черное море, а капитана предупредили, чтобы он не возвращался в Стамбул. Изношенный двигатель "Струмы" почти не действовал, баржу просто несло течением. Но не долго. Когда она находилась на расстоянии примерно 10 км от Стамбула, послышался громкий взрыв и в течение нескольких минут "Струма" затонула. Спасся лишь один пассажир. Причина этого взрыва так и не была установлена, но существует предположение, что взрыв был вызван торпедой, пущенной с советской подлодки.

Образ тонущего корабля сразу наводит на мысль о "Патрии". Трагедия "Патрии" разыгралась в Хайфском порту. Участниками ее были 3642 еврея, бежавших из Германии и других европейских стран, оказавшихся к концу 1940 года под контролем фашистов, — Австрии, Чехословакии, Польши. Как бы странно это сейчас ни звучало, беженцы отправились в Палестину с ведома и даже с помощью нацистских властей, которые готовы были отпустить евреев за жирный выкуп. Прежде чем добраться до Черного моря, скитальцы совершили путешествие вниз по Дунаю, правда, отнюдь не увеселительное, затем в Тулче их перевели на три парохода, которые должны были доставить беженцев в Палестину. В надежде на спасение пассажиры легко мирились с жуткой теснотой, нехваткой пищи и воды. Когда в середине пути кончилось горючее, все охотно, даже радостно кидали в топку жалкую судовую мебель — все, даже узкие деревянные койки, на которых спали.

Война следовала за ними по пятам. Не успели они покинуть Тулчу, как румынские фашисты со-

вершили переворот и Румыния превратилась в винтик немецкой военной машины. Проплывая мимо Крита, беженцы узнали о нападении Италии на Грецию. В бешеной гонке со смертью они, казалось, все время выигрывали. "Это, должно быть, Божий промысел", — благодарно шептали измученные люди, приближаясь к берегам Палестины. Они надеялись, что, несмотря на официальный запрет, англичане позволят им высадиться. Действительно, когда первые два парохода прибыли в Хайфу первого и третьего ноября (третий был задержан на Крите), британские власти разрешили им войти в порт. Но, встав на причал в порту, корабли не получили разрешения на высадку пассажиров, пока "дело не разъяснится". Беженцы послушно согласились на отсрочку — они и не подозревали, что ждало их впереди.

Ибо пока пароходы покорно стояли в порту, британские повара приготовили новое политическое блюдо: решено было депортировать беженцев на остров Маврикий, колонию Великобритании в Индийском океане. Идея эта казалась абсолютно безумной. В разгар мировой войны, когда флоту не хватало кораблей, а в открытом море бесчинствовали вражеские суда, британское правительство изыскало судно, чтобы отправить в ссылку за тысячу миль беспомощных евреев, единственное преступление которых состояло в том, что они избежали когтей нацистов и готовы были отдать все для победы над Германией! Абсурд, разумеется, и тем не менее это правда.

Для транспортировки ссыльных было отведено большое старое судно — "Патрия". Оно уже стояло у причала Хайфского порта. Когда все попытки отговорить англичан от осуществления безумного плана провалились, командиры Хаганы выдвинули предложение повредить корабль, чтобы выиграть время для проведения дополнительных

манифестаций протеста против бесчеловечной высылки беженцев. Когда пассажиры с двух кораблей были уже на "Патрии", а неудавшихся иммигрантов с третьего корабля насильно перевозили туда, на борт "Патрии" была тайком переправлена взрывчатка. Предполагалось, что в результате взрыва корабль получит достаточно большую пробоину. Никто, конечно, не собирался подвергать опасности жизнь пассажиров. Но, рассчитывая величину заряда взрывчатки, видимо, не учли преклонного возраста "Патрии", поэтому в результате взрыва судно пострадало чересчур серьезно. "Патрия" резко накренилась на один борт, пассажиры стали в панике прыгать в воду. Скоро море вокруг корабля окрасилось кровью раненых, а в воздухе разносились душераздирающие вопли родителей, на глазах у которых тонули их дети. В какой-то момент "Патрия" накренилась так сильно, что груз, размещенный на палубе, сорвался и полетел в воду, давя на своем пути несчастных пассажиров, в том числе многих из тех, кто уже успел прыгнуть в воду. За четверть часа "Патрия" затонула, унеся с собой на дно 260 человек. Беспомощная толпа в ужасе наблюдала за этой трагедией с берега.

Уцелевших пассажиров "Патрии" целый год держали в лагере для перемещенных лиц. В конце концов, то ли под влиянием внезапного порыва человечности, то ли вследствие общественного давления, их все же не депортировали. (Одна из уцелевших пассажирок "Патрии" — милая двенадцатилетняя девочка с каштановыми волосами, по имени Тмима Рознер — стала пять лет спустя моей подругой, а потом женой.)

Я подумал о том, что я не рожден для спокойной работы в поле или на оружейном заводе. И сейчас, после разговора с Бароном, точно откровение свыше, явилась у меня уверенность в

том, что я тоже стану участником нашего общего дела — переправы евреев в Эрец-Исраэль. Неожиданно для самого себя я заговорил об этом с Бароном. Тот слушал меня, скептически приподняв брови, но под конец сказал: "Что ж, если ты это серьезно, дела хватит".

"Не хочу никому навязываться, но если я нужен, то я готов", — пролепетал я, смущенный собственной наглостью, — ведь кроме всего прочего, я пустился откровенничать с человеком, которого минут двадцать назад обозвал демагогом.

Но Моше успокоил меня: "Я уверен, что тебя охотно примут. Заголовки всех газет посвящены иммиграции евреев из Европы, но ты же знаешь, что мы переправляем евреев и из арабских стран. Мосад даже решил усилить работу в этом направлении. Так что твое предложение придется очень кстати".

Я нерешительно пожал плечами — не от излишней скромности, а потому, что мой арабский изрядно покрылся плесенью. Правда, я родился в Ираке, но в детском возрасте приехал в Палестину, а потому с точки зрения языка вряд ли сойду за уроженца какой-нибудь арабской страны. Но несколько дней спустя оказалось, что у меня все же существенные языковые преимущества перед другими кандидатами. Выяснилось это при встрече с киббуцником по кличке "Юнис" — Ионатаном Рабиновичем.

Он пригласил меня пообедать в шикарном ресторане, куда мы, пролетарии, обычно не заглядывали. За аперитивом Рабинович рассказал, что через несколько дней отправляется в Багдад для руководства на месте нелегальной иммиграцией из Ирака. Услышав о моей готовности работать за границей, он предложил мне приехать к нему в Багдад и взять на себя руководство

тамошним сионистским подпольем. А чтобы мне легче было обдумать предложение, Рабинович принялся начинять меня сведениями о сионистском движении, его подпольной деятельности и нелегальной алие.

Повинуясь вековой еврейской мечте — жить или хотя бы умереть на Святой Земле, иракские евреи из поколения в поколение устремлялись в Эрец-Исраэль. Однако современное сионистское движение, ставящее своей целью создание жизнеспособного еврейского общества на земле предков, возникло в Ираке лишь после Первой мировой войны, когда, вследствие английской оккупации, усилились контакты с Западом. К концу двадцатых годов сионистская работа уже шла в Ираке полным ходом, главными ее формами было движение за развитие еврейской культуры "Ахиэвер" (основателем его был мой брат Элияху) и изучение иврита с помощью прибывших из Палестины учителей.

Но этот "золотой век" длился недолго. В 1932 году Ирак получил полную независимость, а в следующем году, когда, после смерти либерального короля Фейсала I власть перешла к Хази, Ирак встал на позиции оголтелого арабского национализма. Этот поворот совпал по времени с приходом к власти фашистов в Германии. Возможно, тут было не просто совпадение: звериная антисемитская пропаганда нацистов заражала широкие круги иракских националистов. Как бы то ни было, евреи не могли игнорировать тот факт, что климат в Ираке стал абсолютно неблагоприятным для развития еврейской национальной культуры. Палестинские учителя иврита были высланы. Члены общества "Ахиэвер" либо эмигрировали в Эрец-Исраэль, либо прекратили свою деятельность. Медленно, но неуклонно все еврейские культурные программы подвергались официальному

запрещению. То тут, то там случались нападения на евреев — это было своего рода ответвление антиеврейского брожения в Палестине. Иногда какая-нибудь демонстрация "вдруг" выходила из-под управления и кидалась громить еврейские магазины. Лучшим способом защиты в таких обстоятельствах было просто запереться дома и переждать бурю. Через день-два жизнь возвращалась в нормальное русло, но тень угрозы продолжала висеть в воздухе.

Вопреки (или, возможно, благодаря) этим изменениям молодое поколение евреев сознательно погрузилось в изучение арабской литературы и культуры. До тех пор большинство иракских евреев говорило на особом диалекте арабского языка и пользовалось еврейской письменностью (подобно тому, как идиш являлся диалектом немецкого языка и немецкие слова записывались еврейскими буквами). Литературного арабского языка евреи прежде не знали. Но поколение, подраставшее в 1930-е годы, воспитывалось на арабской культуре, впервые за долгую историю еврейской общины в Ираке, еврейские поэты и писатели творили на арабском языке и считались арабскими писателями. Они, в сущности, перестали считаться евреями и стали иракцами иудейского вероисповедания.

Если бы этот процесс продолжался, все могло бы сложиться совсем иначе. Однако 1 июня 1941 года произошло событие, положившее внезапный и решительный конец процессу арабизации. В этот день при подстрекательстве пронацистского иракского режима в Багдаде разразился погром. Он бушевал в течение двух суток; было убито сто восемьдесят евреев, разрушено множество еврейских домов, магазинов, синагог. Озверевшие толпы набрасывались на евреев в автобусах и на улицах, кололи ножами или забивали палками до

смерти; врываясь в еврейские дома, они не щадили ни стариков, ни грудных детей; кровожадные фанатики взрезали животы беременным женщинам и оставляли их умирать в агонии. Когда, изойдя бешенством, фаруд (погром) затих, еврейская община Ирака застыла в горестном оцепенении от бессмысленного варварства всего происшедшего.

И все же мнения относительно тех выводов, которые надлежало сделать из происшедшего, разделились. Согласно традиционной точке зрения, погром, каким бы чудовищным он ни был, являлся лишь случайной вспышкой дикости, после которой жизнь должна вернуться в нормальное русло. Многие интеллектуалы сваливали вину за погром, как и за все прочие иракские язвы, на реакционное правительство и считали, что всю энергию надо направить на развитие коммунистического движения в стране. Еврейская молодежь, не удовлетворяясь таким решением проблемы, тянулась к немедленным и более практическим шагам. Сначала были организованы отряды самообороны, затем молодые евреи стали задумываться об алие[11] в Эрец-Исраэль. На основе этого двойного импульса и стало формироваться сионистское подполье.

Когда в 1941 году англичане снова оккупировали Ирак для обеспечения бесперебойного снабжения союзников нефтью, в составе войск Его Величества в стране появилось много палестинских евреев. Одни служили в боевых частях, другие — во вспомогательном корпусе, где руководили строительством аэродромов и дорог, водили автобусы и тому подобное. Постоянное сообщение между Ираком и Палестиной — двумя опорными пунктами англичан на Ближнем Востоке — облегчало тайную переправку иракских евреев в Страну. А как только палестинская молодежь

завязала контакты с молодыми еврейскими активистами в Ираке, стала возможной и засылка в Ирак агентов для развертывания сионистского движения. Но когда война окончилась и англичане вывели войска из Ирака, этот легальный канал был перекрыт и сионистское движение было вынуждено уйти в глубокое подполье. Теперь наши агенты выезжали в Ирак с подложными документами, а иракским евреям, пробиравшимся в Эрец-Исраэль, приходилось скрываться на обоих концах своего маршрута: сперва, чтобы выбраться из Ирака, потом при въезде в Палестину. Тем не менее, за годы войны сионистское движение в Ираке настолько окрепло, что ликвидировать его уже было невозможно.

Пока Юнис посвящал меня в эти подробности и рассказывал об опасностях подпольной работы в Ираке, я разглядывал его и думал: как собирается выжить в условиях иракского подполья этот огненно-рыжий синеглазый еврей? Когда я наконец спросил его об этом, Юнис только широко улыбнулся и сказал: "Не беспокойся. Мы их как-нибудь обдурим". Видя, что этот ответ меня вовсе не убедил, он, озорно поблескивая глазами, объяснил: "Разве ты не слыхал про австралийских солдат, которые во время прошлой войны были расквартированы в Ираке и на долгие годы оторваны от своих жен? Пускай иракцы думают о моих достопочтенных предках, что им заблагорассудится". Впоследствии Рабинович воспользовался в Ираке другой легендой, и результат был, как он и предвещал, вполне успешным. Границу он пересек, спрятавшись в кузове грузовика. Юнис прожил в Ираке целый год под видом доктора Салмана, ветеринара армянского происхождения. К счастью для Юниса (а также для иракского животного мира), никто ни разу не прибегал к его профессиональным услугам.

Должен признаться, что, несмотря на разрекламированные опасности, поездка в Ирак представлялась мне весьма заманчивой. Согласно семейным преданиям, мои предки поселились в Ираке еще во времена вавилонского царя Навуходоносора, а наша родословная восходит к великому еврейскому мудрецу Гилелю[12], так что фамилия наша весьма древняя. Хотя в те годы в Ираке уже не осталось никого из моих близких родственников, но все же в Багдаде у меня была родня и я еще ощущал связь и с нею и со всей тамошней еврейской общиной. Кроме того, мне казалось, что откликнуться на предложение Рабиновича — мой моральный долг, а потому я сразу решился и пообещал Юнису, что скоро мы встретимся в Багдаде.

Но процесс превращения в секретного агента потребовал гораздо больше времени, чем я ожидал. Начался он с первого визита в штаб-квартиру Мосада в Тель-Авиве. Помню, как был я удивлен и разочарован, обнаружив, что весь Мосад — боевой авангард борьбы против могущественной Британской империи, мозговой центр нелегальной иммиграции со всего мира — размещался в трех тесных грязноватых комнатках. Трудно было поверить, что разветвленная сеть международного подполья, ведущего столь героическую борьбу, может управляться из этой скромной, точнее сказать, жалкой квартирки. Секретарша, сидевшая в первой комнате, направила меня к одному из мужчин, работавших в смежном помещении. Тот, безо всяких формальностей (ни клятвы, ни торжественной вступительной церемонии), кратко сообщил, что, согласно решению Мосада, мне надлежит попытаться достать иракский паспорт.

"Да как же я его добуду?" — вскричал я, обескураженный такой прямотой. Мой инструктор объ-

яснил, что мне следует обратиться к иракскому консулу в Иерусалиме и заявить, что я не имел права голоса, когда моя семья переехала в Палестину, поскольку был ребенком. Теперь же я совершеннолетний и хочу получить иракский паспорт, чтобы вернуться в Багдад.

Итак, день или два спустя, облачившись в выходной костюм киббуцного производства и вооружившись давно просроченным отцовским паспортом, я отправился в иракское консульство, где изложил свою просьбу, старательно выговаривая арабские слова на иракский лад. Однако на чиновника, принимавшего посетителей, мои старания не произвели ровно никакого впечатления.

— Абсолютно невозможно, — отрезал он, дослушав до конца. Но отделаться от меня было не так-то просто, я стал добиваться приема у консула. Тот выслушал меня с подчеркнутым безразличием и после паузы произнес, едва скрывая отвращение:

— Сколько вам лет?

— Двадцать три, — ответил я.

— Когда вы переехали в Палестину?

— В 1934 году, точная дата указана в этом паспорте.

— Это было двенадцать лет назад, — заметил консул весьма недружелюбно, но совершенно точно.

— Да, приблизительно, — пробормотал я в замешательстве.

— Сколько у вас братьев и сестер? — снова спросил он.

— Нас одиннадцать детей в семье. Семеро братьев и четыре сестры, я самый младший.

— Кто-нибудь из ваших братьев и сестер проживает в Ираке? — продолжал допытываться консул. Я молча опустил глаза.

— Все они живут в Палестине?

— Нет, — снова встрепенулся я, надеясь на удачный поворот разговора, — один брат в Индии, один в Японии, один в Америке и один — в Англии.

— Машалла! — воскликнул консул. Эта иракская идиома, особенно популярная среди евреев, означала: "Ну и везет же тебе!". Должно быть, я стал красным как рак, но не проронил ни слова.

— И вам не стыдно являться сюда? — продолжал отчитывать меня консул. — Вы живете в Палестине с детства, вы здесь учились — не хочу спрашивать, что вы делали по окончании средней школы. Теперь вы являетесь сюда и рассказываете мне сказки, будто вы внезапно вспомнили о том, что вы иракец, и хотите вернуться домой?

— Мое решение не внезапно, господин мой, — сказал я. — Мне нелегко живется здесь, я безработный и не могу прокормить себя. Я всегда хотел вернуться в Ирак!

В ответ на сие изъявление моих сердечных устремлений консул снова принялся за чтение разостланной перед ним газеты и я понял, что аудиенция окончена. Но я решил не сдаваться. Я вернулся в приемную и уселся там с твердой решимостью не уходить, пока меня не вышвырнут. Наконец чиновник, с которым я беседовал вначале, проявил первые признаки жизни. "Есть у вас сигареты, чтоб как-то убить время? — спросил он, — какие-нибудь "Плейерз" или "Стейт экспресс"?" Это были в то время самые дорогие марки сигарет.

— Одну минуту, — промолвил я и выбежал на улицу. Купив большую пачку "Плейерз" (пятьдесят штук), я засунул внутрь пятифунтовую бумажку, вернулся в консульство и положил пачку перед чиновником. Подождал, пока он закурит и бросит беглый взгляд на пятерку, а потом не-

брежно спросил: "Когда, по-вашему, будет готов мой паспорт?"

Чиновник поднялся, принес нужные анкеты, попросил четыре фотографии и велел вернуться завтра, "не забыв сигарет".

Пунктуально выполнив его инструкции, я на следующий день стал счастливым обладателем подлинного иракского паспорта, после чего вернулся в свой киббуц, чтобы сдать дела новому секретарю. Мосад, по-видимому, не видел никакой нужды в том, чтобы я проходил какую-то особую подготовку или инструктаж о задачах моей работы в Ираке. Мне предложили пройти один-единственный курс (то ли кто-то подшутил надо мной, то ли просто обладал необузданным воображением) — курс рукопашного боя, что в те времена означало умение пользоваться палкой и ножом. Меня научили прыгать с раскрытым ножом, "подкатываться" под противника, бросать нож таким образом, чтобы он втыкался достаточно глубоко в деревянную доску, как дротик, и еще прочим трюкам, которые вызывали в памяти виденные в детстве приключенческие фильмы, вроде "Али-бабы и сорока разбойников" или "Синдбада-морехода". Скоро я начал сомневаться, предстоит ли мне организовывать нелегальную алию или прыгать с крыш, преследуя по извилистым багдадским улочкам врагов в пышных тюрбанах.

Но если моя профессиональная подготовка, мягко говоря, не отличалась тщательностью, то моральная мотивация укреплялась ежедневно. После удачного завершения рейса "Ханы Сенеш" Мосаду никак не удавалось повторить успех. С Рождества 1945 года до самого июля 1946 года, когда я наконец выехал в Ирак, восемь судов с нелегальными иммигрантами на борту безуспешно пытались достичь берегов Эрец-Исраэль. Все

корабли были перехвачены в открытом море, а их пассажиры — бывшие узники гитлеровских лагерей уничтожения — тут же арестованы и снова отправлены за колючую проволоку. При виде того, как британские солдаты волокли бледных измученных женщин, детей, стариков, а те из последних сил упирались, не желая покинуть корабль, — у нас кровь закипала в жилах. Не зная другого пути смягчить жестокосердных англичан, люди в отчаянии бросали обычные дела и выходили на массовые демонстрации, митинги протеста, объявляли голодовки. А я, внутренне уже готовый к опасной работе далеко от дома, хорошо зная, где мое место и в чем мой долг, — я все еще сидел на чемоданах, сгорая от нетерпения, и ждал.

И вот наконец 22 июля 1946 года. Снабженный 25 фунтами стерлингов и псевдонимом Шаммай (имя главного противника моего легендарного предка Гилеля), я сижу в зале аэропорта Лидда[13] (теперь — Лод). Глаза сами собой шарят вокруг в поисках подслушивающих английских полицейских, пока мы на иврите еле слышным шепотом обсуждаем с братом Элияху, что отвечать на расспросы отца, пока я буду в Багдаде. Из всей нашей семьи только Элияху знал куда и зачем я еду, а на какой срок — тогда вообще никто не мог сказать. Поэтому мы разработали хитроумный план. Во время моего отсутствия Элияху должен был посылать отцу по почте открытки, помеченные датами с равными промежутками, а палестинский штемпель должен был подтвердить, что я в Стране. Вся эта стряпня казалась довольно искусной, пока я сочинял свои обтекаемые послания, но теперь, перед отлетом, меня начали одолевать сомнения. Элияху уверял меня, что все сойдет отлично, — просто я, дескать, раньше никогда не летал, а теперь нервничаю перед отлетом.

Что ж, если и так, продолжались мои терзания недолго. Объявили посадку, и как только я вместе с восемью другими пассажирами оказался на борту маленького самолета "BOAC", черные мысли отступили перед чудесами первого в моей жизни путешествия самолетом: инструктаж перед взлетом, пристегивание ремней, невероятный грохот моторов, запущенных на полные обороты, а потом сам взлет и такое ощущение, будто все внутренности сместились на сантиметр-другой с обычных мест, когда самолет сделал вираж и взял курс на восток. Из иллюминатора я мог теперь видеть наш "могучий" Иордан — узенькую извилистую ленту, в которой, к моему вящему разочарованию, и вода-то была довольно мутная. Тем не менее, взволнованный всем только что пережитым, я ткнул пальцем в стекло и гордо сообщил сидевшему рядом пассажиру: "Это — Иордан!" Сосед мой, истый англичанин по лицу и одежде, бросил в ответ свирепый взгляд, показывая, сколь неуместна моя навязчивость. Он преподал мне первый урок "правил хорошего тона" подпольщика: говорить как можно меньше. Я все еще переваривал порицание, когда самолет неожиданно нырнул в воздушную яму над Иорданом и полет потерял для меня всякую прелесть. Скоро мне пришлось прибегнуть к гигиеническому пакету, чувствуя на себе презрительные взгляды не только своего соседа, но и всех остальных пассажиров.

Скорчившись в кресле, в холодном поту, я весь отдался накатившей на меня волне жалости к самому себе. Чувства мои, если б я мог их выразить словами, вылились бы в долгий, душераздирающий вопль: "И зачем я только в это ввязался?"

Чтобы взбодриться, я решил думать о том, что должно произойти по окончании всей этой пытки,

и сконцентрировался на посадке в Багдаде. И тут у меня вдруг пропала уверенность в надежности иракского паспорта. В конце концов, было достаточно веских причин, чтобы опасаться, что иерусалимское консульство послало в Багдад отчет о моем появлении у них и даже предложило выслать для встречи "почетный караул" в виде отряда полиции. А еще более вероятно, что сразу же по прибытии меня призовут в армию. Как это трогательно, скажут мне, что вы тосковали по родине на чужбине, так трогательно, что теперь вас следует вознаградить возможностью исполнить свой гражданский долг.

Однако, несмотря на все эти страхи, в багдадском аэропорту меня ожидал не ордер на арест, не призывная повестка, а деверь моей сестры Селим Свири, проживший несколько лет в Палестине и вернувшийся в Ирак по семейным обстоятельствам. В доме Селима мы встретились с Юнисом, который отвез меня на нашу общую квартиру и снабдил иракским удостоверением личности на имя Фуада Салаха. Настоящий владелец этого удостоверения незадолго до моего приезда был нелегально переправлен в Эрец-Исраэль. Таким образом, я стал "абсолютно легальным" резидентом в Багдаде, и Юнис сразу же запряг меня в работу.

ВЛАДЫКИ ПУСТЫНИ

Моя первая командировка в Ирак длилась целый год. Приехав в Багдад, я застал там крепко спаянное, преданное идее сионизма подполье, насчитывавшее приблизительно две тысячи человек, преимущественно молодежь. За пределами столицы, еврейское население которой достигало ста тысяч человек, имелось еще около двадцати

подпольных групп — они существовали почти в каждом городе и местечке, где жили евреи. Подполье это действовало в трех направлениях: воспитание молодежи; организация отрядов самообороны, носивших название "Шура"[14]; сеть нелегальной алии. Это последнее отделение было основано в 1942 году, когда в Ирак прибыли первые эмиссары из Эрец-Исраэль. Предусмотрительность, проявленная при организации нелегальной алии, стала очевидной, когда войска союзников покинули Ирак в конце Второй мировой войны и сионистское движение ушло в подполье (в прямом и переносном смысле). Мы даже называли себя "подвальными сионистами", так как большая часть наших мероприятий, от уроков иврита до обучения пользованию оружием, проводилась под землей, в подвальных помещениях, имевшихся почти в каждом иракском доме (люди находили там прибежище от палящего летнего солнца).

В таких подвальных комнатах без окон собирались ячейки нашей организации, человек по десять-пятнадцать, действовавшие совершенно изолированно друг от друга. Чтобы еще более снизить риск провала всей сети в случае ареста одного из участников и не подвергать дополнительной опасности их семьи, каждого знали в ячейке только под его подпольной кличкой. Агенты, приезжавшие из Палестины, работали исключительно с руководящим составом, причем наше местожительство было известно не более чем пяти подпольщикам, и ни один из иракских евреев не знал наших настоящих имен. В соответствии с этими правилами конспирации мы решили также никому не открывать того обстоятельства, что я на самом деле родился в Багдаде. В нашей организации я был известен под кличкой "Амо Юсуф" ("дядюшка Иосиф"), и большинство подпольщиков действительно относилось ко мне как

к дяде или, точнее, старшему брату.

Одной из самых рискованных операций "подвальных сионистов" было налаживание постоянной радиосвязи с Мосадом ле-Алия-Бет в Тель-Авиве. Первые сеансы радиосвязи были проведены еще в 1943 году Малкой Рофе, радисткой из Эрец-Исраэль, переправленной в Ирак под видом английского солдата. Вскоре Малка обучила обращению с весьма примитивной рацией одного из местных подпольщиков по имени Аврахам Мордад. Выбор этот оказался очень удачным: Аврахам был очень старательным, находчивым и, что особенно важно, упорным радистом. Он продолжал работать на нашей "радиостанции" вплоть до роспуска подполья в середине 1951 года. Кроме всего прочего, у Аврахама было непостижимое чутье, позволявшее ему исправлять все возникавшие в рации неполадки, — бесценный талант в условиях подполья. Со временем Аврахам подготовил себе дублера — Элияху Шина. С ними обоими я познакомился в июле 1946 года, вскоре после моего приезда в Багдад.

Когда мы с Юнисом впервые поднялись на чердак, где размещалась "радиостанция", меня обдало удушливым зноем. Единственное окно было наглухо закрыто, и через секунду я почувствовал, что задыхаюсь. С обоих радистов буквально струился пот, но они работали в своих тяжелых наушниках, почти не шевелясь. Рация была похожа на обычный радиоприемник. Аврахам тщательно выстукивал ключом точки и тире; кончив передачу, он, сидя все так же неподвижно, зажмурил глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и стал записывать беспорядочную последовательность букв, которые выстраивались в невразумительные слова. Напротив сидел Элияху и непрерывно помахивал бумажным веером в нескольких сантиметрах от потного лица Аврахама. Я чувствовал себя так,

будто находился в Святая святых Храма, не смея не только пошевелиться, но даже вздохнуть.

Наконец сеанс связи окончился, радисты начали расшифровывать закодированное послание, и я позволил себе прервать молчание, чтобы поздороваться с ними. Ритуал с бумажным веером так изумил меня, что я не удержался и спросил:

— Вы что, никогда не слыхали об изобретении, именуемом "вентилятор"?

— Представь себе, слыхали, — огрызнулся Аврахам. Потом добавил, более мягко: — Прием и так скверный, а если мы включим еще один электроприбор, то просто ничего не услышим.

Начав с такого грубого промаха, я решил не высказываться по поводу другой, смутившей меня детали. Только когда мы с Юнисом уже спускались по лестнице, я заикнулся насчет маленького револьвера, который заметил на столе перед радистами.

— Это действительно необходимо? — спросил я скорее озабоченно, нежели критически.

— Аврахам решил, если произойдет осечка, не сдаваться живым. Может быть, он и прав, — угрюмо ответил Юнис.

Замечание было отрезвляющее и заставило меня острее почувствовать, как необходима осторожность. Но мне надо было делать дело, а потому приходилось бывать в разных местах, видеться с людьми. Еще в Тель-Авиве мы с Юнисом решили, что я займусь вопросами воспитания кадров. Это означало, что я должен работать с руководящим составом подполья, встречаясь с людьми по всей стране. Задача эта была вовсе не простая, ибо приходилось ездить на большие расстояния (по крайней мере, по палестинским стандартам). Правда, по сравнению с Юнисом и другими нашими предшественниками, я пользовался относительной свободой передвижения, мог

посещать все города и местечки, где существовало подполье. Я даже подолгу живал в Басре, на юге страны, и в Киркуке, на севере, стараясь изо всех сил воспитать новое поколение преданных делу активистов.

И все же главным для меня оставалась нелегальная алия. Необходимо было преодолеть двойной барьер (сперва нелегально вывезти людей из Ирака, потом тайно перейти границу Палестины), поэтому тут нужна была удвоенная изобретательность. Увы, канули в Лету те дни, когда для перевозки людей через обширную пустыню, отделявшую Ирак от Эрец-Исраэль, можно было использовать английские военные автомобили. Случалось, арабы — водители гигантских грузовиков, перевозивших товары из различных иракских городов в Хайфский порт, соглашались взять несколько человек, разумеется, за приличное вознаграждение. Маленькие группки олим удавалось отправлять с подложными паспортами, обычно на небольших гидропланах, которые взлетали с озера Хаббания возле Багдада или с реки Шатт-эль Араб в Южном Ираке и садились на Мертвом море. Но это были капли в море, и потому подполье без устали искало новые каналы нелегальной алии.

В 1947 году была предпринята дерзкая попытка проложить новый путь в Эрец-Исраэль. 16 февраля 1947 года шестеро крепких молодых людей вышли из Багдада и под руководством бедуина-контрабандиста отправились в Палестину шестисотмильным путем через пустыню пешком или, в лучшем случае, на ослах. Вспоминая эту историю сейчас, ощущаешь, сколь безнадежна была эта попытка с самого начала. Но тогда мы действительно верили, что при соответствующей подготовке такой переход через пустыню осуществим. Нам даже казалось, что он проложит маршрут ре-

гулярной алие. Кроме того, сам факт, что шестеро молодых людей, которые вовсе не были безрассудными искателями приключений и не имели нужды скрываться от преследования, хотели испробовать этот маршрут, казалось, говорил в его пользу. Итак, мы снарядили их в путь с большими надеждами. Несколько недель от них не было никаких известий. Наши радужные мечты блекли, сменялись отчаянием. Наконец 16 марта мы получили сообщение о том, что все шестеро "рабочих" (кодовое название нелегальных олим) прибыли в киббуц на Мертвом море.

Но если у кого-то из нас еще оставались надежды на установление безопасного пути в Эрец-Исраэль, то радиограмма, принятая на следующий день, рассеяла их напрочь. Шестеро наших ребят добрались до киббуца совершенно изможденными. Им пришлось пережить тяжелейший пеший переход до ирако-иорданской границы, во время которого они несколько раз оставались без воды и пищи, подвергались вооруженным нападениям в пустыне; потом арест в Иордании; наконец, последний участок пути они прошли совершенно самостоятельно, без проводников. "Контрабандист обращался с ними исключительно плохо, а в Аммане вообще бросил их", — сообщили нам по радио. Перед тем, как исчезнуть, он заставил наших ребят подписать письмо, подтверждавшее их благополучное прибытие на место, — чтобы он мог получить причитавшийся ему остаток денег. Но тут они его, по крайней мере, перехитрили: руководитель группы подписался именем Шекер, что на иврите означает "ложь".

По радио нас предупредили, чтобы впредь мы не прибегали к услугам Сабаха. Тот, видимо, и сам понял, что хитрость его не сработала, потому что за деньгами так и не явился.

Хоть у нас и свалился камень с души после

изматывающего ожидания, но настроение было очень невеселое, ведь провал пешего маршрута случился вслед за другой, трагически окончившейся историей. Она началась несколькими месяцами ранее, в конце октября 1946 года, когда мы получили такую радиограмму из Тель-Авива:

"Берману от Арци[15].

Мы ведем переговоры с серьезными партнерами, которые согласны перевезти рабочих Бермана из окрестностей Рутбы. Один из партнеров прибудет к Берману через десять дней. После его отъезда вы получите о нем подробную информацию. Согласованная цена — пятьдесят палестинских фунтов от Рутбы до Арци. Вам следует определить точное место отправки рабочих. В первой попытке примут участие пятнадцать рабочих. Дальнейшая информация следует".

Первой нашей реакцией на эту радиограмму был бурный восторг, так как ей предшествовал поток сердитых писем и радиограмм в Тель-Авив с требованием серьезных действий на фронте алии. К тому времени я находился в Ираке уже почти три месяца, Юнис около года, а алия почти не двигалась. Наше раздражение дошло до такой степени, что несколькими днями раньше я отправил в Тель-Авив радиограмму следующего содержания: "Неужели мы сидим здесь только для успокоения чьей-то совести?" Итак, мы решили, что полученная радиограмма — знак того, что Тель-Авив наконец-то внял нашим уговорам. Во всяком случае, выражение "переговоры с серьезными партнерами" очень обнадеживало. Потом в наши недоверчивые души стали закрадываться сомнения. "Зачем такая таинственность? — спрашивали мы друг друга, — зачем задерживать информацию о человеке, который отправлен к нам, до тех пор, пока он не выедет? Может, все это

просто сказочка, чтобы успокоить нас на какое-то время?"

В письме, пришедшем через несколько дней, содержались некоторые подробности. Какие-то три человека, именовавшиеся "владыками пустыни", согласились "с полной гарантией" доставить олим из Рутбы в Палестину. Какой-то не названный по имени человек, с которым вели переговоры в Стране, "вернулся к Рути, чтобы выправить документы для Бермана". "Рути" означало, конечно, Бейрут, но титул "владыки пустыни" заставлял предположить, что партнер происходил не из Ливана, а из Сирии, ибо ирако-сирийская граница представляла собой обширную безжизненную пустыню.

Все эти "подробности" нас не слишком радовали. К тому же условия сделки, сообщенные в радиограмме, могли представляться перспективными тем, кто вел переговоры, сидя на берегу Средиземного моря; нам же выбор места встречи казался довольно зловещим: Рутба — маленький город в двухстах пятидесяти милях от Багдада, расположен в пустыне неподалеку от пересечения иракской, иорданской и сирийской границ. Естественно, это был важный транспортный узел, где останавливались гигантские грузовики, а пассажиры, путешествующие в автобусах и такси, могли немного передохнуть. Город буквально кишел полицейскими, пограничниками и таможенниками. Кроме того, там не было ни одного еврея. Какой же смысл избирать Рутбу местом встречи еврейских иммигрантов?

Ответ на этот вопрос мы случайно получили от Сами Мориа, одного из наших активистов, который недавно занялся проблемой алии. Сами — быть может, самый проницательный и хладнокровный человек, которого мне довелось знать в жизни. Незадолго до описываемых событий он

разговорился с евреем по имени Элияху Инни из местечка Рамади, расположенного на шоссе Багдад—Рутба. Тот рассказал Сами о своем приятеле, шейхе из Рутбы Абдалле Саиде. Абдалла долгое время прослужил сержантом полиции. Теперь, когда его не слишком блестящая карьера подходила к концу, он не прочь был поиграть в прятки с законом и пуститься в контрабандные операции, причем безо всяких предрассудков касательно клиентуры. Хорошие отношения с полицией, опыт секретной работы и прекрасное знание пустыни обещали ему успех на новом поприще. К тому же Абдалла Саид был всем известен как честный и справедливый человек, на слово которого можно положиться.

Больше Инни ничего не мог сказать, но Сами стал разузнавать дальше и вскоре составил себе довольно четкое представление об Абдалле. Так, он выяснил, что Абдалла Саид высок, смуглолиц, ходит всегда в белоснежной рубахе и элегантной абайе (длинное верхнее одеяние, которое носят мужчины в пустыне), а попадая в Багдад, часто наведывается в новые шикарные кафе на главной торговой улице столицы Ар-Рашид. Ухватившись за эту ниточку, Сами стал посиживать в тех же кафе, подолгу пил сладкий крепкий чай, а иногда позволял себе порцию дандормы — сладкого, как мед, липкого мороженого. Всякий раз, как в кафе входил кто-нибудь, подходивший под полученное им описание, Сами "случайно" оказывался возле и спрашивал — принеся, разумеется, тысячу извинений — уж не является ли господин прославленным Абдаллой Саидом. После многочисленных разочарований одна из таких попыток удалась. Едва имя Абдаллы Саида слетело с его губ, как вместо привычного отрицания Сами услыхал обнадеживающую реплику: "А что вам угодно от Абдаллы Саида?"

— Наш общий друг Элияху Инни просил меня передать этому человеку привет, — спокойно сказал Сами. Тон его, видимо, понравился шейху.

— Друг моего друга — мой друг. Не желаете ли присесть? — ласково проговорил он, указывая на свободный стул. — Что вам угодно пить? — И прежде чем Сами успел ответить, уже хлопнул в ладоши, подзывая официанта: — Два чая!

Быстро оценив собеседника, Сами решил сразу перейти к делу.

— Мой друг Элияху говорил мне, что вы смогли бы помочь в моем деле. Сестра моя недавно вышла замуж, и ее мужу необходимо лечение в Палестине. Но они не могут получить паспорт. Вы же знаете правительственную политику и все эти...

— Мне совершенно безразлично, кто они такие и почему желают уехать, — прервал объяснения Абдалла. — Я готов помочь всем необходимым. К сожалению, однако, я не могу переправить их прямо в Палестину. Я знаю все пути и тропинки из Багдада в Рутбу. Я мог бы доставить их даже до водокачки Н-4 в Трансиордании. В этих местах со мной никто связываться не станет. Но за пределами Н-4 моя территория кончается, а я не из тех, кто обещает то, чего не может исполнить.

В тот день они ни о чем конкретном не договорились. Сами заплатил за чай и ушел из кафе весьма мрачный. Но все же контакт был завязан и обе стороны желали его поддерживать. "Из этого еще может что-нибудь получиться," — сказал Сами, докладывая о встрече. Шейх произвел на него сильное впечатление своим опытом, уверенностью и особенно тем, что прямо сказал, что может, а что — нет.

Теперь, когда на арену выступили таинствен-

ные "владыки пустыни", две эти шестеренки, похоже, должны были сцепиться и сдвинуть дело с мертвой точки. Было ли простым совпадением то обстоятельство, что Абдалла Саид мог доставить людей только до Рутбы, в крайнем случае, до H-4, а "владыки" соглашались переправлять наших "рабочих" на запад лишь из окрестностей Рутбы?

Некоторое время мы гадали об этом, потом вопрос стал казаться сугубо академическим, так как после первой радиограммы и последующего письма об "очень серьезных партнерах" все замолкло. Юнис, который давно уже собирался на побывку домой, решил больше не откладывать и уехал, оставив меня ответственным. Вдруг 15 ноября, когда я уже перестал надеяться на продолжение этой истории, мы получили срочную радиограмму, где мне предписывалось выйти на связь с неким Мохаммедом аль-Кузбари, агентом "владык пустыни", в гостинице "Риджент Палас Отель" и закончить переговоры с ним.

Как оказалось впоследствии, это был сигнал к началу изнурительной игры в кошки-мышки. Почти ежедневно приходили шифровки с требованием найти указанное лицо, а я день за днем попусту рыскал по гостиницам и туристическим агентствам Багдада. Ситуация была не только раздражающей, она становилась откровенно опасной, поскольку Сами успел снова встретиться с шейхом Абдаллой, и мы понимали, что, если не хотим потерять этот канал навсегда, должны начать действовать. Только 1 апреля я смог наконец сообщить в Тель-Авив, что нашел брата Кузбари Аднана и договорился о его встрече с Абдаллой. Сообща они должны были выработать предварительный план (за что мне пришлось выложить тридцать фунтов наличными).

Аднан Кузбари, брат-близнец Мохаммеда, ока-

зался совсем не похожим на почтенного пожилого шейха, которого я воображал, отправляясь в отель. Встретил меня чисто выбритый человек лет под тридцать в отличном, сшитом на заказ костюме. Яркий галстук, такой же платочек, кокетливо выглядывающий из нагрудного кармана, золотая цепочка от часов вьется по жилету, набриллиантиненные волосы — словом, образчик приличной внешности. В голосе — подчеркнутое сознание значительности собственной персоны. Трудно было представить, какое отношение имеет этот франт к пустыне. Однако, когда мы перешли в бар его роскошного отеля (хотя мусульманам и запрещено прикасаться к спиртному), Аднан объяснил, что они с братом сотрудничают с эмиром Фуазом аш-Шаалаком, главой племени Руала, которое, по существу, контролирует всю территорию от Дамаска до иракской границы. Короче говоря, эмир является неоспоримым хозяином пустыни (отсюда и кодовое название Мосада для Шаалана и К° — "владыки пустыни"), Аднан и Мохаммед аль-Кузбари уже много лет находятся на службе у эмира, выполняют при нем, так сказать, обязанности "министров иностранных дел". Семейство Кузбари, продолжал просвещать меня Аднан, — это большой, богатый и разветвленный клан, члены которого занимают ответственные посты во всех сферах сирийского управления, от политики и экономики до армии и промышленности.

О своих связях Аднан готов был распространяться до полуночи. Когда же я попытался перевести разговор на наши насущные задачи и спросил, как он собирается переправить людей из Рутбы в Палестину и куда именно в Палестине, Аднан стал поразительно уклончив.

— Не знаю, о чем конкретно договорился мой брат с эмиром, — процедил он. — Возможно, ва-

ших людей направят через Дамаск или же мы свяжемся с Арабским легионом[16] и тогда их перевезут прямо через Трансиорданию в военных автомобилях, что, разумеется, и короче, и удобнее.

Увидев выражение изумления на моем лице, Аднан объяснил, что они связаны с некоторыми иорданскими офицерами, которые будут чрезвычайно рады извлечь дополнительный доход из факта пользования служебными автомашинами, а за соответствующую мзду офицеры эти готовы продать и мать родную.

— Если их будут переправлять в военных машинах, наши люди должны быть одеты в военную форму? — спросил я.

— Да нет. Им лучше всего надеть бедуинскую одежду.

На этот счет у меня были сомнения. Я хорошо знал, что не всякий, кто надевает абайю, может сойти за бедуина. Я хотел также знать, зависит ли "полная гарантия", обещанная в Тель-Авиве, от того, смогут ли наши люди держаться, как бедуины. Аднан обещал уточнить, обязательна ли бедуинская экипировка, а я 4 декабря сообщил в Тель-Авив, что "братец не слишком сведущ в подробностях операции и это препятствует ведению переговоров". Только в одном вопросе мой партнер по переговорам проявлял завидную настойчивость: он педантично требовал денег. И, надо сказать, эта черта характеризовала его на всем протяжении наших взаимоотношений.

Все же, несмотря на уклончивость моего собеседника во всех вопросах, кроме денежного, несмотря на длительную охоту за ним перед нашей встречей, не было никаких причин сомневаться в том, что сидящий напротив меня человек действительно представлял легендарных "владык пустыни", которые, возможно, решат проблему пе-

реправки нелегальных олим в Эрец-Исраэль. Его рассказы об эмире — настоящем принце, властителе пустынной империи, способны были воспламенить воображение самого трезвого человека. А я, избытком трезвости не страдавший, невольно погружался в мечты о караванах иммигрантов, преодолевающих все препятствия на пути через пустыню к границам Палестины.

После первой встречи с Кузбари я представил его шейху Абдалле и мы договорились, что обе стороны встретятся 8 декабря возле Рутбы для координации действий на местности. Увы, подобно многим другим заранее запланированным встречам, эта тоже не состоялась, причем каждый из участников сваливал вину на другого. "Владыки пустыни" и наш бейрутский связной Гиволи обвиняли Тель-Авив; Тель-Авив метал громы и молнии на Багдад, а Багдад, само собой, возмущался всеми остальными участниками. Существенно затруднял ведение переговоров тот факт, что у нас не было прямых контактов с эмиром и потому все, что нам надо было сообщить ему, приходилось сначала передавать в Тель-Авив, а затем через Бейрут — доверенным Шаалана в Дамаске. Все это создавало разброд, помогало людям уходить от ответственности и объяснять свою небрежность всяческими "недоразумениями".

И вдруг, когда все приготовления стали казаться просто надувательством, эмир Шаалан объявился в Багдаде собственной персоной. Согласно последним сообщениям из Тель-Авива, мы ожидали увидеть его в сопровождении Кузбари и Гиволи. Но эмир объяснил, что те остались в пустыне, хоть мы никак не могли понять, почему. Теперь, оглядываясь назад, понимаешь, что причиной были деньги. Тель-Авив информировал нас по радио, что с Кузбари было условлено

платить по пятьдесят палестинских фунтов за человека, причем деньги должны были быть уплачены по прибытии "рабочих" в Палестину, сверх же того в начале операции нам было приказано выдать Кузбари двести-триста фунтов на расходы. Однако эмир заявил, что Гиволи и Кузбари (оба они, кстати, отсутствовали и не могли опровергнуть слов эмира) договорились о совершенно иной сумме, и потребовал задаток в тысячу фунтов — в противном случае отказываясь от сделки вообще. Мы сдались на эти требования только потому, что эмир одновременно подсунул нам соблазнительную приманку: он, дескать, уже готов переправить первую партию из сорока человек (исключительно мужчин) — а в начале 1947 года такая группа олим означала для нас настоящий прорыв! Наше подполье пришло в движение. Кандидаты на алию — здоровые парни со всех концов Ирака — были собраны в домах нескольких подпольщиков в Багдаде. Им было приказано привезти с собой провизию для путешествия, но мы, со своей стороны, приготовили им контейнер питьевой воды и запас немудреной еды: сушеные финики, соленый овечий сыр, буханки иракского хлеба (самуна), сухие иракские лепешки (ярадок). Руководителем группы был назначен один из самых талантливых вождей иракского подполья Иоэль Шохат. Спокойные манеры и вдумчивое выражение лица Иоэля, из-за которого ему всегда давали больше его двадцати лет, не в последнюю очередь обусловили этот выбор.

Согласно плану, совместно разработанному Юнисом, Абдаллой и Шааланом, Абдалла должен был доставить ребят до водонасосной станции Н-4, а там они должны были пересесть на армейский грузовик, который перевезет их через Трансиорданию до мошава Бет-Иосеф на южном берегу озера Киннерет. Чтобы не везти наших

"рабочих" по шоссе Багдад — Рутба, Абдалла передал их на попечение двух своих лучших шоферов Махмуда и Джумы. Это были законченные волки пустыни, которые не нуждались в такой прозаической вещи, как обычная дорога. Предполагалось сперва ехать на юг до Кербелы, а затем пустынными тропами, известными, по словам Абдаллы, только полицейским и контрабандистам, добраться до окрестностей Рутбы. Здесь их должен был встретить Абдалла и препроводить в объятия эмира.

В 10 часов вечера 7 марта Юнис отправил радиограмму, о которой мы так долго мечтали:

"Арци от Бермана.

Сегодня отправлено сорок. Желаем им благополучия".

Нам казалось тогда, что эти несколько слов — долгожданная награда за непрерывное напряжение последних месяцев. Как мы надеялись, что наши ребята благополучно доберутся до Эрец-Исраэль! Увы, дело обернулось совсем иначе. Прошло четыре дня, а из Тель-Авива не приходило ни слова. Нервы у всех нас были на пределе, и когда на пятый день поступила срочная радиограмма из Тель-Авива, наши радисты записали и расшифровали ее, дрожа от нетерпения, но это была не та радиограмма, которую мы ждали. Сообщалось, что Кузбари приедет в субботу, чтобы забрать сто двадцать "рабочих". Юнис был крепкий солдат, но тут выдержка ему изменила. Ответная радиограмма гласила:

"Арци от Бермана.

Пришла ли партия из сорока? Поэтому ли вы так торопитесь отправить Кузбари еще сто двадцать?"

Потом, видимо, решив, что радиоволны могут не донести до Тель-Авива суть вопроса, Юнис добавил:

"Обилие неясностей в вашей вчерашней радиограмме свидетельствует либо о порочности метода работы, либо о неспособности формулировать радиограммы. И не думайте, что я просто раздражен. Вы действуете мне на нервы, а у меня и без вас забот хватает".

Рассерженный Тель-Авив радировал:

"Порочность методов и неспособность формулировать обсудим как-нибудь в другой раз. Подготовьте партию, даже если это действует вам на нервы".

Как видите, нашу тайную войну не миновали классические распри между штабистами и бойцами на передовой. Однако же, излив в эфир свое раздражение, Юнис не разрешил мучившую нас загадку: что случилось с нашими сорока ребятами. 14 марта Тель-Авив радировал: "Согласно сообщениям Кузбари, рабочие еще не прибыли, поскольку из-за бури они вынуждены были повернуть назад". Мы могли подтвердить, что по пустыне действительно пронеслась сильная песчаная буря: песок и красно-бурая пыль забивали ноздри, жгли глаза, мешали видеть хуже, чем самый густой туман. Машина, которую такая буря застигнет в пустыне, особенно машина контрабандистов, избегающих наезженных дорог, оказывалась в куда большей опасности, чем корабль, застигнутый штормом. Без компаса, навигационных приборов и радиопередатчика такой транспорт становится совершенно беспомощным перед ураганом, проносящимся по пустыне. Молитвы и крики несчастных путников тонут в непроницаемой пелене песка и пыли.

Именно в такую бурю попали наши сорок "рабочих" на третий день пути. Если бы все шло по плану, они достигли бы цели до начала бури, но с самого отправления их преследовали непрерывные неувязки и задержки.

Первая и самая изматывающая была в Кербеле. Как только они выехали из Багдада, Иоэль обрисовал им маршрут. Ребята просто оцепенели от ужаса. И на то были причины, ведь Кербела является святым городом мусульман-шиитов, и евреям, которых шииты считают нечистыми, запрещено входить туда. Своим особым статусом Кербела обязана событиям 680 года, когда в городе были убиты внук пророка Мухаммеда Хуссейн и семьдесят два его ученика. После этой резни последователи Хуссейна откололись от ортодоксального ислама, основали шиитский культ и объявили, что в Кербеле живут души мучеников. Слово "Кербела" ассоциировалось у наших ребят с ежегодным траурным шествием в память Хуссейна, во время которого иракские евреи затворялись в домах и накрепко запирали ворота на засов. Еще детишками они со страхом глядели через щели ставней на бесконечную колонну мужчин в черных траурных одеяниях. При свете факелов было видно, как они, разрывая на груди одежды, бичевали себя до крови цепями, колотили по голове рукоятками кинжалов и сабель и под монотонный гул барабанов оплакивали мученика Хуссейна:

Хуссейн погиб в Кербеле.
Мех с водою лежит там, где он ступал,
И даже птицы в небе
Оплакивают кровь, что святой проливал.

Когда около полуночи грузовик выехал на пустынные улицы Кербелы, сорок наших парней, прижавшись друг к другу и затаив дыхание, считали минуты, пока проедут город. Каково же было их изумление, когда грузовик остановился в самом центре, на базарной площади. Иоэль выпрыгнул из кузова расспросить водителей. Те

сказали, что поскольку дальше их путь лежит по бездорожью через пустыню, бессмысленно выезжать ночью.

— Оставайтесь в грузовике, — приказал Махмуд. — Самое главное, не выходите и не шумите. С рассветом двинемся дальше.

Просьба о соблюдении тишины была излишней, все прекрасно понимали, что́ произойдет, если в пределах Кербелы обнаружат группу евреев. Чем смогут они объяснить свое присутствие в "святом городе"? Уж не заверениями ли, что они здесь проездом в Палестину и никому не причиняют вреда? Само собой разумеется, что кроме учащенного стука сорока сердец в грузовике не слышалось ни звука.

Когда с рассветом грузовик тронулся, ребята с трудом подавили вздох облегчения. К сожалению, мытарства их на этом не кончились и вторая остановка оказалась куда более длительной. Мотор старого перегруженного грузовика сопел и хрипел, с трудом преодолевал песчаные заносы, вода в радиаторе частенько закипала, приходилось останавливаться и ждать, пока она остынет. Во время одной из таких стоянок радиатор потек. Вытекавшая из него вода, красная от ржавчины, тут же впитывалась в песок, а оставшееся кровавое пятно снова вызывало в памяти рефрен траурного песнопения:

"И даже птицы в небе
Оплакивают кровь, что святой проливал".

Махмуд и Джума пробовали было починить радиатор с помощью молотка и ржавой железной проволоки, завалявшейся под сиденьем, но из их попыток ничего не вышло. Тогда они решили снять радиатор. И как раз в этот момент, точно по заказу, появился всадник-бедуин; ему любопытно было посмотреть, кто нарушает спокойствие пустыни. Махмуд решил использовать по-

явление нежданного гостя. После обычного торга они сговорились о цене, Махмуд взгромоздил радиатор на коня и вместе с бедуином направился к шоссе, где рассчитывал поймать попутную машину и вернуться в Кербелу для починки радиатора.

Застрявшие в пустыне путешественники старались развеселить друг друга анекдотами и песнями вокруг костра. Импровизированный лагерь просуществовал почти сутки; только на следующий день около полудня вернулся гордый Махмуд с починенным радиатором, несколькими бурдюками воды, корзиной фиников и самуном. К вечеру радиатор был установлен на место, заполнен водой и успешно опробован. "Лучше нового!" — удовлетворенно воскликнул Махмуд и решил продолжать путь на заре.

Еще не рассвело, когда их разбудил идущий издалека странный звук. Это был тонкий свист, переходящий в вой. Вскоре губы у всех покрылись пылью, а ноздри забило так, что стало трудно дышать. Шоферы велели ребятам залезть в кузов, Махмуд сел за руль и машина тронулась. Махмуд пытался выжать из старого грузовика максимальную скорость, но ехать становилось все труднее, и все труднее было понять, день вокруг или ночь. По тому, что он различал в слабом свете, пробивавшемся сквозь пыль, Махмуд понял, что заблудился. Боясь остановиться, он решил двигаться по кругу, постоянно увеличивая его диаметр в отчаянной попытке нащупать потерянную тропу. Ветер бешено наскакивал на грузовик, брезент над кузовом надулся, как парус при тайфуне.

Поиски продолжались, круги делались все шире, а тропы не было и в помине. Шоферы нервничали, ругательства сменялись пламенными молитвами, и вдруг воспаленные глаза Махмуда

различили согнутую финиковую пальму. Некогда она гордо красовалась среди пустыни, давала плоды, а теперь засохла. Но главное, она позволила Махмуду сориентироваться и найти знакомую тропу. Убедившись, что пальма не мираж, он резко крутанул баранку вправо, чтобы выбраться на спасительную тропу.

Будь груз обычным, маневр наверняка бы удался — как уже не раз бывало в прошлом. Но, к сожалению, Махмуд забыл (или не знал), что живой груз ведет себя, как жидкость, то есть при резком повороте создается центробежный момент и машина теряет равновесие. В результате Махмуд не справился с рулем, грузовик, уже и так накренившийся при крутом повороте, дважды перевернулся и неуклюже застыл на песке, подобно остову гигантского неведомого зверя.

Крики раненых не сразу дошли до сознания тех, кто остался целым и невредимым, — все находились в глубоком шоке. Последствия аварии были поистине ужасающими: двоих ребят задавило насмерть, третий лежал под колесом грузовика в агонии, его таз и ноги были страшно переломаны. Еще трое получили менее серьезные переломы. Ухаживая за ранеными и пытаясь вызволить несчастного товарища из-под колеса, Иоэль вдруг заметил, что Махмуд и Джума исчезли. К концу дня несколько бедуинов, проезжавших мимо места катастрофы на верблюдах, направили потерпевших к воде, которая собралась в углублениях почвы за время зимних дождей и еще не успела высохнуть. Один из бедуинов даже подоил верблюдицу и дал раненым немного молока.

Когда буря улеглась, ребята поняли, что не имеют понятия о том, какой сегодня день. Но что говорить о датах, если их шансы выжить та-

яли с каждым часом. И все же это не изменило их поведения, они продолжали соблюдать дисциплину и берегли последнюю оставшуюся в бурдюках воду для раненых.

Прошло три дня, прежде чем они различили среди ставших привычными звуков пустыни что-то необычное. Сощурившись, они стали напряженно глядеть в направлении странного звука и увидали легкое облачко пыли, которое как будто двигалось к ним. Сперва они подумали, что это мираж — вполне естественно для умирающих от жажды людей. Но постепенно стали проясняться очертания грузовика, он приближался, и вот уже Махмуд и Джума, выпрыгнув из кабины, сгружают бесценные мехи с водой, сушеные финики, ароматный самун. Шоферы были оскорблены, услышав, что Иоэль уже не думал их снова увидеть. "Вы не знаете бедуинов", — проворчал один из них. Затем раненых погрузили на грузовик и поехали к месту аварии. Перевернутую машину снова поставили на колеса и извлекли трупы. Ребята смогли вырыть могилы для погибших товарищей и только теперь позволили себе роскошь оплакать их.

Пустыня поглотила звук рыданий и вернулась к вечному своему спокойствию, песок заносил два свежих холмика. На следующий день, в пятницу 14 марта, когда сгущались сумерки, измученные путешественники прибыли на западный железнодорожный вокзал Багдада. Их встречали те же люди, которые неделей раньше, полные надежд, провожали их в путь. Ребят развезли по домам подпольщиков, вызвали к раненым докторов-евреев. Двоих, несмотря на риск, пришлось поместить в местную еврейскую больницу.

Я в тот момент находился в Басре и внезапно получил срочный вызов в Багдад. Когда наутро, в субботу, мой поезд подходил к вокзалу, я уви-

дел в конце перрона Сами в очках с золотой оправой, без которых он прекрасно видел, в *сидаре* (треугольная шапка, которая стала символом иракского национализма и независимости) и с четками в руках. Увидев, что я приближаюсь к нему, он отвернулся и зашагал прочь. Я молча следовал за ним. Только когда мы подошли к машине, припаркованной в стороне от общей стоянки, и убедились в отсутствии "хвоста", Сами рассказал мне о происшедшем.

Это было тяжелое испытание для всего подполья. Во-первых, мы боялись за боевой дух товарищей. Еще серьезнее была опасность попасть в лапы полиции из-за госпитализации раненых, если кто-нибудь проговорится или просто выдаст. Очень беспокоили и семьи погибших. До тех пор нам удавалось балансировать на грани добрых отношений с родителями парней и девушек, уезжавших в Эрец-Исраэль, — всегда против родительской воли и не поставив в известность семью. Но одно дело, когда домой приходит известие о благополучном прибытии сына или дочери в Палестину или даже о том, что неудавшийся иммигрант арестован и нуждается в помощи, — и совсем другое, когда родители узнают, что сын погиб в пустыне и даже не был похоронен в освященной земле. Поэтому нельзя было предсказать, как поведут себя осиротевшие семьи. Невозможно было также предвидеть реакцию официальных органов еврейской общины, которые имели весьма туманное представление о нашей деятельности.

Когда я встретился с Иоэлем и его товарищами, выслушал из их уст печальный рассказ и спросил, не могу ли чем-нибудь помочь, один из парней скромно сказал: "Амо Юсуф, дай нам обещание, что мы будем первыми претендентами на эмиграцию в Страну. Не наша вина, что мы

провалились, а оставаться здесь мы не хотим".

Я, конечно, пообещал, что они будут первыми в списке и что смогут скоро, возможно, очень скоро выехать. Но, давая это обещание, я и понятия не имел о предстоящих трудностях.

17 марта эмир Шаалан снова появился в Багдаде, видимо, в связи с полученной нами радиограммой о планируемой отправке ста двадцати "рабочих". На сей раз эмира сопровождала целая армия важных советников и телохранителей, вооруженных ружьями и кривыми кинжалами в серебряных ножнах, слуг и поваров. Вереница запыленных джипов, на которых восседало все это воинство, подкатила прямо к дверям фешенебельного отеля "Семирамида", где заказали номера эмир и его приближенные, а остальные сопровождающие разместились в более скромных гостиницах неподалеку. В "Семирамиде" эмир и его спутники чувствовали себя, как в родной пустыне: на полу расстелили ковры, поставили в апартаментах жаровню с углями, а на нее водрузили блестящий медный финджан (кофейник). Появлению столь пышной кавалькады предшествовали слухи (как видно, распространявшиеся с соизволения эмира) о том, будто полиция пыталась воспрепятствовать их въезду в Багдад. Однако оскорбленный такой наглостью эмир, дескать, ответил, что если ему не позволят мирно войти в Багдад, он организует набег и прорвется в город силой. Обескураженные власти отдали полиции приказ пропустить кортеж.

Юнис, Сами и я нанесли эмиру визит в отеле. Должен сказать, что эмир и вправду производил сильное впечатление. У него была внешность восточного принца из сказки: высокий, худощавый, выступающие скулы и полноватые губы под черными усами, смуглое лицо иссечено морщинами от пустынного ветра. Эмир был облачен в белую

куфию (традиционное арабское головное покрывало), скрепленную золотым агалом (вид обруча, удерживающего покрывало на голове), и просторную абайю из верблюжьей шерсти, расшитую по подолу золотом. Когда мы вошли, эмир сидел на ковре, по-восточному подогнув ноги, опершись локтем на груду лежащих сбоку подушек. Перед ним стояло наргиле, и всякий раз, как эмир затягивался из тонкого мундштука, над слоем табака и бурлящей воды вспыхивали угольки.

Встреча началась с официальной церемонии. Войдя в комнату, мы произнесли традиционное приветствие ("Да благословит тебя Аллах добрым вечером"), и эмир ответил, что наш визит делает ему честь. Не успели мы усесться, как эмир хлопнул в ладоши и явился слуга с подносом кофейных чашечек в одной руке и медным финджаном в другой. Кофейная церемония проходила в лучших традициях. Сперва слуга налил каждому по глотку кофе. Мы испробовали горький напиток, одной капли которого было достаточно, чтобы взбодрить человека, затем слуга снова обошел собравшихся и наполнил чашечки доверху. На этот раз мы с шумом втягивали кофе, демонстрируя наслаждение, а потом жестами показали, что больше не хотим. Слуга обносил других гостей, а мы вели с эмиром учтивую беседу о его здоровье, о зимних дождях, о прочих безобидных материях, пока Шаалан снова не хлопнул в ладоши, и тут весь его штат без единого слова удалился. Кроме эмира и нас троих, остался только Аднан Кузбари.

Покончив с церемониями, эмир сразу перешел к делу. Он сказал, что теперь наших людей заберут прямо из Багдада, с западного берега. Он даже согласился взять женщин и детей, заверяя нас, что под его охраной они будут в не мень-

шей безопасности, чем у себя дома. Предложив столь превосходные условия, эмир запросил половину денег вперед.

Юнис возразил, что согласно информации, поступившей из Тель-Авива, по договору все деньги должны быть уплачены по окончании путешествия.

— Муш мумкин! (абсолютно неприемлемо!) — произнес эмир, не входя в дальнейшие препирательства. — Когда вы будете готовы?

Юнис секунду помедлил, взвешивая, стоит ли настаивать на своем. Затем, решив не поднимать больше этого вопроса, ответил: "Послезавтра".

Шаалан казался довольным. "Да пошлет вам Аллах силы", — заключил он встречу традиционным благословением.

"Да пошлет Аллах тебе здоровья", — в тон ему ответил Юнис, после чего мы поднялись и вышли.

Деятельность подполья, еще недавно неприметная и почти сошедшая на нет, теперь пошла в сумасшедшем темпе. Надо было собрать в Багдад сто двадцать человек, разместить их по домам, перевезти их с вокзала через город (в разное время, поскольку они приезжали из различных мест), обеспечить их всем необходимым и — учитывая прошлый горький опыт — заготовить достаточно воды и пищи для предстоящего путешествия. Вся эта работа будоражила, мы перестали предаваться скорби о прошлой трагической экспедиции, у нас просто не было времени. Рация работала непрестанно, так как надо было координировать время и место "отправки груза", а затем информировать штаб о задержке на один день по просьбе эмира. И после всех этих лихорадочных приготовлений 20 марта Юнису пришлось отправить радиограмму следующего содержания:

"Арци от Бермана.

1."Владыки" оставили Бермана вчера в полночь без предупреждения. Мы поддерживали связь с ними до вчерашнего вечера и условились о встрече сегодня утром. Мы не имеем понятия о том, куда и почему они исчезли.

2.Трудно поверить, что своим приездом они преследовали только одну цель — обмануть нас. Быть может, они перессорились между собой или кто-то выдал их и они были вынуждены бежать.

3.В течение этого визита мы заплатили им около 4000 фунтов, кроме уплаченных раньше 1000".

Теперь мы попали в такую переделку, что нам приходилось забросить все остальные дела, лишь бы переправить в Страну десятки прибывших со всего Ирака в Багдад молодых людей — тем или иным способом. Мы старались не упустить ни малейшей возможности. Нескольких человек отправили в Палестину с подложными паспортами, другим удалось за взятку раздобыть подлинные документы, третьих переправили среди груза в кузовах гигантских грузовиков, четвертых доверили подвернувшимся контрабандистам. Но даже когда обстановка немного разрядилась, у нас оставались крупные счеты с "владыками пустыни".

Учитывая сложность стоявших перед нами задач, легко понять, что мы постоянно требовали подкрепления из Страны. К тому же наша маленькая агентурная группа начала распадаться. Юнис, просидевший в Ираке уже более года, вернулся домой. После года жизни в подполье я тоже стал подумывать о возвращении. Оба мы были горько разочарованы жалкими результатами наших усилий. Нам не удалось преодолеть двойного барьера — расстояния и пустыни, отделявших Ирак от Палестины. Мы помогли просочиться в Страну лишь крошечной горстке олим. Нам

казалось, что из-за отдаленности от Эрец-Исраэль мы не можем донести до Мосада своей точки зрения, что нам слишком мало помогают.

На это ежедневно наслаивались стрессы нелегального существования. Не говоря уж о постоянном напряжении и опасности, мы сами наложили на себя обет воздержания и изоляции — не только из соображений безопасности, а просто чтобы не подвергать лишним испытаниям хрупкие отношения с еврейской общиной и не давать повода трепать языком даже своим людям. Скудные возможности связи с домом никак не компенсировали чувства одиночества. Обычной почтой мы пользоваться, конечно, не могли. Когда подступала тоска, нельзя даже было написать домой, в киббуц или Тмиме. Секретная почта по необходимости обязывала к краткости, к тому же секретные сообщения проходили через столько рук, что нельзя было и помыслить об интимной переписке.

Словом, к концу года я настолько измотался, что жаждал вернуться домой при первой возможности. И тут пришла радиограмма, где мне предписывалось срочно вылететь в Палестину. Я даже не спросил, какова была цель поездки, быстро привел в порядок дела и, получив за взятку настоящую, хоть и не вполне легальную выездную визу в своем иракском паспорте, направился в британское консульство, где мне любезно предоставили визу на въезд в Палестину. Соблюдя таким образом все формальности, я взошел по трапу в самолет, умчавший меня в Лидду и, казалось, к нормальной жизни.

Однако Мосад имел в виду нечто совсем иное. Поскольку Юнис твердо решил вернуться к себе в киббуц, меня попросили немедленно отправиться в Багдад и занять его место. Разумеется, я чувствовал глубокую ответственность перед

иракским подпольем, но не мог забыть всех пережитых в Ираке разочарований и трагедий. Это мешало мне спокойно участвовать в бесконечных дискуссиях о прошлой работе и разговорах о планах на будущее, которые велись в Тель-Авиве. Однажды во время бурного обсуждения какого-то малозначительного вопроса я просто встал и пошел к двери. На пороге я обернулся и проговорил: "Счастливо, я возвращаюсь в свой киббуц. Если вы когда-нибудь решите начать серьезную работу, вы знаете, где меня найти".

В архивах Хаганы сохранилось мое письмо, которое позволю себе привести здесь полностью:

"В Мосад 10 августа 1947 г.

Дорогие коллеги!

Поскольку, несмотря на длительные дискуссии и разбирательства, у меня нет надежды исправить положение, я решил, что мне бесполезно продолжать работу в Ираке. Настоящим уведомляю вас, что я решил не возвращаться туда. Сообщите, пожалуйста, об этом нашим людям в Ираке.

Ваш Шаммай."

Оставив это письмо у Моше Кармила, я отправился к родителям, а через несколько дней — в киббуц, не сомневаясь, что навсегда завершил карьеру секретного агента.

"ОПЕРАЦИЯ МАЙКЛБЕРГ"

Вернувшись в киббуц, я, после годичного сидения по подвалам и чердакам, наслаждался работой под открытым небом, под ярким средиземноморским солнцем. Так приятно было доказать кое-кому из скептиков, что я остался хорошим

работником и не утратил киббуцной закалки, хоть и проходил год, как добропорядочный буржуа, в крахмальной сорочке с безупречно завязанным галстуком, в отглаженных брюках и до блеска начищенных штиблетах. Первое задание, которое мне поручили в киббуце после появления "с того света", было необычайно ответственным: я мастерил клетку для двух обезьян, привезенных из Африки одним из членов нашего киббуца, капитаном дальнего плавания. Срок исполнения грандиозного проекта установлен не был, можно было не торопясь возвращаться к нормальной жизни. Но я работал с лихорадочной быстротой, боясь, что, застав меня в перекур, товарищи истолкуют передышку как "отвращение к труду".

— Привет, Шломо, — окликнул меня проходивший мимо киббуцник, — тебе что, отпуск дали?!

— Нет, — отвечал я, не поднимая головы. — Я ушел насовсем. Они там только и делают, что болтают. Здесь, по крайней мере, можно честно работать.

Последняя фраза была произнесена под ритмичный аккомпанемент автомобильного гудка, доносившегося от главных ворот. Мелодию этого сигнала я хорошо знал, она говорила о том, что шофер является сотрудником Мосада ле-Алия-Бет. Украдкой бросив взгляд на ворота, я увидел большой американский автомобиль, за рулем сидел Моше Кармил — невысокий лысеющий круглолицый мужчина лет под сорок, с умными живыми глазами. Моше был одной из ведущих фигур в Мосаде. За его не слишком эффектной внешностью и добродушной улыбкой скрывался настоящий "бульдозер" по натуре — человек, не жалевший для достижения цели ни сил, ни времени. Должность его в Мосаде никогда не была определена формально (впрочем, это относилось и к

другим работникам этой организации), но по существу именно он являлся как бы руководителем Мосада. Этим особым положением Моше был обязан не званию или должности, а обаянию своей личности, вызывавшей любовь, уважение и преданность всех, кто его знал. У Моше был талант утихомиривать разбушевавшиеся страсти. Каким бы праведным гневом ни кипел тот или иной из его товарищей по работе, Моше всегда удавалось успокоить его дружеским участием, теплом, мягким юмором.

Зная обо всем этом, я сразу уразумел, что, дав мне немного остыть на воле, Моше приехал, чтобы расправиться с моим "загибом". Но я вовсе не торопился капитулировать перед чарами Моше, а посему вместо того, чтобы побежать ему навстречу, сделал вид, будто ничего не вижу и не слышу, погрузившись в работу, — пока за моей спиной не раздался шум мотора и звук хлопнувшей автомобильной дверцы. Притворяться дальше не имело смысла, и я обернулся.

— Здорово, Моше, — приветствовал я его с поддельным удивлением. — Зачем пожаловал?

— Приехал проверить, как ты работаешь, — ответствовал он. — Может, помочь?

— Конечно, — ответил я, продолжая изображать, что принимаю его слова за чистую монету. Минут пять мы молча работали вместе, будто единственной целью его приезда было сооружение клетки для обезьян, пока я не почувствовал, что продемонстрировал достаточную степень безразличия или отсутствия любопытства к истинной цели его визита. Тогда я собрал инструменты и пригласил Шломо передохнуть на соседней лужайке. Солнце уже клонилось к западу, жара начинала спадать, подул легкий ветерок, так что сидеть на улице было приятнее, чем где-нибудь в палатке или в бараке.

Потратив пять минут своего драгоценного времени на обхаживание моей персоны, Моше решил без околичностей перейти к делу. Он сообщил, что один из наших американских друзей прислал в Эрец-Исраэль двух необыкновенных парней. "Эти типы утверждают, будто весь мир, от судовладельцев и капитанов до докеров, делает деньги на нелегальной алие — и они, дескать, тоже не хотят отставать". Тон у Моше был шутливый, и я не был уверен, относится ли он серьезно к тому, о чем говорит.

— А что они конкретно собираются предпринять — кроме как выманивать у нас деньги? — спросил я.

— Они были во время войны боевыми летчиками, накопили большой опыт. Судя по полученным нами отзывам, они смелые парни. Но что особенно важно, — продолжал Моше, — у них есть С-46 — большой грузовой самолет, который, по их словам, исключительно подходит для наших нужд. Он может взлетать и садиться на довольно короткой полосе, а помещается в нем пятьдесят человек.

— Ну и...

— Ты же кричишь, что мы мало делаем в Ираке. Мне припоминается гневная речь по этому поводу и письмо об отставке — так что ты теперь свободен. Не хочешь ли провести эксперимент?

Я только чуть приподнял бровь в знак интереса, но Моше безошибочно истолковал это, как свою победу.

— Ты думаешь, возле Багдада есть равнина, где может садиться и взлетать самолет?

— Ну конечно, — ответил я, как будто это положение и не нуждалось в доказательствах, — ведь большая часть Ирака — пустыня, плоская как доска. Никаких сложностей со взлетом и по-

садкой. Гарантирую, что вокруг Багдада найдется не меньше двадцати подходящих мест.

Как оказалось впоследствии, это было весьма далеко от истины, но тогда мне и в голову не приходило, что мое знакомство с предметом, мягко говоря, недостаточно. Учтите, что в 1949 году мне было двадцать четыре года, и вырос я в Стране. Подобно любому из моих сверстников, я был твердо убежден в своей всесторонней компетентности и даже представить себе не мог, что мои личные впечатления нуждаются в проверке и консультации со специалистами. Какникак, у меня был немалый опыт в вопросах аэронавтики: целых два полета (два взлета и две посадки) — в Багдад и обратно. Остается добавить, что такой опыт, по-видимому, казался вполне достаточным и Моше Кармилу, ибо ни он, ни кто-либо другой не подвергал в дальнейшем сомнению мою осведомленность.

— Я рад, что ты готов взяться за это, — сказал он, радостно тряся мою руку и не оставляя пути к отступлению. — Приезжай завтра в Мосад, мы все детально обсудим.

Пока мы возвращались с Моше к машине, воображение мое уже успело разыграться. Я представлял себе огромную стальную птицу, взмывающую в небо с пустынного плато, а поодаль толпу бедуинов на верблюдах, с разинутыми от изумления ртами. Самолет бодро покрывает милю за милей и вот... — тут полет воображения неожиданно оборвался.

"Где сядет самолет в Стране? — спросил я себя. Британский мандат по-прежнему в силе, и въезд евреев в Палестину на любом виде транспорта строго запрещен. Где же кончится мой "подпольный полет"?

— Наши ребята работают в этом направлении, — успокоил меня Моше, — пытаются найти подхо-

дящее поле. А охрану возьмет на себя Палмах.

У меня оставался один невыясненный вопрос. Суть его одновременно страшила и льстила моему самолюбию:

— Скажи, пожалуйста, были ли когда-нибудь в прошлом случаи нелегальной алии на самолетах?

— Нет, никогда, — твердо ответил Моше. — Если из этого что-нибудь выйдет, наш сегодняшний разговор станет историческим. Вот так же несколько лет назад болтали о том, как было бы здорово привозить нелегальных олим морем. А теперь мы уже треплемся о первом самолете — прогресс налицо, правда?

Прощаясь с Моше, я улыбался и обещал, что завтра рано поутру буду у него. Но на следующее утро мне не повезло. Переполненные автобусы один за другим проезжали мимо, ни один не останавливался, чтобы подобрать меня. Когда я наконец добрался до Мосада, всегда приветливая рыженькая секретарша Цафрира сухо сказала, что Моше не мог больше ждать и уехал в Хайфу один.

— Один? — повторил я, гадая, кто должен был сопровождать его. Мне он ничего не говорил накануне о поездке в Хайфу.

— Да, а тебе бы лучше поторопиться, — отрезала Цафрира, — тебя все ждут.

К несчастью, такси, которое я подхватил, сломалось на полдороге. Явившись наконец в Хайфу, я застал Моше и двух других сотрудников Мосада в великом гневе. Они втолкнули меня в машину и мы понеслись по горным улицам Хайфы с сумасшедшей скоростью.

— Ты опоздал, Шаммай! — рявкнул на меня один из них.

— Опоздал! — попытался было я протестовать. — Откуда мне было знать, что я должен ехать в

Хайфу? А потом — автобусы не останавливались, такси сломалось...

— Сейчас не до этого, — перебил Моше, — слушай внимательно. Мы хотим, чтобы ты вылетел в Багдад. Сегодня же ночью. Все уже устроено. Сейчас мы едем в гостиницу "Кармел Корт", где остановились двое американских летчиков. А по дороге надо успеть все тебе объяснить.

Я был ошеломлен. Я и о поездке в Хайфу не подозревал, не то что о Багдаде. Я не получил отпуск из киббуца, ни с кем не попрощался, даже с Тмимой. И потом, я, конечно, жаловался на проволочки, но такая спешка просто смешна. Вчера мы первый раз заговорили об идее с самолетом, а уже сегодня меня хотят отправить в Багдад без всякого предварительного обсуждения всех "за" и "против"... Было от чего прийти в изумление.

— Да как же я могу сейчас ехать? Эта идея возникла только вчера! — выпалил я.

— А ты вспомни наш разговор о прогрессе, — попытался успокоить меня Моше.

Я всмотрелся в его лицо и понял, что он вполне серьезен. Быть может, сейчас представилась такая возможность, которая больше никогда не повторится. И Моше в своем обычном, спокойном стиле бросает мне вызов, зовет подняться над обыденностью, над логикой, страхами, колебаниями — решиться и показать, на что я годен. На несколько секунд я прикрыл глаза, глубоко вздохнул и положился на волю судьбы.

— Ладно, — сказал я, мгновенно отрезвев, осознав ответственность момента. — В чем состоит план?

Инструктаж касался, в основном, цены, о которой условились с летчиками: сто фунтов за

пассажира, всего пять тысяч фунтов. Деньги должны быть уплачены золотом, по прибытии в Эрец-Исраэль.

— А где мы должны приземлиться? — снова спросил я.

— Ты слышал когда-нибудь о Явнеэле? — ответил вопросом на вопрос Моше.

— Конечно, — сказал я, вспоминая пасторальный вид деревушки к западу от озера Киннерет. Я знал Явнеэль довольно хорошо, но не мог себе представить, что общего имеет это нагромождение курятников и скотных дворов с обсуждаемой нами операцией. — Это и есть ваш секретный аэродром? — хихикнул я.

— Нет, — сухо оборвал Моше, — но на окружающей Явнеэль равнине есть ровное и хорошо укрытое место. Ребята наши считают, что оно сойдет за летную полосу. Она уже расчищена от камней и подготовлена для посадки. Когда самолет приблизится, мы зажжем костры по обеим сторонам "аэродрома", чтобы летчикам легче было зайти на посадку и определить направление ветра.

Другой сотрудник добавил, что подразделение Палмаха займет стратегическую позицию на подступах к "аэродрому", чтобы предотвратить появление англичан, пока все пассажиры не выйдут из самолета и не разъедутся по соседним поселениям. Самолет же немедленно вылетит в Рим.

Оставалась еще опасность встречи с английскими самолетами в воздухе, поэтому мне велели рассчитать полет таким образом, чтобы мы сели в сумерки, так, чтобы пилоты сумели разглядеть "аэродром" в последнем свете дня, а все остальное происходило бы уже ночью. Наконец, мне сообщили, что пилотов "четко проинформировали" о том, что я командую операцией и несу полную ответственность за все ее дета-

ли, кроме технических вопросов, касающихся безопасности самолета и пассажиров. Те же правила распространялись на капитанов нелегальных судов, которые подчинялись назначенным Мосадом командирам. Опыт показал, что правила эти жизненно необходимы для успеха, и я был рад, что здесь все ясно с самого начала.

Летчики ждали нас в своем номере. Выглядел он так, будто там только что был погром, — повсюду валялись одежда и обувь. Посреди этого хаоса на полу была разостлана огромная карта Ближнего Востока и перед ней стояли на четвереньках двое жующих резинку американцев. Меня представили летчикам. Пилот-капитан Лео Вессенберг (который, несмотря на такую фамилию, не был евреем), еще тряся мне руку, уже тянул меня вниз, к карте. Потом он взял компас и очертил на карте круг с центром в Багдаде.

— Нас устроит любое подходящее место в радиусе 15 км от Багдада, — провозгласил он.

Все глаза обратились ко мне. А я, несмотря на вчерашнюю похвальбу перед Моше, ничего не мог сообразить. Подавив смущение, я принял задумчивый вид и предложил отложить решение, пока не прибудем в Багдад и не посоветуемся с местными товарищами. А пока нам надо обсудить более срочный вопрос: как я попаду из якобы пустого грузового самолета в Багдад. Но у Моше уже было припасено решение — он извлек из кармана мой иракский паспорт, которым я пользовался в прошлую поездку. С точки зрения британских мандатных властей это был совершенно легальный документ. Но в Ираке ситуация была несколько более щекотливая, ведь выездную визу из Ирака я добыл незаконно. Невозможно было выяснить, заметил ли кто-нибудь в Багдаде несоответствие в бумагах и отдал ли приказ приглядеть за лицом, предъявившим незаконную ви-

зу, буде оно снова появится в Ираке. Оставив свои сомнения при себе, я взял паспорт (у меня не оставалось выбора, если я хотел вылететь в тот же день); мы договорились, что в летных документах я буду числиться членом экипажа — в расчете на обычно поверхностную проверку документов летчиков.

Чтобы дополнить мою новую маскировку, по дороге в аэропорт мы остановились в магазине одежды и купили мне рубашку и брюки цвета хаки, похожие на форму наших летчиков. Таким образом, внешне я почти преобразился в члена экипажа. "Почти" — потому что одну деталь изменить было невозможно. Рост мой, увы, оставался 5 футов 4 дюйма (162 см) и, когда я стоял между двумя дюжими американцами, которые были выше меня по меньшей мере на голову, то зрелище было несколько странным.

Но предаваться сомнениям было некогда. После всех проволочек этого дня мы теперь неслись, обгоняя время. Еще в гостинице у американцев я написал два коротеньких письмеца. В первом, адресованном брату Элияху, я объяснял, что уезжаю из Страны и надеюсь скоро вернуться, но если вдруг задержусь, он должен изобрести что-нибудь для отца и других домашних, как в прошлый раз. Во втором письме, для Тмимы, о причинах отлучки говорилось весьма туманно. Уезжая из киббуца утром, я собирался вечером вернуться, а теперь даже не знал, когда мы снова увидимся. Сообщить в секретариат киббуца я поручил Моше, не сомневаясь, что он все устроит наилучшим образом.

На маленьком аэродроме неподалеку от Хайфы, где стоял наш С-46, капитан Вессенберг отправился предъявлять документы и улаживать прочие формальности, а мы со вторым пилотом Майклом (кроме имени я, кстати, ничего не знал о

нем) пошли прямо к самолету. По дороге Майкл придумал, как спрятать меня от англичан во время проверки самолета, которая в то беспокойное время могла быть весьма тщательной. Под кабиной экипажа в С-46 расположен отсек с переключателями, один из которых служит для запуска пропеллеров. Как только английские чиновники придут проверять самолет, Майкл прикажет мне запустить пропеллеры. "Это произведет должное впечатление и избавит тебя от необходимости отвечать на неприятные вопросы", — объяснял он, и я должен был признать, что он знает свое ремесло.

Скоро Вессенберг вернулся в сопровождении двух английских сержантов. Как только они взобрались в самолет и оказались в пределах слышимости, Майкл отдал мне приказ запустить винты, чтобы сэкономить время. Я мгновенно исчез в нижнем отсеке и, как ни странно, сумел найти нужный переключатель среди множества одинаковых на вид рычагов. Пропеллеры начали вращаться с оглушительным шумом, из хвоста самолета повалил белый дым (летчики заранее предупредили меня, что это абсолютно нормально). После ухода англичан я снова вылез в рубку весьма довольный собой. "Кто знает, — подумалось мне, — может, я рожден пилотом?".

Сержанты армии Его Величества, подняв кверху большие пальцы, дали "добро" на взлет и пожелали удачи. Мои американские коллеги ответили сердечным "о'кей", и самолет на полной скорости помчался по взлетной полосе. Через секунду мы были в воздухе над Хайфским заливом, и тут моя карьера летчика внезапно оборвалась. Я вдруг почувствовал, что задыхаюсь, казалось, будто внутренности выдавливаются из меня через уши. Над головой нависло синее море, а гора Кармел накренилась под невероятным

углом. Я панически вцепился в кресло, все померкло перед глазами, и тут мироздание вернулось к исконному порядку: небо — вверху, море — внизу, самолет летит на восток и чуть-чуть вверх. Было очевидно, что летчики контролируют ситуацию и катастрофа в ближайшую секунду нам не грозит. Просто наш маршрут требовал поворота в 180° и двое бывалых пилотов (или акробатов-любителей) решили слегка сократить расстояние между востоком и западом.

Еще несколько минут я продолжал сидеть молча, сглатывая и глубоко дыша, — просто чтобы прийти в себя. Теперь я окончательно убедился, что летать мне вредно, — в этих чертовых воздушных ямах я терял не только равновесие, но и уверенность в успехе, которую так самонадеянно демонстрировал перед Моше еще вчера. Я ведь летел в Ирак с двумя летчиками, которых увидел впервые всего несколько часов назад. "Их рекомендовали нам друзья в Америке", — сказал Моше, будто это было гарантией их надежности, — на самом же деле мы про них ничего не знали. В лучшем случае, они были бесшабашными авантюристами. Да и сама идея секретной посадки и взлета где-то посреди пустыни стала казаться мне абсолютно нереальной. Что, если летчики не смогут найти место, где мы соберем людей? Что, если самолет сядет в пустыне, а потом из-за какой-нибудь поломки не сможет взлететь? Весь план теперь представлялся каким-то голливудским трюком. Как мог Мосад попасться на эту удочку?

Мысли одна чернее другой кружились в голове. Я снова стал раздумывать про паспорт. Тот факт, что в летных документах я числился членом экипажа, не слишком-то успокаивал. Ведь владелец иракского паспорта в составе американского экипажа — явление достаточно необыч-

ное, вызывающее подозрения. Если меня арестуют, эта парочка, пожалуй, оставит меня гнить в какой-нибудь гнусной сырой тюрьме, где надо мной будут издеваться и морить голодом...

— Вы знаете место под названием Бакба в 20—30 милях к северо-востоку от Багдада? — спросил Вессенберг. Нет, он явно был вылеплен из другого теста, его, по-видимому, совершенно не волновали грядущие беды. — Судя по карте, там есть заброшенный аэродром.

Вопрос Вессенберга вывел меня из задумчивости и заставил заняться предстоящей нам операцией, какой бы головокружительно голливудской она мне ни казалась. Сам я никогда не бывал в Бакбе, но полагал, что внезапное появление в маленьком городишке пятидесяти незнакомцев обязательно вызовет любопытство, а посадка самолета произведет сенсацию и немедленно станет известной всем чиновникам в округе. С другой стороны, не стоило особенно опасаться преследования жалких ВВС Ирака, я был уверен, что в воздухе иракские самолеты будут бессильны причинить нам вред. Поэтому мы решили до посадки в Багдаде пролететь над Бакбой, составить представление о местности. Сделав круг над старым аэродромом, мы увидели, что взлетная полоса завалена мусором и бочками, однако, если их убрать, то использовать ее можно. Но мы заметили, как на шум моторов высыпал из домов народ, и поняли, что, взлетая здесь, привлечем целую толпу любопытных. Поэтому мы направились в Багдад, оставив Бакбу в качестве последнего резерва.

С высоты птичьего полета Багдад выглядит весьма жалко. Приземистые бурые дома из глиняных кирпичей отнюдь не блистали великолепием, а асфальтовые дороги скорее напоминали парковые тропинки. Теперь, в разгар лета, про-

резающий центр города Тигр обмелел, из его мутных, серо-коричневых вод торчали островки, покрытые густой растительностью, — зрелище малопривлекательное. Заходя на посадку, мы решили прибегнуть к той же системе, которой следовали в Хайфе. Вессенберг пойдет улаживать формальности, а мы с Майклом останемся в самолете, занимаясь разными делами, чтобы мне как можно меньше показываться на людях. Чем дольше отсутствовал Вессенберг, тем больше я нервничал. А когда я заметил людей в форме, выходящих из служебного помещения, у меня уже не оставалось сомнений, что сейчас они строем направятся к самолету и арестуют меня. Но они просто стояли себе, видимо, дышали воздухом, а через несколько минут возвратился Вессенберг — один! — с самодовольной улыбкой на лице.

— Иди сюда, — покровительственно прогудел он, помахивая моим паспортом, и презрительно добавил: — Ни одна душа не проявила ни малейшего интереса ни к тебе, ни к твоему паспорту. Они даже не потрудились сделать в нем отметку, так что, с точки зрения иракских властей, тебя тут как бы и нет. Ну что ты стоишь, разинув рот? Пошли скорее, пока они не передумали.

Пока мы шли к зданию аэропорта через пустынный аэродром — такой пустынный, что звук наших шагов по бетону гулко раздавался вокруг, — я решил ехать прямо в дом, где жили наши агенты, поскольку регистрироваться в отеле вместе с летчиками было небезопасно с моим сомнительным паспортом. Мы наняли такси до фешенебельного "Риджент Палас-Отеля" на берегу Тигра и договорились назавтра в девять встретиться за завтраком. Попрощавшись с летчиками, я быстро вернулся к привычкам нормальной жизни, которую бросил всего несколько недель назад. Сперва я неторопливо прошелся по глав-

ной улице Багдада, убедился в отсутствии "хвоста", потом взял извозчика и велел ему отвезти меня в Эль Алавию, один из новых жилых кварталов города. Солнце уже закатилось, жара немного спала, и ехать в открытом экипаже по освещенным фонарями улицам было приятно, спокойно, почти весело.

Извозчик вез меня в район прелестных вилл, где находился дом состоятельного багдадского еврея Менашше Шашу, у которого время от времени живали агенты из Эрец-Исраэль. Предоставляя нам кров, Менашше и его близкие рисковали жизнью, они окружили нас неподдельной любовью, а мы платили им столь же искренней нежностью и благодарностью. Выходя из экипажа, я уже различал знакомые силуэты на открытой веранде. Семейство наслаждалось вечерней прохладой, света не зажигали, чтобы не привлекать насекомых. "Должно быть, едят, по своему обыкновению, холодный арбуз", — подумалось мне. Я решил войти без предупреждения и просто сказать: "Шалом!", — как будто в том, чтобы съездить в Эрец-Исраэль и вернуться обратно не было ничего из ряда вон выходящего. Но по пути мне, к счастью, пришла в голову другая мысль, захотелось разыграть хозяев. Я войду и спрошу на местном арабском диалекте хозяина дома. Пока они разглядят меня в полутьме, я успею их порядком напугать. Случилось, однако, что жертвой шутки стал я сам. Когда я вошел на веранду и произнес низким голосом с соответствующим акцентом: "Господин Шаша дома?" — то, к величайшему своему изумлению, услышал незнакомый мужской голос, который на том же диалекте ответил: "Нет, сударь. Это семейство покинуло дом около месяца тому назад, с тех пор здесь живем мы. Пожалуйста, проходите и окажите нам честь, выпив чашечку кофе".

Приглашение было, как я хорошо знал, продиктовано правилами восточного гостеприимства, а я был так обескуражен неожиданностью, что с большим трудом сумел отказаться в столь же изысканных выражениях. Сперва хозяин дома и слушать не хотел об отказе. Он, видно, принял меня за офицера (не забудьте о моей одежде военного образца!) и желал во что бы то ни стало оказать гостеприимство столь почетному гостю. Но я повторил вежливый отказ более твердым тоном и через секунду очутился на улице. С трудом подавив желание спастись бегством, я зашагал прочь четким шагом, приличествующим "иракскому офицеру". На углу я увидел проходящий автобус и, хотя мы обычно не пользовались автобусами, потому что они были вечно переполнены и "джентльмену" не подобало ездить вместе с простонародьем, решил уехать со следующим — лишь бы поскорее убраться из этих мест.

Позднее я узнал, что семейство Шаша (вместе с проживавшими у них агентами Мосада) просто перебралось в более просторный дом и забыло сообщить об этом в Тель-Авив. Промах был простительный, ведь за всю историю подпольной работы в Ираке никто не приезжал из Страны без предварительного предупреждения и скрупулезной координации всех деталей.

Но тогда, стоя на перекрестке в полном недоумении, я воображал самое худшее и заставлял себя сосредоточиться, чтобы тщательно рассчитать следующий шаг. Наконец я решил обратиться к одному из активистов подполья, Нахману Шину. Его дом стал мне почти родным, все его близкие были глубоко преданы нашему делу. Сестра и брат Нахмана возглавляли молодежные группы, а престарелые родители знали о деятельности детей и одобряли ее, несмотря на грозившую им всем опасность. Именно Шин-старший

встретил меня на пороге дома — встретил удивленно и с радостью, но без единого вопроса. Он был достаточно сведущ в правилах подпольного этикета, чтобы ни о чем не спрашивать.

Сидя на диване в уютной гостиной Шина, я смог наконец с улыбкой вспомнить о визите в дом Шаши. Впрочем, проблема обнаружения их нового жилища оставалась нерешенной. Согласно строгой конспирации, о местопребывании палестинских агентов знало всего трое подпольщиков: двое радистов и координатор алии. Я надеялся, что Нахман вызовет ко мне кого-нибудь из них, но Нахмана не было дома. Его родители думали, что он скоро вернется, но не были уверены. А когда я спросил, не придет ли вечером кто-нибудь из шлихим[17] или мой старый друг Сами, они только недоуменно пожали плечами. И вот, пролетев сотни миль, бросив все на свете ради неотложного задания, я сидел в гостиной Шина и не мог даже связаться с руководителями подполья, а часы неумолимо тикали за спиной.

Наконец около десяти появился Нахман. Он приветствовал меня широкой улыбкой и тоже ни о чем не спросил. Он, слава Богу, знал, где может быть Сами, и бросился за ним. Сами примчался на своем лимузине, и через несколько минут мы уже катили "домой" — в новый дом Шаши, где нас ждал сменивший меня в Багдаде Иерахмиэль (Иерах) Асса. По обычаю багдадцев, мы уселись на крыше. Накалившиеся за летний день дома еще дышали зноем, а крышу обвевал прохладный ветер из пустыни, и там располагались на ночлег все обитатели.

Несмотря на поздний час, хозяйка дома поднялась, чтобы устроить пир в мою честь. Прежде чем я успел произнести слово протеста (впрочем, я знал, что он бесполезен), она появилась с большим серебряным подносом, на котором сто-

ял чайник с крепким сладким чаем и разнообразные домашние яства: серповидные пирожки самбусаг с начинкой из соленого овечьего сыра или рубленого мяса; засахаренный миндаль; круглые пирожные бааба с тертыми финиками. А поскольку с завтрака я ничего не ел, все эти деликатесы в сочетании с ночной прохладой и спадом напряжения привели меня в состояние блаженства. Я невольно представил себе все роскошные кушанья, которыми так часто баловали нас у Шаши: ароматные свежеиспеченные пшеничные лепешки, горы дымящегося риса, баранья вырезка под чудесным соусом цугини, очищенные огурчики в большой фарфоровой миске (к слову, огурцы в Ираке считаются фруктами), сладкие розовые арбузы...

— Что с тобой, амо Юсуф? — услыхал я скорее укоризненный, чем озабоченный вопрос Сами и осознал, какое идиотское удовольствие изобразилось у меня на лице. Марсела Шаша удалилась, оставив нас одних за столом. Я тряхнул головой, чтобы прочистить мозги, и стал чуть слышно (в целях конспирации, а также чтобы не тревожить отдыхающих хозяев) объяснять собравшимся, почему я внезапно вернулся и что намерен делать. Даже в темноте было видно, как тревожны их лица. Да и я не скрывал своих опасений по поводу осуществимости нашего плана: посадить самолет в пустыне, взять пассажиров и вылететь в Палестину — все при идеальной координации и полной секретности.

— Ты, по-видимому, пришел к заключению, что самое безопасное — вообще ничего не делать, — заметил Сами со своим обычным сарказмом.

Тогда я решил поделиться идеей, которая пришла мне в голову, когда мы с летчиками шагали по аэродрому.

— Разумеется, есть простейшее решение —

взлететь с аэродрома, — произнес я, следя за тем, как вытянулись лица моих собеседников. Они, наверное, подумали, что по дороге в Багдад я слегка повредился в уме. — Не забывайте, — процитировал я один из лозунгов подполья, — дерзкая операция под носом у врага подчас безопаснее, чем любые хитроумные уловки.

Разжегши таким образом любопытство товарищей, я, в качестве преамбулы, описал наше одинокое шествие по аэродрому, упомянув, что охрана выставлена только у главных зданий аэропорта и возле самих самолетов. Потом, как бывалый летчик, я перечислил все этапы взлета: как самолет выруливает к началу взлетной полосы, разворачивается, останавливается на несколько минут для разогрева двигателей и затем на полной скорости мчится по полосе и отрывается от земли. В конце взлетной полосы никаких строений обычно не бывает — по-видимому, предосторожность на случай, если самолету не удастся вовремя остановиться при посадке или оторваться от земли при взлете. А раз нечего сторожить, то там нет и часовых. Полицейский или какой-нибудь чиновник может подняться в самолет для проверки до того, как этот самолет вырулит на взлетную полосу, но на самой взлетной полосе вряд ли кто-нибудь станет проверять его. Другими словами, если нам удастся погрузить людей в самолет, пока он разогревает моторы, в конце взлетной полосы под прикрытием оглушающего шума и слепящего света головных огней самолета, — то проблема решена. Конечно, это потребует безупречной согласованности действий, и людям придется лежать неподвижно, прижавшись к земле, пока не подойдет самолет и мы не найдем способ незаметно перевести их к концу полосы. Короче, первоочередная задача — тщательно изучить аэропорт.

— Поехали прямо сейчас, — предложил Сами. — Полет все равно будет ночной, так что нам стоит хорошенько рассмотреть аэродром ночью.

Еще чашка кофе — и мы в автомобиле Сами. Было уже за полночь, мы пронеслись по центральным багдадским улицам, всегда таким оживленным, а теперь пугающим непривычным безлюдьем, пересекли Тигр и покатили на запад по шоссе, ведущему к аэропорту. Не пытаясь въехать в ворота, мы проехали к северному краю летного поля и вдоль него до северо-западного угла, самого удаленного от ворот. Однако вскоре мы убедились, что попасть на аэродром с этой стороны не так уж просто.

Сами остался в машине с включенным мотором, а Иерах и я направились к ограде. Луна уже зашла, оставив нас в кромешной тьме. Мы шли по вспаханному полю, вдалеке были разбросаны шатры бедуинов. Приближаясь к аэропорту, мы одновременно подходили к ним и вскоре почувствовали резкий запах — бесспорный признак близости бедуинского лагеря. Запах этот возникает оттого, что в палатках по обычаю жгут сухую траву и розы. Теплотворная способность такой смеси колоссальная, но и количество дыма — тоже. Шатры и одежда бедуинов пропитываются этим специфическим запахом так сильно, что даже в разгар лета можно определить стоянку бедуинов на большом расстоянии.

Но если наши ноздри уловили классический "аромат" бедуинов, то их собаки почуяли нас. А эти изнуренные, искусанные мухами дворняги, известные своей трусостью, не имеют себе равных по громкости лая. Издалека почуяв малейший посторонний дух, они пускаются в апокалипсический вой. Стоит же одной такой солистке залаять, как к ней немедленно присоединяются собаки со всего лагеря.

Итак, вокруг нас поднялся столь оглушительный лай, что стало совершенно ясно: провести с этой стороны пятьдесят человек абсолютно невозможно. Придется искать другой подход. Когда мы вернулись в машину и рассказали Сами о результатах разведки, он проявил неожиданный оптимизм: "Результаты все же обнадеживающие. Конечно, в этом углу полно собак, но, самое главное, что подобраться ночью к аэродрому нетрудно".

И он был прав. Мы не наткнулись ни на одного полицейского или чиновника, мы кружили вокруг аэродрома более часа и никто не обратил на нас ни малейшего внимания, несмотря на собачий хор.

— Теперь нам надо приехать сюда днем и хорошенько изучить местность, — продолжал Сами. — А завтра ночью снова устроим проверку.

Мы вернулись в дом Шаши незадолго до рассвета, забрались на крышу и растянулись на постелях. Но заснуть я уже не мог. Одолевали мысли, заботы, планы. А вскоре предутреннюю тишину прорезал возглас муэдзина "Аллах акбар!" ("Аллах велик!"), оповещавший правоверных о рождении нового дня и призывавший их к молитве. Правда, на нашей крыше никто не шевельнулся, а я все так же продолжал прокручивать в голове бесконечные планы и расчеты.

Внезапно раздался громкий стук в дверь. Поднялась паника. Первым инстинктивным побуждением было — спрятаться. Но спрятаться на открытой крыше негде. Стучали все настойчивее, наконец хозяину дома пришлось отозваться.

— Кто там? — крикнул он.

— Я, — отвечал мужской голос. Мы все мгновенно успокоились. Дело в том, что в Багдаде по интонации, с которой произносится это единственное слово, можно определить, является говорящий евреем или арабом. На этот раз гово-

ривший был, несомненно, евреем. Менашше Шаша пошел вниз отпирать дверь, и через несколько секунд по лестнице уже взбегал раскрасневшийся от возбуждения наш радист Элияху Шин. Увидев меня, он застыл на месте с расширенными от удивления глазами.

— Ты уже здесь? — воскликнул он в полнейшем замешательстве. — А я бегу сюда со срочной радиограммой о том, что ты вылетаешь. Вот, посмотри! — И он помахал в воздухе листком бумаги, точно кто-нибудь хотел усомниться в его словах. Потом прочел:

"Берману от Арци.

Шаммай вылетает к вам сегодня самолетом, чтобы взять пятьдесят рабочих. Он прибудет к вечеру и все объяснит".

— Лучше поздно, чем никогда, — утешил я его и стал объяснять, что шифровка была составлена, когда я вылетал из Хайфы. Действительно, радиограмма была помечена вчерашним днем. Но так как сеансы радиосвязи проводились только раз в сутки, утром, то не было возможности отправить ее раньше. В Тель-Авиве тоже обратили внимание на эту проблему: вскоре поступила радиограмма, где нам предписывалось обеспечить круглосуточное дежурство у радиопередатчика в продолжение операции. И все же запоздалая шифровка оказалась небесполезной: неожиданный стук в дверь вызвал у нас такое волнение, что мы сразу и окончательно проснулись. Холодный душ, быстрое бритье — и вот мы уже готовы к предстоящему трудному дню. За завтраком Сами перечислил первоочередные задачи.

Прежде всего, проблема сроков. Поскольку речь шла о крупной партии олим, было крайне важно (для поддержания боевого духа подполья), чтобы в нее вошли люди со всей страны, а это займет сутки или двое. В то же время я пони-

мал, что мы не можем долго держать самолет в аэропорту, не возбуждая вопросов, поэтому чем скорее мы вылетим, тем лучше. Было утро четверга, а Сами рассчитал, что все члены группы смогут прибыть в Багдад не позднее полудня в пятницу — если, конечно, мы успеем их всех вызвать. Поэтому я назначил ориентировочный срок отлета на вечер пятницы и велел начать собирать людей немедленно.

Перед нами стоял еще один важнейший вопрос, от решения которого зависела не только судьба данной партии олим, но и все будущее "воздушной алии". До сих пор нелегальная иммиграция из Ирака происходила при участии местных арабов: водителей грузовиков, полицейских, чиновников, работающих на таких стратегических постах, как пограничные пункты, паспортный контроль, аэропорт. Они помогали нам за деньги, и мы им хорошо платили. Но на этот раз тайна была слишком важной, чтобы доверить ее кому-нибудь со стороны, — ведь никакая сумма денег не оградит нас от доносчиков в столь крупной игре. Поэтому всю операцию надо было провести исключительно своими силами.

К концу завтрака основные направления работы были намечены, и мы с Сами поехали в отель к американцам. Прибыли туда к девяти, как и было условлено. Однако, войдя в холл гостиницы, я не увидел летчиков. Не было их и в столовой. В конце концов я обнаружил американцев в их номере — спящими. Они явно провели вчерашний вечер более приятно, чем я, потому даже пронзительный крик муэдзина не нарушил их сладких снов. С трудом удалось мне разбудить их. И пока бравые пилоты, пошатываясь, направлялись в душ, я с удивлением заметил, какой разгром сумели они учинить в комнате за столь короткое время. Чтобы скрасить долгое ожидание, я при-

нялся просматривать их личное имущество: паспорта, бумажники, чековые книжки и все прочее, что удалось найти в карманах, открытых сумках, под кроватями. Таким образом я выяснил некоторые подробности, знание которых могло оказаться небесполезным в будущем. "Хоть эти американцы и классные пилоты, но в разведывательных делах они — несомненные профаны", — подумал я.

Завтрак превратился в небольшое пиршество, протекавшее неспешно и с наслаждением, — для Вессенберга и Майкла, конечно. Я же был сплошным комком нервов: боялся, что ожидающий меня в машине Сами привлечет к себе внимание, что его спросят кого он ждет или еще о чем-нибудь в том же роде. Пока мои сотрапезники насыщались, я развивал перед ними идею о взлете с аэродрома и рассказывал о нашей ночной экспедиции. Вессенберг слушал без особого интереса, но между двумя глотками все же заметил, что, разрабатывая план, необходимо учесть некоторые технические моменты. Например, надо знать, какая именно полоса используется для взлета. Кроме того, место, где самолет будет разворачиваться (и брать на борт незаконных пассажиров), зависит от направления ветра. И хотя Лео согласился проверить, в какую сторону обычно дует ветер около полуночи, он все же неохотно расставался с идеей взлета с какой-нибудь ровной площадки в пустыне.

Наконец мне все же удалось вытащить их из-за стола, усадить к Сами в машину и мы тронулись в аэропорт. При дневном свете он выглядел совсем не так устрашающе, как ночью. Мы свободно въехали в главные ворота, Сами, как всегда, остался в машине, а мы трое вошли в здание аэропорта, небрежной походкой шагая мимо полицейских, служащих, уборщиков. Потом

каждый занялся своим делом. Вессенберг пошел к руководителю полетов выяснить административные и технические детали отлета, а мы с Майклом повернули в сторону самолета, стоявшего в конце полосы. Пока Майкл занимался проверкой техники, я попытался как можно точнее зарисовать аэродром. Сидя в высокой самолетной кабине, я хорошо видел все летное поле, оцепленное колючей проволокой, перебраться через которую, впрочем, не составляло особого труда.

Но меня ждал весьма неприятный сюрприз: вдоль всего южного края летного поля располагался военный лагерь. Со своего наблюдательного пункта я хорошо видел многочисленные бараки и палатки, кишевшие солдатами. С западной стороны аэродрома шла земляная насыпь, на гребне которой тоже стояли военные палатки. Я понял, что размещенные там солдаты, видимо, охраняют находящийся неподалеку дворец регента. Все аэродромные строения: здание аэропорта, полицейский участок, таможня, ангары, мастерские и т.п. — находились на восточной стороне летного поля, рядом с главными воротами. Наконец, с севера проходила узкая дорога, по которой ехали мы прошлой ночью, с шатрами бедуинов и голосистыми собаками. Я нанес на план также главную летную полосу, идущую от здания аэропорта на запад и доходящую почти до военного лагеря.

Вернувшись из диспетчерской башни, Вессенберг сообщил дополнительную информацию. С основной взлетной полосы можно было взлетать в любой час дня и ночи. Вессенберг уже предупредил администрацию, что он, возможно, отбудет в субботу после полуночи. Я показал Лео свой план летного поля и предложил сгруппировать наших людей в дальнем конце главной полосы. "По-моему, годится, — сказал Майкл, обычно

предоставлявший разговаривать Вессенбергу. — Давайте пройдемся туда и поглядим, как все выглядит с того конца".

Мы заперли дверь кабины пилотов и пошли по бетонированной полосе. Такое шествие по главной артерии аэродрома среди бела дня было не слишком предусмотрительным поступком, но шагая между двумя могучими американцами я испытывал приятное, хоть и не вполне оправданное чувство безопасности.

— Видишь, куда я смотрю? — спросил Вессенберг, когда мы приближались к концу полосы.

Как мог я не видеть? Прямо перед нами стоял бетонный наблюдательный пункт, вроде тумбы. Подойдя совсем близко, мы разглядели двух человек, растянувшихся в тени этого невысокого сооружения и безмятежно похрапывающих. "Вот так-то!" — подумал я, весь план летит к черту, но вдруг я заметил нечто странное: спящие, которых я принял было за утративших бдительность часовых, были в гражданской одежде. Неужели это просто двое прохожих, нашедших клочок тени для полдневного сна? Это следовало немедленно выяснить. Не сказав ни слова моим спутникам, я шагнул к тому из спящих, который был ближе, и, пнув его ногой под зад, закричал по-арабски как можно более грозно: "Спите тут вместо того, чтобы стоять на посту? Да эти иностранные летчики отдадут вас под трибунал за то, что вы не охраняете их самолет!"

— Эфенди, не сердитесь на меня, я не часовой, — отвечал он со сдерживаемой обидой.

— Тогда что ты тут делаешь? — прорычал я.

— Мы работаем на дороге недалеко отсюда и устроились тут немного отдохнуть.

— А где часовые?

— Здесь нет часовых, эфенди.

— Не говори глупостей! Для чего этот пост,

если не для часовых?

— Да он остался со времен войны. Теперь часовых тут не ставят.

— Даже ночью? — спросил я, следя за тем, чтобы фраза звучала возмущенно, а не вопросительно.

— Нет-нет, даже ночью. Истинная правда, эфенди, вам не за что сердиться на нас.

После того, как я передал летчикам содержание этого разговора, мы продолжили прогулку к краю взлетной полосы. Теперь мы увидели, что насыпь, отделяющая аэропорт от палаток дворцовой стражи, закрывала от них конец взлетной полосы, так что мы могли идти вдоль забора в направлении главной дороги незамеченными. Плохо выстроенный забор осел в землю недалеко от конца взлетной полосы, и нам оставалось лишь чуть-чуть пригнуть колючую проволоку, чтобы перебраться через заграждение. Мы немного постояли, стараясь запомнить все подробности, потом прогулочным шагом направились в сторону аэропорта — никто так и не обратил на нас ни малейшего внимания.

Влезая в раскаленную как печка машину, я предложил объехать аэродром снаружи и дополнить мой план местности. Но летчики уже утомились и начали капризничать. Я сдался и попросил Сами отвезти нас обратно в отель. Где-то на полпути Вессенберг пожаловался, что у него пересохло в горле, а когда я не понял намека, он напрямую спросил, нельзя ли остановиться "выпить чего-нибудь холодненького и желательно покрепче". Я объяснил, что в мусульманском Багдаде алкогольные напитки продают только в ночных клубах и отелях для иностранных туристов. Нам все же удалось найти киоск, где продавалось пиво, но выскочивший из машины Сами обнаружил, что оно теплое. Тог-

да, вспомнив, что американцы большие охотники до льда, наш изобретательный водитель попросил лед и, кинув в кружки по нескольку кубиков, стал медленно лить туда пиво, потом, гордый, поднес кружки американцам. Но Вессенберг, едва взглянув на импровизированный коктейль, весь налился кровью и разразился тирадой о примитивных идиотах, гнусной дыре и т.п. — я не все понял, но даже те перлы его красноречия, которые дошли до меня, я не решился бы воспроизвести на бумаге.

Сами владел английским хуже меня, а то бы он тоже мог загореться — напряжение, усталость и дикая жара начинали действовать на всех. К счастью, он просто обалдел от неожиданности и молча наблюдал за бушующим американцем, которого я и Майкл пытались утихомирить.

Я мягко попросил Сами вылить пиво, и мы продолжали путь к отелю. Вессенберг оскорбленно молчал. Мы не говорили о дальнейших планах, не обсуждали других вариантов, но мне уже было ясно, что мы вылетаем с аэродрома. До двенадцати часов ночи пятницы оставались считанные часы и тысяча разных забот.

Мы стали заниматься одновременно многими вещами: перевозкой кандидатов в Багдад, подысканием пристанища для иногородних, связью с Тель-Авивом. Среди всей этой суеты я вдруг усомнился в том, можно ли полагаться на свидетельство растерянного работяги, что ночью нет часового. Ведь мог же появиться солдат, полицейский или просто парочка влюбленных. Все эти, вполне возможные, осложнения вели к одному неизбежному выводу. До сих пор у нас было непререкаемое правило: не заниматься оружием. Незаконное бегство из страны само по себе являлось достаточно серьезным преступлением, не стоило отягощать его еще и незакон-

ным хранением оружия. Но на этот раз, если нас поймают при попытке использовать самолет для нелегальной алии большой группы людей, последствия все равно будут однозначными: виселица на багдадской улице. Если же мы будем вооружены, то сможем обезвредить злополучного свидетеля или, по крайней мере, задержать его, пока не взлетим, и если нужно, прихватить с собой, а в Стране наши люди уже решат, как с ним быть.

Я поделился этими мыслями с Иерахом и Сами. Они выслушали молча, не желая брать на себя решение в столь ответственном деле.

— Мы все равно назначим на сегодняшний вечер срочное совещание командиров Шуры́, — сказал Иерах. — Давайте обсудим это с ними.

Его предложение было разумным, но отложив принятие окончательного решения, я чувствовал себя очень неуютно. Мы снова склонились над планом аэродрома, стараясь вникнуть в каждую деталь. Скоро нам стало ясно, что необходимо узнать наверняка, существует ли подход к концу взлетной полосы со стороны главной дороги. Выяснить это можно было только на месте.

Мы снова влезли в машину Сами и двинулись к аэропорту. Увидев летное поле, мы продолжали медленно ехать по главной дороге, пока не добрались до западной оконечности военного лагеря. Тут Сами развернулся, так же не спеша поехал вдоль северного края лагеря и остановился недалеко от того места, где он граничил с аэродромом. Теперь перед нами расстилалось все летное поле. Тут мы Иерахом вылезли из машины, перешли дорогу, спустились к подножию насыпи и пошли вдоль нее, держась к ней очень близко.

— Если мы кого-нибудь увидим, то просто остановимся и повернемся пи́сать, — сказал я,

словно полагая, что эта поза спасает от всех бед. Иерах молча кивнул — так что мое предложение было, наверное, не лишено смысла. Дойдя до того места, куда подходила взлетная полоса, мы остановились, чтобы проверить заграждение из колючей проволоки. Потом, как следует разглядев конец взлетной полосы и проход в заграждении, пошли обратно, взобрались на насыпь и сели в машину. На все это ушли считанные минуты, из военного лагеря нас никто не заметил.

— Ну? — спросил Сами, выжимая сцепление.

— По крайней мере, тут нет собак, — ухмыльнулся я, но по выражению моего лица он понял, что я доволен результатом похода. — Теперь у нас есть четкий план действий.

Когда наша машина подъехала к дому Нахмана Шина, нас уже ожидало двенадцать парней. Все они были руководителями подполья или отрядов вооруженной самообороны. Они не знали, почему их вызвали на срочное совещание. Мое появление было встречено возгласами изумления — никто из них не подозревал, что я в Багдаде. Даже этим дисциплинированным ребятам понадобилось время чтобы успокоиться, и учитывая их возбужденное состояние, я решил пока что не посвящать их во все детали плана. Я сказал лишь, что мы начинаем серьезную операцию, связанную с алией, и нам потребуется десять автомобилей, причем водителями должны быть самые способные бойцы, хорошо владеющие револьвером. Эти люди должны бросить все свои дела и с середины завтрашнего дня до момента роспуска всецело посвятить себя подпольной работе.

Первая реакция слушателей обеспокоила меня. Я ожидал, что они молча кивнут и отправятся исполнять приказ. Вместо этого я услышал кри-

ки протеста, все хором требовали, чтобы операция была возложена на них самих. Сперва я и слышать об этом не хотел: в случае ареста этих людей сионистскому движению в Ираке придет конец — а на такой риск я идти не мог. Мы довольно долго препирались. Ребята доказывали, что другого выбора нет, так как осталось слишком мало времени. "Ты сам всегда говорил, что командир должен лично возглавлять любую операцию, — кричали они, — а теперь утверждаешь, что мы не должны подвергать себя опасности". На какое-то мгновение я подумывал даже, не отменить ли весь план, но под конец сдался: приказал им найти десять хороших автомашин, заполнить баки горючим и встретиться снова в три часа завтра. Все же борьба меня очень разволновала, ведь теперь ставки в нашей игре резко возросли.

К тому времени, как Сами повез меня после бурного совещания в то кабаре, где мы должны были встретиться с летчиками, я уже начинал ощущать последствия бессонной ночи и проведенного в беготне по знойной пустыне дня. Войдя в ворота кабаре, я оказался в другом мире. Размещалось кабаре в розовом саду, между окружающими его деревьями были протянуты гирлянды разноцветных лампочек. Нежный аромат цветов и свежеполитой травы (ее поливали, чтобы смягчить сухой зной августовского дня) наполнял воздух. В атмосфере всего этого великолепия я почувствовал себя измотанным и неопрятным. Увидев двух летчиков, расположившихся перед бутылкой бренди, я подсел к ним, заказал пиво и постарался настроиться на более легкомысленный лад — хотя бы внешне. Пытаясь отвлечь внимание пилотов от дебелой исполнительницы танца живота, я стал рассказывать им о том, что проник на аэродром со стороны главной

дороги, что в нашем распоряжении будут десять автомашин и что Тель-Авив требует от нас точного времени взлета, — все это приходилось почти кричать, на фоне сиплой навязчивой музыки.

— Отлично! — вскричал Вессенберг, кажется, действительно впечатлившийся сказанным, — ну, а как насчет денег?

— Полный порядок. Тель-Авив подтвердил, что сразу по прибытии вы получите всю сумму золотом.

Танцовщица прекратила извиваться, музыка стихла. Я был и доволен и обеспокоен этим — по крайней мере, при шуме такой какофонии меньше опасности, что подслушают. В наступившей тишине я стал оглядывать посетителей. Когда мой взгляд вернулся к Вессенбергу, я увидел, что он внезапно протрезвел.

— Ты, должно быть, шутишь, — выпалил он. — Мы условились, что получим деньги в Багдаде, перед взлетом. Если ты хоть на секунду воображал, что мы повезем ваших людей без предварительной оплаты, то забудь об этом, приятель!

— Тут, наверное, какое-то недоразумение, — попытался протестовать я, хоть и удивляясь, каким образом стороны могли не понять друг друга при столь четко сформулированных условиях. — Наши люди поняли, что вы получите наличные после прибытия. Они уже приготовили всю сумму в золотых монетах, как вы просили. И неужели вы думали, что я могу добыть золотые здесь?

— Ну нет, — возразил он, как будто поймав меня на какой-то махинации. — Нет денег — нет полета! — Он даже попытался подвести логическую базу под свое упрямство: — Мы договорились, что если не сумеем посадить самолет в том месте, где нас будут ждать ваши люди, то приземлимся на одном из официальных аэродромов, высадим пассажиров и побыстрее смоемся

оттуда. Кто же тогда заплатит нам наши денежки?

Я уверял его, что он может на нас положиться, что мы переведем деньги, куда он скажет, но он только качал головой.

— Послушай, — сказал он наконец не допускавшим возражений тоном, — мы вылетаем завтра ночью, с вашими пассажирами или без них. Здесь мы задерживаться не можем. Самое большее, на что мы можем согласиться, — это получить здесь деньги в банкнотах и поменять их на золото после посадки в Палестине.

Я сидел, как оглушенный. Неужели же теперь, по такому поводу рушится весь план? Неужели эти кондотьеры собираются просто смотать удочки и оставить меня ни с чем? Кроме позорного фиаско с алией и удара по местному подполью, это означало, что я могу на неопределенный срок завязнуть в Ираке. Вспоминая свое восторженное изумление по поводу быстроты развертывания операции, я теперь задним числом злился на спешку, с которой все было кое-как обтяпано. Мне даже подумалось, что мои товарищи в Мосаде не слишком сильны в английских идиомах. Бог знает, о чем они хотели договориться и о чем договорились на деле.

Время подходило к одиннадцати, когда я попросил Вессенберга не двигаться с места, пока я буду пытаться добыть деньги. Потом я бросился к машине, рассказал все Сами и сказал, что готов на свою ответственность заплатить летчикам, независимо от того, какие условия были выработаны в Хайфе. Вопрос состоял в том, сможем ли мы достать требуемые 5000 фунтов за завтрашний день.

Сами скептически сдвинул брови:

— Может быть, часть денег, но не всю сумму.

— Тогда идите в банк и снимите деньги, даже

если придется залезть в личные счета наших людей, — вскричал я.

— Дело в том, что завтра пятница, — нетерпеливо напомнил Сами, — большинство банков закрыто. — Действительно, Ирак все же мусульманская страна, как я мог забыть?

Я поморщился от собственной глупости и готов уже был признать себя побежденным. Но Сами предложил, чтобы я вернулся в кафе и развлекал американцев, пока он попытается проверить, какую сумму можно собрать за сутки.

— Сделаю все, что смогу, — пообещал он, но тон у него был не слишком оптимистичный.

За столом вместе с летчиками уже сидели ослепительно вульгарные красотки, они пили, хихикали и любезничали с помощью нескольких ломаных английских фраз. Я присоединился к веселой компании, но, как легко поймет читатель, я был в ту ночь не в ударе. К счастью, когда дамы удалились и Вессенберг спросил о деньгах, Сами уже успел вернуться и сообщить, что может собрать половину суммы — 2500 иракских динаров. Но Вессенберга это не удовлетворило.

— Все или ничего, — сказал он.

Его упрямство вынудило меня испробовать другой способ.

— Ладно, — вздохнул я, показывая, что потерял всякую надежду смягчить его. — Если вы опасаетесь, что в Палестине возникнут сложности, я готов дать вам личную гарантию. Обычно я не смешиваю дела организации с собственным бизнесом, но поскольку я уверен, что это простое недоразумение, то сделаю исключение, — заливал я с уверенностью, рожденной отчаянием.

— Какие гарантии вы можете представить? — скептически спросил Вессенберг, но было видно, что он попался на крючок.

— Я выпишу чек на недостающую половину суммы, и, если вам не заплатят целиком и полностью в двухнедельный срок, вы можете предъявить его к оплате.

— Вот это лучше, — сказал Вессенберг с удовлетворенной ухмылкой, но вдруг лицо его вытянулось. — О каком банке идет речь и куда я смогу вложить чек?

— У меня счет в "Кемикл бэнк", в Нью-Йорке, — бессовестно врал я.

— Вот здорово! — заорал Вессенберг, — у меня счет в том же самом банке!

Итак, не зря я рылся в их манатках. Надо ли говорить, что двадцатичетырехлетний киббуцник без гроша за душой впервые узнал о существовании "Кемикл бэнк" нынешним утром. Название это оказалось магическим: между нами сразу установилась особая близость — как-никак клиенты одного банка. Оставалось, однако, выписать чек. Хлопая себя по карманам, я изобразил крайнюю растерянность.

— Скверно. — Боюсь, что при мне нет чековой книжки, — отчаянно прошептал я.

— Не беда, — успокоил меня Вессенберг, как старого приятеля. — Я дам вам один из моих чеков, а вы укажете номер вашего счета.

Как и следовало ожидать, я просиял и протянул ему руку с чувством истинного облегчения. Он поднял стакан в мою честь, я ответил тем же. Когда я предложил выписать чек в машине, подальше от любопытных глаз, Вессенберг охотно согласился.

В машине начался странный ритуал. При свете вессенберговского "ронсона" я исправил номер счета и выписал чек на 10000 долларов. За мной неотступно следили три пары глаз, но рука у меня не дрожала, даже когда я увенчал сей фальшивый документ своей подписью. Капи-

тан Вессенберг внимательно проверил чек, сложил его и удовлетворенно сунул в карман.

— Ну, чего вы тянете? — весело обратился он к Сами, который собирался завести машину, чтобы доставить их в отель. — Пора в путь.

* * *

Утром в пятницу у нас возникло чувство, что дело уже раскручивается само собой и назад пути нет. Я ощущал пустоту в том месте, где должен находиться желудок, и не мог даже помыслить о еде. Пока мои друзья завтракали, я нашел себе тихий уголок и попытался сосредоточиться на всем, что еще оставалось уладить, тщательно записывая все мелочи, которые могут потом оказаться жизненно важными. Например, я велел Сами объявить пассажирам, что им не разрешается брать с собой никаких чемоданов и узлов.

— Чего ты жадничаешь? — спросил Сами. — Их вещи не потянут самолет вниз.

— Дело не в этом. Руки у всех должны быть свободны, чтобы быстро забраться в самолет, — ответил я. — Кроме того, продвигаясь к взлетной полосе, им следует держаться за руки, чтобы никто не заблудился в темноте. Могут надеть на себя сколько угодно одежды, но руки пусть будут свободны!

Много времени заняло инструктирование водителей и охраны. Я назначил взлет на 3.30 ночи по багдадскому времени и приказал водителям подъезжать с интервалом в пять минут. Каждый из них должен высадить своих шесть-семь пассажиров на главном шоссе, на стыке аэродрома с военным лагерем. Потом машина проедет еще несколько километров на запад, развернется, снова подъедет к "стыку" и будет ждать до взле-

та — на случай, если придется срочно эвакуировать людей. Кроме того, я вменил шоферам в обязанность вбить в голову своим пассажирам, что дверцами хлопать нельзя! В ночной тиши такой звук привлечет к нам всех солдат из военного лагеря. Мы знали по календарю, что луны быть не должно. Когда, подъезжая к зоне операции, водители погасят фары автомобилей, они останутся в полной темноте, поэтому я распорядился, чтобы шоферы несколько раз проехали по намеченному маршруту при дневном свете и приглядели ко всем изгибам и выбоинам на шоссе.

Наконец, вопреки нашей обычной установке не сообщать олим заранее, каким видом транспорта они будут переправлены в Страну (во избежание утечки информации), на этот раз я решил не только подробно объяснить им план, но и попытаться по возможности прорепетировать все действия. Иначе могли возникнуть сложности при переходе с шоссе на взлетную полосу или даже паника, когда ребята увидят идущий прямо на них самолет. Кроме всего прочего, им надо было потренироваться: отработать ходьбу пригнувшись к земле и научиться влезать в самолет с хвоста, не попадая под пропеллеры.

Я все еще долдонил эти инструкции, когда в комнату стали входить подпольщики, назначенные для охраны операции. Среди них я с радостью увидел Шнеура, активиста из Киркука. Он привез в Багдад группу из девяти ребят с севера, в которую входила и его семнадцатилетняя сестра.

— А бабушку ты тоже захватил? — крикнул я через всю комнату. Шнеур ответил широкой улыбкой, а остальные удивленно глядели на нас, не понимая, в чем соль шутки. Полгода назад я провел месяц в Киркуке и жил в доме Шнеура.

Киркук — маленький городишко, поэтому приходилось соблюдать конспирацию и условия были не слишком шикарные: работал я обычно в погребе, куда не имели доступа даже домашние. Во всяком случае, так я думал, пока в один прекрасный день не отворилась скрипучая дверь и вниз, осторожно ступая, сошла хрупкая старушка. Я хотел было спрятаться, но глаза наши встретились, прежде чем я успел что-либо сделать. Впрочем, прятаться от бабушки и не стоило. "Шалом", — спокойно произнесла она, и я понял, что она отлично осведомлена обо мне.

— Я слышала, ты собираешься увезти мою внучку в Иерусалим. Так вот, я хочу тебе сказать, что это несправедливо. Она еще молода, ей всего шестнадцать, и если она не уедет теперь, у нее еще будет другой случай. А у меня осталось уже мало времени, и если ты меня теперь не заберешь, я покину этот мир, не увидев Иерусалима. Пожалуйста, — просительно прошептала она, — позволь мне ехать вместо внучки.

Я попытался как можно мягче объяснить, почему не могу исполнить ее просьбу, подчеркивая трудности путешествия и не говоря об опасности, чтобы не испугать старушку; но она осталась тверда в намерении попасть в Святой город. После долгих уговоров она наконец сдалась, но заставила меня написать ей благословение четкими еврейскими буквами (хоть я и пытался убедить ее, что не имею права на это, поскольку я не раввин). Получив полоску бумаги, она аккуратно сложила ее и засунула в головной платок, где хранила другие такие же благословения, потом молча поднялась и стала взбираться по лестнице. Но на верхней ступеньке она обернулась и сказала на прощание:

— Молодой человек, я буду следить за внучкой, и когда ты позовешь ее, я тоже поеду с ней!

На сей раз бабушка Шнеура не явилась, но воспоминание о ней на несколько секунд помогло снять напряжение. Шнеуру я предложил участвовать в охране экспедиции, и он с готовностью согласился. Потом все члены группы охраны сгрудились вокруг меня, и я показал им план местности. Переправив всех олим через провал в заграждении, сопровождающие должны были растянуться вдоль забора для охраны, а двое из них подсадить ребят в самолет.

— Что, если мы наткнемся на солдат? — нерешительно спросил один из моих помощников. Вопрос был хоть и неприятный, но существенный, его неизбежно надо было продумать.

— Нам надоело вечно уклоняться от борьбы, на этот раз надо действовать — и будь что будет, — твердо сказал Шнеур.

Увидев, как энергично поддакивают остальные, я согласился, что если нам встретятся один-два человека, мы обезвредим их и будем продолжать операцию по плану. Если же в начале операции мы столкнемся с целым воинским подразделением, то люди должны быть распущены и операция прекращена — я подчеркнул, что это приказ. Только в том случае, если ребята уже начнут забираться в самолет, надлежало довести операцию до конца любой ценой. Тогда охрана должна постараться не пропустить солдат к самолету, а затем тоже взобраться в него и лететь с нами.

Весь оставшийся день мы отрабатывали детали, снова и снова подчеркивая необходимость осторожности и дисциплины. Произошел тут и один комичный случай, впрочем, я был в слишком сильном напряжении, чтобы оценить юмор ситуации. В какой-то момент появился Элияху Шин с радиограммой из Тель-Авива. Это был ответ на ранее посланный мною отчет. Элияху молча пе-

редал мне шифровку. Я прочел:

"Шаммаю от Арци.

Повторите летчикам, что о деньгах беспокоиться нечего. Они будут уплачены сразу после посадки. Зона очищена от камней и обозначена, как мы условились. Если придется приземлиться в другом месте, мы вышлем деньги на любой указанный ими адрес. Объясните им, что они имеют дело с честными людьми. Постарайтесь убедить их. Не давайте ничего вперед. Если они откажутся вылетать на этих условиях, покажите им половину денег, но ни при каких обстоятельствах не передавайте им в руки, пока не приземлитесь на месте. Помните, что вас пятьдесят человек, а их только двое..."

Я не знал, смеяться мне или плакать. Можно еще было понять благодушный совет убедить летчиков, что мы честные люди, но как прикажете трактовать слова о том, что нас пятьдесят против двоих? Может быть, мы все должны навалиться на двоих пилотов и предоставить самолету лететь самому по себе? Или Мосад ожидал, что я благополучно доведу самолет до места назначения? В этот момент я осознал, что эти чувства слишком ясно читаются на моем лице, внезапно вспомнил Вессенберга, вопящего на Сами, и постарался овладеть собой. Сейчас неподходящее время пикироваться по поводу радиограмм. Закусив губы, я написал на обороте краткий ответ: "Отправление в 3.30".

Последний сеанс инструктажа начался около полуночи, уже на месте. Сперва мы с Сами заехали за Шнеуром. У каждого из нас был в кармане револьвер. Потом мы отправились в "Риджент Палас-Отель" за летчиками. По дороге в аэропорт я вытащил пачку банкнот, в которой было 2500 динаров, добытых Сами, и протянул ее Вессенбергу.

— Подержите их пока у себя, — кивнул он.

— Вы не хотите даже пересчитать деньги? — спросил я, озадаченный столь джентльменским поведением Вессенберга.

— А чего беспокоиться? Разве вы не помните, что у меня ваш чек в кармане? — с сардонической усмешкой ответил он.

Тут уж и я заулыбался — кажется, первый раз за день.

Сами высадил нас на шоссе, но не стал ждать, а поехал на запад, согласно инструкции для водителей. Молодой месяц освещал нам дорогу, вокруг стояла такая глубокая тишина, что услышав, как зашелестели деревья под случайным порывом ветра, наши пилоты кинулись на землю. Мы со Шнеуром помогли им подняться и заставили дойти до конца взлетной полосы, чтобы осмотреть место, где ничком будут лежать наши люди.

— Смотрите, не задавите их, — напомнил я Вессенбергу, он что-то буркнул в ответ. Когда мы снова повернули к дороге, я указал Шнеуру наблюдательный пункт, не дававший мне покоя, и попросил его проверить, не появится ли там часовой.

— А если появится? — спросил Шнеур.

— Убей его, — прошипел я, удивляясь, что мог произнести такое. — Нет, лучше оглуши и оттащи к концу взлетной полосы. Может, мы заберем его с собой.

Возвращались в город молча, никто уже не был способен шутить, нервное напряжение нарастало. Довезя летчиков до гостиницы, мы быстро распрощались с ними и напомнили, что в два часа за ними придет машина. Потом мы снова поехали в аэропорт, и снова дважды прошли весь маршрут, на этот раз с прикрывающими операцию подпольщиками. Потом один из них остался у пролома заграждения, а остальные вместе со мной

сгрудились у подножия насыпи, ожидая машины. Снова наступила давящая тишина, луна зашла, мы стояли в полной темноте. Казалось, мы ждали уже годы, когда послышался легкий шум и на горизонте появилась двигающаяся на нас темная масса. Подошла первая машина с потушенными фарами. Пока ребята вылезали из нее, у меня ныло сердце — я боялся услышать стук закрываемой двери. Но ничто не нарушило тишины, пока не послышался шум набирающего обороты двигателя, и машина отъехала. Поймав чью-то руку, я повел первую шатающуюся вереницу к взлетной полосе. Остальные группы прибывали одна за другой точно, как часы. Все, кроме последней. Она все не показывалась, и невозможно было ничего поделать. Тем временем на противоположном конце взлетной полосы наш С-46 строго по графику включил головные огни и начал медленно подруливать к нам. Самолет приближался, становился все больше, надвигался на нас, и я чувствовал, как вместе с ударами сердца дрожит все мое тело. Наконец самолет достиг конца бетонной полосы и развернулся, чуть не раздавив пару ребят, лежавших чересчур близко. Слава Богу, они знали, что их ожидает, иначе неминуемо поднялась бы паника.

Теперь самолет стоял к нам хвостом — его головные огни были направлены на контрольную башню, винты вращались на полную мощность, создавая оглушительный грохот. Этого я не учел: ведь я распорядился, чтобы каждая группа подходила к самолету, когда я назову ее номер, но в этом адском шуме ничего невозможно было услышать. Я стал бегать взад-вперед, подзывая каждую группу жестами, направляя ребят к узкому трапу, спущенному с самолета, следил за тем, чтобы они входили в дверь сзади и не попадали под пропеллеры. Последняя группа так

и не появилась, но ждать мы не могли. Я знал, что ее должен был доставить Сами, и это заставляло меня волноваться вдвойне: если Сами опаздывал, наверняка случилось что-то страшное. Тем больше было причин взлетать немедленно.

Когда последний из ребят залез в самолет, я еще раз оглянулся на вершину насыпи, ясно прочерченную на горизонте. И увидел приближающуюся машину. Высунувшись из дверцы самолета, один из парней бешено жестикулировал, зовя меня подняться. Я понимал, что летчики, видимо, торопят его закрыть дверь. Может быть, они, в свою очередь, получили из командно-диспетчерского пункта запрос о причинах задержки. Теперь, вспоминая всю эту историю, я сознаю, что в столь ранний час никакой особой спешки, наверное, не было. Но в тот момент я не в состоянии был логически анализировать положение. Вместо того, чтобы подняться по трапу, я стал тыкать пальцем в направлении медленно приближающейся к нам группы. Но парень, звавший меня, не мог ее видеть с самолета и продолжал призывно махать руками. Эта пантомима продолжалась еще несколько секунд, которые показались мне часами, пока первый из членов опоздавшей группы не добрался до трапа. Я почти затолкал оставшихся ребят в самолет и стал карабкаться по трапу. Сверху, широко улыбаясь, протягивал ко мне руки так долго меня звавший парень.

И тут я вспомнил о пистолете, который остался у меня в кармане. Обернувшись, я убедился, что Шнеур еще внизу, соскочил с перекладины трапа и всунул ему в руку пистолет. Я уже поворачивался назад к трапу, когда он крепко обнял меня и прокричал прямо в ухо: "Амо Юсуф, приезжай снова!" Высвободившись, я в послед-

ний раз пристально взглянул на стоявшего рядом рослого парня и — может быть, это было просто следствием поднятого пропеллером песка — но, клянусь, я увидел слезы в его глазах.

Опомнился я только тогда, когда мы уже были в воздухе. Некоторое время я сидел молча, прислонившись к перегородке, стараясь успокоиться под убаюкивающий гул моторов. Потом снова принялся за работу: пошел в кабину, успокоил ребят и наконец спросил, отчего задержалась последняя группа, которую вез Сами. Шуламит (в будущем жена Сами) объяснила, что дорогу загородил караван верблюдов, объезда не было, и Сами пришлось просто ждать, пока караван пройдет. Я представил себе, как нервничал Сами перед этим верблюжьим заслоном, и от души пожелал ему поскорее узнать, что все обошлось.

Посадка наша (она описана в начале книги) прошла быстро и гладко: ни английских войск, ни перестрелки, ни иных сюрпризов. Когда самолет остановился, я выпрыгнул первым, за мной — двое летчиков. Встречали нас сотрудники Мосада, один из них держал на виду сумку с золотом. Он сразу же протянул сумку Вессенбергу, но я встал между ними и потребовал назад свой чек.

— К чеку на такую сумму нужно относиться серьезно, — провозгласил я.

— Вы совершенно правы, — согласился летчик и протянул мне аккуратно сложенный чек с выражением непритворного раскаяния. — Сожалею о нашей размолвке.

Я сердечно пожал ему руку.

Ребята рассаживались по машинам, а я подождал, пока Вессенберг и Майкл снова забрались в кабину, потом поднял вверх два больших пальца, показывая, что все в норме. Летчики запус-

тили винты и подготовили самолет к старту.

— Шаммай, нам пора убираться отсюда, — окликнул меня один из коллег. Идя к машине, я подумал, увижу ли когда-нибудь снова этих двух американцев, и отчего-то возникло у меня такое чувство, что для меня это только начало.

ЛИВАНСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

На следующее утро, отоспавшись за все бессонные ночи, я с трудом вылез из постели и поехал в Тель-Авив, чтобы представить отчет об операции и отпраздновать успех. По дороге я решил изменить порядок действий и начать с празднования, а посему отправился в кафе, неподалеку от Мосада. Усевшись в тени за уютным столиком, я принялся вкушать первую за несколько дней спокойную трапезу, одновременно перелистывая газеты, чтобы узнать, что происходило в мире с прошлой среды.

В те дни начинало обозначаться политическое решение запутанной палестинской проблемы, газеты ежедневно сообщали о том, что большинство членов специальной комиссии ООН по Палестине склонялось к разделу страны на еврейское и арабское государства. Стычки между Хаганой и английскими властями становились все более частыми и ожесточенными, но гражданское население гораздо больше страдало от кровавых столкновений между евреями и палестинскими арабами. Жестокость этих столкновений говорила о том, что в стране, по существу, началась гражданская война; в иные дни газетные заголовки сообщали о десятках убитых и раненых. На каждое нападение арабов евреи отвечали нападением, неудивительно, что почти ни один день не обходился без жертв.

Но несмотря на беспрестанное кровопролитие на улицах городов и сел Палестины, самые крупные газетные заголовки были по-прежнему посвящены нелегальной алие. Пассажиры корабля "Эксодус-1947", в ответ на запрет английских властей высадиться в Хайфе, объявили голодовку, за ходом которой следил весь мир. И несмотря на это, их отправили в Гамбург, входивший в английскую зону оккупации. Насильно возвращать евреев, переживших Катастрофу, в Германию — это был поистине верх бесчувствия и цинизма. Ничто, кажется, не могло привести палестинских евреев в большую ярость, чем эта охота могущественных военно-морских и военно-воздушных сил Великобритании за беззащитными иммигрантскими кораблями — ничто, разве, пожалуй, усердие английских полицейских и солдат, которые гонялись за пассажирами этих кораблей, точно за дикими зверями, толкали их, волокли, избивали и, наконец, депортировали в лагеря на Кипре или даже в Германию. Читая обо всем этом, я быстро растерял блаженно-самодовольное настроение, с которым уселся за завтрак, заплатил по счету, бросил газеты и, перескакивая через две ступеньки, поднялся в штаб Мосада.

Пять дней назад Цафрира встретила меня грозой. Сегодня она снова была мила и приветлива:

— Где ты пропадал, Шаммай, мы уже начали беспокоиться о тебе?

Я мимикой изобразил состояние полного изнеможения, но решил на всякий случай не упоминать, что по дороге завернул в кафе.

— Мы получили радиограмму от Бермана, — продолжала она, — что после операции не было никаких нежелательных последствий. Могу добавить, что и здесь все гладко. Чистая работа.

Входя в кабинет Моше Кармила после такой

увертюры, я, вполне естественно, считал, что меня ожидает похвала, одобрительные похлопывания по спине, краткий панегирик, а может даже и тост в мою честь. Но Моше, будто чувствуя неуместность штампов и поверхностных славословий после всего мной пережитого, только пожал мне руку, сказал "молодец" — и тут же перешел к делу, поскольку наша "чистая работа" подготовила почву для новых планов.

Прежде всего в Мосаде поняли, что использование самолетов для нелегальной алии весьма перспективно. Несмотря на успех первого полета, мы отдавали себе отчет в том, что метод этот весьма рискованный и неясно, сколько времени можно будет им пользоваться. Но покуда существовала возможность тайных рейсов, их можно было использовать очень эффективно, причем не только для алии. Нашим изобретением уже заинтересовались ответственные за добывание оружия для Хаганы. А пока надо было придумать какое-либо кодовое название таких операций. Официально они стали именоваться "Крылатая алия", но в письмах и телеграммах Мосада мы называли секретные полеты "Операция Майклберг". Слово это, составленное из имен Лео Вессенберга и его второго пилота Майкла, увековечило американских летчиков в истории борьбы Израиля за алию.

Другим следствием первой "Операции Майклберг" было мгновенное окончание моей личной войны с Мосадом. По молчаливому соглашению обеих сторон мое письмо об отставке было предано забвению, сооружение клетки для обезьян в киббуце доверено более достойному товарищу, а я стал ежедневно ездить в Тель-Авив, проводя большую часть дня в совещаниях и консультациях, чтении отчетов и телеграмм, а главное — в подготовке второго тура "Майклберга". И вот,

когда я уже начал скулить по поводу своего превращения в перебирающего бумажки аппаратчика, Моше Кармил сказал, что хочет со мной кое-что обсудить за стаканом чая. Забросив наживку, он дал моему любопытству хорошенько созреть. Когда я вошел к нему в комнату, Моше вытащил из ящика письменного стола коробку печенья, потом взял перочинный ножик и стал методично чистить яблоко, бросая срезанную кожуру в свой стакан. Потом нарезал очищенное яблоко тонкими ломтиками, разложил их на салфетке, а несколько кусочков опустил в стакан.

— Хочешь? — предложил он, указывая на салфетку.

— Спасибо, нет, я лучше займусь печеньем, — ответил я.

Завершив кулинарные приготовления, явно доставлявшие ему огромное удовольствие, Моше вытер руки, блаженно отпил из стакана и спросил: "А не хотел бы ты проехаться на каникулы в Ливан и Сирию?"

Моше умел подать новость — сперва убаюкает почти до зевоты, а потом резким ударом чуть не собьет с ног. Но на этот раз я усилием воли не дал себе выказать удивление и небрежно спросил:

— А в чем дело?

— Если хочешь ехать, я тебе расскажу, — продолжал дразнить меня Моше. Но заметив, что я хмурюсь, откашлялся и стал объяснять. Как было известно всем в Мосаде, одного из наших людей, Акиву Файнштейна, арестовали в Ливане и приговорили к шести месяцам тюрьмы за незаконную переправку евреев в Палестину. В момент ареста Файнштейн предъявил фальшивые сирийские документы, поэтому после отбытия срока в Ливане его выдали Сирии, где он должен был предстать перед судом по обвинению в подделке сирийского удостоверения личности.

Моше хотел позаботиться о том, чтобы у Файнштейна был хороший защитник, особенно учитывая тот факт, что наш агент в этом районе, Гиволи, должен был скоро уехать, а замену ему еще не подготовили.

— Но я-то тут при чем? — недоуменно спросил я. Мне такое задание представлялось неким отходом от работы на главном для меня, иракском фронте. — Если его судят, то что я могу для него сделать? Или мне просто дается понять, что ничего более практического ты мне предложить не можешь? Не стоит напрягаться. Я буду рад вернуться в киббуц.

Моше поглядел на меня с упреком.

— Иногда ты меня просто поражаешь, Шаммай. С каких это пор помощь товарищу в беде — пустяковое дело? Ты же прекрасно знаешь, что ради спасения своих агентов мы не пожалеем ни усилий, ни денег, пойдем на любой риск, что такие задания поручаются лучшим людям — людям, известным своей инициативой и находчивостью.

Он немного приостановился, давая мне переварить воздействие кнута и пряника.

— Я хочу, чтобы ты нашел способ увидеться с Акивой, узнал, чем можно ему помочь, выработал вместе с ним линию защиты на суде, проинструктировал его адвоката. Это для нас задача первостепенной важности и, надеюсь, ты возьмешься за нее.

К тому же, пока ты там, тебе представляется возможность поразмыслить о возобновлении алии из Сирии и Ливана — в последнее время она практически сошла на нет. Мне бы хотелось также, чтобы ты навестил в Дамаске "владык пустыни" и раз и навсегда выяснил наши взаимоотношения. Я знаю, что для тебя это тоже важно.

Отношения с "владыками" и вправду не давали мне покоя со времени нашего весеннего фиаско.

Бросив нас в трудную минуту на произвол судьбы, они за прошедшие месяцы не попытались даже объяснить своего поведения. У них осталась весьма солидная сумма наших денег, и Моше, естественно, очень бы хотел получить ее назад. Но, по правде говоря, мое решение было подсказано приятными и неожиданно яркими воспоминаниями о детских поездках в Дамаск и Бейрут, которые вдруг нахлынули на меня в кабинете Моше. Мне вспомнилось, каким сказочным оазисом казалась сирийская столица после долгого путешествия по унылой пыльной пустыне, отделявшей Багдад от Дамаска. Вспомнилось, как, держась за большую теплую руку отца, я гулял по берегу реки Барады или толкался на живописных дамасских базарах, пропахших восточными пряностями. Добавьте к этому воспоминания о живописном Бейруте, где мы остановились после Дамаска по пути в Святую землю, и вы поймете, что у меня было достаточно оснований согласиться на предлагаемое задание — тем более, что речь шла о краткосрочной командировке, а не о годе подпольной работы в далеком Ираке.

— Ну так как же? — снова спросил Моше.

— Когда вылетать? — улыбнулся я в ответ.

— Сперва я хочу, чтобы ты вылетел снова в Багдад, как мы договорились с твоими парнями, когда они приземлились в Явнеэле. Надеюсь, на этот раз итальянская неудача не повторится. Если будет еще одна утечка информации, то нам ничего не останется, как распрощаться с этой идеей.

"Неудача", "утечка информации" и договоренность с "моими парнями" относились к нашему решению обратить "Майклберг" в регулярную серию полетов. После нашего первого удачного полета из Багдада Мосад попытался организовать

аналогичный полет из Италии, для переправки собравшихся там беженцев. Но хотя самолет взлетел с небольшого провинциального аэродрома, известие о нем просочилось в печать. Популярная итальянская газета "Корьере делла Сера" опубликовала следующую заметку:

Фашисты или нелегальные евреи
улетают в таинственном самолете

Вчера в Сесто, неподалеку от Неаполя, были замечены два больших грузовика. С каждого из них выпрыгнуло человек пятнадцать. Собравшимся вокруг зевакам сказали, что это американские туристы. Затем над грузовиками появился иностранный самолет, он сделал несколько кругов и приземлился на заброшенном военном аэродроме. Таинственная группа погрузилась в самолет и вылетела в неизвестном направлении...

Как ни парадоксально, но такой срыв получился именно из-за сравнительно благоприятных условий Италии: наши агенты не слишком заботились о секретности, в результате чего "Майклберг" попал в заголовки и чуть было не приказал долго жить. "Чуть" — поскольку читатели "Корьере делла Сера" решили, что вся эта история отражает лишь полет фантазии репортера. Даже английская полиция, прилагавшая большие усилия для пресечения нелегальной иммиграции через Италию, не придала газетному сообщению никакого значения — как говорится, Бог хранит олухов.

Итак, после нашего чаепития с яблоками я сел за папки с надписями "Ливан" и "Сирия", чтобы сразу по прибытии в Багдад с экипажем "Майклберга" можно было отправляться в Бейрут. Но полет в Багдад так и не состоялся. Уверовав в себя после успешных полетов из Ирака и Италии, "мои парни" вернулись к американской традиции свободного предпринимательства, и в одно прекрасное утро вылетели в Ирак на свой страх

и риск, не известив Мосад и, естественно, не прихватив меня.

И вот ясным днем 20 сентября 1947 года (ровно через месяц после нашего акробатического старта из Хайфы), когда Сами ехал на машине по одному из мостов через Тигр, в самом центре Багдада, он вдруг заметил наших предприимчивых пилотов, шагающих ему навстречу. Они были все в поту и имели весьма непрезентабельный вид. Потрясенный произошедшей с ними переменой, Сами, пренебрегая осторожностью, решил их подвезти. Они охотно влезли в машину и сообщили Сами, что я приказал им лететь прямо в Багдад. Но так как никто с ними не связался, они стали искать синагогу, надеясь, что раввин предложит прихожанам возможность отправиться в Палестину и, таким образом, обеспечит их работой. Синагогу они нашли, но благосклонности раввина не снискали и посему к моменту встречи с Сами чувствовали себя весьма неважно.

На следующий день мы получили такую радиограмму из Багдада:

"Арци от Бермана.

Пилоты прибыли прошлой ночью, но у нас не хватило времени, чтобы организовать отправку партии вчера".

Совершенно ошарашенные, мы запросили Багдад по радио, что они имеют в виду, и в тот же день получили ответ:

"Арци от Бермана.

Пилоты утверждают, что они договорились с вами и Шаммаем о прибытии сюда. Мы не понимаем, почему вы молчали об этом. Партия отбывает в 3 утра местного времени и, если вы не обеспечите ее приема, вся ответственность падет на вас".

Эта радиограмма была принята около 8.30 ве-

чера и повергла нас в немалое смущение. Ночью объявлялся комендантский час и заниматься приготовлениями, не имея возможности свободно передвигаться, было весьма затруднительно. Когда же мы попросили Багдад отсрочить полет на сутки, они ответили, что откладывать уже слишком поздно. Выбора у нас не оставалось, и менее чем через 3 часа, в 11.20, мы радировали в Багдад: "Приготовления окончены. Счастливой посадки!"

Самолет взлетел, приземлился и выгрузил пассажиров так же благополучно, как в первый раз. После третьей операции "Майклберг" (которая оказалась и последней, так как агенты Хаганы по добыче оружия "экспроприировали" наш метод) уже казалось, что нет ничего проще.

Немного стыдно признаваться в этом, но я чувствовал себя почти разочарованным, оттого что полеты из Ирака можно было организовать и без меня. Как бы то ни было, иракская глава моей жизни, по всей видимости, подошла к концу и надо было переходить к Ливану.

* * *

Оставалось продумать еще несколько деталей. Я должен был снова ехать с иракским паспортом, якобы возвращаясь домой в Ирак через Ливан. Имелось, правда, одно затруднение: согласно записям в моем паспорте, я покинул Палестину двадцатого августа, но после этого не въезжал ни в одну страну и не выезжал из нее, а также не возвращался назад. Иракские чиновники не побеспокоились проштемпелевать паспорта экипажа "Майклберга" (ограничившись документами самолета), а на посадочной полосе в Явнеэле паспортами также никто не занимался. Поэтому я обратился к Моше Лихтенштейну, спе-

циальностью которого было изготовление чемоданов с двойным дном, паспортов, удостоверений личности и т.п. Лихтенштейна моя ситуация нимало не смутила. "Завтра получишь свой паспорт с отличной въездной визой", — пообещал он. И сдержал слово.

Тем временем я изучил все мосадовские папки, касающиеся Сирии и Ливана, но как-то не почувствовал, чтобы вычитанная информация облегчила мне выполнение задания. Я все же узнал, что "наш человек в Дамаске", местный еврей по имени Эли Цагха, может установить контакт с "владыками пустыни"; что я могу опереться еще на трех-четырех человек и что обмен письмами с Тель-Авивом будет осуществляться с помощью транспортной компании "Н.Т.", которая занималась таксомоторным сообщением между Хайфой и Бейрутом.

Теперь предстояло спрятать полученные адреса и телефоны вместе с необходимыми телефонными номерами в Стране и солидной суммой денег. Согласно инструкции Мосада, я должен был засунуть все эти бумаги в презервативы, а затем загнать их в большие тюбики зубной пасты и крема для бритья. Но для этого надо было сначала сходить в аптеку и закупить необходимое "сырье". Густо покраснев и пробормотав нечто совершенно невразумительное, я в конце концов справился со своей киббуцной застенчивостью и прошептал в ухо аптекарю щекотливый заказ, встретив полное понимание с его стороны. Но когда затем я попросил зубную пасту "Колинос" — правда, не объяснив, что отправляюсь с секретной миссией в арабскую страну, — понимание сменилось у провизора неподдельным возмущением.

— А наши местные марки недостаточно хороши для вас? — раздраженно буркнул он. — Такой

молодой человек, как вы, должен прекрасно обходиться без импортных товаров!

Я уже выходил из аптеки, а он все брюзжал: "Господи, сколько снобов развелось у нас за последнее время!" К счастью, в Тель-Авиве были и другие аптекари, менее проникнутые сионистскими идеалами, так что я в конце концов купил необходимые тюбики без ивритских этикеток и решил проблему тайников.

Мой отъезд был назначен на 7 октября. От Хайфы до Бейрута я должен был добираться просто автобусом или на такси, так же как палестинские студенты Американского университета, торговцы и туристы. В намеченное утро я выехал из киббуца вместе с Тмимой, которая хотела проводить меня до Хайфы, а потом вернуться в киббуц. Но в Хайфском транспортном агентстве мы увидели толпу раздраженных пассажиров и узнали, что все такси и автобусы, направлявшиеся в Бейрут, вынуждены были на границе повернуть назад. Ливанское правительство в одностороннем порядке закрыло границу с Палестиной "для поддержания порядка и обеспечения безопасности" в связи с открывавшейся в тот день в Бейруте конференцией Совета Лиги арабских стран. Важнейшим пунктом повестки дня являлась палестинская проблема, а причиной чрезвычайных предосторожностей, безусловно, было присутствие премьер-министров ряда арабских стран и Главного иерусалимского муфтия[18] (высланного из Палестины британскими властями). Увидев, что протесты пассажиров ни к чему не ведут и ждать в транспортном агентстве,похоже, бессмысленно, я предложил Тмиме воспользоваться вынужденными каникулами и немного повеселиться. При этом я ожидал, что Тмима, всегда такая сверхсознательная, посмотрит на меня, по меньшей мере, недоуменно. Но она неожиданно

легко согласилась отложить возвращение в киббуц и не оставлять меня одного накануне отъезда. Мы тут же сняли комнату в гостинице "Кармел Корт" (где несколько недель назад я впервые встретил летчиков "Майклберга") и отправились обедать.

Но настроение у меня было вовсе не отпускное. После нескольких недель, всецело занятых сперва "Майклбергом", а потом подготовкой к последней миссии, непредвиденный "локаут" снова отбросил меня в суровую реальность. В те дни мы неумолимо приближались к критической точке на трех фронтах: на фронте борьбы между королевским военно-морским флотом и призрачным флотом иммигрантских кораблей, плывущих в Палестину; в деле решения ООН о политическом будущем страны; в отношениях между еврейским и арабским населением Палестины в свете политики соседних арабских государств (которые уже грозились идти на нас войной).

На фронте алии попытки втихомолку просочиться через кольцо английской блокады сменились открытой борьбой за право иммиграции, а по существу, за право создания независимого еврейского государства в Палестине. На политическом фронте Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о рассмотрении палестинской проблемы и учредила специальную комиссию по Палестине, причем британский министр колоний представил комиссии доклад, где говорилось, что Великобритания готова отказаться от мандата на Палестину и вывести из нее свои войска. Однако Лига арабских стран была полна решимости не допустить политического решения проблемы, арабские деятели не скупились на обещания ввергнуть Ближний Восток в хаос с помощью забастовок, демонстраций и созыва Совета Лиги арабских стран. Именно это и происходило сей-

час — и по этой причине я застрял в Хайфе.

Газетные заголовки следующего дня тоже не предвещали мне скорого отъезда. В заявлениях, сделанных за первый день работы конференции, содержались откровенные угрозы начать военные действия, коль скоро ООН примет решение о создании еврейского государства. Одновременно достигла апогея мания безопасности, так, например, сообщалось о том, что иерусалимского муфтия окружили полной секретностью, дабы "предотвратить его похищение английскими или еврейскими террористами".

Незадолго до полудня я купил свежие арабские газеты и, зажав их подмышкой (в целях создания соответствующего образа), снова попытал счастья в транспортном агентстве. Но там все было по-прежнему. Порядком приунывший, я вернулся в гостиницу и попросил Тмиму остаться со мной "еще немножечко". К моему удивлению, она снова сразу же согласилась — может быть, потому, что видела, как я расстроен. Когда ты уже решился отправиться на опасное задание, нет ничего хуже, чем откладывать его несколько раз кряду. Днями, иногда неделями готовишь себя к делу: стараешься сохранить форму; вооружаешься юмором (часто — черным), чтобы скрыть тревогу; отгоняешь от себя деморализующие вопросы типа "что ждет меня там?" или "все ли хорошо подготовлено?" и особенно "а стоит ли вообще игра свеч?" И вот когда наконец сумеешь подавить все эти еретические мысли, поездка откладывается на день, потом еще на один и еще на один — и каждый день приходится снова сражаться с уже было побежденными демонами.

Стараясь хоть ненадолго убежать от этих демонов сомнения, я решил от корки до корки прочесть купленные утром арабские газеты. Чтение было не слишком приятным, но вдруг взгляд мой

уперся в нечто абсолютно невероятное. Ливанская авиакомпания гордо предлагала свои услуги на трассе Хайфа—Бейрут за умеренную плату в два с половиной палестинских фунта. Желающих отсылали к агентам компании Шахибу и Элиасу Хал по адресу: Хайфа, улица Млахим, 126. Я даже гоготнул, читая это объявление, — неужто можно просто сесть в самолет и вылететь в Бейрут? Неужели же ливанцы закрыли наземную дорогу и проглядели воздушную? Но в нашей части света подобные нелепости встречаются весьма часто.

— Что тебя так рассмешило? — спросила Тмима, поднимая голову от своей книги.

Я показал ей рекламу и сказал, что все это напоминает мне анекдот, который любил рассказывать отец:

"Деревенский простофиля врывается в полицейский участок, крича, что поймал вора и что полицейский должен пойти арестовать его. "А что ты с ним сделал?" — спрашивает полицейский. "Я привязал его ноги к дереву", — самодовольно отвечает крестьянин. "Дурак! — кричит полицейский. — Если у него свободные руки, он, наверное, уже развязал себе ноги и смылся". Крестьянин вытаращивает глаза, чешет в затылке, а потом спокойно произносит: "Да нет, никуда он не делся. Раз я до этого не додумался, так и он тоже". Полицейский пошел за крестьянином и, разумеется, обнаружил вора привязанным к дереву".

Помня, что ливанские власти могли попросту забыть о воздушном сообщении, я стал дожидаться четырех часов, когда господа Хал должны были открыть свою контору после долгого средиземноморского обеденного перерыва. В четыре я вошел в их офис и спросил по-арабски, когда отправляется следующий самолет в Бейрут.

— Завтра в три часа дня, — четко ответили мне.

— Могу ли я купить билет сейчас? — спросил я.

— Для того я здесь и сижу, — любезно улыбнулся молодой служащий.

Через несколько минут я держал в руках билет в Бейрут и обратно (я решил, что не повредит иметь про запас билет в Палестину). Все, казалось, устроилось. Однако мне осталось преодолеть еще одно препятствие.

На следующий день у конторки паспортного контроля хайфского аэродрома полицейский задал мне обычные вопросы о месте жительства и т.п., а затем аккуратно поставил печать в паспорте. Но потом, вместо того, чтобы вернуть мне паспорт, он отложил его в сторону, сказав, что я его вскоре получу, и предложил мне подождать в буфете. Это отклонение от стандартной процедуры страшно встревожило меня, особенно учитывая искусную печать Моше Лихтенштейна, но я решил держаться с подчеркнутой невозмутимостью: неторопливо вошел в буфет, заказал бутылку пива и беззаботно попивал его, пока не объявили мой рейс.

Поднявшись в маленький самолетик, я с изумлением обнаружил, что являюсь единственным пассажиром. Как тут было не вспомнить про толпу разгневанных пассажиров в транспортном агентстве, которые, конечно, прибежали бы на аэродром, если бы только знали об объявлении в арабской газете. Самолет тем временем проделал все обычные предстартовые маневры, но, разогрев двигатели, не начал набирать скорость, а медленно покатил назад, к зданию аэропорта.

— Что случилось? — спросил я стюарда.

— С командно-диспетчерского пункта нам приказали вернуться, — вежливо, но не очень вразумительно ответил он.

Как всегда, мое воображение в миг дополнило остальное и, конечно, в самых мрачных тонах. К счастью, однако, у меня не оставалось много времени на самоистязание. В иллюминатор я увидел бегущего к самолету английского полицейского. Самолет остановился и полицейский вошел в салон. Но вместо того, чтобы рявкнуть: "Вы арестованы!", он укоризненно посмотрел на меня и сказал: "Сэр, как вы собираетесь куда-то лететь без паспорта?"

Я так сосредоточенно изображал беспечность, что забыл причину, заставившую меня разыгрывать этот спектакль! Долго еще ошалело колотилось у меня сердце — я воображал, как прилетел бы в Бейрут без паспорта.

В действительности же Бейрутский аэропорт встретил меня очень сердечно, как и подобает встречать одинокого пассажира, прибывающего издалека. Все, казалось, стремились получше позаботиться обо мне. Когда полицейский в паспортном контроле поинтересовался, где я остановлюсь, я попросил его порекомендовать хороший отель.

— "Сент-Жорж", — воскликнул он, — это, наверняка, самый лучший отель.

— Запишите "Сент-Жорж", — сказал я к его явному удовольствию.

Полицейский не преувеличивал. Отель, расположенный на берегу спокойных голубых вод Бейрутского залива, был просто потрясающий. Правда, потрясли меня и цены — особенно по сравнению с нашими тогдашними стандартами. Но поскольку я собирался пробыть в Бейруте всего несколько дней, то решил ради поддержания реноме пустить пыль в глаза.

Бейрут есть Бейрут: шумный, яркий, кипучий город; залитый неоновыми огнями порт, в барах которого можно встретить моряков со всего све-

та; неистово зазывной и откровенно вульгарный квартал развлечений. Поселившись в "Сент-Жорже", я сразу же (наверное, во искупление такой роскоши) стал обдумывать следующий шаг. Глядя на залив, я постарался утвердиться в образе богатого туриста, приехавшего в Ливан отдохнуть, и почти инстинктивно попросил бармена принести пачку сигарет "Плейерз" — в наши багдадские времена Юнис опустошил сотни таких пачек.

До тех пор я никогда в жизни не курил. Наоборот, когда на собрании нашего киббуца однажды рассматривался бюджет и обсуждались затраты на курево, я предложил запретить курение из соображений экономии (предложение мое было отвергнуто как оголтело экстремистское). Но теперь я вспомнил резкие возражения Юниса на мои уговоры бросить вредную привычку. Человек, работающий в подполье, должен курить, утверждал он, потому что это часто помогает выйти из затруднительного положения: иногда можно отвлечь внимание полицейского сигаретами или зажигалкой, иногда — просто скрыться за "дымовой завесой". Итак, на том сомнительном основании, что с дымящейся сигаретой в руке у меня больше шансов сойти за беспечного богача, я открыл пачку и закурил первую в жизни сигарету. Вкус был мерзкий (первая ассоциация, возникшая тогда у меня, — жженая солома). Слава Богу, я сумел удержаться от гримасы отвращения и приступа кашля. Даже несмотря на головокружение я продолжил опыт — курил в течение последующих двадцати лет.

Красная полоска на горизонте темнела, наступал вечер. Чтобы проветрить мозги, я решил прогуляться по очаровательной бейрутской набережной. Несмотря на принятое было твердое решение не контактировать ни с кем из наших

людей, пока прочно не войду в образ и не уверюсь в отсутствии слежки, я вдруг обнаружил, что направляюсь в район, где проживала одна из наших связных — мадам Рене. Когда я спрашивал коллег в Мосаде, как узнать Рене, мне ответили: "Ее ни с кем не спутаешь. Она величиной с дом". Действительно, проходя мимо указанного здания и заглянув в окно, я сразу узнал ее: объемы оказались и вправду внушительные. Стараясь оправиться от потрясения, я еще немного прошел вперед, потом медленно побрел обратно в отель. Но в тот момент, как я вторично проходил мимо дома мадам Рене, женский голос спросил по-арабски:

— Кого вы ищете?

— Я никого не ищу, я просто гуляю, — довольно неуклюже промямлил я.

— А, вы, наверное, новенький, — сказала она. — Входите скорей.

Я еще секунду помедлил, колеблясь, стоит ли выходить на связь так быстро.

— Ну, нечего там стоять, — гаркнула она. — Входите!

Вот тебе все предосторожности, пароли и прочие трюки подпольной работы, подумалось мне. Однако я повиновался. Едва успел спуститься по лестнице и войти в комнату, как мадам Рене погасила свет — должно быть, чтобы никто не заглядывал внутрь. Я успел увидеть только поношенное платье с китайским рисунком, облегавшее ее мощные стати. "Такова и должна быть классическая внешность дам полусвета", — решил я в соответствии с киббуцными стереотипами и уже, кажется, ожидал, что из-за занавески вот-вот выпорхнет стайка дев в кричащих нарядах.

— Вы должны были приехать вчера, где же вы пропадали? — ворчливо спросила мадам Рене.

Я рассказал про закрытие границы и осведомился о своем предшественнике Гиволи, но он, как оказалось, уже покинул Бейрут.

— Не беспокойтесь, я вам все объясню, — утешила меня мадам Рене.

Она встала, чтобы приготовить кофе. Видно было, как колыхались складки жира под засаленным халатом, и я с отвращением подумал, что если где-то произойдет осечка, я — по крайней мере, в первое время — буду всецело зависеть от расположения этой особы. Точно прочитав мои мысли, мадам Рене посетовала:

— Какая жалость, что Акиву Файнштейна держат в Дамаске, там я не знаю стоящих людей. Здесь-то я знаю всех: полицейских, судей, министров, — похвалялась она, не замечая скептической мины на моем лице (в комнате было почти совсем темно). — Я их всех обведу вокруг пальца, — добавила толстуха, крутя кольцо на мизинце, а я размышлял, что за вкус должен быть у этих мужчин. — Нам надо добиться, чтобы правительство потребовало его возвращения из Сирии для повторного расследования. А уж как только он окажется здесь, вызволить его будет нетрудно.

— Если это так, как же его арестовали именно в Бейруте? Почему его тогда пытали и приговорили к более чем полугоду тюрьмы? — спросил я с вызовом.

— Да потому что со мной не посоветовались, — возмущенно ответила она. — Все думали, что сами с усами. Каждый молокосос считал, что все знает, а Акива теперь за это расплачивается.

Вернувшись в отель, я впал в уныние — конечно, из-за встречи с мадам Рене. В последующие дни меня всецело поглощали заботы о конспирации, то есть о собственной внешности и надле-

жащем поведении, поскольку я чувствовал, как накаляется атмосфера вокруг, доходя до военной истерии.

16 октября я отправил в Тель-Авив такое письмо:

"Обстановка здесь очень напряженная. Газеты изо всех сил разжигают жестокость, создается ощущение, что война уже началась. Каждый день печатаются заметки о концентрации войск и сообщения о том, что палестинские евреи бегут из пограничных поселений, бросая ценные вещи. Фаузи эль-Каукджи[19] и другие лидеры провозглашают: "В недалеком будущем мы будем пить кофе в Тель-Авиве" и обещают палестинским арабам, что скоро те перестанут видеть презренные еврейские рожи".

Чтобы переслать это письмо, я отправился в контору транспортной компании "Н.Т.", которая должна была осуществлять мою связь с Тель-Авивом, и завязал беседу с руководителем фирмы. Я пришел якобы разузнать о возвращении на родину — в Ирак. Но ожидая, пока парни из соседнего кафе принесут турецкий кофе, пирожные и холодную воду, я предложил конторе заняться переправкой олим, которые будут выезжать из Ирака по туристским визам. Поскольку я упомянул, что мы готовы платить двадцать пять палестинских фунтов за человека, предложение мое было воспринято с живейшим интересом. Это соглашение открыло новый, хоть и узкий канал алии из Ирака, так как в принципе иракские евреи могли получить паспорта и выездные визы в Ливан для поправки здоровья. Разумеется, были тут и свои сложности. За паспорта надо было не только платить огромные взятки — их выдавали отдельным лицам, а не целым семьям, но получивший паспорт должен был внести в правительственную казну крупный денежный залог в каче-

стве гарантии возвращения. Кроме всего прочего, в паспорте проставлялся штамп "Действителен только для Ливана", а иногда и дополнительная запись: "Данный паспорт не действителен для Палестины". И все же эти ограничения не были непреодолимыми препятствиями для алии через Ливан. Главная беда состояла в том, что к концу 1946 года агентурная сеть, которую создали в Бейруте для переправки олим, стала разваливаться, безусловно, в результате ареста Акивы и отсутствия постоянного представителя Мосада в Ливане, — поэтому "Берману" велели не посылать больше туристов к "Рути". Теперь же я, кажется, нашел подходящий и надежный адрес для наших иракских "туристов" и надеялся, что багдадские товарищи используют его как следует.

Такова была первая цель моего визита. Другая цель состояла в организации поездки в Дамаск, чтобы заняться судом Файнштейна и встретиться с "владыками пустыни". Путешествие из Бейрута в Дамаск было коротким и несложным. Между двумя столицами существовало регулярное таксомоторное сообщение, а межгосударственная граница являлась скорее символической. Любой обладатель сирийского или ливанского удостоверения личности мог пересекать эту границу без заграничного паспорта, а те, у кого имелся международный паспорт с визой в одну из этих стран, могли без дополнительной визы въезжать в другую, хотя в таком случае необходимо было пройти особую процедуру: пограничник расспрашивал о цели поездки, точном местопребывании, заносил имена и номера паспортов в регистрационную книгу пограничного пункта, а затем либо проставлял штамп в паспорте, либо нет.

Все это я узнал за первую мою поездку в Дамаск, когда вежливый сирийский офицер скрупулезно регистрировал мои данные. Предполагая,

что мне придется часто путешествовать по этому маршруту, я опасался, как бы многократное упоминание моего имени в регистрационной книге не навлекло на меня подозрений. Поэтому, когда подошло время возвращения в Бейрут, я тщательно распланировал путешествие. Сначала скупил все иллюстрированные журналы с завлекательными обложками. Потом живо разговорился с другими пассажирами и щедро поделился с ними запасом чтива. Наконец, когда мы приближались к границе, я погрузился в непробудный сон, сопровождаемый пронзительными всхрапываниями и вздохами. Такси подъехало к пограничному пункту, и пограничник попросил предъявить документы, но разбудить меня было невозможно. Один из пассажиров, как я и надеялся, вступился за меня. "Оставьте его, — сказал он пограничнику. — Вы же видите, как он измучен. Да и вообще все это пустяки, он из наших".

За исключением одной поездки, когда проверка на сирийской границе была особенно строгой, моя система работала безотказно. Чтобы еще больше обезопасить себя, я не останавливался дважды ни в одном отеле. Разумеется, это означало, что каждый раз, как я вновь появлялся в Бейруте или Дамаске, мне приходилось снова регистрироваться. Но, по всей вероятности, все анкеты, заполненные мною в гостиницах, были разбросаны по разным папкам и благополучно пылились себе в министерстве полиции; вряд ли их кто-нибудь сортировал и сравнивал. Таким образом, я перебывал в большинстве гостиниц Бейрута и Дамаска, от фешенебельных и солидных до менее шикарных, но более оживленных.

В тот первый приезд в Дамаск я прежде всего отправился искать Эли Цагху, который занимался Акивой Файнштейном и мог также вывести меня на связь с "владыками пустыни". Эли позна-

комил меня с местным адвокатом Муниром Ассасом, который вел дело Акивы. С ним я должен был разработать линию защиты и договориться о гонораре. Ассас сказал, что защищает Акиву из политических и моральных побуждений, так как считает себя противником режима во всех отношениях. Все это не помешало ему запросить (и получить, за отсутствием у нас выбора) непомерный гонорар. Я попросил Ассаса устроить мне встречу с Акивой в тюрьме, он ответил, что это весьма непросто, поскольку право на свидание имеют только родственники.

— Вы, разумеется, не захотите объявить себя его родственником, недавно прибывшим из Палестины. Иначе, — сардонически улыбнулся адвокат, — мне надо будет вести и ваше дело, причем на аналогичных условиях.

Но я продолжал настаивать и наконец он согласился взять меня на следующий день с собой в тюрьму.

— Как же я пройду? — спросил я вовсе не из праздного любопытства.

— Положитесь на меня. Встретимся завтра, — вот и все, что я услышал в ответ.

Назавтра по дороге в главную дамасскую тюрьму Ассас объяснил мне, что я должен играть роль его помощника и делать все, что он прикажет. Подойдя к крепости, которая была превращена в тюрьму, я увидел, что охранники хорошо знают Ассаса и относятся к нему очень почтительно. Доложив о приходе мэтра Ассаса, они вызвали "Акиву из Палестины". Толстая железная дверь распахнулась, Ассас вошел внутрь, я следовал за ним, неся его тяжелый портфель.

Железная дверь со зловещим скрипом захлопнулась за нами. Трижды повернулся в замке большой ключ. Я с душевным содроганием пошел за "его честью" по тюремному коридору в комнату

поверенного. Через несколько минут туда ввели Акиву. Я никогда прежде не встречался с ним, но много о нем слышал и знал, что его считали одним из самых смелых и удачливых агентов Мосада. Я сразу узнал его по фотографии, которую видел в Тель-Авиве. Акива был невысок, широкоплеч, концы густых усов торчали кверху, как у ближневосточных знаменитостей прошлого поколения. Все в нем говорило о гордости и уверенности в себе, и если бы не арестантская форма — широкая рубаха и мешковатые штаны из грубой материи да деревянные башмаки, — его можно было бы принять за одного из столпов дамасского общества.

Поговорив с Акивой несколько минут, Ассас вытащил из портфеля большой блокнот и карандаш, передал их мне и громко возвестил: "Селим, изложи кратко все, что он сказал". Потом он пошел к двери, вытащил пачку сигарет, одну взял себе, другую предложил охраннику и стал оживленно болтать с ним, следя за тем, чтобы стоять все время между тюремщиком и нами. Наконец мне представилась возможность поговорить с Акивой, подбодрить его, но я ужасно нервничал и смог только пробормотать, что все товарищи из Мосада передают ему приветы. Акива сразу понял, кто этот новый помощник адвоката, и стал успокаивать меня: "Не волнуйся, я в порядке. Эли Цагха регулярно снабжает меня едой, адвокат тоже делает свое дело". Оставшуюся часть встречи мы перешептывались насчет вопросов, которые мне надо было прояснить, особенно о линии защиты на суде. Я пообещал также снабдить Эли Цагха любой суммой денег, необходимой для ведения суда, потом, увидев, что тюремщик не смотрит на нас, я быстро сунул Акиве в руку пачку денег, и она мгновенно исчезла в складках его широкой одежды.

Ассас в это время стал подгонять меня: "Пошевелись, Селим, мы не можем здесь торчать целый день". Мы попрощались с Акивой и вернулись к главным воротам. Большой ключ снова трижды повернулся в замке, дверь со скрипом повернулась на петлях — мы оказались снаружи и пошли дамасскими улочками, которые в тот момент показались мне самыми свободными и безопасными в мире. С тех пор я не видел Акиву вплоть до суда, но когда началось слушание дела, я не пропускал ни одного заседания, говорил с Ассасом, виделся с Акивой. Больше я ничего сделать не мог — оставалось лишь надеяться, что в конце концов мы Акиву как-нибудь вызволим.

Только в конце октября удалось мне встретиться с "владыками пустыни". Я с нетерпением ждал этой встречи, горя желанием выяснить, почему так многообещающе начавшаяся операция кончилась трагедией, предательством и тяжелым разочарованием. После обычного путешествия из Бейрута в Дамаск я остановился в ничем не примечательной гостинице и точно в установленный час явился на встречу с Шааланом в кафе "Каср Шамия", расположенном в пригороде Дамаска Думмар. Войдя во дворик кафе, по которому протекал студеный ручей, я сразу увидел эмира. В традиционном бедуинском костюме он восседал между двумя братьями Кузбари, одетыми по последней парижской моде. На востоке даже при самой большой напряженности не забывают о вежливости. Слуга безмолвно подал чашки с темным сладким чаем и наргиле для эмира, который глубоко затянулся из мундштука, а затем предложил мне разделить с ним удовольствие. Прежде чем я успел отказаться, слуга принес другое наргиле и стал суетиться вокруг него: несколько раз дунул в мундштук, угольки замер-

цали, вода забурлила, и достопочтенный господин, то есть я, смог самолично и непосредственно заняться курением. Если учесть, что я и сигареты-то начал курить недавно, легко понять, каким едким показался мне турецкий табак в наргиле, но желая поставить себя на равную ногу с хозяином, я продолжал затягиваться точно опытный курильщик, пока не почувствовал головокружение.

Когда слуга ушел, я заговорил первым: сказал, что, оказавшись в Дамаске по пути домой в Багдад, я не хотел упустить возможности засвидетельствовать почтение своим друзьям.

— Да пребудет с тобой мир и благословение Аллаха! — ответил Махмуд аль-Кузбари, которого я видел в первый раз. Он оказался моим единственным партнером в беседе, а эмир лишь время от времени кивал головой или делал одобрительный жест. — Вы, несомненно, также хотите знать, что случилось в Багдаде, — первым затронул Махмуд интересующий меня вопрос.

— Должен сказать, — заметил я, чувствуя, как дрожит от гнева мой голос, несмотря на все усилия держаться делового тона, — я до сегодняшнего дня не могу уразуметь, что же произошло, хоть и немало размышлял об этом деле. Мне порой кажется, что всего этого просто не было. Неужели таково ваше представление о чести, господа? Исчезнуть, не сказав ни слова? Бросить сто двадцать человек в смертельной опасности? Для нас все это обернулось тяжелыми потерями, не говоря уж об оскорбленных чувствах. Я просто не могу понять.

— Ваш гнев оправдан, — попытался утихомирить меня Махмуд. — Вот почему мы так рады встретиться с вами и объясниться. Дело в том, что мы сумели предупредить огромную трагедию.

На моем лице, должно быть, читалось скепти-

ческое недоверие, потому что я заметил, как в его глазах промелькнул страх.

— Вы помните, мы просили вас отсрочить отъезд на один день? Это было вызвано тем, что до нас дошли кое-какие слухи, и мы хотели проверить их подлинность. Один из наших друзей предупредил, что иракские власти узнали о причинах нашего пребывания в Багдаде и стянули силы, чтобы помешать нам покинуть город. Мы не боимся этого сброда и, будь мы одни, уверяю вас, мы бы их так проучили, что они бы долго это помнили. Но нас беспокоила судьба ваших людей. Представьте, если бы кто-нибудь из них был убит после того, как мы поручились за их благополучие! Что бы вы о нас подумали?

— Почему же вы не оставили хоть одного человека, чтобы известить нас? Почему ни разу не пытались объясниться с тех пор?

— Если бы нам было что скрывать, если б совесть эмира не была чиста — разве согласились бы мы встретиться с вами сегодня? — возразил он, заставляя меня снова задуматься, не ошиблись ли мы все-таки в своих выводах. Быть может, мы обвиняем их несправедливо?

Тем временем на столе появилась ваза с грушами и блестящими красными яблоками, пробудившими во мне воспоминания о чудесных фруктах, которые мы ели в Дамаске, когда я приезжал сюда ребенком.

— Но что же будет теперь? — спросил я, оставляя в стороне упреки.

— Мы устранили все возникшие трудности. Можете на нас положиться, — твердо произнес Махмуд, а эмир медленно кивнул, подтверждая его слова.

После этого беседа наша текла более мирно, мы перестали ворошить прошлое и начали стро-

ить планы на будущее. В отчете от 4 ноября я так писал об этом:

"Я установил связь с "владыками пустыни", они готовы сотрудничать, даже вернуть долг. Мы выработали соглашение, по которому мы заплатим им полную цену за первую партию (разумеется, после доставки), а затем в рассрочку они вернут нам долг. К концу этой недели они закончат приготовления и сообщат мне дату нашего свидания в Багдаде. В первый рейс они возьмут двадцать пять "корзин" (т.е. олим) только самого крепкого сорта, которые будут отправлены с пуговицами от Эври (солдатами иорданской армии). Цена — пятьдесят пять палестинских фунтов, я согласился заплатить здесь. Пожалуйста, перешлите мне в ближайшие дни необходимую сумму, чтобы мне было чем расплатиться, когда подойдет время".

В середине ноября я снова встретился с "владыками", меня угостили новой порцией обещаний и потребовали аванс, я наотрез отказался. По прошествии нескольких дней состоялась наша третья и последняя встреча. 26 ноября я послал в Тель-Авив следующее краткое сообщение:

""Владыки пустыни" абсолютно ничего не стоят. Они продолжают просить "небольшой аванс", чтобы приступить к делу, но мне совершенно ясно, что никакого дела не будет".

Много лет спустя я случайно наткнулся на характеристику, данную Шаалану английским консулом в Дамаске. В этом документе, сохранившемся в архивах британского министерства иностранных дел, восточный принц, который так поразил меня в Багдаде, описывался совсем по-иному:

"Он проводит много времени в дамасских кабаре. Очень расточителен, но не без определенных достоинств. Пользуется сильной поддержкой у

Руала (его племя). В 1935 году предательски убил своего двоюродного брата, который был его соперником...

Его политическая принадлежность зависит либо от тщеславия, либо от кармана, иногда от того и другого. Он совершенно продажен".

Выходит, я порядком рисковал, порвав с человеком, который без зазрения совести убил родственника. Нам пришлось списать сумму, выданную "владыкам" в Багдаде, но мы, по крайней мере, перестали попусту тратить деньги. Переговоры с Шааланом и братьями Кузбари принесли мне такое сильное разочарование, что, вернувшись к концу ноября в Бейрут, я почти забыл про намеченное на 29 ноября голосование в ООН по вопросу о разделе Палестины на еврейское и арабское государства.

Только к вечеру 29 стал я замечать признаки приближавшегося события. Вечерние газеты вышли со специальным приложением, в котором сообщалось о последних усилиях арабских представителей в ООН сорвать план раздела. Цитировались их выспренние речи и недвусмысленные предупреждения, что они сорвут раздел, если потребуется, силой. Редко чувствовал я себя так одиноко, как в тот вечер, — оторванный от своих, сбитый с толку, не уверенный даже, на пользу ли нам этот самый раздел. Ведь это означало раскроить страну надвое, даже Иерусалим не будет под нашим контролем. Но и провал резолюции не сулил ничего хорошего: продолжение британского правления будет, по-видимому, означать эскалацию кровопролитной борьбы между арабами и евреями.

Чем больше я обо всем этом раздумывал, тем острее чувствовал свою неприкаянность — ведь мне не с кем было даже поговорить, кроме официантов в ресторане. Чтобы разогнать тоску, я

решил податься в кино — обычно этот метод всегда помогал мне отпугнуть демонов одиночества, — но на этот раз и кино не сработало. Возвратившись в отель, расположенный в самом центре Бейрута, я взял книгу и незаметно заснул. На следующее утро меня разбудил рев голосов, доносившийся с улицы. В окно я увидел, что по мостовой маршируют несколько десятков молодых людей, они воинственно размахивали руками и дико вопили. Я разобрал в хаосе звуков только одно слово: "Палестина, Палестина", но и этого было достаточно, чтобы возбудить мой интерес. Сощурившись, я попробовал прочесть газетные заголовки в киоске напротив, но не сумел ничего разобрать, кроме того, что первые полосы газет были обведены широкой черной рамкой. Меня осенило: произошло нечто хорошее для нас, и настроение мое сразу же исправилось. Предвкушая приятную новость, я быстро побрился, надел свежую рубашку и выскочил на улицу за газетами, намереваясь почитать их в кафе за праздничным завтраком.

Новость была, разумеется, — Декларация о разделе Палестины. Это известие превратило мирный, элегантный, образованный Бейрут в сумасшедший дом. По городу разъезжали автомашины с громкоговорителями, сообщавшими о том, что в три часа дня на главной бейрутской площади Пляс де Мортир (Площадь мучеников) начнется массовое шествие. Вокруг газетных киосков собирались толпы, кто-то читал вслух сообщения для тех, кто не мог подобраться ближе или не знал грамоты. Во всех кафе и ресторанах на полную мощность ревело радио, передававшее военные марши и экстатические молитвы. Приближался час демонстрации, и тут ноги сами понесли меня на сборный пункт, а разум стал услужливо убеждать, что это самое безопасное

место в городе. Вместе с сотнями или даже тысячами других людей я слушал подстрекательские речи, несущиеся из громкоговорителей. Потом началось шествие. Колоссальная толпа медленно продвигалась вперед, несколько десятков заводил, стоя на плечах своих товарищей, скандировали: "Фаластин биладна, в'аль яхуд клабна!" ("Палестина — наша страна, евреи — псы!") и тысячи голосов подхватывали этот клич, лишь изредка прерываемый другими: "Долой сионистов!" и "Бей евреев!"

Надо сказать, что демонстрация все же до конца сохраняла организованный характер. В полночь все разошлись, после того как нам объявили, что на следующий день состоится всеобщая забастовка, а в десять утра возле министерства внутренних дел намечается новая демонстрация.

Вернувшись к себе в гостиницу, я увидел в холле Махмуда Саида Абдаллу, безусловно, самого симпатичного из контрабандистов, которого у нас называли просто Филипп. За время моего недолгого житья в Ливане мы с ним успели подружиться.

— Где вы пропадали? — почти закричал на меня Филипп.

Вид у него был такой подозрительно растерянный, что я быстро вытащил его на улицу, приговаривая: "Пойдем-ка, чего-нибудь поедим". Отойдя на почтительное расстояние от гостиницы, я наконец спросил его:

— Что случилось, Филипп? Чем вы так расстроены?

— Вы не представляете, как я волновался за вас! Я раз десять забегал в отель и мне всякий раз отвечали, что вы ушли утром и еще не вернулись. Я не знал, что и подумать! Я был уверен, что произошло что-то ужасное!

— Филипп, пожалуйста, возьмите себя в руки.

И говорите потише! — проскрежетал я, чувствуя себя в большей опасности, чем среди беснующейся толпы.

— Что вы себе думаете, пропадая на целый день? — продолжал отчитывать меня Филипп. — Я пришел пригласить вас пожить у меня или самому переехать к вам во избежание неприятностей. И что же я узнаю! Вы слоняетесь по городу в самый разгар настоящего бунта!

— Я не слонялся, Филипп, — сказал я тихо, в надежде, что и он понизит голос, — и это вовсе не бунт. Я был на демонстрации и уверяю вас, это было самое безопасное место в городе.

Филипп остановился как вкопанный и схватил меня за руку.

— Господи, да вы с ума сошли! — выдавил он. Не было никакой возможности убедить Филиппа в разумности моего поведения, оставалось только успокаивать его.

Я не принял приглашения Филиппа переехать к нему и не позволил ему сидеть со мной в отеле. Вместо этого на следующий день, доводя свой метод до логического конца, я отправился на вторую демонстрацию, хоть мне и подумалось, что Филипп, может быть, прав насчет состояния моего рассудка. Чем дальше, тем больше убеждался я в том, что сегодняшнее шествие не закончится так же организованно, как вчерашнее. В толпе, собравшейся у министерства внутренних дел, выделялась группа молодежи. Я пробрался поближе к ним и присоединился к их исступленным воплям. "Пошли в Вади Абу-Джамиль!" (еврейский квартал Бейрута) — кричали они. Раздался одинокий голос, призывавший к сдержанности и убеждавший, что правительство допустит лишь мирную демонстрацию.

"Правительство с нами!" — заорал лидер группы бешеных, и его дружки двинулись по направ-

лению к еврейскому кварталу, увлекая за собой часть толпы. Сжатый со всех сторон, я не мог выбраться и уже представлял себе погром, как вдруг увидел перед собой конную полицию. "Назад! Назад!" — кричали полицейские, угрожающе замахиваясь дубинками. Я не нуждался в повторных увещеваниях — да и более рьяные демонстранты тоже, — потому что уже через несколько минут полиция оттеснила толпу назад, к тому месту, где теперь произносили речи. Я вместе со всеми внимал пламенным ораторам, когда рядом со мной вдруг надломился каменный забор, на котором оказалось слишком много слушателей, и я едва избежал увечья. Помимо всего прочего, будь я ранен, мне бы пришлось отвечать на множество неприятных вопросов. Тем временем речи подошли к концу и наша толпа влилась в уличное шествие. Мы прошли мимо иностранных посольств, выкрикивая страстные протесты против голосования их стран в ООН, в окна полетели камни. Тут я решил, что получил свою порцию приключений, и при первой возможности дезертировал с поля битвы.

Корреспондент "Рейтер" в Бейруте сообщил в тот день, что в демонстрации участвовало десять тысяч студентов и что в окна информационного представительства США и французской дипломатической миссии бросали камни. Ссылаясь на официальные источники, газета "Палестайн Пост" (теперь "Джерузалем Пост") заявила, что "правительство приняло меры для охраны еврейского квартала Бейрута, выставив вокруг него вооруженную охрану". Могу подтвердить, что в Бейруте меры эти оказались вполне эффективными. Однако в других городах Ливана и особенно в Сирии положение было более серьезным. В Алеппо (Халеб) многие евреи подверглись нападению, десятки магазинов были раз-

граблены и разбиты, здание синагоги подожжено. Ходили слухи о том, что в ходе беспорядков было убито восемь евреев, началось бегство евреев в Ливан. Особенно накалилась обстановка в Дамаске, где еврейский квартал уцелел просто чудом: по дороге туда исступленная толпа схватилась с группой коммунистов, несколько человек было убито и ранено, полиция вмешалась и положила конец беспорядкам.

Этот поворот событий заставлял меня с удвоенной энергией искать новые пути переправки ливанских евреев (и множества еврейских беженцев, прибывавших в Ливан из Ирака и Сирии) в Страну. Наиболее логичным было обратиться к Филиппу, который был известен тесными связями с полицейскими и армейскими офицерами, расквартированными вблизи границы.

6 декабря я писал в Тель-Авив:

"Я договорился с Филиппом об эксперименте. Его подход представляется мне удачным: машина с местными пуговицами (полицейскими) в сопровождении короны (майора). Цена двадцать (палестинских фунтов) — за крупные, десять — за мелкие. У нас сейчас много возможностей и мы будем продолжать тесное сотрудничество. В первой попытке примут участие десять работников".

Но прежде чем предпринять эту попытку, я хотел все проверить лично. Итак, мы отправились с Филиппом в поездку по приграничному району. Относительно благоприятные условия, многочисленные связи Филиппа и уважение, которое оказывали ему на различных пропускных пунктах, произвели на меня впечатление. Я решил, что план вполне реальный, и назначил первую попытку на 21 декабря. Все обошлось благополучно и, окрыленный результатами, я бросился организовывать новые "поставки", пока не получил из Тель-Авива невообразимый приказ:

"Временно прекратите дальнейшие поставки". Уточнение "временно" казалось мне абсолютно бессмысленным: я все равно через несколько дней возвращался домой. После того, как я три месяца лихорадочно искал возможности переправки олим в Эрец-Исраэль и все мои попытки проваливались, я наконец, кажется, нашел надежный путь через границу — и тут-то мне приказывают все прекратить, "временно"! И без того мрачное настроение стало невыносимым, когда в самом конце декабря мы узнали о том, что процесс Акивы Файнштейна кончился совсем не так, как хотелось бы.

Приговор должны были объявить в субботу 27 декабря. Накануне, когда я ехал в Дамаск на последнее заседание суда, я еще надеялся, что, несмотря на враждебную обстановку, я смогу скоро отпраздновать с Акивой его освобождение и сделать все необходимое для его возвращения домой. Я влез в такси, как всегда, снабженный кучей иллюстрированных журналов, оделил ими попутчиков и перед границей притворился спящим. Но на сей раз доселе безотказный метод не сработал. Пограничник тряс и тормошил меня до тех пор, пока я не открыл глаза (а то он принял бы меня за мертвого), потом всех пассажиров погнали на пограничный пункт. По дороге мне стало казаться, что я переборщил, беспрерывно ездя туда-сюда и меняя гостиницы, и теперь меня ведут прямехонько в ловушку. Я стал раздумывать, как отвечать на неизбежные вопросы, и не лучше ли просто молчать. Но когда, почти съежившись от страха, я вошел в помещение пограничного контроля, оказалось, что все пассажиры обязаны предъявить свидетельство о прививке против холеры. В районе свирепствовала очередная вспышка этой болезни, и сирийские власти решили запретить въезд в страну тем, кто не

прошел вакцинацию. Едва успокоившись, я понял, что не смогу продолжать путь, так как у меня нет соответствующей карточки. Все уговоры и просьбы оказались тщетными, тогда я подошел к майору, командовавшему погранпунктом, и объяснил, что не намереваюсь задерживаться в Дамаске, а сегодня же еду в Багдад. Но майор оставался непоколебим. Я попытался уломать его другим способом.

— Господин майор, быть может, вы все же найдете способ помочь мне? — просительно прошептал я, демонстративно засовывая руку во внутренний карман пиджака, где обычно лежит бумажник.

Тут в глазах майора появился зловещий блеск, и я понял, что на этот раз ошибся.

— Что вы сказали? — угрожающе прорычал он.

— Ничего, я только подумал, нельзя ли мне пройти прививку в Дамаске, но теперь понял, что вряд ли.

— Вы поняли правильно. Убирайтесь отсюда и не попадайтесь мне больше на глаза!

Я вернулся в Бейрут вне себя. Каково будет писать в отчете, что я пропустил суд Акивы из-за противохолерной прививки. Да надо мной весь Мосад будет потешаться! Меня ведь послали сюда прежде всего из-за суда, а я застрял в Бейруте.

Проснувшись на следующее утро, я услыхал голоса таксистов, искавших пассажиров до Триполи, североливанского города, расположенного недалеко от сирийской границы. Развернув карту, я понял, что от Триполи рукой подать до сирийского города Хомса, а уж Дамаск там рядом — все это, конечно, пройдет, если сирийцы перекрыли границу только на дороге Бейрут—Дамаск. Стоило проверить. Через несколько минут я уже ехал на север. Приморская дорога была

необычайно живописна: на востоке — самые высокие горы, какие мне до тех пор доводилось видеть, на западе — лазурное море. В Триполи я пересел на автобус, идущий в Хомс, и без сучка и задоринки пересек границу, потом другим автобусом добрался до Дамаска.

Попал я в Дамаск уже поздним вечером, совершенно измотанный после одиннадцати часов езды на перекладных (вместо обычной двухчасовой поездки). Из гостиницы я тут же позвонил адвокату и услышал невеселые новости: Акиву признали виновным и приговорили к трем годам тюрьмы — это был максимальный срок по выдвинутым против него обвинениям. Все надежды на легкий приговор или даже на оправдание — надежды, которые умело подогревал Ассас, — рухнули. Я не пытался скрыть от Ассаса своего гнева.

— Я очень сожалею, — отвечал он. — Поверьте, я сделал все возможное. Но в нынешней политической обстановке на оправдание уже не приходилось надеяться. Хорошо, что его хоть не обвинили в подделке документов, а то он получил бы гораздо больший срок.

— Я хочу повидаться с Акивой завтра, — сказал я.

— Не уверен, что стоит это делать сейчас, условия весьма неблагоприятны.

— Я настаиваю, — резко произнес я.

— Ну ладно, — ответил Ассас после небольшой паузы. — Завтра около полудня я зайду за вами.

Мы встретились с Акивой в тюремной комнате свиданий. Я снова заметил, с каким уважением относятся к нему тюремщики и товарищи по заключению. Увидев меня, Акива даже зажмурился от удивления.

— Когда вас выпустили? — спросил он.

— Откуда? — ответил я вопросом на вопрос.

— Разве вас не арестовали вчера в зале суда?

Видя, что я не понимаю, о чем речь, Акива объяснил, что как раз перед открытием судебного заседания полиция задержала всех присутствовавших в зале суда и опросила их, почему они посещают этот процесс.

— Потом они объявили, что арестовали трех палестинских шпионов, и я решил, что вы — один из них. Не видя вас во время суда, я был уверен, что вы в худшем положении, чем я.

С недоверием выслушал Акива мой рассказ о том, что произошло на границе. Но некогда было предаваться размышлениям о капризах судьбы. Я спросил Акиву, стоит ли подавать апелляцию.

— Нет, ничего не поможет, — сказал он спокойно. — Я просто жертва, на которой отыгрались за создание государства. Не беспокойтесь, я справлюсь.

В глазах у меня стояли слезы, было трудно говорить, я понимал, что передо мной — настоящий национальный герой. В оставшееся время мы коротко обсудили практические подробности, я дал Акиве денег и сказал, что оставлю у Эли Цагхи деньги на случай, когда они ему пригодятся[20].

Конец суда над Акивой означал и конец моей командировки. Я заказал себе билет на самолет на 2 января. Но прежде чем уехать, я нашел в бейрутской еврейской общине молодого человека, который обещал быть в курсе наших дел в Ливане до приезда нового агента. Мой доверенный решил устроить мне торжественные проводы и пригласил отметить Новый год в одном из самых изысканных кабаре Бейрута. Киббуцнику такая буржуазная роскошь казалась предосудительной, но мой бейрутский знакомый так настаивал, что пришлось согласиться.

Вот и вышло, что я встречал 1948 год в поистине сюрреалистической обстановке: в руке бокал шампанского; рядом очаровательная французская танцовщица, щедро демонстрирующая свои прелести; трое скрипачей-цыган ходят между столиками и собирают заказы. Когда они подошли к нам, я попросил исполнить "Песню Сольвейг" Грига. Эта мелодия полюбилась мне с тех пор, когда я впервые услышал ее от своего учителя музыки. Несмотря на ярко выраженный норвежский колорит этой мелодии, мне она всегда казалась типично еврейской по чувству. Мне подумалось также, что такой выбор хорош и по соображениям конспирации, хотя вряд ли это цыганское трио вообще знает "Песню Сольвейг". Но я ошибся. Не успел я произнести название, как музыканты уже заиграли, закрыв глаза и раскачиваясь в такт музыке. Под этот лирический аккомпанемент (да еще после шампанского) я расчувствовался и заскучал по дому. И пошли мысли о том, каково там сейчас, что творится в Хайфе, которую я скоро увижу...

* * *

Пока политическое будущее Палестины оставалось неясным, огонь гражданской войны продолжал тлеть. Теперь он вырвался на волю и бушевал в полную силу. Несколько дней назад кто-то швырнул две гранаты в толпу арабских поденщиков, столпившихся за воротами нефтеперегонного завода Хайфы, четверо было убито и сорок четыре человека ранено. Это нападение, подготовленное, очевидно, организацией Эцел[21], которую возглавлял Менахем Бегин, подрывало усилия национального и муниципального еврейских советов, направленные на поддержание относительного спокойствия в Хайфе. Оно дало новый толчок

арабским зверствам: две тысячи арабов, работавших на нефтеперегонном заводе, набросились на четырехсот рабочих-евреев с топорами, железными кольями, молотками, растерзали тридцать девять человек и покалечили семерых — все это на глазах солдат Трансиорданского Арабского легиона (находившегося в Палестине под командованием англичан), которые невозмутимо наблюдали за резней, а подчас даже мешали попыткам спасти жертвы. Следующей ночью Хагана нанесла ответный удар: проникнув в два арабских квартала, бойцы Хаганы беспощадно отомстили десяткам участников расправы с еврейскими рабочими.

Слухи об этих событиях, зачастую искаженные и раздутые, доходили до Бейрута. Я решил, что в Хайфе происходит нечто невообразимое, и рискнул: пошел на центральный почтамт, позвонил в Мосад и попросил, чтобы меня встретили в аэропорту. Приземлившись в Хайфе, я, однако, не увидел среди встречающих знакомых лиц. Таксист транспортного агентства Шахибы и Элиаса Хал, памятного мне по поездке в Бейрут в октябре, предложил подвезти меня в город, но я с полной уверенностью ответил, что за мной придет машина. Время шло, но никто не появлялся. Наконец аэропорт опустел, подошел полицейский и осведомился о моих планах. Я (правда, не слишком уверенно) ответил, что за мной скоро приедут. Но долгожданная машина все не появлялась и до меня наконец дошло, что ждать дальше бессмысленно. Оставшиеся в аэропорту таксисты были арабы, но выбирать не приходилось: я подошел к одному из них и по-арабски попросил отвезти меня в город.

— Куда именно в городе? — осторожно спросил он. — Вы, вероятно, знаете, что в Хайфе сейчас не очень-то спокойно.

Я вспомнил про нижнюю Хайфу, расположенную вокруг порта, которая разделялась на еврейский и арабский секторы, причем главная торговая артерия — улица Млахим — была поделена на три части: две арабские и одну еврейскую, зажатую между ними. Вспомнились мне также рассказы про частые стычки между населением арабских и еврейских кварталов и про то, что любого еврея, имевшего несчастье забрести в арабскую зону, ждет печальная участь. У таксиста, озабоченного собственной безопасностью, явно роились в голове те же мысли.

— На улицу Млахим, — сказал я, но он был не глупей меня и хотел знать номер дома.

— Не помню точно, но я узнаю дом, когда подъедем. Поезжайте медленно, я покажу, где остановиться, — ответил я.

По дороге в город я расспрашивал шофера о положении в Хайфе. Он, как и следовало ожидать, распространялся о варварстве евреев, творимых ими зверствах и необходимости их хорошенько проучить. Продолжая беседовать, мы въехали на улицу Млахим и таксист с возрастающим беспокойством то и дело стал спрашивать, где остановить машину.

"Чуть дальше", — успокоительно приговаривал я, пока не увидел заграждение из колючей проволоки, отделяющее арабский сектор от еврейского. Таксист неохотно двигался вперед, наконец машина почти уперлась в заграждение. Тут я заорал: "Стоп!" (хоть в этом не было никакой необходимости) и, кое-как сунув водителю деньги, выпрыгнул из машины с чемоданом в руке. "Будь ты проклят!" — завопил таксист, но я уже перемахнул через колючую проволоку. Резко взвизгнув шинами, машина рванула назад, а я зашагал к дому, где размещался Мосад.

Встретили меня там по-царски, но мне от этого было не легче.

— Почему за мной не приехали в аэропорт? Как я должен был, по-вашему, добираться сюда? — кипятился я.

— После беспорядков на нефтеперегонном заводе стало трудно добывать бензин, — объяснил мне коллега. — А потом, Шаммай, мы были уверены, что ты как-нибудь выпутаешься, — и видишь, не ошиблись!

Командировка моя продолжалась менее трех месяцев, но вернулся я в совсем другую страну — страну, над которой занимался пожар войны.

ВЕТРЫ ВОЙНЫ

Расспросите бедуинов про пустыню, и они расскажут вам, какие мощные потоки воды несутся подчас по ее просторам, — кажется, конца им не будет. Но вот наступает весна, на серо-коричневую землю ложится чудесный ковер ярких цветов, водяные потоки вдруг исчезают, твердая почва жадно впитывает последние капли влаги, и скоро уже все вокруг сожжено палящим солнцем, всюду, сколько хватает глаз, снова царствует запустение.

Подобную картину застал я, вернувшись из Ливана в январе 1948 года. Ручей иракской алии, который мнился мне полноводной рекой (особенно после полетов "Майклберга" и смелой операции, проведенной в конце октября, когда два грузовика доставили в Эрец-Исраэль семьдесят пять человек), внезапно пересох. Объяснение этому дал не кто иной, как Сами, сопровождавший группу из семидесяти пяти олим. Он откладывал возвращение в Багдад по двум причинам: во-первых, потому, что влюбился в мо-

лодую девушку из Басры, которая была одной из моих подопечных в первом полете "Майклберга"; во-вторых, потому что у него не было необходимых документов для легального въезда в Ирак. Мы уже не могли переправить Сами в одном из тех грузовиков, которые перевозили в Ирак всех наших агентов в 1947—48 годах (я был единственным исключением), поскольку теперь транспортные грузовики редко отправлялись на восток через пустыню. К тому же, дорожный контроль стал значительно строже.

Итак, Сами остался в Стране и сделался местным оракулом по вопросам иракской алии. Теперь он объяснял мне, что в связи с тревожной обстановкой, создавшейся после решения ООН о разделе Палестины, подготовкой арабов к войне и концентрацией регулярных и нерегулярных арабских войск в пустыне между Ираком и Палестиной, а также вдоль границ, продолжать иммиграцию через пустыню стало невозможно (этим объяснялся и полученный мною в Ливане странный приказ "временно прекратить поставки"). После привезенной Сами в октябре партии из семидесяти пяти человек никто из наших людей не выезжал из Ирака. Правда, 28 декабря в Страну прибыла группа из тридцати евреев (в том числе двенадцать маленьких детей). Они сами наняли контрабандиста, который вполне благополучно перевез их в Палестину.

Такая "самодеятельная" алия (как мы ее величали) не являлась чем-то новым. Состояла она из евреев, которые мечтали попасть в Эрец-Исраэль, но никогда не слыхали о сионистском подполье, не знали, как установить с ним контакт, или из тех, что не признавали очередности, установленной подпольным движением (например, не желали уступить очередь тем, кто подвергался преследованию властей), и решений о персо-

нальной пригодности к переходу через границу. Такие люди искали — и без труда находили — офицеров полиции и чиновников, которые за щедрое вознаграждение готовы были предоставить им паспорта с выездными визами. Не было недостатка и в контрабандистах, которые зачастую просили деньги вперед, а потом с легкостью забывали о своих обязательствах.

Спрос на контрабандистов возрос, когда желающим эмигрировать из Ирака евреям стало ясно, что каналы Мосада крайне ограничены. Несмотря на непомерные цены и риск, самодеятельная алия росла, все больше евреев прибегало к услугам никому не известных контрабандистов.

При всем при том группа в тридцать человек, прибывшая в декабре 1947 года, являлась рекордной по величине и выделялась тем, что приведший ее контрабандист сам был иракским евреем по имени Иехезкель Машиах. Я знал Машиаха — встречался с ним в начале августа 1947 года после того, как Мосад получил странное сообщение из киббуца Бет ха-Арава[22], расположенного на северном берегу Мертвого моря: "группа подозрительных людей", утверждавших, что они — олим, средь бела дня, без всяких предосторожностей перешла Иордан и вступила на территорию киббуца. Не зная, как поступить с неожиданными гостями, киббуцники вежливо задержали их у себя и попросили нас вмешаться. Приехав в киббуц, я с первого взгляда понял, что передо мной действительно иммигранты из Ирака. В рапорте об инциденте, представленном в Мосад, я так описывал Машиаха:

"Он производит впечатление знающего человека... но я думаю, что его деятельность создает дополнительный риск для нашей работы, поскольку он неосторожен... В данном случае он не скоординировал со всеми участниками время подхо-

да к сборным пунктам. Они четыре раза меняли транспорт и на последнем этапе ехали в шикарных иорданских такси! Машиах получил по двести палестинских фунтов с человека".

Несмотря на чрезмерную беспечность Машиаха, я рекомендовал представителям Мосада встретиться с ним и выработать план совместной работы на будущее, но, насколько я знаю, такая встреча не состоялась. Я тоже забросил это дело, сперва из-за своих распрей с Мосадом, потом из-за операции "Майклберг" и приготовлений к отъезду в Ливан. Но теперь, когда имя Машиаха всплыло снова, я рассвирепел: он по-прежнему продолжал свою любительскую работу, а мы, "профессионалы", оказались совершенно парализованными. Я так разошелся, что потребовал срочной встречи с руководством Мосада.

— Ведь это же позор, — бушевал я. — Мы сидим сложа руки, рассуждая о возможных вариантах и предаваясь прекраснодушным сожалениям, а мелкий частник, вроде Машиаха, приводит партию из тридцати человек!

— Ты, как всегда, преувеличиваешь, — с редкой для него резкостью огрызнулся Моше Кармил. — Ты знаешь, что мы делаем все возможное.

— Это легко сказать. Но когда я нашел способ проводить людей через Ливан, вы приказали мне временно приостановиться — Бог знает, на сколько. А теперь я вижу, что вся работа в Ираке застопорилась. С тем же успехом мы могли бы закрыть лавочку и предоставить каждому вылезать, как он сумеет!

— Вакуум, который создался в результате прекращения нашей ответственной и осторожной работы, заполняется контрабандистами-частниками, — вставил Сами, — а это, конечно, намного опаснее.

— Шаммай, ты действительно готов на свою ответственность подвергать людей опасности, посылая их через пустыню теперь, когда она кишит муджахидинами[23] и соединениями арабских армий, готовящимися к нападению на нас? — спросил один из защитников Моше. — Разве ты не видел многочисленных сообщений о концентрации войск? Ты представляешь, что ждет каждого, кто попадет в руки арабов? Я сейчас не говорю ни об арестах и судах, ни даже о пытках. Ты готов взять все это на свою совесть?

Вопрос, конечно, был правильный, но не надо было забывать, что мы не могли просто стоять в стороне и ничего не делать.

— Мне кажется, опыт Второй мировой войны и Катастрофы учит нас, что дело не в том, можем ли мы рисковать жизнью людей, а в том, что мы не имеем права *не* рисковать!

В комнате воцарилась напряженная тишина, мои товарищи сосредоточенно разглядывали свои ногти и ботинки.

— Не думаю, что у нас есть выбор, — снова заговорил я, — положение будет только ухудшаться, и если мы не хотим сдаться совсем, надо начать что-то делать.

Никто не спорил. Сразу же после этого совещания в Багдад была отправлена радиограмма с приказом возобновить "поставки" при условии, чтобы в группы не входило более пятнадцати человек, причем только вооруженных мужчин. Но эта радиограмма была уже последним вздохом умирающего. Ни одна группа не прошла больше через пустыню. Вскоре было арестовано несколько контрабандистов, в том числе Джума, который был вторым шофером того самого злополучного грузовика, перевернувшегося в пустыне. Этот же Джума участвовал и в октябрьской операции, которой руководил Сами. Поймали их с грузом

контрабандного сахара, но полиция предъявила им также обвинение в незаконной перевозке евреев, и были все основания полагать, что больше мы не сможем прибегать к их услугам. Даже Иехезкель Машиах вышел из игры. А самое главное — последняя "самодеятельная" группа, шедшая через пустыню с проводником-арабом, попала в беду.

Собственно, слово "группа" здесь не очень подходит, так как входили в нее всего двое: двадцатичетырехлетний холостяк Аврахам Кадури Алафи и тридцатипятилетний Наджи Йосеф Менахем. Через несколько дней после их отъезда из Багдада в доме Алафи появился проведший их контрабандист с таллитом и тфиллин[24]. Вещи должны были служить доказательством благополучного прибытия их хозяина на место назначения. Контрабандист заявлял, что довел двух евреев до моста, переброшенного через Иордан у подножья Голанских высот, и потребовал остаток причитающихся ему денег. Примерно в то же время разведка Хаганы известила нас, что арабы поймали двух евреев, пытавшихся перейти Иордан недалеко от Бет ха-Арава. Евреи утверждали, что пришли торговать овцами, но это звучало не слишком убедительно. К тому же на каждом из пойманных оказалось четыре слоя одежды, включая пижамы. Алафи и Менахема отправили в Иерихон, в штаб-квартиру Фаузи эль-Каукджи, где следы их затерялись. По прошествии нескольких недель в Багдад вернулся некий иракский офицер, связанный с муджахидинами. Он посетил семьи Алафи и Менахема и предложил им собрать большую сумму денег, если они хотят, чтобы их близкие были благополучно доставлены в руки евреев. На этом история внезапно оборвалась, и нам оставалось только предположить, что двое несчастных убиты бандитами Каукджи.

Подобно великому Моисею, они сподобились лишь увидеть Землю обетованную издалека, но не войти в нее, и до сего дня никто не знает, где их могила.

По всем этим причинам, казалось, что нашей единственной надеждой переправить людей в Эрец-Исраэль остается Разук. Естественно поэтому, что меня первого предупредили о его прибытии в Бет ха-Арава в конце февраля. Разук был ассириец, занимавшийся грузовыми перевозками между Багдадом и Хайфой. Этот честный и преданный нам человек почти в каждый свой приезд в Палестину привозил одного-двух наших парней, спрятанных среди груза, а в обратном направлении охотно вез агентов Мосада. Несколько месяцев назад Юнис выдвинул идею помочь Разуку купить большой новый трейлер и встроить в него потайное отделение, где с относительным комфортом можно было бы провозить десять-двенадцать человек. Строительство этого "купе" поручили одной компании в Тель-Авиве, и дело затянулось дольше, чем мы ожидали. Только в середине февраля 1948 года Разук приехал за своим новым грузовиком. Ассириец въехал в Палестину по единственному оставшемуся неповрежденным мосту — мосту Алленби, недалеко от Бет ха-Арава. Он отдыхал в киббуце, пока трейлер перегоняли из Тель-Авива. Но машина оказалась неисправной настолько, что необходимо было либо капитально ремонтировать мотор, либо устанавливать новый. Меня послали в Бет ха-Арава через Иерусалим, чтобы договориться с Разуком обо всех существенных деталях.

Такая поездка уже не была простым делом. Даже мы, работники Мосада, с головой ушедшие в вопросы алии, не могли не замечать, что вокруг нас бушует война, еще не объявленная, но, без сомнения, самая настоящая война за суще-

ствование. За один только декабрь 1947 года, первый месяц после голосования в ООН о разделе, в стране было убито арабскими бандитами 216 евреев и 389 ранено — при общей численности еврейского населения 655000. В январе, когда я стучал кулаком по столу, требуя найти какой-нибудь способ для переправки из Ирака еще одной горстки людей, вооруженные столкновения участились; нападениям подвергались целые еврейские поселения. Междугородный транспорт в такой обстановке особенно уязвим, поэтому автобус, в который я залез 1 марта, направляясь в Иерусалим, по внешнему виду напоминал танк. Его борта и окна были покрыты бронированными листами, между которыми были прорезаны щели, чтобы можно было просунуть ствол ружья, а переднюю стенку автобуса заменял стальной лист с узкой застекленной прорезью, позволявшей водителю видеть дорогу. Приехав на автобусную станцию, я увидел Моше Кармила, который неизменно провожал нас во все поездки — неважно, далекие или близкие (я никогда не мог понять, где находил он время на эти проводы). В руках у Моше был пакет со свежими булочками, пачкой халвы и апельсинами.

— Моше, ты снабжаешь меня так, точно я готовлюсь к Исходу из Египта! А я еду всего лишь в Иерусалим к сестре, которая тут же начнет баловать меня сластями, — пожурил я начальника.

— Нынче любое путешествие все равно, что Исход из Египта, — проговорил Моше, впихивая пакет мне в руки, — бери, бери, может, пригодится.

Моше оказался прав, ибо в тот день мы не добрались до Иерусалима, да и в Тель-Авив тоже не вернулись. Сперва наш автобус поехал к кибуцу Хулда. Это был сборный пункт для транс-

порта, направлявшегося в Иерусалим: бронированных автобусов, грузовиков, везущих мешки с мукой и другой провизией для жителей осажденного Иерусалима, пикапов, на которых ехала вооруженная охрана, состоявшая из бойцов Палмаха. Палмахники в вязаных шапках сновали между машинами, выкрикивали противоречивые команды и всячески суетились. Наконец вся колонна была выстроена на шоссе в одну линию. Выехали мы уже после полудня, но километров через десять, в Латруне, где находился английский полицейский участок, нас остановил офицер, сообщивший водителю головной машины, что дальше ехать нельзя, так как на дороге масса мин и других препятствий. Делать было нечего — вся колонна развернулась и снова двинулась к Хулде.

На следующее утро, проведя ночь в холодном автобусе, мы снова прошли ритуал осмотра с его исключающими друг друга командами, пока наконец охрана не дала нам "добро". Воздух задрожал от гула десятков моторов и одновременного переключения передач. Проехав немного, колонна остановилась, дверь нашего автобуса отворилась, в нее просунулась голова в вязаной шапочке и мы услышали: "Миновали Латрун. Приготовьте оружие". Потайная ниша была в момент опорожнена, части "стэнов"[25] появлялись из под юбок, магазины вставлены в готовое к бою оружие. В автобусе вновь установилась тишина, водитель включил мотор и мы въехали в Баб эль-Вад, узкое ущелье, с которого начинается подъем в Иудейские горы. Автобус остановился опять.

— Дорога блокирована, — со знанием дела объяснил один из пассажиров. Однако через несколько минут мы снова двинулись. И тут раздался грохот оружейного огня, заглушивший рев моторов. В бортах автобуса открылись бойницы, и

"стэны" дали ответный залп. По крикам снаружи мы поняли, что какая-то машина была повреждена. Сквозь грохот доносились распоряжения охраны: "Объезжайте их! Вперед, не останавливайтесь!" Теперь мы проходили через засаду, слышно было, как барабанят пули по железной обшивке автобуса. Через незащищенную крышу некоторые из них попадали в автобус. Вдруг раздался крик: "Помогите, я ранена!" Обернувшись, я увидел девушку с залитым кровью лицом. Это была Лея Ракова, восемнадцатилетняя палмахница, с которой мы разговорились накануне. Теперь смертельно раненая Лея сползала с сиденья на моих глазах, а я сидел, точно парализованный, не в силах пошевельнуться, и глядел на нее. Потом почувствовал, как чья-то рука легла мне на плечо, и услышал вопрос: "Эй, друг, ты можешь помочь?"

Я кивнул, все еще не отрывая взгляда от Леи.

— Ты будешь стрелять или ухаживать за ранеными?

— А? — переспросил я, начиная соображать, что должен действовать, решать, что мне предоставляется выбор: спасать или убивать.

— Стрелять, — неожиданно для себя самого твердо ответил я.

И я стрелял — с гневом, ненавистью, но больше всего с отчаянием, ведь я знал, что выстрелы мои совершенно бесполезны. Нападавшие прятались за огромными валунами, рассыпанными по обеим сторонам шоссе, а я едва мог что-либо увидеть сквозь узкую щель в стальной обшивке. Но звук выстрелов понемногу стих, слышался лишь шум мотора да стоны раненых; наш автобус взбирался в горы.

На въезде в Иерусалим колонна остановилась подсчитать потери. Лея Ракова была уже мертва. Многие были ранены, в том числе вздорный

парень, с которым мы поспорили, выезжая из Хулды: он требовал, чтобы я уступил ему место, утверждая, что раньше сидел там. Я уступил, не видя особой разницы между местами. Теперь, помогая выносить его из автобуса, я подумал, как неисповедима судьба: ведь если бы не его упрямство, он бы нес меня на носилках.

На следующий день я отправился в Бет ха-Арава. Поездка была куда более спокойная, может быть, потому, что я ехал на попутном грузовике, шедшем на поташный завод Мертвого моря. Акционерами компании являлись преимущественно британские граждане и поэтому, защищая их интересы, мандатные власти поддерживали безопасность на дороге к Мертвому морю. Кроме того, это был единственный путь на Иерусалим с востока, так что и арабам было выгодно, чтобы он действовал нормально, поскольку они тоже им пользовались.

Короче говоря, я благополучно прибыл к Разуку и привез его в Иерусалим, откуда нам предстояло добираться до Тель-Авива с другой колонной. Я, естественно, предупредил Разука, что поездка может оказаться несколько беспокойной. Но благодаря действиям Хаганы дорога на Тель-Авив была временно открыта и путешествие наше прошло вполне гладко. Когда я сообщил Разуку, что мы прибыли в Тель-Авив, он укоризненно посмотрел на меня и сказал: "Ох, Юсуф, ты меня просто разыгрывал, хотел запугать!"

Весь этот эпизод, в сущности, ироничен: подвергая опасности жизнь, чтобы воссоединить Разука с его грузовиком, мы не могли дальше сдвинуться с места. Разведка Хаганы засыпала нас свежими сводками о концентрации арабских сил (муджахидинов и регулярных соединений) вдоль главных дорог Трансиордании и реки Иор-

дан. Само собой, каждый грузовик будут без конца останавливать и тщательно проверять еще до въезда в Палестину, а переезд через границу окажется практически невозможным. Но даже если допустить, что Разук пересечет границу, нам еще остается перевезти олим с Мертвого моря на средиземноморское побережье, а в создавшихся условиях даже я вынужден был признать, что это нереально. Поэтому самым разумным представлялось оставить грузовик там, где он находился, и отправить Разука домой самолетом. Надежда сохранить хоть маленький ручеек алии из Ирака оказалась тщетной — как будто последние капли влаги без остатка были поглощены пустыней.

Тем не менее, 10 марта Сами возвратился в Ирак, чтобы продолжать работу по координации нелегальной алии (мы решили проблему документов, заменив фотографию на моем паспорте, украшенном теперь также множеством ливанских и сирийских штемпелей). Вернувшись в Багдад, Сами принялся налаживать связи с чиновниками, занимавшими ключевые посты в пограничной службе и в аэропорту. В прошлом нам удавалось иногда переправлять людей с помощью подделки паспортов.

Снабдив наших людей нееврейскими (обычно христианскими) именами и новыми датами рождения, мы затем формировали из них "семьи", которые могли путешествовать с одним разрешением. Способ этот имел свои ограничения и был страшно дорог, поскольку приходилось "подмазывать" людей, привыкших к очень высоким "ставкам". Поэтому мы прибегали к нему лишь в исключительных случаях, например, когда кого-либо разыскивала полиция. Теперь других методов, видимо, не осталось.

Итак, после возвращения Сами в Багдад к нам снова стали просачиваться олим из Ирака. Обыч-

но они прилетали на египетских самолетах, делавших остановку в Лоде. Но прибытие в аэропорт еще не означало окончания путешествия или конца трудностей. Аэропортом все еще управляли англичане, почитавшие своим долгом даже в последние дни мандата препятствовать легальной еврейской иммиграции. Да и сама поездка в аэропорт, находящийся в получасе езды от Тель-Авива, вовсе не была таким уж легким делом, ведь ехать приходилось в бронированных автомобилях и под охраной. Наконец, будто всего перечисленного выше еще недостаточно, необходимость маскироваться до конца подчас вызывала дополнительные сложности — ведь для иракского араба столь же неестественно ехать в Тель-Авив, как для еврея — в населенный арабами район. Поэтому всякий раз, как ожидалось прибытие очередной группы (обычно состоявшей из двух "семейных пар"), я встречал ее в аэропорту с бронированным автомобилем и отвозил на место назначения.

Обязанность эта была приятной, особенно если учесть, что многие из приезжавших являлись активистами подполья, и я радостно приветствовал их на пороге свободы. Правда, пока они не выезжали с территории аэропорта, это был все же только порог, не раз случалось, что все шло наперекосяк, возникали накладки, которые могли бы показаться забавными, не будь столь многое поставлено на карту. Так, одна из первых "партий", прибывшая в конце марта и состоявшая из двух пар, получила четкие инструкции о том, что говорить в Лоде. Но, видно, как только они ступили на землю Эрец-Исраэль, их охватило пьянящее чувство свободы, и все наши наказы выветрились из их голов. Проходя паспортный контроль, они, как и следовало, объявили себя иракскими христианами, но на вопрос о месте

назначения радостно ответили: "Тель-Авив!"

Английский чиновник, проверявший паспорта, с ехидной усмешкой объяснил им (причем сильная примесь кокни[26] в его речи затрудняла понимание), что они, как видно, не учитывают местных условий: иракцам не рекомендуется ехать в Тель-Авив. Быть может, они предпочтут Яффу или Иерусалим?

— Нет, нам надо ехать в Тель-Авив, — решительно сказал руководитель группы Гиора.

Вскоре к английскому чиновнику присоединилось несколько служащих-арабов, которые хором заклинали четырех путешественников по-арабски: "Не езжайте в Тель-Авив! Евреи вас зарежут!"

Но на Гиору это не произвело ни малейшего впечатления.

— Мы хотим в Тель-Авив, — настаивал он.

Я стоял неподалеку, якобы погруженный в газету, ловил каждое слово этой мини-драмы и все больше бесился. Попытался было показать знаками второй паре, поглядывавшей в мою сторону, что упрямиться не стоит, но моя пантомима до них не дошла. Тем временем Гиора, секунду назад проявлявший твердокаменное упорство, вдруг понял, что загнал себя в угол, и неясно, как оттуда выбраться. Он не мог ни согласиться ехать в арабский район, ни изменить своей декларации и признать, что члены группы являются евреями. У него, по-видимому, не оставалось иного выхода, как стоять на своем.

К моему удивлению — и величайшему облегчению — английский чиновник наконец сдался и, пожав плечами, поставил штамп в оба паспорта. Он ведь сделал все, что мог. Сколько можно урезонивать этих иракцев, упрямство которых не уступало их глупости.

Первый барьер был взят. Но едва путешественники вышли из здания аэропорта, как попали в

осаду целого полчища арабов-носильщиков и шоферов такси. Я опасался новой беды, но не решался открыто подойти к новоприбывшим, а потому кинулся за помощью к Шимону Леви, семья которого держала гостиницу при аэропорте. На имена и прочие подробности времени не было. "Только уведи их куда-нибудь в сторонку", — взмолился я. Шимон кивнул и с устрашающе важным видом направился к двум парам. Величественно ткнув в их сторону, он рявкнул по-английски:

— Эй, вы, следуйте за мной наверх!

Приняв этого грубияна за еще одного английского чиновника, Гиора попробовал было объясниться:

— Мы уже закончили все формальности.

— Немедленно следуйте за мной, — повторил Шимон не допускавшим возражений тоном.

Загнав их таким образом в ресторан аэропорта, Шимон усадил компанию за столик и, за неимением других инструкций, заявил:

— Вам следует зарегистрироваться в гостинице при аэровокзале и оставаться здесь.

Тут Гиора завел прежнюю песню:

— Мы хотим ехать в Тель-Авив.

— Сидите здесь и не двигайтесь, — отрывисто приказал Шимон и помчался ко мне в полном изнеможении. "Твои друзья — законченные идиоты. Что бы я ни сказал, они на все отвечают "нет", — пожаловался он.

Я нацарапал записку Гиоре: "С приездом! Делайте все, что скажет этот человек. Амо Юсуф". Шимон подал записку четырем путешественникам вместе с кофе и пирогом. Увидев подпись, они стали ангельски покладистыми, вскоре Шимон провел их через кухню к бронированному автомобилю (который я успел перегнать к черному ходу) и мы благополучно отправились в Тель-Авив.

Вспоминается другой случай, когда одного из олим попросили перевезти в тюбике крема для бритья нашу почту. Войдя в здание аэровокзала и издалека заметив меня, молодой человек вытащил злополучный тюбик из своей дорожной сумки и, размахивая им в воздухе, закричал: "Амо Юсуф, Сами просил передать тебе вот это!" Я попытался знаками остановить его, но он продолжал радостно сообщать всем окружающим: "Сами сказал, что это очень важно!" Тут мне уж ничего не оставалось, как быстренько испариться — покуда я был еще на свободе, — до тех пор, пока курьер не успокоился.

В целом же подобные случаи являлись исключением. Сами тщательно инструктировал путешественников, да и сами они были не новички в подпольной жизни. Но даже когда случались ляпсусы, подобные описанным выше, я быстро забывал все свои переживания, как только оказывался вместе с новоприбывшими в машине, едущей в Тель-Авив. Они рассказывали последние багдадские новости, передавали приветы от друзей, а я чувствовал, как по всему моему телу теплой волной проходит радость успеха, и уже с нетерпением ждал новой "партии".

Однако 22 апреля и эта последняя лазейка закрылась. Нам пришлось радировать в Багдад:

"Берману от Арци.

Четверо благополучно прибыли в Лидду. Дорога из Лидды в Тель-Авив перерезана и они остались там..."

Тремя днями позже мы послали следующую радиограмму:

"Берману от Арци.

1. Евреи временно оставили лиддский аэропорт. В ближайшие дни пользоваться аэродромом будет невозможно.

2. До получения новых указаний прекратите посылать людей через Лидду".

Подобного распоряжения никогда ранее не отдавалось. Ключ повернулся в замке последний раз, восточные ворота закрылись наглухо. И случилось это как раз в тот момент, когда будущее иракского еврейства казалось еще мрачнее, чем у евреев в других странах Востока. В памяти иракских евреев еще свежи были воспоминания о недавнем опустошительном фаруде (погроме), а вокруг уже носились слухи о новом. Слухи эти вовсе не были беспочвенными, ибо правительство Ирака оказалось в щекотливом положении, не предвещавшем евреям ничего хорошего.

В сущности, после вывода союзных войск в 1945 году, в Ираке так и не установилось спокойствие. Страну раздирала борьба двух экстремистских групп: пронацистского лагеря во главе с Рашидом Али, противившегося малейшему английскому влиянию (не говоря уж о сионизме и евреях), и агрессивной коммунистической партии, которая хоть и была объявлена вне закона и вытеснена в подполье, но сохраняла серьезное влияние, в том числе и на значительную часть еврейской интеллигенции. После фаруда космополитическая идеология коммунистов показалась привлекательной многим еврейским интеллектуалам, державшимся в стороне от сионистского движения. Несколько ведущих деятелей иракской компартии были евреями.

Умело играя на свирепствовавшем в стране голоде (усугубленном несколькими годами засухи) и на повальной безработице, коммунисты сумели привлечь к себе широкие слои студенчества, фабричных рабочих и даже служащих. В 1947 году они организовали массовые демонстрации и мощные забастовки на оптическом заводе, среди слу-

жащих государственных учреждений и самую внушительную — на предприятиях крупнейшей в стране нефтяной корпорации "Ирак петролеум компани". Попытки правительства сорвать забастовки, повлекшие за собой жертвы, только подливали масла в огонь.

Был один пункт, в котором сходились позиции честолюбивых коммунистов и разочарованных пронацистов, — их непримиримая оппозиция особому статусу Великобритании в Ираке. По договору, подписанному в 1930 году (до получения Ираком полной независимости) сроком на двадцать лет, англичанам предоставлялись преимущества во многих сферах экономики. Этот статус послужил основой создания "Ирак петролеум компани" — экономического гиганта, высасывавшего из страны все соки и вызывавшего у иракцев чувство крайнего негодования.

Наряду с этими антибританскими настроениями на политическую жизнь Ирака наложил отпечаток и послевоенный экономический кризис. В местных и центральных органах управления царила коррупция, не прекращались межплеменные и межпартийные склоки, правительства возникали и разваливались с фантастической частотой, пока в порыве отчаяния правительство Салиха Джабра не обратилось за помощью к Великобритании. Англичане готовы были оказать помощь, но обусловили ее заключением нового пакта с Ираком, вместо прежнего, срок действия которого подходил к концу. Маневры Уайтхолла не отличались излишней сложностью. Англичане приглашали к себе и задабривали регента, ведущих министров, даже влиятельных журналистов, добиваясь смягчения их позиций. И лишь в августе 1947 года, после того, как были выработаны основные статьи нового договора, англичане сняли арест с иракских валютных запасов, которые были замо-

рожены в лондонских банках, — так что подлинные хозяева денег сумели наконец использовать их для импорта продуктов питания и других жизненно необходимых товаров. А в ноябре — когда новый договор был разработан во всех деталях — англичане предоставили Ираку щедрые займы.

К концу ноября "все, казалось, было готово для подписания нового договора" — читаем мы в книге "Ирак: 1900—1950" английского историка Стефена Лонгригга. Все, кроме иракского общественного мнения. Слева и справа раздавались яростные протесты против договора. Ощущая приближение бури, правительство ухватилось за решение ООН о разделе Палестины (то самое решение, которое вызвало демонстрации и беспорядки в Ливане и Сирии) как за идеальное средство отвлечения внимания общественности. Правительство открыло специальные пункты вербовки муджахидинов — добровольцев священной войны (джихада) против сионистов в Палестине и учредило "Лигу защиты Палестины", ведущий орган пропаганды и сбора средств для войны. Запуганные евреи вынуждены были щедро жертвовать в фонд Лиги. Но подстрекая народ к борьбе с сионистами, правительство Джабра одновременно прилагало все больше стараний предотвратить любую вспышку насилия против евреев, хорошо зная, что если выпустить джинна из бутылки, он может легко обратиться против властей.

Как и следовало ожидать, иракские массы сплотились вокруг своего мужественного руководства для ведения джихада и ослабили борьбу против нового англо-иракского договора. Ободренное таким оборотом дела, иракское правительство к концу декабря 1947 года почувствовало себя достаточно уверенно, чтобы перейти к подписанию договора. В Лондон отправилась делегация во главе с премьер-министром Салихом Джаб-

ром, уладившая все оставшиеся сложности, и 15 января 1948 года новый договор между Ираком и Великобританией (известный как Портсмутский договор) вступил в силу. Политические деятели обеих стран праздновали победу. Регент Абд-Илла и король Георг VI обменялись пышными поздравительными телеграммами, а Джабр и его свита, чувствуя, что после тяжких усилий заслужили отдых, продлили свое пребывание в Англии.

На столь значительном расстоянии им было трудно оценить, как резко изменились настроения в Ираке. Когда стали известны окончательные условия договора, по Багдаду прокатилась буря протеста. На вздымающейся волне накопившегося гнева фашисты и коммунисты вновь завладели массами. Улицы снова забурлили дикими демонстрациями, переходившими в кровавые столкновения с полицией. Десятки людей были убиты, сотни ранены. Когда на похороны жертв стеклись 100000 человек, отрезвевший Джабр (который к тому времени успел возвратиться в Багдад и пытался восстановить контроль над положением в столице) ушел в отставку и бежал, спасая свою жизнь. Вскоре демонстрации запестрели новыми "смелыми" лозунгами, призывавшими к аграрной реформе и освобождению курдских политических заключенных. Но громче всех раздавалось требование наказать виновных в правительственной коррупции и позорной капитуляции перед Англией.

Власти видели единственный способ справиться с этим взрывом гнева — направить его по испытанному руслу антиеврейских выступлений. Правительство снова заговорило о необходимости срочно спасать Палестину от сионистов и стало подсылать на демонстрации против Портсмутского договора своих агентов, выкрикивавших анти-

еврейские лозунги. После того, как полиция открыла огонь по одной из таких демонстраций в Багдаде, убив и ранив многих участников, кто-то завопил, что евреи стреляли в толпу с крыши универмага Хакака (всем было известно, что Хакак — еврей). Демонстранты мгновенно накинулись на универмаг, разграбили что смогли и уничтожили остальное.

Правительство, сформированное после отставки Салиха Джабра, медленно восстанавливало контроль над страной. Регент заявил, что Портсмутский договор не будет ратифицирован до тех пор, пока в него не будут внесены кардинальные изменения. Услышав о событиях в Палестине, демонстранты стали выходить на улицы с требованием объявить войну во спасение арабской чести. "Склоняясь перед волей народа", правительство начало посылать на фронт соединения иракской армии, сопровождая их прочувствованными напутствиями. Пока что солдат отправляли в Трансиорданию, где они должны были расположиться вдоль палестинской границы и ждать 15 мая — срока истечения британского мандата. Тем не менее, около тысячи иракских муджахидинов были направлены из Ирака прямо в Палестину под начало Фаузи эль-Кавкджи, командовавшего "Армией арабского освобождения".

Но отправка войск в Трансиорданию и муджахидинов в Палестину только разожгла аппетиты возбужденной иракской черни, распаляя ее воображение и поощряя требовать более энергичных действий против "сионистского врага" — а именно на это и рассчитывали багдадские власти. Вскоре призывы к действию перешли в вопль "Бей евреев!". Ни Портсмутский договор, ни нехватка хлеба, ни всепроникающая коррупция более не упоминались ни на одной демонстрации.

Чем меньше времени оставалось до 15 мая, тем

чаще и беспокойнее становились радиограммы из Багдада. В них сообщалось о нападениях на синагоги и еврейские дома, о грабежах, насилиях.

Вот, например, радиограмма от 5 мая:

"Арци от Бермана.

Прошедшая неделя была заполнена антиеврейскими инцидентами. Евреев избивают, обвиняя их в отравлении продуктов. Сегодня умер от ран один из пострадавших. Полиция проводит среди евреев обыски и аресты, в результате которых одиннадцать евреев отправлены в концентрационный лагерь. Эти люди — учителя, адвокаты, члены редколлегии еврейской газеты "Барид эль-Иом". Насколько нам известно, это лишь один из аспектов широкой кампании".

Накануне провозглашения государства Израиль среди багдадских евреев царило мрачное настроение. Они боялись, что реакция иракской черни на создание еврейского государства оставит далеко позади все доселе известные бесчинства. Радиограмма от 13 мая гласила:

"Арци от Бермана.

Напряженность не ослабевает, повсюду страх. В пятницу, субботу и воскресенье евреи, вероятно, не выйдут на работу. Многие евреи, проживающие в арабских кварталах, покинули свои дома и переселились в гетто. Мы принимаем меры предосторожности и пытаемся установить контакт с руководством общины".

Наиболее важным являлось сообщение о попытках начать диалог с официальными органами еврейской общины Ирака. До тех пор между еврейскими организациями и сионистским подпольем не было никакой связи, не говоря уже о сотрудничестве. Наоборот, руководители еврейской общины Багдада предпочитали игнорировать подполье и относились к агентам из Эрец-Исраэль как к неким контрабандистам, чье безответственное

поведение может только навлечь беду. Правда, эти трения никогда не доходили до открытого разрыва или столкновения, а в некоторых периферийных городах, особенно в курдской зоне на севере Ирака, между подпольем и еврейскими учреждениями даже существовало тесное и плодотворное сотрудничество. Но в Багдаде и на юге никто не мог и помыслить ни о каком взаимодействии.

Однако теперь, в свете беспрецедентных обстоятельств, этот круг враждебности был разорван. Преследуемые воспоминаниями о прошлом фаруде и чувством колоссальной ответственности, лидеры общины решили признать подполье и даже встретиться с эмиссарами из Эрец-Исраэль. Вследствие этого неожиданного сближения, 14 мая, в тот самый день, когда Давид Бен-Гурион должен был объявить о создании государства Израиль, члены Шуры в еврейских кварталах всех больших городов Ирака собрались на совещание, где был выработан порядок караульной службы. Шура собрала также все имевшееся в общине вооружение: несколько револьверов и ручных гранат, железные прутья, ножи, камни — на случай, если придется защищаться от нападения.

Впервые иракских евреев поддерживало сознание того, что на этот раз они не будут беззащитными жертвами погрома. Весьма вероятно, что слухи об этих приготовлениях дошли до потенциальных погромщиков и охладили их пыл. С тех пор сионистское подполье стало главным фактором в жизни еврейской общины Ирака. Из горстки сующихся не в свое дело молодых задир оно постепенно превращалось в высший авторитет для евреев Багдада и всего Ирака.

Пятница 14 мая 1948 года была напряженным днем для иракских евреев. По улицам городов с грохотом проходили на запад военные колонны, и

еврейские сердца сжимались от страха за рождающееся государство, на которое вот-вот должна обрушиться вся эта военная мощь. Евреи Ирака чувствовали, что их собственная судьба неразрывно связана с будущим Израиля. В тот теплый весенний день многие из них, закрывшись ставнями от непрошеных взглядов или спустившись в подвалы, сгрудились у радиоприемников, стараясь сквозь свистки, щелканье и чуждые голоса расслышать передачу из Тель-Авива. И когда Давид Бен-Гурион провозгласил создание "еврейского государства в Эрец-Исраэль — государства Израиль", многие отпрыски дома Иакова снова "сидели и плакали при реках Вавилона"[27] — плакали от радости и страха, чувствуя свою избранность и свою беспомощность. В тот пятничный вечер евреи вернулись из синагог рано, говорили приглушенными голосами. На следующее утро мы, в сильной тревоге, читали радиограмму из Багдада:

"Арци от Бермана.

1. По всей стране введено военное положение.

2. Оно, видимо, направлено прежде всего против нас и против коммунистов.

3. Вчера и сегодня вся, в том числе и тайная полиция находится в состоянии повышенной боевой готовности.

4. В ответ на информацию, поступившую из официальных источников, мы объявили прошлой ночью состояние боевой готовности. Сегодня все наши люди находятся на позициях".

В тот же день иракские воинские подразделения, размещенные в Трансиордании, перешли палестинскую границу, и багдадское радио, захлебываясь от восторга, сообщило слушателям, что великая иракская армия, "завоевав" Тул-Карм, Наблус и Дженин, находится в двенадцати километрах от Тель-Авива. В действительности эти

города и поселки входили в сектор Палестины, отведенный арабскому государству, и о "завоевании" здесь не могло быть речи просто потому, что на линии продвижения иракской армии не было никаких еврейских поселений, иракские войска вошли в эти населенные пункты безо всякого сопротивления, под приветственные возгласы местных арабов.

Но хотя иракские солдаты не сделали еще ни одного выстрела, само состояние войны с Израилем являлось идеальным предлогом для объявления военного положения по всему Ираку. Теперь правительство могло твердой рукой расправиться с противниками режима, не опасаясь каких бы то ни было упреков в нарушении законности. Военные трибуналы стали выносить не подлежащие обжалованию приговоры, суровая цензура заткнула рот журналистам, забастовки и демонстрации были запрещены, часть гражданских прав временно отменена, а на территории Южного Ирака стали действовать лагеря для бесчисленного количества заключенных.

Поскольку никто не обязал суды хотя бы в минимальной степени уважать общепринятые юридические процедуры, любого слуха или клеветы было достаточно, чтобы арестовывать, допрашивать, пытать и держать в длительном заключении кого угодно. Люди, естественно, были готовы платить любую цену за свободу, но процветающее взяточничество лишь разжигало аппетиты насквозь продажной полиции, так что все больше народу оказывалось за решеткой. Впрочем, взятка вовсе не гарантировала выпуск заключенного на свободу, так что многие семьи дошли до нищеты, выкупая близких, а те продолжали томиться в застенках.

Само собой разумеется, первыми жертвами этих драконовских мер оказались евреи, ибо они подпадали под массовые аресты. Одним из самых

постыдных способов фабрикования обвинений против евреев было использование почтовых отправлений. До окончания британского мандата между Палестиной и Ираком существовали обычные почтовые связи, и семьи, находящиеся по разные стороны границы, поддерживали непрерывную переписку. Когда же британское правление в Палестине подходило к концу, англичане решили задержать всю почту, адресованную в Ирак, и, собрав ее в девять больших мешков, передать иракским властям. 20 мая мы узнали, что эти мешки были переданы цензору министерства обороны, так как они якобы содержали доказательства контактов с врагом в военное время, то есть еще один предлог для ареста сотен невинных людей. Суд над этими обвиняемыми обходился без таких предрассудков, как доказательство вины. Раз обвиняемый получал письма из страны, которая успела стать враждебной (ведь Ирак не признал решения ООН о разделе Палестины и объявил войну на этом основании), — значит он, вне всякого сомнения, виновен. Если в этих письмах упоминались имена, то их носителей немедленно включали в список преступников и арестовывали. А поскольку невозможно представить себе еврея, пишущего письмо родственнику и не справляющегося о здоровье всех его сестер, братьев, дядюшек и тетушек, друзей и соседей, то вскоре тюрьмы заполнились опасными преступниками, "поддерживающими связи с врагом".

Быть может, самым суровым ударом для иракского еврейства явился состав нового правительства, сформированного в начале лета. Министром обороны в нем стал известный пронацист и антисемит Садек аль-Бассам. Назначение Бассама на этот пост во время военного положения в стране было справедливо воспринято

как дурное предзнаменование для евреев. Действительно, сразу же после этого в уголовный кодекс Ирака была внесена поправка, согласно которой сионизм, наряду с коммунизмом, объявлялся вне закона и любой, замеченный или обвиненный в проповедовании сих вредных идей либо в сокрытии фактов о чьей-либо сионистской деятельности, приговаривался к длительным срокам заключения и тяжелого принудительного труда, а в особых случаях — к смертной казни. Иракские евреи пришли в ужас. Они по опыту знали, что в глазах соседей граница между иудаизмом и сионизмом весьма нечеткая, а уж при военном положении и таком министре обороны, как Бассам, ее и вовсе не существует.

Словно для того, чтобы подтвердить, что худшие опасения не являлись преувеличением, среди арестованных по новому закону оказался Шафик Аддас, ассимилированный еврей, никогда не проявлявший ни малейшего интереса к сионизму. Аддас был известен как необыкновенно удачливый бизнесмен, хвалившийся тесными связями с элитой иракских деловых и официальных кругов. Говорили, будто сам регент, приезжая в Басру, посещает дом Аддаса. Вдруг в прессе появились статьи, где Аддаса называли сионистом, коммунистом или и тем и другим вместе, но все обвинения были столь нелепы, что их никто не принимал всерьез. Даже после ареста Аддаса многие считали, что произошло какое-то недоразумение и все быстро выяснится. И тем не менее, именно его избрали объектом первого открытого суда, устроенного на основании нового закона, заклеймившего сионизм и коммунизм как равно гнусные преступления.

Аддасу были предъявлены обвинения в подрывной коммунистической деятельности, организации коммунистических демонстраций и сионистского

заговора, а также контрабандном снабжении оружием "сионистских банд" (популярное название для еврейского подполья в Палестине). Свидетели обвинения, численностью более двадцати, расписывали подвиги обвиняемого с правдоподобием, способным посрамить Шехерезаду. Когда же подошло время вызвать свидетелей защиты, председатель военного суда заявил, что, по его мнению, обвинение уже вполне доказано и посему нецелесообразно тратить драгоценное время на заслушивание дополнительных свидетельских показаний. Адвокаты Аддаса, самые именитые юристы Ирака, немедленно покинули зал в знак протеста, облегчив суду вынесение обвинительного приговора.

После трех заседаний суд признал Аддаса виновным по всем статьям выдвинутого против него обвинения и приговорил его к смертной казни через повешение. Регент самолично утвердил приговор, и на рассвете 23 сентября Аддаса повесили на виселице, сооруженной напротив его дома в Басре. Тысячи иракцев устремились в богатый район Басры, где стояла виселица, чтобы посмотреть на казнь. Они пели, плясали, вопили от восторга. В одном из газетных отчетов приводились жуткие подробности: когда Аддаса уже объявили мертвым и сняли с виселицы, толпа, еще не насытившаяся зрелищем смерти, возмущенно заорала и, чтобы унять ее протест, пришлось повесить мертвое тело снова. Какая-то группа скандировала требование привязать казненного к джипу и протащить его по улицам города, но губернатор не позволил дальнейших надругательств. (Кстати, десятью годами позднее, когда в разгар Июльской революции 1958 года были казнены король Ирака и его дядя-регент, подтвердивший смертный приговор Аддасу, никто не защитил от поругания их тела, которые под улюлюканье тол-

пы проволокли по улицам Багдада.)

Суд над Шафиком Аддасом и его казнь были пиком волны преследования евреев. Обвинение было сфабриковано столь грубо, что оставило у многих иракцев неприятный осадок. Как бы то ни было, через четыре дня после казни Аддаса министр обороны Бассам был вынужден уйти в отставку. Но хотя с его уходом репрессии несколько смягчились, по существу обстановка не изменилась ни на йоту. Закон о военном положении оставался в силе, поправка к уголовному кодексу не была аннулирована, аресты, вымогательства и пытки не только продолжались, но даже усилились после того, как стало известно о неудачах иракской армии в Палестине.

С другой стороны, процесс Шафика Аддаса стал неким поворотным пунктом в истории еврейской общины Ирака, подобно тому, как дело Дрейфуса наложило неизгладимую печать на жизнь евреев в Европе. Даже подробности совпадали (подыскание козла отпущения из евреев, чтобы забыть об унизительном военном поражении; вопиющее нарушение юридических норм, иступленные крики толпы "Смерть евреям!", травля евреев в "просвещенной" прессе).

Неудивительно поэтому, что процесс Аддаса и последующие преследования, обрушившиеся на евреев Ирака в 1948—49 годах, способствовали повороту к сионизму даже той части интеллектуалов, которые прежде стремились слиться с окружением и считали себя иракцами во всех отношениях. Теперь они вынуждены были признать, что враждебность к евреям характерна не только для невежественных бедняков или неких периферийных общественных групп, она прочно укоренилась в самой сердцевине иракского общества. "Шафик Аддас представлял для них всех иракских евреев, — сказал в то время один из таких

отрезвевших интеллигентов, — поэтому удар, который обрушило на него правительство, — это удар по всем нам".

Последствия этого удара послужили причиной моих новых "приключений", о которых будет рассказано на последующих страницах этой книги.

ПАРИЖСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Утром 14 мая, то есть в день рождения государства Израиль и за сутки до введения военного положения в Ираке, я во второй раз предупредил Моше Кармила, что ухожу из Мосада, чтобы вступить в боевые части.

— Ты же знаешь, я записался еще в феврале, — напомнил я ему, — но всякий раз, как я собирался уходить, ты изобретал какую-нибудь новую причину, чтобы удержать меня в Мосаде. Теперь идет настоящая война, и мне нечего тут оставаться.

— Это почему же? — спросил Моше таким тоном, будто я произнес чудовищную ересь.

— Потому что тут от меня никакого проку, а в армии нужны люди.

— А как ты предлагаешь поступить с нашей работой в арабских странах? Просто забыть о ней? Оставить наших агентов гнить там без толку?

Я не нашелся, что ответить, и Моше продолжал:

— Мы еще поговорим об этом, наверное, в начале следующей недели. — Тут он заметил мою кислую мину и добавил: — Разговор может быть долгим, а сегодня времени нет. Мы едем в Тель-Авивский музей, где Бен-Гурион должен объявить о создании государства. Не хочешь ли, кстати, поехать с нами? Тебе не повредит послушать Старика[28].

— Да нет уж, поезжайте без меня, — сварливо ответил я, — мне сегодня как-то не до торжественных церемоний.

И поскольку пар из меня еще не вышел, я повернулся и уехал в киббуц. По сей день не могу себе простить, что не воспользовался возможностью присутствовать при провозглашении Декларации Независимости и не могу сказать: "Я был там".

Но так я думаю теперь. А в тот день, да и в последующие дни тоже, настроение было не слишком праздничное. Воодушевление из-за провозглашения независимости умерялось печалью и тревогой. В то самое утро, например, поступило сообщение, что пять киббуцов, составлявших Гуш-Эцион (на полпути между Иерусалимом и Хевроном), пали под натиском трансиорданской армии — Арабского легиона. Защитники Гуш-Эциона отчаянно сопротивлялись, в битве погибла почти половина взрослого населения, а оставшиеся двести шестьдесят человек попали в плен и были уведены в Иорданию. Мы узнали также об оставлении киббуца Бет ха-Арава на северном побережье Мертвого моря. Киббуц служил перевалочной базой для олим из Ирака, но был известен, главным образом, своими смелыми опытами по превращению бесплодных солончаковых земель в цветущие поля. Командование Хаганы приказало жителям оставить киббуц, опасаясь, как бы его не постигла судьба Гуш-Эциона. Дорога на Иерусалим была перерезана, город оказался в кольце блокады. Более того, как только британский верховный комиссар покинул Иерусалим, Арабский легион начал непрерывный артобстрел еврейских кварталов города.

А у государства Израиль не было ни одной настоящей пушки, ведь мандатные власти до последней минуты препятствовали развертыванию

нашей обороны. Нам удалось подготовить кое-какое вооружение и боеприпасы в условиях подполья, но это было только легкое оружие — ни пушек, ни танков, ни боевых самолетов (правда, за последние месяцы, используя метод "Майклберг", агенты Хаганы сумели перевезти в Страну некоторое количество средних орудий, пулеметов и минометов).

Мы знали, что как только в полночь 14 мая истечет срок британского мандата, нам придется столкнуться с массированной атакой отлично оснащенных регулярных армий окружающих арабских государств. Иорданский Арабский легион, который под британским командованием входил в английский гарнизон подмандатной Палестины, получил официальное распоряжение оставить ее территорию вместе с остальными британскими частями. Однако некоторые иорданские солдаты не смогли уйти — а точнее, сумели остаться; те же, кто был вывезен в Иорданию, вернулись в течение нескольких часов, заняли привычные позиции и начали воевать на знакомой местности. Даже египетским войскам удалось занять некоторые стратегически важные пункты до вывода британского гарнизона 15 мая.

К чести египтян следует сказать, что они, сохраняя верность принятым правилам игры, по крайней мере, потрудились объявить нам войну. В архивах ООН хранится телеграмма египетского министра иностранных дел Ахмеда Хашаба-паши председателю Совета Безопасности ООН, датированная 15 мая 1948 года. В ней содержится формальное заявление о том, что "египетские вооруженные силы вступили в Палестину для установления безопасности и порядка в стране, где господствуют хаос и анархия, в результате чего страна отдана на милость сионистских банд, нападающих на мирных арабских жителей; сионистам

удалось скопить огромное количество оружия и военного снаряжения..." (sic!).

Другие напавшие на нас государства — Сирия, Трансиордания, Ирак и Ливан — даже не удостоили нас официального объявления войны, хотя они, без всякого сомнения, начали вооруженную агрессию против только что созданного государства, скоординировав свои действия с Египтом.

Неудивительно, что большинство крупнейших военных специалистов, включая начальника британского генштаба фельдмаршала Монтгомери, считало, что Израиль с населением в 650000 человек, уже понесший значительные потери до начала открытой интервенции, не имеет шансов выдержать нападение пяти регулярных армий, вступивших в борьбу в полной боевой готовности. По единодушному мнению специалистов, хвастливые заявления арабских полководцев о том, что они встретятся в Тель-Авиве через две недели, звучали весьма правдоподобно. Даже такой верный сторонник создания еврейского государства, как президент США Трумэн, поверил пессимистическим прогнозам экспертов и посоветовал руководству ишува[29] воздержаться от провозглашения государства и просить о продлении мандата.

В Стране тоже было немало людей, считавших, что слишком рискованно объявлять о политической независимости при сложившихся условиях. Государство появилось тогда на свет только благодаря настойчивости Бен-Гуриона. Любая отсрочка, по его убеждению, могла привести к тому, что будет упущена историческая возможность, о которой евреи мечтали два тысячелетия. Бен-Гурион верил, что высокий моральный дух ишува поможет ему выдержать самый страшный натиск, хоть и ценой тяжелых потерь. Но в тогдашнем ишуве почти все знали друг друга, а число уби-

тых и раненых было весьма значительным еще до начала войны, поэтому все с тревогой смотрели в будущее.

Такова была атмосфера в стране 14 мая 1948 года. Готовясь к решительному разговору с Моше Кармилом, я набросал тезисы меморандума, подводящего итоги раздумьям по вопросу, занимавшему меня несколько последних месяцев. Сотрудники Мосада уже собирались праздновать закрытие нашего учреждения — как-никак, мы стали теперь суверенным государством, поэтому отпала всякая необходимость незаконно ввозить в страну олим. А меня больше чем всегда охватили отчаяние и тревога. Еще в марте я подал в Мосад подробную докладную записку под названием "Дилемма, стоящая перед евреями арабских стран", в которой говорилось:

"Когда мы достигнем политической независимости, проблема иммиграции евреев из восточноевропейских стран будет решена. Однако это не распространяется на страны Ближнего Востока, положение евреев в которых будет лишь ухудшаться. Из этих стран возможна будет только подпольная эмиграция".

Теперь, когда мы получили независимость и у всех было такое чувство, что проблема алии из диаспоры полностью решена, я был абсолютно убежден, что мой долг — сделать все, чтобы и евреи арабских стран не были забыты. Поэтому, продолжая свою предыдущую докладную, я писал в "меморандуме":

"Теперь, когда армии арабских стран открыто вступили в войну с нами... я хотел бы обратить ваше внимание на положение евреев в этих странах. Официальные лица различных арабских государств неоднократно заявляли и продолжают во всеуслышание заявлять, что проживающие на территории их стран евреи будут расплачиваться за

создание еврейского государства[30]. Сообщения о нападениях, арестах и т.д., поступившие за последние несколько дней, повышают вероятность подобных карательных мер, и следует полагать, что если нам удастся разбить армии интервентов, то преследования евреев в арабских странах станут неизбежными.

Поэтому я убежден, что следует считать положение евреев арабских стран одним из участков нашего общего фронта борьбы. Арабы причисляют и нас и их к одной категории, и если мы будем игнорировать данный факт, то это не облегчит судьбы наших братьев в арабском мире".

Я не мог придумать более убедительных формулировок отстаиваемого мною тезиса, чем подчеркивание общности судьбы иракского еврейства и еврейства Эрец-Исраэль. Прошло несколько дней, мой меморандум уже был отдан в печать. Сидя в помещении Мосада, я услыхал сирену воздушной тревоги, за ней последовал страшный грохот. Двумя днями ранее египетские самолеты уже бомбили Тель-Авив. На этот раз их целью была вечно заполненная народом центральная автобусная станция, от которой нас отделяло всего лишь несколько домов. Позднее мы узнали, что в результате этого налета около пятидесяти человек были убиты и десятки ранены. Но еще до того, как были опубликованы эти печальные итоги, глядя, как проносятся по улицам машины с ранеными, я почувствовал напряженный стук крови в висках. Сколько можно ждать? Я только положу свой меморандум Моше на стол и тут же отправлюсь на фронт.

Но Моше снова опередил меня. Прочитав мой меморандум, он немедленно вызвал меня к себе и протянул пачку бумаг, в основном радиограмм из Ирака за последние несколько дней. Я знал, о чем в них говорилось. Я уже читал о подстре-

кательствах к погрому, о диких обвинениях евреев в отравлении колодцев и рек, о беззаконных арестах и заключениях в концлагеря. Вспомнив, что Моше частенько поступал, как парикмахер из анекдота, приветствовавший клиентов рассказами о жутких убийствах, поскольку легче стричь человека, у которого волосы стоят дыбом от ужаса, я решил, что он и на этот раз припас какое-то предложение. Мне даже показалось, что я знаю, какое именно.

— Ты хочешь, чтобы я отправился в Багдад? — спросил я, чувствуя себя скорее усталым, чем злым. — Какой в этом смысл, Моше? Чем можем мы сейчас помочь?

— Мы этого не узнаем, пока ты туда не попадешь, — мягко сказал он, стараясь не давить на меня. Но увидев мое нахмуренное лицо, заговорил по-другому:

— Дай-ка я покажу тебе несколько интересных материалов, полученных мною за последнее время. Он вытащил из папки несколько листков и принялся их просматривать. Я узнал свою собственную докладную записку.

— Вот нужное место, — сказал Моше и стал цитировать: "Даже в разгар войны (имелась в виду Вторая мировая война) мы старались оказать поддержку нашим братьям (в Европе). Многие из наших товарищей отдали за это свои жизни, хоть мы всегда знали, что шансы спасти кого-нибудь практически равны нулю... Тот факт, что наши люди уже работают (в Ираке), налагает на нас огромную ответственность!" Хватит или продолжить? — спросил Моше.

Я молчал, отведя глаза.

— Ты себе не простишь, если сейчас не поедешь, — хриплым голосом произнес Моше, — никто из нас себе этого не простит.

Эти слова задели больное место, и Моше хо-

рошо знал это. Мы все еще терзались мыслью, что, быть может, могли спасти от нацистов больше людей. А теперь перед нами стоял новый кризис.

— На сколько времени ты хочешь меня послать в этот раз? — спросил я, смирившись с неизбежным.

— Не думаю, что очень надолго, — успокоительно сказал он, — встретитесь с ведущими людьми, обменяетесь мнениями, разработаете план действий. А мы пока подыщем заместителей для тамошних резидентов. Ты сам предлагал выбирать их из иракских олим. По-моему, хорошая мысль. У тебя есть другие практические предложения?

— Это все прекрасно, — криво усмехнулся я, — но не решает проблемы вывода евреев из Ирака. А если мы не найдем пути быстро спасти их — хотя бы немногих на первых порах, — то не помогут все резиденты мира. Вся операция просто кончится.

Моше не спорил.

— Ты здесь перечислил все, на что следует обратить внимание, — он водил карандашом по моей докладной. — Я согласен на твое предложение возобновить переброску людей по воздуху, со специальными паспортами, я готов также разузнать, можно ли возобновить полеты "Майклберга". Что касается отправки олим пароходами из Басры — скажу тебе откровенно, мне это кажется нереальным. Но я проверю. Теперь, когда иммиграция из Европы стала вполне легальной, те, кто работал с нами, будут рады возможности по-прежнему получать свои деньги. Если хочешь продумать этот способ — отлично, от излишка мыслей еще никто не умер. Но прежде уложи чемодан.

Через несколько дней я смог доложить Моше,

что нашел себе попутчика, который останется в Багдаде после моего возвращения. Член моего киббуца Яаков Ситтон (которому, как уроженцу Сирии, легко было подобрать правдоподобную легенду) вызвался ехать со мной в Багдад. К моему великому изумлению, его предложение было с энтузиазмом поддержано всеми киббуцниками. На общем собрании, посвященном этому вопросу, одна из наших девушек в сердцах сказанула, что киббуц не может навеки оставить меня "в когтях Мосада", а Кармил и его компания, как видно, не отпустят меня, пока не найдется заместитель. Поэтому она предложила послать вместо меня Яакова, и ее поддержали.

Теперь перед нами стояли уже чисто технические задачи, прежде всего, как добраться до Багдада. Наземного пути в Ирак, разумеется, не осталось, лететь прямо из Тель-Авива в Багдад тоже было невозможно. Впрочем, из Тель-Авива трудно было лететь и в другие места. В нашем распоряжении оставался только один маленький аэродром Сде-Дов, чуть севернее Тель-Авива, на котором изредка приземлялись самолеты из Европы. Пассажирские рейсы по расписанию давно не существовали, тем более в арабские страны.

Поэтому у нас оставался единственный выход — лететь в Европу и попытаться попасть в Багдад оттуда. Но для этого нам понадобятся соответствующие паспорта и визы для каждого этапа путешествия, а раздобыть такие документы гражданам нашего молодого государства было совсем не просто. Моше изо всех сих старался ускорить дело, но в тогдашнем Израиле существовала своя шкала ценностей для каждого шага — и это вполне естественно, ведь в стране бушевала война. Итак, согласившись снова ехать в Багдад, бросив киббуц, семью и Тмиму, я, несмотря на свое

отвращение к проволочкам, просидел на чемоданах гораздо дольше, чем в прошлый раз. Только 29 июня с новенькими поддельными иракскими паспортами мы с Яаковом вылетели на зафрахтованном самолете во Францию (ибо ни одна авиакомпания не желала совершать регулярные полеты в Израиль из-за военной обстановки, а наша государственная авиакомпания "Эл-Ал" еще не существовала). Во время остановки в Риме нашему летчику представилась возможность сделать более прибыльный рейс, и он безо всяких угрызений совести бросил нас — по крайней мере, на время. Но въездных виз в Италию у нас не было, и мы скрипя зубами сидели в зале ожидания аэровокзала, пока самолет не вернулся на следующий день.

Наконец, голодные и злые, как волки, добрались мы до французской столицы, но одного взгляда на Париж было достаточно, чтобы изменить наше настроение. Для двух молодых людей, летящих с одной смертоносной войны на другую, Париж был неотразимо привлекателен. Великолепие архитектуры, чувство устойчивости, полнейшей нормальности жизни по контрасту с постоянным предельным напряжением, в котором мы жили почти десятилетие, производило ошеломляющее впечатление. Оба мы испытывали головокружительное чувство облегчения и, решив вознаградить себя за изматывающую ночь в римском аэропорту, остановились в фешенебельном отеле и, отправившись обедать в роскошном гостиничном ресторане, приняли все предложения официанта: белое вино, красное вино, три блюда плюс десерт и кофе — все это было совершенно изумительно после почти двухдневного вынужденного поста.

Наше пробуждение на следующее утро было не слишком приятным: мы обнаружили, что за один

вечер спустили недельное содержание. Впрочем, изысканные обеды с вином все равно были не по душе Яакову, человеку трудовому и принципиальному, который наутро и высказал все это с присущей ему прямотой. Для Яакова это была первая поездка за границу, да и дома он редко выезжал из киббуца. Короче, он перенесся на парижские улицы прямо из нашего маленького хозяйства неподалеку от Реховота и полагал, что там и здесь в ходу одни и те же нормы поведения. В то первое утро он встал как обычно спозаранку, умылся, оделся и стал аккуратно заправлять постель. Когда я, проснувшись, увидел его за этим занятием, я подумал, что он ведет себя так по наивности или по незнанию основных правил гостиничного обихода, и решил просветить его.

— Яаков, в гостинице не надо самому заправлять постель, — сказал я мягко, чтобы не раздражать его. — Этим занимаются горничные.

— Мне не нужна помощь, чтобы заправить постель, — упрямо ответил он.

— Но в отеле никто не заправляет постелей!

— Для меня это вопрос принципиальный, — надменно произнес Яаков. — Я не намерен прибегать к чьим-либо услугам там, где прекрасно обойдусь сам!

Я решил не ссориться с ним из-за этого, вылез из постели и пошел в ванную, бросив мимоходом: "Делай, как хочешь. Но когда горничная увидит твою прибранную постель, она наверняка подумает, что мы провели ночь в одной кровати".

Выйдя из ванной, я увидел на кровати Яакова дикую мешанину простынь и одеял. Пуританин явно взял в нем верх над приверженцем равенства.

Потом, как и подобает представителям бедной страны, мы передислоцировались в более скромную гостиницу и явились в отделение Мосада,

располагавшееся в пассаже Лидо, рядом с известным кабаре. Пассаж и прилегавшие к нему Елисейские поля кишели людьми всех оттенков кожи, что и делало этот район идеальным местоположением штаб-квартиры Мосада. Штаб гудел точно улей: под ожесточенное тарахтенье пишущих машинок велись телефонные разговоры с таинственными абонентами со всех концов света — на вавилонской смеси языков, пересыпанной загадочными словечками типа "ножи" (самолеты "Мессершмитт"), "ногти" (обычные пули) и т.п.

Целью всей этой сумятицы было приобретение оружия и перевозка его любой ценой в Израиль. Казалось, будто все разветвленные связи Мосада ле-Алия-Бет с сомнительными пароходными компаниями, алчными капитанами, полицейскими чиновниками с открытыми для взяток карманами, не говоря уж о честных людях, готовых протянуть руку помощи, — что все эти ресурсы были приведены в действие ради добывания оружия. Задача эта была исключительно сложной, поскольку Соединенные Штаты, как и все остальные страны, за исключением Чехословакии, наложили эмбарго на экспорт оружия в наш район земного шара. По существу, эмбарго нанесло ущерб только Израилю, так как наша армия едва вышла из подполья, а у арабских стран было более чем достаточно времени, чтобы подготовиться к нападениям на нас.

Мы рассчитывали, что тотчас же по получении государственной независимости всякая нужда в нелегальной иммиграции из Европы отпадет. Оказалось, однако, что одним из условий прекращения огня являлось запрещение въезда в страну людям призывного возраста, чтобы не нарушить создавшегося соотношения сил, поэтому тысячам беженцев, которые хотели иммигрировать в Израиль, но подпадали под весьма широко

установленные рамки призывного возраста, приходилось прибегать к испытанным способам нелегальной алии, а следовательно, к услугам Мосада.

Завладеть вниманием работников парижского бюро Мосада оказалось непросто. Они сердечно поздоровались с нами, но тут же дали понять, что у них есть дела и поважнее. Руководителем бюро был Оскар, которого я прежде никогда не встречал, и, не будь мне доподлинно известно, что мы находимся в организации, занимающейся нелегальной иммиграцией, я бы никогда не заподозрил, что человек, сидящий напротив меня, может вообще заниматься хоть чем-нибудь нелегальным. Элегантно одетый, с тщательно причесанными, чуть поредевшими волосами, Оскар скорее напоминал влиятельное лицо с Уолл-стрит или из Уайтхолла. Только мешки под глазами, придававшие его лицу оттенок печальной усталости, выдавали, какой груз ответственности несет на своих плечах этот человек.

Я заверил Оскара, что мы займем у него минимум времени. Он должен только быстро отправить нас в Багдад. Я знал, что с нашими паспортами не все обстоит гладко: они свидетельствовали о том, что их обладатели посещали Палестину, которая с 15 мая стала "враждебной страной". А при военном положении любой въезжающий в Ирак с такими документами мог попасть в лапы тайной полиции. Первоначально мы собирались лететь в Басру, где у нашего подполья было "прочное взаимопонимание" с одним из чиновников в паспортном контроле. Но перед нашим отлетом из Израиля Мосад получил срочную радиограмму о том, что посадка в Басре "приведет к катастрофе" и поэтому "достигнуто соглашение о прилете Шаммая в багдадский аэропорт... хотя местный чиновник не берет на се-

бя риск принять сразу двух человек...”

Оставалось провести через паспортный контроль Яакова. Я надеялся как-нибудь обойти трудности и попросил Оскара отправить нас обоих в Багдад.

— При одном условии, — сказал он твердо. — Никаких остановок ни в одной арабской стране. Надеюсь, я могу полагаться на ваших друзей в Ираке, но помните, что остановка с такими паспортами в любой арабской стране означает провал.

Предостережение Оскара звучало логично, и я согласился — но на следующий день выяснилось, что ни один рейс в Ирак не отвечает выдвинутому им требованию.

— Может, пробраться через Иран? — спросил я Оскара.

— А разве есть рейс на Багдад с посадкой в Иране? — засомневался он.

— Я имел в виду нечто иное: лететь в Иран, а оттуда нелегально перейти в Ирак.

— Какой в этом смысл?

— Смысл тот, что Иран не арабская страна и не воюет с нами. Этот маршрут отвечает вашему условию?

Оскар был в некотором замешательстве.

— Как вы думаете действовать? — спросил он.

Я ничего не знал наверняка. В нашей сложной политической ситуации Иран оставался terra incognita[31]: страна хоть и не арабская, но мусульманская, и непонятно, на чьей стороне она в конце концов окажется. Но мне казалось (правда, на основании довольно скудной информации), что палестинские штампы в наших иракских паспортах не вызовут затруднений в иранском паспортном контроле.

Оскар предложил нам посетить иранское консульство и попытаться получить въездные визы.

Мы незамедлительно отправились туда и сразу же столкнулись с обычной иранской волокитой, которую мне суждено было в будущем узнать весьма близко. Если иранец вежливо улыбается и говорит: "Мы сделаем все возможное. Приходите завтра", — это верный признак того, что ваше дело, каково бы оно ни было, абсолютно безнадежно. Теперь-то я наверняка знаю, что не ошибался, считая палестинские штампы в наших паспортах слабой помехой, иное дело — сами паспорта. Учитывая натянутые отношения, традиционно существовавшие между Ираном и Ираком (на протяжении веков они не отличались от нынешних), неудивительно, что полученный нами вежливый ответ был просто отговоркой. Но тогда мы еще были новичками в таких делах и ушли из консульства в приподнятом настроении, не подозревая, сколько дней пройдет, пока мы поймем, что никогда не получим злосчастных виз.

Когда же мы наконец осознали положение, я пошел к Оскару и попросил его отменить условие насчет остановки, но он был неумолим. Тогда я потребовал, чтобы он хоть обеспечил нас другими паспортами, и он пообещал. Оскар также заверил меня, что с иранским консулом ведутся приватные переговоры и мне "не стоит так огорчаться".

Сказать так было просто, но меня буквально грызла тоска и злость. Я чувствовал себя пятым колесом в тяжело груженной телеге Мосада и уже задавался вопросом, не лучше ли мне вернуться домой, где я хоть принесу какую-то пользу как солдат. Пытаясь найти себе какое-то применение в парижском бюро, я просматривал папки с надписью "Бриха"[32], содержащие информацию о нелегальной организации бывших узников фашистских лагерей смерти, которые, не имея ни документов, ни средств, пытались бежать из

Европы в Израиль. Свидетельства, собранные в этих папках, не только поддерживали во мне веру в силу человеческого духа, но и заставляли задуматься о том, нельзя ли организовать подобный массовый побег из Ирака через какую-нибудь промежуточную страну.

Беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы подтвердить то, что уже и так было хорошо известно: ситуация отнюдь не многообещающая. Ирак окружен мусульманскими странами: Сирия, Иордания, Саудовская Аравия и Кувейт с запада и юга; Турция с севера; Иран с востока. Последние две страны, по крайней мере, не являлись арабскими. Но бегство через Турцию организовать крайне трудно, так как иракотурецкая граница проходит по недоступному горному массиву. Кроме того, она лежит далеко от центров еврейского населения в Ираке, значит, пришлось бы переправлять людей через всю страну, а в условиях военного положения это абсолютно невозможно.

Оставался Иран, к которому в последнее время вели все дороги. Ирако-иранская граница — совсем иная. На севере она начинается в горном районе Курдистана, но чем южнее вы продвигаетесь, тем ниже и доступнее становится рельеф, пока наземная граница не сменяется водной по середине Шатт-эль-Араб, широкой реки, образованной слиянием Тигра и Евфрата. Именно на этом отрезке границы с незапамятных времен процветала контрабанда. Даже мне пришлось однажды нелегально перейти в Иран и обратно (в период моей секретной работы в Ираке), и я полагал, что поскольку с тех пор прошло меньше года, там ничего не изменилось.

Мне хорошо помнились все подробности этого похода. Из Басры меня провели к поросшей пальмами бухточке, где находилась штаб-квартира

трудившегося на реке контрабандиста. Он работал безо всякого графика. Как только в его пальмовой рощице собиралось несколько пассажиров, начинался неизбежный ритуал торга; по окончании переговоров контрабандист собирал мзду и лишь после этого, вытащив из укрытия крохотную лодочку, рассаживал в ней пассажиров и греб через реку во владения шаха. Во время моего путешествия сильное течение снесло нас вниз, и я без особого восторга припомнил, что, по слухам, на этом участке реки попадаются акулы. Не раз приходилось мне видеть в Басре человека без руки или без ноги и слышать, как люди шептали: "Акула!"

Но нам была уготована иная участь. Где-то на середине реки нас заметил иранский пограничный катер. Он приближался к нам полным ходом, оглашая воздух возмущенным воем сирены. Наш контрабандист из последних сил налег на весла, и лодка наконец почти достигла противоположного берега. Пассажиры, как видно не новички в этой игре, не стали дожидаться земли, а, подобрав полы кафтанов, попрыгали в воду и разбежались. Я, естественно, последовал за ними — но тщетно. Полиция переловила всех нас и решив (разумеется, по моей явно выделявшейся одежде), что я — самая крупная добыча, немедленно меня арестовала.

При других обстоятельствах я бы, наверное, потерял сознание от страха. Но мне было известно, что граница именно в этом месте весьма "пориста" из-за необыкновенной продажности здешней полиции. Поскольку персидского я не знал, потребовалось некоторое время, чтобы меня поняли. Но очень скоро, с помощью пальцев и мимики я умудрился объяснить, что кроме денег, лежащих в одном из карманов, мне нечего предложить. Полицейский освободил меня от сей

обузы и отпустил с миром. Обратный переход, состоявшийся несколько дней спустя, прошел без происшествий, и я заключил, что нелегальный переход границы — вещь совершенно заурядная.

Раздумывая об этом теперь, я вспомнил свое удивление от того, что в мусульманском Иране евреев не подвергали никаким преследованиям и они, разумеется, не жили в страхе. После долгого подпольного существования в Ираке я почувствовал себя на свободе. Можно было гулять по улицам Абадана и Хорремшехра не оглядываясь. Можно было не понижая голоса разговаривать на иврите. Мы даже пели на улицах иврит-ские песни.

Вспоминая обо всем этом в Париже, я вдруг осознал, что наша главная беда — в инертности мышления. Мы всегда считали Ирак перевалочным пунктом для олим из Ирана, а не наоборот, и по одной простой причине — Ирак географически ближе к Эрец-Исраэль. Теперь надо было пересмотреть эту логику и усвоить, что, если нам удастся переправить людей через границу в обратном направлении, то даже в случае некоторой задержки в Иране они уже будут на полпути к спасению и, по меньшей мере, вне опасности.

Необычайно довольный собой, я тут же поделился этими соображениями с Иосефом Барпалем, который находился в Париже. Мне было очень важно добиться одобрения Барпаля ввиду его особого положения в Мосаде. Он был намного старше всех нас — ему было тогда за пятьдесят, и мы считали его старейшиной. Когда я изложил ему свои соображения, он сперва ничего не ответил. Я пытался понять реакцию Барпаля по выражению его лица, но он просто глядел на меня сквозь свои толстые очки в темной оправе и взгляд его, казалось, ничего не выражал. Одной рукой он поглаживал лысину, точно пытаясь при-

чесать давно не существующие волосы, а другой крутил авторучку. Эта пантомима длилась, кажется, вечность. Наконец он произнес теплым, отеческим тоном:

— Знаешь, Шаммай, это хорошая идея. Когда приедешь в Багдад, можешь обсудить ее с тамошними товарищами.

— Я вижу, вам она не слишком понравилась, — надулся я. — Может быть, это не идеальное решение проблемы, но какой другой выход есть у нас? Путь через пустыню закрыт. Ни по воздуху, ни по морю мы людей переправлять не можем. Что же остается? Почему *Бриха* из Европы возможна, а из Ирака — нет?

— Потому что у Ирака нет соседей вроде Голландии и Дании, — раздраженно сказал Барпаль. И более миролюбиво добавил: — Слушай, Шаммай, ты изобретательный парень, это отлично. Мне нравится твоя работа и то, что у тебя каждый день новые идеи. Но не надо думать, что ты отвечаешь за весь свет. Ты хочешь ехать в Ирак, это уже много. Очень много. Само твое присутствие там ободрит людей, а их настроение очень важно, независимо от того, сколько евреев нам удастся переправить в Страну. Бывают времена, когда самое главное — просто держаться, не падать духом.

Но у меня были более честолюбивые желания, и я вышел от Барпаля абсолютно не успокоившимся. Я пытался заинтересовать своей идеей других работников бюро, но в лучшем случае мне отвечали небрежным кивком или рассеянной улыбкой. Наконец мне надоело без толку беспокоить людей и я забросил свою идею до тех пор, пока не встретился с аббатом.

С аббатом Александром Глазбергом я познакомился еще в Стране, в начале 1948 года, когда Моше Кармил попросил меня показать ему стра-

ну. Моше объяснил, что этот французский священник много сделал для нелегальной алии, особенно в деле "Эксодус-1947"[33]. Я слыхал, как аббат говорил с Моше по-русски, и принял его за полиглота, поэтому по дороге к машине я сразу спросил его на своем спотыкающемся французском, говорит ли он по-английски.

— Нет, — ответил Глазберг, — английского я не знаю и не люблю. Но мы можем говорить на идише.

— Я не знаю ни слова на идише.

— Как может еврей не говорить на идише?

"А откуда французскому священнику знать идиш?" — подумал я про себя и объяснил, что родился в Ираке, а евреи арабских стран не говорят на идише, это язык только европейских евреев.

— Извините, — мягко произнес аббат, — я не знал.

Я решил все же удовлетворить свое любопытство и спросил:

— А как случилось, что вы понимаете идиш?

— Вы будете, наверное, смеяться, но это для меня — родной язык, — произнес он, не моргнув глазом.

Я подумал, что он дурачит меня и что у него есть свои причины для уклончивости, которые мне остается только уважать. Я сменил тему беседы и стал говорить о себе. В продолжение нашей поездки я подробно рассказал ему о моей жизни в киббуце, о длительной командировке в Ирак, о кратком пребывании в Ливане, но не задавал больше ни одного вопроса.

Только расставшись с аббатом, я узнал от Моше Кармила, что замечание про "маме лошн" вовсе не было шуткой. Александр Глазберг родился в 1902 году в Житомире, в еврейской семье. Как большинство еврейских детей города, он

учился в хедере, немного выучил иврит, но родным языком его был идиш. Когда и при каких обстоятельствах Глазберг перешел в католицизм, Моше не знал, ему известно было, что тот эмигрировал в 1932 году во Францию, поступил в теологическую семинарию в Париже и впоследствии был рукоположен в сан священника. В сентябре 1939 года, вскоре после начала Второй мировой войны, Глазберг был назначен на низшую церковную должность в городке Мулен, неподалеку от Парижа, а когда началось фашистское нашествие на Францию, его перевели в неоккупированную зону Франции и назначили священником в Лион.

Глазберг, не щадя времени и сил; помогал многочисленным беженцам, проходившим через город. Сначала им двигали просто гуманные побуждения, но все чаще сталкиваясь с евреями, спасающимися от преследований нацистов, вспоминая детские впечатления о погромах в родном городе, он все более сближался с движением Сопротивления. Жизнь французов в оккупации была нелегкой, но больше всех страдали, конечно, евреи, которых систематически вылавливали и уничтожали. Вольно или невольно, отец Глазберг сосредоточил свои усилия на спасении евреев, то есть тех людей, чьей участи он хотел избежать, подобно ветхозаветному Ионе. Особенно много он сделал для спасения еврейских детей, которых он помещал в монастыри или в христианские семьи, а затем старался переправить в более безопасные места. Так, Глазбергу удалось буквально в последнюю минуту спасти сто восемь еврейских детей из городка Вениссо, которых должны были вместе с родителями депортировать в лагеря смерти. Даже после вступления фашистских войск в Лион отец Глазберг с риском для жизни продолжал свою благородную работу. Его

заочно приговорили к смертной казни, но он ушел в подполье и сражался в рядах маки́[34] до конца войны.

К тому времени, как я познакомился с ним, Глазберг уже был награжден французским орденом и являлся вице-президентом организации борцов французского Сопротивления — на этом посту он оставался до конца жизни. После Второй мировой войны он вернулся в Париж и основал центр социальной ориентации иностранцев для помощи беженцам из франкистской Испании, салазаровской Португалии и стран коммунистического блока, где вместе с небольшим штатом помощников неутомимо трудился, чтобы облегчить судьбу бесчисленных жертв произвола и насилия. С течением времени он установил контакты с различными социалистическими деятелями Франции. Один из них заинтересовал его положением Израиля и познакомил с представителями Мосада в Париже, которые стали частенько прибегать к его бескорыстной помощи.

В 1948 году Глазберг посетил Святую землю (тогда мы и познакомились с ним). Взволнованный всем увиденным здесь, он вернулся во Францию убежденным сторонником сионизма. Он стал также постоянным сотрудником парижского бюро Мосада, тут-то я и наткнулся на него в один прекрасный день, когда, вконец обозлившись, уже собирался возвращаться домой. Аббат так радостно встретил меня, словно мы с ним были давние друзья, потерявшие друг друга из виду.

— Шаммай! — крикнул он через всю комнату. — Что такой азиат, как вы, делает в Париже?

— Я здесь проездом в Багдад, — сказал я, точно извиняясь, что нахожусь так далеко от линии огня.

— Так почему же вы не позвонили мне?

— Не хотел вас беспокоить, — пробормотал я

за неимением другой отговорки.

— "Беспокоить меня!" Какая ерунда! Приходите завтра ко мне в контору и расскажите, что происходит с восточными евреями в результате вашей войны. Давайте вместе позавтракаем.

Контора аббата находилась рядом со знаменитым Галлем — центральным парижским рынком, который в те дни привлекал множество туристов, желавших поглазеть на грузовики, доставлявшие в это "чрево Парижа" горы свежих фруктов и овощей со всех концов страны. Вокруг была разбросана масса ресторанчиков, начиная от дешевых и непритязательных — для фермеров и шоферов и кончая шикарными — для туристов. Некоторые ориентировались на многочисленных французских гурманов, и в такое-то заведение повел меня завтракать аббат. По тому, как встретил нас хозяин, было видно, что мой компаньон здесь не впервые.

Зато мне предстоящий обряд был внове и я внимательно следил за всем происходящим — ради пополнения своего образования, а также чтобы лучше понять парадоксального человека, сидевшего напротив меня за уютным столиком в углу ресторана. Подняв большую карточку меню к своим близоруким глазам, аббат тщательно изучал ее, время от времени советуясь с официантом. Особенно серьезно изучал он карту вин. Как только марка вина была выбрана, появился метрдотель с тяжелой цепью на плечах и с изящным поклоном подал бутылку аббату. Тот внимательно разглядел ее, прочел все надписи на этикетке и продолжал расспрашивать метрдотеля о подробностях создания вина. Затем метрдотель вытащил пробку, с размеренной грацией налил чуть-чуть вина аббату в бокал и заботливо проследил, как Глазберг подносит его к самому носу, вдыхает аромат, пробует и после нескольких секунд на-

пряженного молчания возглашает: "C'est bon"[35].

Тогда метрдотель наполнил оба наших бокала и аббат приподнял свой, собираясь произнести тост, но я опередил его:

— A votre santé![36] — таков был мой единственный вклад в торжественный ритуал.

— Лехаим! — ответствовал аббат, лукаво подмигнув. — Ну, а теперь расскажите, что происходит у вас на Востоке и каковы ваши планы.

Я не был готов говорить обо всех арабских странах, но ситуация в Ираке была ясна и кошмарна. Я рассказал все, что знал о политической неустойчивости, военном положении и ужасе, охватившем евреев, объяснил и про ситуацию с почтой и про аресты.

— Каковы же шансы вызволить оттуда людей? — спросил аббат.

— Никаких, — ответил я.

— Совсем никаких? Как это?

Я рассказал, как мало мы успели сделать до тех пор, когда Лиддский аэропорт был захвачен арабами, о том, что переход через пустыню теперь намертво блокирован, о полной невозможности прорвать эту блокаду.

— Тогда зачем же вы едете туда? — спросил аббат. Ему нельзя было отказать в логике.

— Чтобы быть с нашими людьми, чтобы ободрить. Не можем же мы просто бросить их.

— Звучит очень благородно, — саркастически заметил Глазберг, — но не слишком разумно. Неужели совсем ничего нельзя сделать? Хоть попытаться?

Воцарилось неловкое молчание, во время которого я проводил тщательное исследование кофейной чашки.

— Так что же? — с нажимом произнес аббат, будто подозревая, что я скрываю нечто интересное.

— Была у меня одна мысль, — промямлил я. — Быть может, удалось бы нелегально вывезти людей в Иран, а затем найти способ переправить их в Израиль — если необходимо, даже через Европу.

Произнося последние слова, я уже пожалел, что снова заговорил о бессмысленном проекте, который все успели отвергнуть.

— Шаммай, это же грандиозная идея! — воскликнул аббат, — совершенно грандиозная! Вы утверждаете, что не знаете идиша, но у вас же "а идише коп"[37] на плечах!

Глазберг оживился. Сквозь толстенные линзы очков светились озорные искорки в глазах, пухлые пальцы ворошили прилизанные седые волосы — словом, по всему было видно, что голова его работает на полную катушку.

— Есть еще несколько нерешенных проблем, — добавил я, смущенный его похвалой. — Сперва надо вывезти людей в Иран, но это, я думаю, устроить нетрудно. Неясно, однако, будет ли Иран рассматривать их как беженцев и не отправит ли обратно через границу. Потом нам придется найти какой-то способ содержать беженцев в Иране, пока мы не отправим их дальше. А главное, — тут я запнулся, поняв, что чуть было не выпалил сведения, являвшиеся тем самым сором, который не следует выметать из избы.

— Главное? — переспросил аббат.

Я посмотрел ему в глаза и увидел не праздное любопытство, а глубокую заинтересованность, и решил довериться этому человеку.

— Дело в том, что мои коллеги относятся к этой затее без особого энтузиазма.

— Вы хотите сказать, что Мосад против этой идеи? — озадаченно спросил он.

— Не то, чтобы против. Они просто не верят в нее.

— Они ошибаются, — произнес аббат столь решительно, что я даже был заинтригован: что такое знает этот священник, чего не знают в Мосаде? — Мы можем получить помощь от IRO, — заверил он меня, имея в виду Международную организацию помощи беженцам. — Я все время работаю с ней в контакте и уверен, что они предоставят вашим людям статус беженцев. Тогда иранцы уже не смогут выслать их обратно. IRO, возможно, даже финансирует временные лагеря для них, для того она и существует. Знаете что, я могу вылететь в Иран как представитель IRO и разведать на месте, насколько осуществима ваша идея.

Его энтузиазм и уверенность были просто поразительны.

— У меня есть еще одна мысль, — продолжал он, — правда, ее надо будет проверить. Мы, может быть, получим помощь от иранских ассирийцев. Вы знаете, кто такие ассирийцы?

— Да. Я помню, как их преследовали иракцы, помню резню 1933 года.

— Тогда вы знаете только половину этой истории. После Второй мировой войны их положение в Иране ухудшилось, их подозревают в сотрудничестве с русскими — и теперь они пытаются вернуться в Ирак, — объяснил Глазберг.

— "Скитающиеся ассирийцы", — процитировал я выражение из Ветхого Завета, не подумав, что передо мной еврей, отказавшийся от еврейства.

— Да, да, вот именно, — пробормотал он, — но, как бы то ни было, у меня хороший контакт с главами их церкви. А у них есть пограничные монастыри, это может нам быть полезно. Стоит проверить.

— Конечно! — подтвердил я.

— Если вы не возражаете, я бы хотел обсудить это дело с Оскаром и с Барпалем. Я уверен, что они передумают.

— Сделайте одолжение! — ответил я, надеясь, что его будут слушать более внимательно, чем меня, но не подозревая, какие чудеса он сотворит в Мосаде.

Положительная оценка Глазберга коренным образом изменила отношение к моему предложению — и ко мне, как его автору, среди персонала парижского бюро. Вскоре мы уже решали финансовые вопросы, а Иосеф Барпаль поставил проблему ближневосточного еврейства на обсуждение политического комитета Всемирного еврейского конгресса. Он выдвинул план спасения пятнадцати тысяч евреев арабских стран и запросил четыре-пять миллионов долларов на финансирование операции. На первом заседании ничего не было решено, но под впечатлением первой реакции членов комитета Барпаль согласился подписать мне разрешение на перевод из Ирака в Иран первой партии в двести человек.

Располагая надеждой на финансирование, моральной поддержкой Глазберга и общим благоприятным отношением коллег, я уже чувствовал, что лечу в Багдад не с пустыми руками. Но оставалась еще задача попасть туда. Чиновники иранского консульства продолжали обращаться с нами любезно, расточали улыбки и заверения, но виз не выдавали. Все попытки найти прямой рейс в Ирак тоже кончились ничем. К концу июля мое терпение истощилось, и я потребовал от Мосада четкого решения: либо мы летим в Ирак, либо возвращаемся домой. Этот ультиматум наконец пробил брешь. Эксперты Оскара по "подготовке документов" посоветовали нам прекратить возню с визами для наших иракских паспортов, и уже 8 августа я смог телеграфировать Моше Кармилу, что мы с Яаковом Ситтоном выезжаем в Багдад с французскими паспортами, которыми снабдят нас эксперты Оскара, и что дата вылета на-

мечена на 23 августа. Но в последний момент возникла еще одна задержка. Я так бесился из-за халатного отношения к нашей поездке, что послал в Тель-Авив резкое письмо обо всех перипетиях нашей истории:

"Только после отъезда Оскара я получил возможность взглянуть на паспорт, который был приготовлен для меня, и обнаружил, что он просрочен. В течение дня был изготовлен новый паспорт, но тут возникла другая неприятность. Перед отъездом Оскар постарался снабдить меня рекомендательным письмом, чтобы я мог наконец получить иранскую визу. Но он не оставил указаний о том, куда положил его и кто это письмо написал. После длительных поисков мы по чистой случайности сумели раздобыть другое письмо, и сегодня, конечно, уже слишком поздно идти за визой. Если сумею получить ее завтра утром, то смогу вылететь завтра же, если нет — это означает отсрочку еще на неделю".

Я не получил визы на следующее утро и посему кипел и не находил себе места еще неделю. В конце концов я вылетел в Тегеран только 31 августа, то есть через два месяца после прибытия в Париж. Кроме того, я летел один, без Яакова. Первоначально мы предполагали, что он присоединится ко мне примерно через неделю после того, как будут выправлены его документы, но оказалось, что мы принимаем желаемое за действительное. Прожив в Париже еще целых три месяца, он решил делать хоть что-нибудь полезное и перешел на другой фронт — стал работать в сионистских молодежных организациях Северной Африки.

А я через Рим и Стамбул благополучно прибыл в Тегеран. В паспортном контроле я невозмутимо предъявил свой новый французско-марокканский паспорт (Марокко являлось тогда француз-

ским протекторатом). Селим Гилель, он же Шломо Гилель, он же Амо Юсуф в течение ночи превратился в Мориса Переза, представителя двух французских фирм "Газолин" и "Ситекс", с конторой на улице Четвертого сентября в Париже. (Директор этих компаний, ветеран французского Сопротивления Эммануэль Расин, иммигрировавший в Израиль в 50-х годах, охотно откликнулся на просьбу своего старого друга аббата Глазберга и назначил меня своим представителем на Ближнем Востоке). И до и после этого (особенно после) у меня бывали разные паспорта и удостоверения личности, но ни один подложный паспорт не служил мне так долго и верно, как этот, французско-марокканский, ни с одним из них не чувствовал я себя так легко. Мы отлично сжились в Тегеране с предприимчивым, обаятельным, энергичным Морисом Перезом.

МСЬЕ ПЕРЕЗ ЕДЕТ В ТЕГЕРАН

После Парижа Тегеран показался мне маленьким; как и большинству ближневосточных городов, ему не хватало элегантности. Я воображал Тегеран чем-то вроде Багдада, но два этих города были вовсе не похожи, прежде всего потому, что разительно отличались окружающим их пейзажем. На Багдад со всех сторон наступает серовато-бежевая пустыня, а Тегеран расположен среди высоких гор. Вместо мутной реки, прорезающей Багдад и делящей его надвое, в центре Тегерана проходит широкий, обсаженный деревьями, прямой как стрела проспект. Эта, точно по линейке проведенная улица в древнем восточном городе, очень удивила меня, но мне объяснили, что сам проспект — вовсе не старый и, действи-

тельно, проведен по линейке. Отец тогдашнего шаха, Реза-шах Пехлеви был человек решительный. Задумав придать своей столице более современный облик, он приказал принести карандаш с линейкой, провел прямую линию на плане города и повелел снести все строения, оказавшиеся на этой черте. Спорить с Реза-шахом было неразумно, и в течение нескольких дней его приказ был в точности исполнен.

Но гораздо сильнее, чем центральный проспект, поражает старая часть города — огромный, кишащий народом базар с высокими арочными сводами, отлично предохраняющими от солнца, так что даже в разгар лета на базаре стоит прохладный влажный воздух, пропитанный ароматом восточных пряностей. Помню свой первый приход на базар: едва привыкнув к пряным запахам и полумраку (так показалось после слепящего летнего солнца), я застыл в изумлении перед чудесными персидскими коврами, небрежно наваленными друг на друга кипами высотой в человеческий рост. Было почти оскорбительно смотреть, с каким равнодушием, чуть ли не презрением, относятся здесь к этим великолепным произведениям искусства.

В Тегеране я сразу почувствовал себя привольно. Прослонявшись столько недель по Парижу, я был страшно рад приступить к делу, сосредоточиться на новой работе, обещавшей быть действительно полезной. Первые дни в Тегеране были заполнены знакомством с вереницей новых людей. Я обнаружил, что в Тегеране проживают двое израильских бизнесменов и двое официальных представителей. С одним из них, представителем Еврейского национального фонда[38] Элияху Бен-Ицхаком, у нас установились прочные отношения, без его помощи в финансовых делах была бы невозможна моя работа.

Но основным моим помощником в Тегеране стал другой палестинский еврей, Дов Адив, много лет проведший в Иране (впоследствии он стал одним из директоров национальной авиакомпании "Эл-Ал"). Уроженец Польши, Адив иммигрировал в Палестину в 1936 году в возрасте четырнадцати лет. Этот индивидуалист par excellence[39] не ужился в киббуце, в который вступил по окончании средней школы, и пошел работать на Хайфский нефтеочистительный завод. В конце концов работа привела его в Иран, где во время Второй мировой войны он заведовал эксплуатацией автоматического оборудования на огромном нефтеочистительном заводе в Абадане. Когда война кончилась, Дов не торопился вернуться в Эрец-Исраэль. Он переехал в Тегеран, где стал заниматься частным бизнесом и познакомился с семьей профессора Аша, который случайно оказался в Иране, спасаясь от нацистов. На дочери профессора, Элен, Дов вскоре женился.

Мы с Довом познакомились в конторе принадлежащего ему небольшого туристического агентства "Иран-Транс" (меня направил к нему один приятель). По виду он был примерно моих лет, с копной каштановых волос и живыми голубыми глазами. Дов сразу пообещал помогать мне всем, чем сможет. "А могу я немало, — добавил он без лишней скромности. — Я знаком с местными условиями, имею связи со многими влиятельными людьми. Моя контора, почтовый ящик, телекс — все в вашем распоряжении, вместе с хозяином".

Уже в первый раз мне показалось, что самоуверенность Дова имеет под собой твердую почву. Короче, я быстро проникся к нему доверием и решил рассказать о своих планах. Он тут же приступил к делу — заказал для аббата Глазберга и его секретаря номера в "Парк-Отеле", лучшей гостинице Тегерана. Когда же я робко

поинтересовался ценами, намекая, что ограничен в средствах (это еще было мягко сказано), Дов упрекнул меня за одну только мысль разместить столь выдающуюся особу, как аббат, где-либо, кроме перворазрядного отеля. Мне понравилась его напористость, я чувствовал, что мы с ним отлично сработаемся.

Выявив в Тегеране всех израильтян, я стал искать знакомства с лидерами местной еврейской общины и особенно с теми состоятельными евреями иракского происхождения, которые уже давно живут в Иране. Я рассчитывал, что у людей такого рода должны быть тесные контакты с властями, ибо без подобных связей они вряд ли могли бы преуспеть в коммерции. Я полагал также, что эти люди поддерживают связи со своими родственниками в Ираке, а потому, вероятно, знают надежных контрабандистов, промышляющих торговлей между этими двумя странами. Я искал таких контрабандистов, которым можно доверить жизнь людей.

Когда Дов как-то упомянул Муаллема Циона Эдри ("Господина Циона"), я радостно кивнул. Конечно, я знал Циона, хоть и не ожидал, что он в Тегеране. Муаллем Цион родился в Багдаде, учился в иешиве, а затем переехал в иранский город Хорремшехр, расположенный на реке Шатт-эль-Араб, где исполнял обязанности шохета[40] и учителя в местной общине. Религиозные обязанности не помешали ему попробовать свои силы в коммерции. Он быстро разбогател и создал себе по обе стороны границы весьма солидную репутацию. Познакомившись с Ционом в Хорремшехре во время своего краткого "набега" на южноиранское сионистское подполье, я вынес впечатление, что репутация у него вполне заслуженная. Пышная зелень внутреннего дворика, изысканная мебель, бесшумно сновавшие по дому

слуги и множество посетителей, терпеливо дожидавшихся приема, — все это говорило о богатстве и влиятельности хозяина.

В Тегеране Муаллем Цион жил не на такую широкую ногу, но и здесь у него была очень комфортабельная квартира, где в слабо освещенной гостиной красовались превосходные ковры, огромные декоративные вазы, серебряная посуда с персидским узором и русский самовар на подносе. Горничная подала нам холодную сладковатую розовую воду и удалилась. Мне показалось, что в доме нет ни других слуг, ни посетителей. Муаллем Цион решил свернуть свои дела и, видимо, поэтому перебрался в Тегеран. Но со слов Дова я понял, что он еще оставался весьма активным человеком с очень солидными и разветвленными связями. Дов также подтвердил, что Муаллем Цион по-прежнему верен сионистским идеалам.

Чтобы завязать разговор, я сказал, что уже имел честь встречаться с ним несколько лет тому назад в Хорремшехре, хоть и не уверен, помнит ли он меня.

— Разумеется, помню, — ответил он, — правда, тогда у вас было другое имя.

— Да-да, — смущенно поддакнул я, — подпольщики звали меня тогда Юсуф.

— Амо Юсуф, — поправил он, будто напоминая, что хоть он и ушел от дел, но память его тверда и с ним не стоит ходить вокруг да около.

Поняв намек, я решил прямо изложить свою просьбу:

— Муаллем Цион, я пришел просить вашего совета и помощи.

— Я знаю, что в Израиле идет тяжелая война и вы, несомненно, нуждаетесь в финансовой поддержке, но, к сожалению, дела в последнее время идут скверно, особенно у местных евреев. К

тому же нам приходится заботиться о евреях, бежавших из Ирака, а это довольно тяжелое бремя для нашей маленькой общины.

— Я пришел не за деньгами, — произнес я, заметив, что лицо его осталось безучастным при этой декларации. — Нам нужно как можно скорее переправить сюда группу евреев из Ирака, и я надеялся, что вы сможете рекомендовать надежного проводника.

Теперь лицо его потемнело, я сразу почувствовал, что прямота моя была ошибкой. Действительно, Муаллем Цион не замедлил ответить и ответил отрицательно:

— У меня нет никаких связей с кацажицией[41]. Я даже не знаю никого из них, — холодно проговорил он, но увидев разочарование на моем лице, быстро добавил: — Обратитесь-ка вы, впрочем, к Салману-шоферу. Думаю, он может вам помочь.

— Кто такой этот Салман? — скептически спросил я. — Муаллем Цион, я пришел к вам потому, что мне нужна помощь серьезного человека, на которого можно положиться.

— Не беспокойтесь. Он из наших, — заверил меня Цион. Последние слова он произнес на иврите, как было принято в подобных случаях в среде иракских евреев. — Вы можете ему верить, и я не сомневаюсь, что он вам поможет.

Услышав эту фразу, я понял, что дальнейший разговор на эту тему закрыт, и вернулся к заинтриговавшему меня замечанию хозяина дома.

— Скажите, пожалуйста, о каких беженцах из Ирака вы упомянули прежде? Когда они прибыли?

— Они просачивались по капелькам на протяжении последних месяцев, — объяснил Муаллем Цион, — даже после введения военного положения. Обычно это люди, имеющие здесь родственников, и с ними нет никаких проблем. Но не-

давно прибыло несколько коммунистов-евреев, у них здесь никого нет. Мы изо всех сил стараемся помочь им, потому что если они попадут в руки властей, их вышлют обратно в Ирак, а там им грозит тюрьма, если не худшее. Работать они не могут, почти не осмеливаются выходить из тайников, где скрываются. Мы обеспечиваем их едой и одеждой, но, право, не знаю, как долго удастся нам их прятать. Скоро зима, все станет сложнее.

Вдруг губы его слегка искривились в улыбке, точно во время разговора он нашел выход из положения.

— Почему бы вам не забрать их с собой в Израиль? — предложил он. — Вы же вечно жаждете переправлять туда людей.

Действительно, отправлять евреев, спасающихся от преследований, в Израиль было, как говорится, моей специальностью. Но в этом случае я должен был объяснить, что коммунисты, возможно, не захотят ехать в Страну.

— Вы же знаете, что иракские коммунисты яростно выступали против сионизма. Они нас ненавидят. Когда у них была такая возможность, они даже преследовали нас.

Муаллем Цион расхохотался:

— С этим покончено, сын мой. Они будут вне себя от радости, если вы их возьмете. Теперь, когда они боятся высунуть нос на улицу, они перестали задаваться. Здесь они подлежат аресту и за нелегальный переход границы, и за то, что являются коммунистами. Кроме того, как это ни смешно, их обвиняют в приверженности к сионизму, который им, по вашим словам, ненавистен.

Посмотрите, что происходит с несчастным Шафиком Аддасом[42], — продолжал он. — Нынче ему мало проку от того, что он всегда почитал себя

прежде всего иракцем, что знался только с арабами и только с ними вел дела. Никто из них не замолвил за него словечко. Нынче и евреи-коммунисты начинают сознавать, что им нечего делать в Ираке. Факт, что они бегут сюда. А к кому они обращаются за помощью? К своим арабским друзьям? К здешним коммунистам? Нет! Они обращаются к своим братьям-евреям, которые прячут их и заботятся о них. Так что, сын мой, если вы сможете вывезти их отсюда, они будут вам руки целовать. Потому что только в Израиле они могут быть коммунистами в свое удовольствие!

Он был, безусловно, прав. Но даже если бы я решил помочь этим "проблематичным" беженцам, все равно был неясен способ переправки их из Ирана в Израиль. 16 сентября, через две недели после моего прибытия в Тегеран, я отправил в Израиль первую иммигрантку, надеясь, что она станет первой ласточкой, предвещающей весну. В сущности, ее отправка не составляла особой сложности и была лишь косвенно связана с многотрудной задачей переправки людей из Ирака в Израиль. Моей "ласточкой" была медсестра средних лет, прибывшая в Иран с нормальным иракским паспортом, срок годности которого истекал, а в Тегеране возобновить его было невозможно. Вместе со сроком действия паспорта кончался и срок действия визы, после чего ее пребывание в Иране становилось незаконным. К тому времени я успел познакомиться и подружиться с итальянским консулом. Узнав про отчаянное положение медсестры, я попросил своего нового друга предоставить ей визу на въезд в Италию (по мотивам гуманности), заверив его, что как только она попадет в Рим, наши люди отправят ее в Израиль. Желание консула помочь нам оставляло надежду, что можно будет вос-

пользоваться этим маршрутом и в будущем. Кроме всего прочего, я получил курьера для отправки своего первого рапорта о работе в Тегеране. До тех пор мне приходилось ограничиваться туманными намеками в обычных телеграммах, а теперь я смог открыто сообщить в Париж:

"Ясно, что для работы здесь есть масса возможностей в отношении как иракцев, так и местных... Есть шанс довести дело до нескольких десятков в месяц... Здесь уже находится много иракских беженцев, и никем не управляемый приток их (хоть и небольшой) продолжается все время".

Эта оценка подтверждалась рассказами Муаллема Циона о евреях, прибывших из Ирака, а также утверждением Салмана-шофера (с которым я тоже успел познакомиться), что тайная переправка людей из Ирака в Иран — дело вполне возможное. Главный вопрос состоял в том, согласятся ли иранские власти предоставить им статус беженцев и позволят ли нам организовать их доставку в Израиль. Я считал, что именно это, а не переход через ирако-иранскую границу, который аббат Глазберг надеялся облегчить с помощью своих ассирийских друзей, является основным препятствием для достижения нашей цели.

Пока что мы, однако, принялись за ассирийские связи. Через неделю после меня в Тегеран прибыли аббат Глазберг и его секретарша Нинон Вейль, преданно помогавшая ему со времен Сопротивления до самой его смерти. Нинон была поистине очаровательна с ее тонким, нежным личиком, на котором порой мелькала проницательная, хитроватая улыбка. Происходила она из Эльзаса, отец ее был ассимилированным евреем, а мать — христианкой. Нинон получила чисто христианское воспитание, настолько, что не

имела ни малейшего понятия о еврейских обычаях и ритуалах. Все это сообщало нашему странному трио некий оттенок пикантности.

Первая наша совместная экспедиция была в ассирийскую церковь Тегерана, где нас с изысканной вежливостью встретил монсеньер Тума — хрупкого сложения, с ухоженной черной бородой, в выглаженном темном одеянии. Глазберг представил меня как своего личного помощника. Не открывая истинной цели нашего визита, он лишь объяснил, что в Париже стало известно о тяжелом положении ассирийцев, особенно в пограничных монастырях, и поинтересовался, бегут ли ассирийцы в Ирак. Монсеньер Тума отвечал, как и следовало ожидать, уклончиво, но после нескольких вкрадчивых фраз аббата наконец предложил нам посетить монастыри и самолично оценить положение — мы только этого и хотели. Монсеньер даже рекомендовал нам шофера-ассирийца, немного говорившего по-французски.

Итак, через пару дней аббат, Нинон и я двинулись в путь к границе на такси, принадлежащем упомянутому ассирийцу. Первым испытанием были иранские дороги, которые, видимо, не ремонтировались со времен вывода иностранных войск в конце Второй мировой войны. Пересчитав по пути все колдобины, мы наконец добрались до Хамадана (древний Экбатанн), где по настоянию аббата, никогда не пренебрегавшего кулинарией, принялись изучать деликатесы местной кухни.

— В тегеранском "Парк-Отеле" европейская кухня, — сообщил аббат, объясняя свою слабость, — они принимают нас за снобов.

Попросив шофера дать надлежащие рекомендации, Глазберг заказал "челло кебаб" — огромную груду белого риса со сливочным маслом, сырыми яичными желтками и кусочками жаренной на

Бабушка и дед автора. Багдад. 1923 г.

Пятилетний Шломо Гилель с матерью и братьями. Багдад. 1928 г.

Улица Ар-Рашид в центре Багдада, находящаяся поблизости от дома Гилелей. 1927 г.

Завершение "Операции Майклберг". Самолет с олим из Ирака приземляется в Явнеэле. 1947 г.

Встреча руководителей сионистского подполья Ирака после катастрофы, постигшей грузовик с олим. Крайний слева внизу — Шломо Гилель; крайняя справа — член Кнесета Шошана Арбели-Альмозлино. 1947 г.

Встреча в Хорремшехре. Слева направо: агент Мосада ле-Алия-Бет Шмуэль (Сами) Мория, Шломо Гилель, радист Элияху Шин. 1948 г.

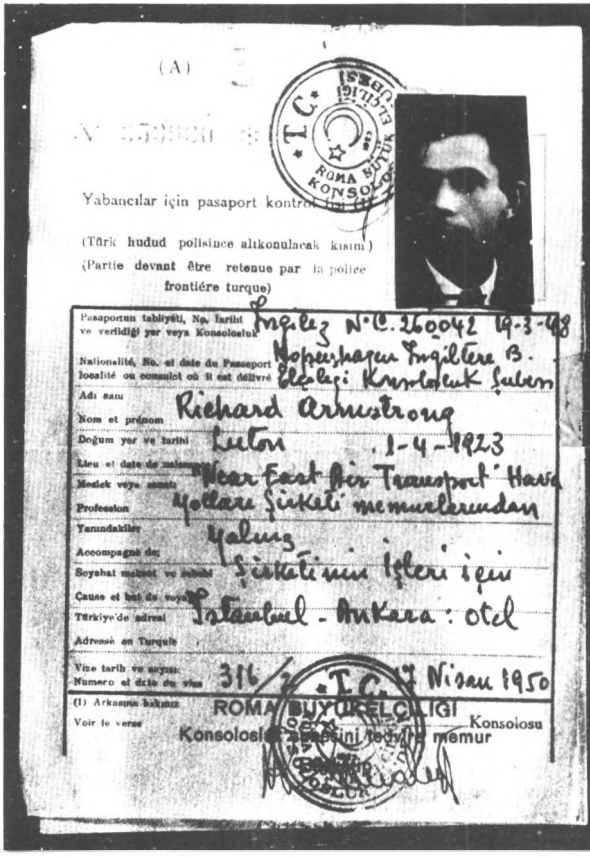
Группа олим из Ирака, размещенных в переселенческом лагере на территории старого еврейского кладбища Тегерана. 1949 г.

Шаул Авигур

Моше Кармил

Акива Файнштейн

Аббат Глазберг



(A)

Yabancılar için pasaport kontrol fişi

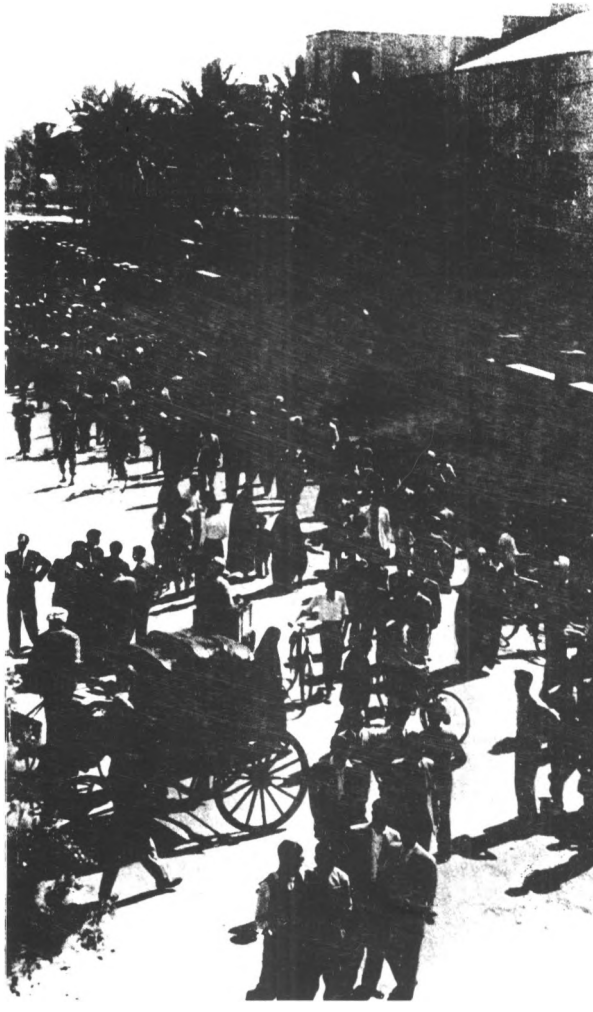
(Türk hudud polisince alıkonulacak kısım)
(Partie devant être retenue par la police frontiére turque)

Pasaportun tabiiyeti, No. tarihi ve verildiği yer veya Konsolosluk	İngiliz N°C. 260042 19-3-48
Nationalité, No. et date du Passeport localité ou consulat où il est délivré	Hopenhagen İngiltere B. Elçiliği Konsolosluk Şubesi
Adı sanı	
Nom et prénom	Richard Armstrong
Doğum yer ve tarihi	Luton 1-4-1923
Lieu et date de naissance	
Mezlek veya sanatı	"Near East Air Transport" Hava
Profession	Yolları Şirketi memurlarından
Yanındakiler	Yalnız
Accompagné de:	
Seyahat maksat ve sebebi	Şirketinin İşleri için
Cause et but de voyage	
Türkiye'de adresi	İstanbul - Ankara : otel
Adresse en Turquie	
Vize tarih ve sayısı Numero et date du visa	316/2 T.C. 17 Nisan 1950
(1) Arkasına bakınız	
Voir le verse	

ROMA BÜYÜKELÇİLİĞİ
Konsolosluk şubesini tedvire memur
Konsolosu

Выданное турецкими властями разрешение на въезд, прилагавшееся к подложному британскому паспорту Шломо Гилеля на имя Ричарда Армстронга.

Узники Сиона в иракской тюрьме. 1949 г.



Тысячи евреев, осаждающих синагогу, где происходит запись на репатриацию в Израиль. Багдад, 1950 г.

Ш.Гилель с семьей — женой Тмимой, сыном Ари и дочерью Хагар. 1987 г.

вертеле баранины и оленины (мясо местных горных оленей). Подавали это блюдо с бутылками ледяной жидкости, называвшейся "дох-абали" (йогурт, смешанный с сельтерской водой), без которой здесь не обходится ни одна трапеза, ибо считается, что она способствует пищеварению. Но тут терпимость аббата дала трещину — он приказал нам всем пить водку, с абсолютной серьезностью заявив: "Это необходимо из гигиенических соображений".

После обеда мы отправились в столицу округа Керманшах, а оттуда — в ассирийский монастырь, где нас ожидал теплый, трогательный прием. Проживающие в монастыре монахи и священники со всей округи, в парадном облачении, вместе с детьми окрестных ассирийцев дожидались нас уже несколько часов. Не успели мы вылезти из машины — запыленные, в измятой одежде, — как началась приветственная речь, после которой нас торжественно провели между двумя рядами восторженных детей. Первым следовал аббат, далее Нинон, я замыкал шествие, а дети один за другим целовали нам руки. Я знал, что нельзя позволять им этого. Рано или поздно станет ясно, кто я такой, и тогда у кого-то из ассирийцев может возникнуть недовольство оттого, что их дети целовали руки еврею. Поэтому я кое-как ухитрялся обнимать подходивших ко мне детей или похлопывать их по плечу, или погладить по головке — лишь бы не подставлять им руки.

Затем, умывшись с помощью большой керамической миски и ведра воды и обретя более или менее презентабельный вид, мы направились в монастырскую трапезную, где был устроен торжественный обед. За длинными столами, уставленными всевозможной снедью и — к радости аббата — бутылками водки, восседали представители местной ассирийской общины. Когда мы вошли в

трапезную, они поднялись и бурно зааплодировали. Овация продолжалась, пока мы не заняли свои места за столом. За нею последовали цветистые речи по-французски. В коротком ответном слове Глазберг поблагодарил хозяев за теплый прием и выразил надежду, что нам удастся в течение нашего короткого визита познакомиться с их проблемами и нуждами. После выступления Глазберга настоятель монастыря произнес предобеденную молитву, которую я, к своему изумлению, понял почти полностью: благословение было произнесено на арамейском языке, на котором составлены также многие древние еврейские молитвы. Слушая знакомые слова, вроде "ха-лахма" (этот хлеб) и "де-шамайя" (в небесах), повторявшиеся в молитве, я вспомнил класс Талмуда в средней школе и семейный пасхальный седер, ибо в текст пасхальной Хаггады[43] вплетено множество арамейских выражений. Я украдкой взглянул на Глазберга, он ответил мне радостной улыбкой — у него, несомненно, возникли те же ассоциации.

Трапеза завершилась уже затемно, и каждого из нас препроводили на покой в тесную келью, в которой стояла лишь железная кровать, стул и шаткий столик с миской и кувшином для умывания. Над моей постелью висело большое деревянное распятие, а на стенах — несколько изображений младенца Иисуса и страдающего Христа. Я был страшно утомлен, но не мог уснуть. Лежа на спине и следя за трепещущими отблесками керосиновой лампы, отбрасывавшей причудливые тени на потолок и стены кельи, я чувствовал себя участником какой-то странной пьесы. Я проводил ночь в ассирийско-католическом монастыре на ирако-иранской границе в качестве личного помощника католического священника еврейского происхождения. Христианские дети, ки-

дающиеся целовать мне руки... Настоятель, благословляющий хлеб на языке моих предков... Неужели все это взаправду? И неужели эти ассирийцы станут недостающим звеном в цепи, с помощью которой мы переправим иракских евреев в Израиль?

Потом эти мысли сменились жутковатым ощущением, что все это некогда уже было, "déjà vu"[44], как говорят французы. Я осознал, что однажды ассирийцы уже были неким передаточным звеном еврейской эмиграции из Ирака в Эрец-Исраэль — эмиграции моей собственной семьи. Ведь именно торжественный парад иракской армии по улицам Багдада в августе 1933 года после жестокой резни ассирийцев на севере Ирака переполнил чашу терпения моего отца. Мы наблюдали этот победный марш сквозь закрытые жалюзи своего дома, стоявшего на углу главной багдадской улицы Ар-Рашид и тенистой аллеи, известной под названием Баб эль-Агха. Впереди колонны шел военный оркестр, за ним, держа винтовки с примкнутыми штыками, — солдаты, замыкала процессию полевая артиллерия. Но куда сильнее, чем сам парад, врезался в память оглушительный крик: "Да здравствует Гази!". Гази был поддерживавший резню наследный принц, известный оголтелым национализмом, в отличие от своего отца, короля Фейсала I, считавшегося либералом, у которого резня вызывала отвращение и ужас.

Глядя сквозь жалюзи на орущие толпы, мой отец внезапно сказал:

— Если они так поступают с христианами, а весь мир молчит, чего же ждать нам? У нас тут нет будущего.

Мне было тогда десять лет (я был младшим из детей — семи сыновей и четырех дочерей) — и как бы это ни показалось странно, слова отца

вызвали у меня прилив радости. Я кинулся к отцу и, поцеловав ему руку, спросил:

— Папа, правда мы уезжаем в Эрец-Исраэль? Когда же мы поедем?

— С Божьей помощью мы покинем эту страну, — ответил он более неопределенно, чем мне хотелось бы. — Но пока об этом лучше молчать. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас говорил об этом — и у стен есть уши.

Если так, то стены нашего дома наслушались немало, ведь не в первый раз вопрос об эмиграции в Палестину поднимался в домашних беседах. Мы, подобно большинству иракских евреев, были религиозной семьей и считали себя потомками иудейских изгнанников, уведенных в Вавилон после разрушения Первого храма в 586 году до н.э., то есть за одиннадцать лет до того, как царь Навуходоносор изгнал царя Иудеи Иехояхина и "выселил весь Иерусалим, и всех князей, и все храброе войско — десять тысяч было переселенных — и всех плотников и кузнецов; никого не осталось, кроме бедного народа земли" (IV книга Царств, глава 24, стих 14). Итак, мы были наследниками традиций общины, которая хранила верность земле Израиля, ибо сказано: "Как нам петь песнь Господню в земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя" (Псалмы 137: 4—5).

Но даже в такой общине, сионистской как бы от природы, моя семья выделялась ощутимыми связями с Эрец-Исраэль. "Учителя из Страны", посещавшие Багдад в середине двадцатых годов, часто бывали в нашем доме, мы изучали иврит, читали на нем книги и газеты, издаваемые в Палестине, а мой брат Элияху, который был на восемь лет старше меня, являлся одним из основателей сионистского общества "Ахиэвер". Однако до начала тридцатых годов мысль о переезде в

Эрец-Исраэль не воспринималась нами всерьез. Семья была состоятельная, отцовское дело процветало, братья, окончив учебу, отправлялись в один из мировых коммерческих центров: Англию, Японию, Индию — чтобы представлять там интересы разветвленного семейного бизнеса. Но центр этой обширной сети находился в Багдаде, в руках отца, и, казалось, так будет еще очень долго.

Осенью 1932 года Ирак получил полную независимость после нескольких столетий подчинения великим державам и целой серии иноземных нашествий (последним из которых было английское; англичане захватили Ирак в 1917 году), и период независимости вовсе не был золотым веком для иракского еврейства. Разумеется, и до тех пор арабы притесняли евреев, нередко хулиганы избивали еврейских детей, возвращающихся домой из школы, или оскорбляли стариков-евреев на улице; время от времени яростные антисионистские демонстрации перерастали в нападения на евреев как таковых, поскольку возбужденные толпы быстро переставали различать тонкую грань между сионизмом и иудаизмом. Но все же, пока англичане держали Ирак в узде своего мандата, эти вспышки враждебности не выходили из-под контроля властей и не создавали прямой угрозы для еврейской общины. Кроме всего прочего, англичане нуждались в евреях, чтобы управлять страной в финансовой и экономической сферах.

Но когда Ирак получил полную независимость, положение начало меняться. Неистовые празднования независимости напомнили евреям об их уязвимости, они стали задаваться вопросом, пожелает ли независимый арабский режим защищать их. Оголтело-националистические и панарабские настроения наряду с нарастающей напряженностью

беспорядков в Палестине лишь увеличивали эту тревогу.

Вскоре последовал еще один предупреждающий сигнал. Приход Гитлера к власти в Германии в начале 1933 года был воспринят иракской прессой и публикой с воодушевлением. В нацизме было два элемента, близких сердцу иракцев: антибританская направленность и антисемитизм. Гитлеровская, наиболее ядовитая разновидность антисемитизма стала быстро укореняться в Ираке, а ее восторженный пропагандист, германский посол Фриц Гроббе приобрел большую популярность в правительственных и интеллектуальных кругах.

Мой брат Элияху первым в семье понял зловещее знамение и решил, что у него нет будущего в Ираке. В середине июля 1933 года он уехал в Палестину, чтобы учиться в сельскохозяйственной школе и работать на земле, как предписывала тогдашняя сионистская доктрина. Это было нелегкое решение, родители умоляли Элияху не уезжать.

"Если ты хочешь помогать тамошним евреям, иди работать, как твои братья, — говорили они ему. — Встань на ноги, добейся устойчивого положения, тогда сможешь помочь им. Зачем же тебе ломать свою жизнь?"

Но Элияху стоял на своем, его не интересовал ни бизнес, ни солидный доход. Главным для него было строительство Еврейского очага в Эрец-Исраэль, а для этого надо стать земледельцем. Ни припадки отцовского гнева, ни слезы матери не переубедили его. Он сделал то, что считал правильным. Однажды после обеда он просто ушел из дому с маленьким чемоданом в руке. Мы плакали, не осознавая, что его уход еще сильнее накренил чашу весов в пользу нашего отъезда в Эрец-Исраэль.

Не прошло и месяца, как в Северном Ираке

разразилась ассирийская резня. По существу, от нее шел путь к этой мрачной тесной келье в монастыре на ирано-иракской границе. На протяжении многих поколений ассирийцы жили в гористом районе вдоль границ Ирана, Ирака, Сирии и Турции. Происхождение этого народа имеет несколько разных версий. Некоторые из них считают себя потомками древних ассирийцев, объясняя, что когда в 606 году до н.э. пала столица ассирийской империи Ниневия, многие знатные люди бежали на север, где их потомки продолжали жить на протяжении последующих двух с половиной тысячелетий. Другие предлагают менее экзотическую родословную, утверждая, что являются потомками племен, бежавших на север с равнин Ирака от монгольского нашествия в XIII веке н.э. Так или иначе, современные ассирийцы — это маленькая христианская община, молящаяся на том же сирийско-арамейском диалекте, на котором в давно минувшие времена говорили жители древней Вавилонии.

Со всех сторон маленькую секту окружало мусульманское море: турки, курды, персы, арабы (шииты и сунниты), часто конфликтовавшие между собой, но неизменно враждебные к этим странным христианам. На долю ассирийцев часто выпадали лишения, преследования, массовые убийства. Вынужденные постоянно драться за свое существование, они превратились в умелых, суровых и безжалостных воинов — а это, в свою очередь, усиливало неприязнь к ним.

Положение ассирийцев стало особенно тяжким с началом Первой мировой войны, когда Турция, подвергшаяся нападению христианских стран Европы, повела беспощадный джихад против "неверных". Вскоре между турецкими властями и ассирийскими подданными возникли трения, грозившие перерасти в ассирийское восстание. Не-

которые историки полагают, что русские (а возможно, и англичане) поощряли возмущение ассирийцев, обещая им автономию или даже полную независимость в случае поражения турок. Несомненно одно: мятеж дорого обошелся ассирийцам. Поначалу они сумели отразить несколько атак правительственных войск, поддержанных отрядами курдов (которые с незапамятных времен были заклятыми врагами ассирийцев). Но скоро оказались в окружении, вынуждены были пробиваться из него и уходить всей тысячной общиной, с младенцами и стариками, около семидесяти тысяч душ, через заснеженные горные хребты в Иран.

Затем их некоторое время опекали русские, поставлявшие им оружие. С выходом России из войны (вследствие большевистской революции) и последующей стабилизации британского правления в Ираке, правительство Его Величества взяло ассирийцев под свою защиту и перевело обратно в Ирак всех, кто уцелел после войны, болезней, лишений, пережитых в ссылке и во время бегства, — всего тридцать пять — сорок тысяч человек. Англичане стали вербовать из ассирийцев боевые части и использовать их для подавления спорадически возникавших бунтов внутри страны, а также в пограничных столкновениях с турками. Беззастенчиво пользуясь преданностью ассирийцев, их желанием угодить державе-спасительнице, англичане насаждали среди них идею "общей судьбы", они даже дали им титул своего "самого маленького союзника", в котором выражалось и расположение, и высокомерие. Англичане охотно поощряли желание ассирийцев осесть в горном районе Ирака, где они чувствовали себя как дома.

Однако надежды ассирийцев развеивались по мере приближения срока окончания британского мандата. Правда, англо-иракский пакт 1930 го-

да подтверждал статус различных национальных меньшинств в Ираке, в том числе и ассирийцев, но когда срок действия мандата подошел к концу, ассирийцы не получили за свою верность англичанам ничего, кроме туманных обещаний. Поняв, что они нежеланные гости в независимом Ираке, некоторые ассирийцы попытались перейти в Турцию, но турки встретили их пулеметным огнем. Тогда ассирийцы попробовали уйти в Сирию, надеясь, что французские мандатные власти позволят им поселиться на широкой равнине Дир-ас-Сур в Северной Сирии, но их не пропустили через границу.

4 августа 1933 года группа ассирийцев, которую не пустили в Сирию, вступила в столкновение с подразделением иракских войск, занимавшим позицию вблизи турецкой границы. После перестрелки, которая, по некоторым сообщениям, была спровоцирована иракской армией, солдаты пошли в атаку и разгромили ассирийцев. Вследствие этого столкновения четыреста ассирийцев, проживавших в городке Самайил, получили приказ явиться в полицию и сдать личное оружие. Когда они выполнили приказание, их вывели во двор полицейского управления и хладнокровно расстреляли. Этот расстрел послужил сигналом для начала массовой резни — иракские солдаты убивали всех ассирийцев без разбора, а гражданское население (как арабы, так и курды) грабило все, что попадалось под руку. Бойня длилась несколько дней. В самых сдержанных отчетах говорилось о сотнях убитых и раненых, тысячах оставшихся без крова.

На раздираемом межнациональными конфликтами Ближнем Востоке этот инцидент сам по себе не вызвал особого удивления. Однако реакция на него в Ираке предвещала еще большие беды. Мало того, что участников преступления не при-

влекли к суду — наследный принц Гази самолично вручил им награды. Командовавший бандитами генерал Бакр Сидки, известный своим садизмом, слепой ненавистью к ассирийцам (и к национальным меньшинствам вообще) и всегдашней готовностью резать их при всякой возможности, получил повышение и даже титул "паши". Кровавую бойню отметили парадами, проходившими под приветственные крики толпы, — сперва в Мосуле, потом в Багдаде.

Не менее тревожной была и реакция за рубежом. В октябре Совет Лиги Наций выразил сожаление по поводу применения "чрезмерных и неоправданных средств" и даже образовал специальный комитет, в который вошли представители Великобритании, Франции, Италии, Дании, Испании и Мексики, для подыскания ассирийцам убежища. Комитет исправно заседал и дискутировал о различных возможностях, от Бразилии до берегов африканской реки Нигер, но из этих прожектов ничего не вышло. Ассирийцы, разбросанные на территории Ирана, Ирака, Сирии и южной части СССР, продолжали скитаться с места на место, спасаясь от той опасности, которая в данную минуту казалась страшнее.

Примерно через три недели после ассирийской резни национальным меньшинствам Ирака был нанесен новый удар. На сей раз всякий, у кого оставалась хоть крупица здравого смысла, должен был понять, что сигнал тревоги превратился в пронзительную сирену. 8 октября умер король Фейсал I и его сын Гази взошел на престол. Молодой двадцативосьмилетний король имел репутацию растленного, неуравновешенного человека, радикального националиста и верного ученика нацистов. Восшествие на престол нового короля лучше любых аргументов убедило моего отца в необходимости покинуть Ирак. Идея переезда в

Эрец-Исраэль, возникшая под влиянием расправы с ассирийцами, окончательно созрела менее чем за месяц и круто повернула мою жизнь. И вот теперь, пятнадцать лет спустя, в сентябре 1948 года я лежал на узкой койке в монастыре возле Керманшаха, потому что судьба моя снова пересеклась с судьбой ассирийцев. Они искали пути из Ирана в Ирак, а я надеялся с их помощью переправить своих людей в обратном направлении. Стоит ли удивляться, что мне не спалось той ночью?

На следующее утро я вышел из своей кельи перед завтраком, не подумав о том, что строгие монастырские правила обязывают меня принять участие в заутрене. Оказалось, однако, что настоятель придерживался иного мнения.

— Нам не хватало вас сегодня утром, мсье Перез, — приветствовал он меня по-французски, и тон у него был недвусмысленно укоризненный.

— Я плохо спал этой ночью, — ответил я, закашлявшись от смущения и понимая, что попал в переделку.

После завтрака мы посетили ряд общинных учреждений ассирийцев. В продолжение осмотра мы вышли на берег одной из многочисленных в этой местности студеных речек. Монахи забросили примитивные удочки и быстро наловили кучу рыбы, в том числе отменного угря. Возвращаясь в монастырь, мы прошли через Керманшах, где к нам прицепились несколько мусульманских мальчишек. С криком "Мисихиан! Мисихиан!" ("Христиане! Христиане!") они бежали за нами, изображая приступ тошноты при виде угря. Я заметил, что аббат Глазберг изумленно наблюдал за ними и, когда мы оказались рядом, прошептал ему в ухо: "Как видно, быть христианином иногда почти так же тяжело, как быть евреем".

— Знаете, Морис, — не совсем шутя ответил

аббат, — самое скверное — быть тем и другим вместе. Потом прибавил более деловым тоном: — Как вы себя чувствуете?

— Очень неуютно, — признался я.

— Представляю, — сочувственно сказал он. — Потерпите еще немножко, я что-нибудь придумаю.

Вернувшись в монастырь, я сразу ушел в свою келью — подальше от греха, — оставив аббата и Нинон в обществе настоятеля. Через полчаса у моей двери появился монах и пригласил пройти к аббату.

— Я уже все объяснил настоятелю, — успокоил меня Глазберг, — вам нет нужды присутствовать на службах. После обеда настоятель примет вас и объяснит положение. Можете ему доверять. Кроме того, я обещал приобрести для монастыря грузовичок, чтобы перевозить еврейских беженцев из Ирака. В свободное от этих поездок время они смогут распоряжаться им по своему усмотрению. Надеюсь, у вас нет возражений?

— Разумеется, нет, — бодро ответил я — и соврал, ибо вовсе не был доволен создавшейся ситуацией. А после разговора с настоятелем я стал еще больше сомневаться в том, что мы сумеем извлечь хоть какую-нибудь пользу из грузовика. Настоятель дал мне понять, что из-за кровавой вражды ассирийцев с их соседями — курдами и арабами, они остерегались сотрудничать с местными контрабандистами. Это обстоятельство, впрочем, ни в коей мере не сковывало их действий, поскольку среди ассирийцев было достаточно людей, хорошо знавших местность и умевших пробираться в ассирийские деревни по ту сторону границы. Но они не могли добраться до городских центров Ирака: Багдада, Мосула, Басры — где концентрировалось большинство еврейского населения. Короче, я усомнился в том, что наше избавление придет через ассирийцев,

и на какую-то секунду приуныл, хотя во время беседы с настоятелем узнал и хорошую новость: здесь, как и на юге, граница не закрыта на замок. Поняв, что нам, по-видимому, не удастся воспользоваться услугами ассирийцев, я все же не мог не сдержать данного им аббатом обещания насчет грузовика, хоть для нас это солидное капиталовложение оказывалось чистой благотворительностью. Действительно, этот грузовик так и не перевез ни одного беженца-еврея, но, с другой стороны, несколько месяцев спустя, благодаря порядочности и мужеству настоятеля я был избавлен от большой беды, а это не оценить в долларах и центах.

Впрочем, я забегаю вперед, ибо в тот период только еще разведывал обстановку и, когда мы вернулись в Тегеран, попробовал реалистически взвесить шансы алии через Иран. Во-первых, несомненно существовали возможности перейти ирако-иранскую границу. Это подтверждали как Салман-шофер, так и настоятель Керманшахского монастыря. Главная трудность, по моему мнению, состояла не в переходе в Иран, а в переправке людей из Ирана в Израиль. Существовала, конечно, возможность нелегальных перевозок, например методом "Майклберг", но она, безусловно, была нежелательна. Логика говорила, что, помимо риска, связанного с нелегальной операцией, мы еще и рискуем вызвать гнев иранских властей, если наши действия станут им известны. Естественным решением представлялось добиться от иранского правительства, чтобы оно признало вырвавшихся из Ирака евреев беженцами. К сожалению, однако, надежд на такой оборот было мало. Даже уверенность Глазберга в том, что IRO признает наших людей беженцами, оказалась неоправданной, как же можем мы ожидать, что иранское правительство сделает боль-

ше, чем Международная организация помощи беженцам?

Я долго ломал голову над этим, а потом вдруг подумал, что нам ведь не требуется формальное заявление, мы бы вполне удовлетворились молчаливым согласием властей на то, чтобы прибывших из Ирака людей не высылали обратно, поскольку мы обещаем быстро отправить их в Европу. Когда я поделился этой мыслью с Глазбергом, он сразу оценил достоинства такого молчаливого взаимопонимания.

— Я, со своей стороны, берусь добыть французские визы, — предложил аббат, объяснив, что многие его друзья по Сопротивлению занимают теперь важные посты, особенно в Министерстве внутренних дел. — Я дам им личное заверение в том, что ни один из этих беженцев не останется во Франции, — а мое слово еще чего-то стоит!

— Если наш план сработает, — стал я развивать идею по ходу разговора, — то они вообще могут не попасть во Францию. Нам только надо найти авиакомпанию, которая согласится работать с нами и переправит наших беженцев прямо в Израиль!

И мы нашли такую авиакомпанию. Но на раннем этапе подготовки операции нам гораздо важнее были связи Глазберга, обещавшие получение виз. Вначале ведь я намеревался воспользоваться услугами итальянского консула, но вскоре обнаружил, что, несмотря на сочувствие к нам, консул не желает выдавать большого количества виз. Да и вообще он представлял себе ситуацию, мягко говоря, несколько туманно. Так, во время одного из моих визитов консул вдруг сказал, что твердо решил не выдавать больше виз иракским евреям, так как иракцы недавно отказали во въездной визе члену итальянской торговой

делегации из-за того, что он — еврей. Возмущенный консул изыскал наиболее эффективный, по его мнению, ответный шаг — решил отказать во въездных визах иракским евреям. Я вполне разделял возмущение консула дискриминацией, столь явно продемонстрированной иракскими властями, но почему нужно за это наказывать страдающих иракских евреев — не понимал. Мне понадобилось все мое терпение и красноречие, чтобы объяснить консулу ситуацию и убедить его отменить решение.

Итак, мы полностью зависели от связей аббата в высших сферах. В середине октября Глазберг вернулся во Францию со списком, в который входило пятьдесят семей (более двухсот пятидесяти человек), просивших о предоставлении им французских виз. Список этот являлся моим первым опытом в фантастическом жанре — разумеется, мы не могли знать заранее, кто именно прибудет из Ирака, поэтому я наудачу выбирал еврейские имена и составлял из них семьи. Как оказалось впоследствии, с именами не было никаких сложностей: наши люди все равно приезжали без документов, и мы могли присваивать им любые имена. Единственное затруднение состояло в формировании семей так, чтобы состав их совпадал с указанным в визе.

Визы эти, естественно, должны были прилагаться к соответственным проездным документам, поэтому сначала я отправлял людей в Италию и Францию со слегка "подправленными" просроченными иракскими паспортами. Когда иракский консул отказался возобновлять паспорта, я нашел способ обойти это затруднение. С помощью примитивных приспособлений мне удалось сделать очень удачную копию штампа иракского консульства, после чего я, ничтоже сумняшеся, пустился штамповать просроченные паспорта. Моя

печать, конечно, не являлась законченным произведением искусства, но ни французские и итальянские чиновники, выдававшие визы, ни иранцы — никто ничего не заподозрил при виде несколько расплывчатого иракского штампа. В результате появился новый, хоть и неширокий, канал переправки олим, который в бумагах Мосада именовался "соглашение Шаммая". Но мое изобретение имело весьма ограниченную сферу применения, так как нам не хватало иракских паспортов.

Тогда-то на арене и появился Цион Эзри. Этот образованный исфаганский еврей, свободно говоривший по-французски, имел широкие связи в полиции, где много лет служил переводчиком в звании инспектора. К счастью для нас, Цион был убежденным сионистом и жаждал помочь нам. На финансовой основе Эзри удалось заключить с несколькими крупными офицерами полиции неписаное, но важное соглашение. В соответствии с ним еврейские беженцы являлись в один из заранее указанных полицейских участков и заявляли, что они бежали от преследований в Ираке. Их, как и подобает, судили за незаконный переход границы, но приговаривали к символическому наказанию, а после предъявления въездных виз в другую страну, власти выдавали им laissez-passers[45] и разрешали выехать из страны.

Услышав такие новости, я побоялся, что у меня начались галлюцинации, — ведь ничего лучшего и представить было невозможно. Когда голова немного прояснилась, я решил, что необходимо немедленно проверить новое соглашение и создать прецедент. Но мы еще не начали переправлять людей из Ирака, и неизвестно было, когда начнем, поскольку я еще не вышел на связь с иракским подпольем.

Тут мне вспомнился разговор с Муаллемом Ци-

оном про скрывающихся в Тегеране евреев-коммунистов из Ирака, которые "будут вам руки целовать, если вы их отправите в Израиль". Они, бесспорно, отвечали критериям, указанным Эзри. Я решил встретиться с ними и поглядеть, не сможем ли мы помочь друг другу. Их было семеро, все высокообразованные люди (один, как я понял, врач), их коммунистические убеждения вытекали из идеализма — правда, мне они показались уже порядком разочаровавшимися.

— Мы пришли к выводу, что в Ираке, каким мы его знаем, жить невозможно, — сказал мне один из них. — После погрома 1941 года вы, сионисты, решили, что у евреев нет будущего в Ираке и им следует уехать в Палестину. Мы, коммунисты, верили, что можно изменить положение в Ираке, добившись коренных реформ в политическом устройстве страны.

— Так что же вы не едете назад? — спросил я его. — Или вы намереваетесь отсиживаться тут, пока кто-нибудь другой не изменит иракский режим?

— Если мы вернемся, иракцы просто казнят нас! — гневно воскликнул другой.

— Тогда почему вы не едете в Россию?

— О чем вы говорите? Россия! Мы же евреи! — выпалил третий.

— Люди такого сорта, как мы, в России не нужны, — угрюмо проговорил четвертый, — и виселицы там не короче иракских.

Видя, как глубоко они разочарованы в коммунизме, я продолжал встречаться с ними и однажды сказал, что мог бы помочь, если они искренне хотят уехать в Израиль. Они немедленно "присягнули" на верность еврейскому государству. Но когда я объяснил, что им придется обратиться в полицию и объявить себя беженцами, перешедшими границу, они несколько секунд оше-

ломленно молчали. Наконец один из них с горечью произнес:

— Мы думали, вы действительно наш друг и хотите помочь. А теперь мы видим, что вы хотите нас похоронить. С самого нашего появления в Иране мы не решались высунуть нос на улицу. Вы же предлагаете нам по своей воле сдаться полиции. А если они не будут действовать согласно вашему договору?

Его слова задели меня за живое.

— Признаю, тут есть определенный риск, — сказал я. — Но продолжать прятаться тоже рискованно. Разница состоит в том, что с того момента, как вы согласитесь явиться в полицию, мы считаем себя ответственными за вас.

— Другими словами, вы хотите сделать из нас подопытных кроликов для проверки своего сионистского плана, — буркнул кто-то из них.

— Мне жаль, что вы так смотрите на это, — ответил я. — Мы не рассматриваем людей — а в том, что мы делаем, к сожалению, всегда есть риск, — как подопытных кроликов. Если необходимо идти на риск — мы воспринимаем это как халуцианский[46] поступок. Если вы согласны идти на риск, я буду считать вас халуцами, и я верю, что вам повезет. Если не согласны — мы все равно останемся друзьями.

В тот день, когда они отправились с Ционом Эзри в полицейский участок, я стоял снаружи, больной от волнения, куря сигарету за сигаретой. Казалось, этому изматывающему ожиданию не будет конца. Когда они наконец вышли из здания полиции, я успел прикончить пачку, начатую перед тем, как они туда вошли. Первое решительное испытание прошло успешно. Нашу семерку оштрафовали и приказали немедленно покинуть страну, но из-за извечных иранских проволочек оформление выездных документов за-

няло довольно много времени.

А пока я искал способ напрямую связаться с кем-нибудь из наших агентов в Багдаде, чтобы начать переправку людей в Иран. Хотелось также преодолеть барьер недоразумений, преследовавших меня в этой командировке с тех самых пор, как я уехал из Израиля, и, особенно, с тех пор, как я оказался в Тегеране. Окольная связь с Багдадом через Париж не только вынуждала откладывать начало операции, но создавала дополнительное, совершенно излишнее напряжение. Пока мы с аббатом готовили почву для переправки людей в Израиль через Иран, наши агенты в Багдаде сообщали в Мосад о непрерывно ухудшавшемся положении евреев:

"...Арестованы и отправлены в лагеря заключения десятки подростков... все это из-за посланных из Израиля писем... Часть библиотечных фондов и учебного материала еврейских школ конфискованы полицией. В Мосуле арестована целая семья, в том числе координатор нашего местного отделения. Он получил серьезные ожоги, пытаясь уничтожить учебные материалы. Ситуация становится мрачнее день ото дня".

За этим предисловием следовал однозначный вывод: "Мы должны сконцентрировать свои усилия на немедленной эмиграции. Никакие агенты не помогут, если мы не найдем способ вызволить отсюда людей".

К сожалению, как бы невероятно это ни показалось, Багдад так и не оповестили о том, что я как раз и занимаюсь в Тегеране подготовкой к "вызволению людей". Очевидно, наши сотрудники в Париже (не говоря уж об Израиле) не считали мои предложения, планы, самую цель моей поездки в Тегеран достойными того, чтобы сообщить о них иракскому подполью! Я об этом "упущении" ничего не знал и сколько ни бился, чтобы на-

ладить прямой контакт с Ираком, сумел передать первое письмо лишь во второй половине ноября — через одного подпольщика из Абадана. Только тогда в Багдаде осознали, как обстоит дело, и вполне предсказуемая реакция нашла выражение в радиограмме, отправленной в Тель-Авив:

"Арци от Бермана.

Шаммай информировал нас о происходящем в Тегеране и о неограниченных возможностях переправки людей из Ирана в Израиль. Он также просит возможно скорее послать к нему людей для отправки в Израиль.

1. Дайте нам знать, реальна ли указанная возможность, чтобы мы могли быстро организовать переправку людей в Иран.

Если она реальна, мы не понимаем, почему вы держали это втайне от нас".

На следующий день Тель-Авив ответил совершенно непостижимой радиограммой:

"1. Мы не получили от Шаммая сведений о неограниченных возможностях перевозки людей от Голдмана[47] к нам.

2. Мы запросим у Шаммая уточнений..."

И, в соответствии с бюрократическим правилом о том, что на критику следует отвечать контркритикой, далее говорилось:

"4. В вашей радиограмме подразумевается, что вы можете отправить людей к Голдману. Если это так, почему вы этого до сих пор не сделали, раз переправить людей прямо сюда невозможно?.. Быстро и подробно обсудите эти возможности".

Это было потрясающее замечание, ведь нашим людям в Багдаде никогда не сообщалось, что они должны отправлять олим в Тегеран. Сами же они никак не могли развивать подобные идеи, ибо у них не было основания считать Иран трамплином для алии. Что же до неосведомленности Мосада

относительно вероятности отправки людей через Иран, то ведь еще за месяц до этого обмена радиограммами, сразу после возвращения Глазберга в Париж, Иосеф Барпаль послал в Тель-Авив такую телеграмму:

"Аббат вернулся. Согласно привезенному им отчету... мы можем перевозить не менее сотни репатриантов в неделю... Подробности в письме. Необходимо немедленно послать Голдману одного человека для ведения дел там, второго — для координации эмиграции, а также радиста..."

Но содержание этой важнейшей телеграммы — о возможности "перевозить не менее сотни в неделю" даже не было передано в Багдад!

Тем временем я уже отчаялся установить постоянную двустороннюю связь с нашими людьми в Багдаде и решил просто поставить их перед свершившимся фактом, отправив в Ирак контрабандистов с письменными инструкциями доставить олим в Иран. Салман-шофер связал меня с двумя контрабандистами, которых рекомендовал как очень опытных и надежных. Кроме того, у них была маленькая моторная лодка, в которой они успешно перевозили людей и товары через реку Шатт-эль-Араб из Абадана в Басру и обратно. Мы договорились о цене, я снабдил их запиской в багдадскую фирму, владельцем которой был Селим Свири (тот самый, что встречал меня в аэропорту в мой первый приезд в Багдад). В записке, написанной на иврите, сообщалось, что податели ее — мои друзья, с которыми следует отправить мне "образцы". Я надеялся на сообразительность Селима и не ошибся. В результате 28 ноября Тель-Авив получил следующую радиограмму:

"Арци от Бермана.

Сообщите Шаммаю, что двое его агентов прибыли и завтра мы отправим ему первую группу".

С этого момента все пошло как по маслу, и через несколько дней я послал в Париж открытую телеграмму, где извещал о получении "двух образцов" и просил сообщить об их прибытии в Багдад.

Я не могу припомнить, кто были эти "два образца" и, естественно, не знаю, что сталось с ними в Израиле. Если бы мы были меньше погружены в повседневные дела и лучше сознавали, что творим историю, то наверняка смогли бы рассказать о судьбе двух этих беженцев, открывших новый маршрут алии из Ирака.

Тогда же мы были слишком заняты развертыванием операции. К концу ноября я получил сообщение из Багдада о том, что они посылают ко мне Сами вместе с радистом и даже с их запасным радиопередатчиком. Такая готовность пожертвовать резервным передатчиком была очень смелым шагом, но к тому времени все были убеждены в том, что без прямой радиосвязи между Багдадом и Тегераном вся операция может провалиться.

Сами и радист Элияху Шин перешли границу в середине декабря. Я встретил их в Абадане и мы стали вместе дожидаться радиопередатчика, который доставили на следующий день. Его привез надежный контрабандист, знакомый Сами. Он брал дороже остальных, зато у него была особая "договоренность" как с иранскими, так и с иракскими пограничниками, что, естественно, требовало больших расходов на взятки. Но поскольку речь шла о таком деликатном грузе, как радиопередатчик, экономить не приходилось. На следующий вечер в условленный час мы ждали его в доме Яакова Эйтана, одного из ведущих деятелей сионистского движения Абадана. Контрабандист запаздывал, напряжение росло. В какой-то момент я поймал себя на том, что шагаю из

угла в угол, заламывая руки, — точно карикатура на нервного человека. Стараясь рассеять напряжение, Сами стал уморительно рассказывать, как он уговаривал контрабандиста взять на себя перевозку нашего груза, как предупреждал быть с ним поосторожнее, дав ему понять, что там большая банка с наркотиком, предназначенным для спасения людей.

Когда около полуночи наконец появился контрабандист, воздух в комнате, казалось, заколебался от единодушного вздоха облегчения. Все радостно уселись за стол, мать Яакова подала крепкий чай с домашним печеньем, но нашему гостю было явно не по себе. Сами спросил его, в чем дело.

—Пожалуйста, не сердитесь на меня, — извиняющимся тоном начал контрабандист, — но обдумав все хорошенько, я решил не говорить пограничникам, что в ящике лекарство, ведь эти черти подумают, будто я везу спиртное, а тогда дело может обернуться худо. Поэтому я сказал им, что там просто радио.

—"Просто радио", — как эхо, повторил Сами, задыхаясь от смеха.

Тут у всех нас начался такой приступ хохота, что бедный контрабандист окончательно растерялся. Действительно, "просто радио"! Из вежливости мы не стали спрашивать его, заглянул ли он в посылку или это была случайная догадка. Это напомнило мне моего учителя математики, который любил повторять, что в результате двух ошибок иногда получается правильный ответ. А главное — рассказ контрабандиста подсказал мне, как вести себя на таможне, где просматриваются грузы перед въездом в Тегеран (это делается, чтобы предотвратить контрабанду с юга).

На следующий день мы отправились в радиома-

газин, принадлежавший другу Яакова, и запаслись у него большой картонной коробкой и письмом в центральное отделение фирмы RCA в Тегеране, в котором содержалась просьба проверить радиоприемник, так как покупатели жалуются на плохое качество звука. Мне удалось также сколупнуть блестящую этикетку RCA с одного из стоявших в магазине радиоприемников и наклеить ее на наш передатчик. Потом мы упаковали его в фабричную коробку, и я отправился в соседний город Ахваз, откуда у меня уже был заказан билет на самолет в Тегеран. В руках я нес небольшой сверток, где находились запчасти для радиопередатчика.

Когда на таможне меня спросили, что находится в коробке, я с апломбом вытащил из кармана письмо. Таможенный чиновник внимательно посмотрел на него, но, судя по всему, не очень впечатлился содержанием — то ли он не привык верить всему, что читал, то ли не умел читать вовсе. Во всяком случае, он велел мне открыть коробку и вызвался подержать мой пакет, чтобы я мог развязывать веревку обеими руками. Сердце у меня стучало так громко, что, казалось, чиновник услышит его сквозь все слои моей зимней одежды. Но инспекция закончилась вполне благополучно. Как только чиновник убедился, что в коробке действительно радио, он разрешил мне снова запаковать ее. Но я хотел быть вполне уверенным, что больше осложнений не будет. Поэтому, прежде чем протянуть руку за пакетом, который он продолжал держать, я решил отплатить ему за любезность. Вынув из бумажника крупную банкноту, я проговорил по-персидски (надо сказать, язык я осваивал очень быстро) самым сладким тоном, на какой был способен: "Пусть ваши руки никогда не устают". Инспектор был весьма рад столь выгодному обмену,

а я, принимая свой пакет дрожащей рукой, почувствовал, как, несмотря на холодную погоду, по спине у меня катится пот.

Рассказывая в Тегеране Дову Адиву о таможенном досмотре, я был очень доволен собой, но Дов только язвительно заметил:

—Когда вы наконец поймете, что деньги надо давать им сначала, а не когда все уже позади? Могли поберечь свои нервы.

Подумав, я должен был с ним согласиться.

* * *

Чтобы начать сеансы радиосвязи, нам надо было установить высокую антенну на крыше у Дова, в то же время она не должна была быть слишком уж заметной. Эту и другие возникавшие по ходу дела технические сложности удалось преодолеть только благодаря опыту Дова. Лишь 26 января 1949 года состоялся первый сеанс радиосвязи с Багдадом. Слышимость была отличная. Пока Дов бился с техникой, я уговаривал Сами остаться в Иране и работать со мной. В Багдаде он уже не мог быть полезен как прежде, так как несколько чиновников, с которыми он имел дело, попали под следствие, и не было никакой уверенности, что раньше или позже ниточка не приведет к нему. Он подумывал о возвращении в Израиль, но когда я открыл ему свои обширные планы, Сами согласился помогать мне в Тегеране. Но сначала он вернулся в Багдад, чтобы привести в порядок дела, а я воспользовался этой возможностью, чтобы отправить подробный рапорт в Тель-Авив. Все, что я раньше старался передать намеками в открытых телеграммах и письмах через Париж, можно было теперь сформулировать вполне членораздельно:

"Потратив впустую три месяца, я встретился

наконец с [Сами] у Голдмана и убедился, что здесь большие возможности. За одну неделю на юге через реку Шатт-эль-Араб было переправлено пятнадцать человек. Это лишь эксперимент. В центре страны (район Касре-Ширин и Ханекин) перспективы также благоприятны, но без достаточного персонала, способного наладить здесь работу, мы только попусту потратим деньги... Если вы не можете или не хотите немедленно направить сюда пять человек, то нет смысла развертывать здесь работу Мосада... Наконец, вы, видимо, полагаете, что я могу работать здесь, не имея финансовой поддержки?.."

Честно говоря, если б не Элияху Бен-Ицхак, из всех моих планов ничего бы не вышло. Элияху родился в иранском городе Мешхеде, ребенком приехал в Палестину, прекрасно освоился в Эрец-Исраэль и впоследствии занимал несколько ответственных постов. Он находился в Тегеране уже около года в качестве представителя Еврейского национального фонда и был одним из израильтян, с которыми я познакомился сразу после приезда. Но лишь позднее, когда между нами завязалась тесная дружба, я обратился к нему за помощью. Дело в том, что ни из Парижа, ни из Тель-Авива мне довольно долгое время не переводили денег — то ли из-за плохой связи, то ли просто не верили, что я смогу превратить Иран в перевалочный пункт для иракской алии. Нечего говорить, что я постоянно напоминал о деньгах, но все мои просьбы оставались без ответа. Поняв, что мне придется торчать в Тегеране гораздо дольше, чем я планировал, и что приток олим из Ирака все увеличивается, я попросил Элияху помочь мне деньгами из средств Еврейского национального фонда, которые находились в его ведении.

— Морис, — осторожно сказал он, — при всей

нашей личной дружбе, я не могу дать вам без официального разрешения деньги, принадлежащие Еврейскому национальному фонду. Это ведь не мой личный счет.

—Но у меня есть такое разрешение, — сказал я.

—У вас есть разрешение Еврейского национального фонда?

—Нет, но я здесь на правах поверенного правительства Израиля и, надеюсь, для вас это значит не меньше, чем разрешение Еврейского национального фонда.

Элияху смотрел на меня с недоумением.

—Что значит "на правах поверенного"? Я имею в виду нечто формальное, некий письменный документ. Дело тут не в личном доверии, я знаю, что вы честный человек. Но когда речь идет об общественных фондах, необходимо скрупулезно соблюдать формальности.

Я молча вытащил из внутреннего кармана конверт, в котором лежал бланк с грифом "Временное правительство государства Израиль. Парижское представительство". Ниже на машинке было напечатано:

"Тем, кого это может заинтересовать.

Предъявитель сего документа, Шаммай, выполняет важную миссию по нашему заданию. Мы будем благодарны за любую помощь, оказанную ему в выполнении этой миссии.

С уважением..."

Подпись была впечатляющая, хоть и неразборчивая. Принадлежала она Оскару, который снабдил меня этим документом на случай непредвиденных затруднений. Бен-Ицхак с минуту внимательно изучал его, потом спросил:

—А кто этот Шаммай?

—Это я, — ответил я улыбнувшись.

Еще немного помолчав, он спросил уже другим тоном:

—Морис, вы действительно думаете, что этого достаточно и у меня не будет неприятностей?

—Элияху, я никогда не сделал бы ничего такого, что могло бы вас скомпрометировать, — заверил я его. — Всякий раз, как я буду получать у вас деньги, я буду немедленно посылать уведомление об этом, чтобы на счет Еврейского национального фонда перевели соответствующую сумму.

—Вы дадите мне расписку?

—Разумеется.

—А какую подпись вы поставите?

—Я подпишу ее "Шаммай, от имени правительства Израиля".

Элияху зажмурился, как от боли. Было видно, что решение давалось ему нелегко. Потом он спросил спокойным и деловым тоном: "Сколько вам нужно?"

Я назвал сумму, получил чек, написал расписку, и на некоторое время мои финансовые проблемы были разрешены. С тех пор всякий раз, как у меня кончались деньги, я шел к Элияху Бен-Ицхаку и тут же на месте получал требуемую сумму.

Оправданием столь сомнительной системы финансирования может служить тот факт, что деньги расходовались на благородные цели. Но, вспоминая об этом теперь, я не могу не признать, что подход был безответственный, граничащий с мошенничеством. В свое оправдание, кроме того, что с помощью этих денег удалось сделать много добра, могу лишь сказать, что в те дни, сразу после основания государства, мы еще не успели выйти из "неофициальной", догосударственной стадии развития. Мне и в голову не могло прийти, что формальным процедурам следует

отдавать приоритет перед спасением жизни людей. Всякий раз, беря деньги у Бен-Ицхака, я добросовестно писал в Париж, прося Мосад внести соответствующую сумму на счет Еврейского национального фонда. Более того, меня заверяли, что деньги переводили, хотя я и не мог знать, насколько быстро это делалось. Как бы то ни было, когда через несколько месяцев после начала наших финансовых взаимоотношений Бен-Ицхак отослал в свое управление связку квитанций, подписанных "Шаммай, от имени правительства Израиля", поднялся жуткий шум. У должностных лиц Еврейского национального фонда, очевидно, было слабо развито чувство юмора. Во всяком случае, ни мой пышный титул, ни моя изобретательность не произвели на них ни малейшего впечатления. Поэтому я вынужден был радировать в Израиль:

"Арци от Голдмана.

Представитель Еврейского национального фонда в Тегеране получил по телефону инструкции, запрещающие выдавать мне деньги без особого указания из Иерусалима... Мне скоро придется уехать отсюда из-за отсутствия денег".

В следующем письме я снова поднял этот вопрос, только с бóльшим раздражением:

"Что касается финансового вопроса, я неоднократно просил вас договориться с Еврейским национальным фондом, чтобы можно было получать деньги у них... Почему вы не отвечаете? Вы что, испытываете мое терпение, или у вас такой способ экономить?"

Неувязки с передачей денег из Еврейского национального фонда преследовали меня еще долго. Даже после того, как дело было в принципе улажено, возникли разногласия по поводу курса валют. По обеим сторонам баррикады сидели суровые фининспекторы, которым я вынужден был сно-

ва и снова объяснять соглашение, достигнутое с Бен-Ицхаком, и соотношение курсов на момент перевода денег.

Но даже вся эта денежная канитель не могла умалить того факта, что в декабре 1948 года мы сумели переправить из Ирака в Иран около сорока человек! Кроме того, мы уже провели первый опыт отправки в Израиль евреев, перешедших в Иран самостоятельно, без документов. Это были те семеро коммунистов, которые скрывались в Тегеране, когда я приехал туда, — "подопытные кролики", по их определению, "халуцим" — по моему. Наша система успешно выдержала испытание. Полученная из Парижа через Гель-Авив телеграмма, подтверждавшая прибытие моей семерки в Марсель (а также прибытие в Париж другой группы из семнадцати олим), даже вышла за рамки принятого в нашей переписке сухого стиля — она кончалась сердечным "Поздравляем!"

В конце октября Оскар послал мне длинное письмо, в котором извинялся за все недоразумения и трепку нервов, которая тянулась месяцами, пока я сумел доказать свою правоту: "Мы внимательно следим за вашей деятельностью и понимаем, что делается еще недостаточно, — писал он. — Мы хотим сообщить вам, что сейчас появились шансы поправить дело и расширить объем вашей работы. Хочу сказать также, насколько я лично восхищен тем, что вам удалось достичь в столь трудных условиях. Заверяю вас, что все наши товарищи высоко ценят эти успехи". Далее он подробно останавливался на всех вопросах, стоявших на повестке дня. В письме затрагивалась также финансовая проблема: "Мы сообщали вам... что готовы вложить любую сумму здесь с тем, чтобы вы получили ее там". И, как говорится, "на закуску": "Самое главное: дополни-

тельные люди — агенты в Ираке и Иране — будут в вашем распоряжении".

Письмо Оскара было датировано 31 декабря 1948 года, и я не мог не воспринимать эту дату как символическую. Вообще, казалось бы, что я мог начать новый год, будучи вполне довольным собой и своими достижениями. Все мои требования были выполнены или выполнялись. Моя работа оценивалась высоко, иногда даже очень высоко. Идея восточного маршрута наконец нашла поддержку. Но не помню, чтобы в те дни я испытывал какое-то особое удовлетворение. Наоборот, меня снедала тревога, я чувствовал себя как альпинист, который, думая, что штурмует вершину, вдруг обнаруживает, что вокруг него появляются все новые, все более высокие горные кручи и между ними — никакого прохода. Я знал, что оправдываться мне не перед кем. Теперь впереди было настоящее испытание, предстояло выяснить, была ли вспышка света, маячившая передо мной, плодом воображения или же мы действительно приближались к концу тоннеля.

"ОЖИВУТ ЛИ КОСТИ СИИ?"

В конце 1948 года, когда мы бились над тем, чтобы проделать первые щелочки в стене, окружавшей иракское еврейство, давление внутри Ирака поднялось до такой степени, что с появлением первой расщелины поток евреев грозил перерасти в потоп. Первыми просочились через границу ребята из сионистских молодежных групп, которые давно мечтали уехать в Эрец-Исраэль, а теперь героическая война молодого государства против вторгшихся в его пределы арабских армий еще больше разожгла их воображение. Другие иракские евреи оказались вне закона — либо

потому, что их поймали при попытке незаконно уехать из страны и отпустили на поруки, либо потому, что они поручились за других, а те сумели удрать. В широкой категории "преступников" очутились также все, упомянутые в письмах, отправленных из Палестины до 15 мая 1948 года, включая нескольких важных сановников и других государственных служащих-евреев. Они, по-видимому, являлись первыми кандидатами для показательных процессов типа судебного фарса, жертвой которого стал Шафик Аддас.

Среди тех, кто вынужден был бежать через Иран, были и простые евреи, решившие уехать из Ирака. Подводя итоги событиям года (начиная с уличных демонстраций с криками "Смерть жидам!", спорадических арестов евреев, кампании вымогательств и пыток, последовавшей за вскрытием пресловутых почтовых мешков и кончая процессом Шафика Аддаса), они без труда улавливали угрожающую тенденцию. Военное положение, введенное 15 мая на основании участия Ирака в палестинской войне, стало инструментом политики "твердой руки", нагнетания атмосферы террора. Евреям она, бесспорно, не сулила ничего хорошего.

Несмотря на свои чрезвычайные полномочия, правительство Музахима аль-Пахахи было не в состоянии — а в сущности и не желало — справиться с колоссальными экономическими трудностями, грозившими парализовать страну. Широко разрекламированное решение послать иракскую армию сражаться в Палестину, за тысячу километров от Багдада, еще быстрее опустошало государственную казну, ведь около сорока процентов национального бюджета уходило теперь на военные нужды. Да и сама война не задалась. Вслед за победными реляциями первых дней о продвижении армии к окрестностям Тель-Авива в

Багдад стали просачиваться слухи о военных неудачах. После первого соглашения о перемирии (вступившего в силу 11 июня 1948 года) иракский экспедиционный корпус полностью прекратил военные действия. Но правители Багдада предпочитали держать своих солдат как можно дальше от собственной столицы, опасаясь, что их возвращение лишь обострит беспокойную обстановку в Ираке. Однако такое решение годилось лишь на короткий срок. В последних числах декабря 1948 года в Багдаде начались бурные демонстрации, их участники требовали возобновления боев. Стало очевидно, что, держа армию в Палестине, правительство не только вело Ирак к финансовому краху, но и усиливало внутреннее брожение — наподобие старого анекдота о лекарстве, оказавшемся более опасным, чем сама болезнь.

При таких обстоятельствах 6 января 1949 года завершило свой бесславный путь правительство Музахима аль-Пахахи, и сформировать новый кабинет было поручено опытной старой лисе Нури Саиду. Были основания считать, что за истекшие месяцы кризис, вызванный Портсмутским договором, был окончательно позабыт (ибо Нури являлся одним из главных вдохновителей этого договора). Но человек вроде Нури Саида не полагается на вероятностные оценки. Дабы отвлечь внимание общественности от своего сомнительного прошлого и насущных трудностей, Нури незамедлительно извлек из-под полы две безотказные отмычки. Первой было обещание грядущего изобилия, которое наступит, как только Ирак выйдет к Средиземному морю. Второй — преследование коммунистов и евреев.

Поначалу Нури ограничился публикацией ранее вынесенных приговоров, по которым около тридцати евреев заочно приговаривались к смертной

казни. "Осужденные", все до единого, давно покинули Ирак, кто легально, кто нелегально; большинство из них уже являлось полноправными гражданами Израиля. Но стремясь ослепить жаждущие еврейской крови массы, иракское правительство опустило эту незначительную деталь, и весь мир поверил, будто этих евреев уже казнили или собираются казнить. Трюк выглядел настолько убедительно, что министр иностранных дел Израиля Моше Шарет (известный как человек осторожный и умеренный) предупредил иракское правительство, что если сообщения о казни евреев за сионистскую деятельность подтвердятся, Израиль будет рассматривать эти действия "как агрессивный акт Ирака в войне против Израиля и предпримет соответствующие ответные шаги".

Лишь после этого грозного предостережения (а также скрупулезной проверки имен осужденных нашими людьми в Багдаде) выяснилось, что в данном случае иракским палачам не удалось продемонстрировать своего искусства. Однако это открытие было малоуспокоительным, так как аресты, жестокие допросы и вынесение суровых приговоров евреям, обвиненным в сионистской деятельности, продолжались полным ходом. А вскоре, когда в один день было повешено четверо лидеров компартии (один из них — еврей), стало ясно, что казнь евреев за принадлежность к еврейству как таковую, причем в сколь угодно широких масштабах, — только вопрос времени.

Совершенно неудивительно поэтому, что как только возникла возможность бегства в Иран и особенно когда стало известно, что достигшие Тегерана евреи могут уехать в Израиль, в кандидатах на эмиграцию недостатка не было, несмотря на все лишения и опасности пути. А опасностей было немало, ибо наша система страдала одним очень существенным недочетом: при-

быв в Тегеран, евреи-иммигранты могли обращаться в условленные полицейские управления, но во время длительного перехода через Иран в столицу наше "соглашение" не действовало, тут каждый мог рассчитывать только на себя.

Первая наша группа была схвачена в середине января 1949 года на пути из Хорремшехра в Ахваз, где ее участники собирались сесть на тегеранский поезд. Четверых наших парней держали в заключении на юге Ирана в неописуемо тяжелых условиях. Сначала мы опасались, что их даже депортируют обратно в Ирак. Но после того, как они провели более двух месяцев в гнусном застенке, нам удалось взять их на поруки и привезти в Тегеран. Когда вторая группа (состоявшая из двух девушек) была поймана на вокзале в Ахвазе, Сами поспешил туда, чтобы вызволить их, хоть он сам находился в Иране нелегально и не знал ни слова по-персидски. Когда я потом спросил, как он умудрился уговорить офицера полиции отпустить девушек, Сами только пожал плечами и презрительно объяснил, что знание языка тут вовсе необязательно. он просто погладил ладонь офицера конвертом, в котором лежали хрустящие банкноты, и тот быстро усвоил все гуманные аргументы. "Никакое твое красноречие не было бы столь убедительным", — заключил Сами.

Но несмотря на все срывы и тревоги, скоро у нас в Тегеране накопилось полно народу. Кроме тех, кого отправляло иракское подполье, были и другие евреи, перебравшиеся в Иран самостоятельно, но знавшие про нас и пришедшие просить помощи. Все они были очень желанными гостями, но приходилось признать, что мы натолкнулись на весьма серьезное препятствие: давление беженцев из Ирака ежедневно возрастало, а скорость получения документов для отправки их из

Ирана оказалась гораздо ниже, чем я рассчитывал. Короче, я столкнулся с непредвиденной проблемой: что делать со всеми застрявшими в Тегеране беженцами в условиях снежной зимы, когда температура падает до нуля по Фаренгейту (-18°С), т.е. в совершенно непривычных для этих людей условиях. К тому же теперь мы имели дело не только с крепкими молодыми мужчинами и женщинами, а с целыми семьями — от грудных детей до немощных стариков.

Я начал на широкую ногу, сняв для всех новоприбывших номера в гостиницах. Но если б я продолжал в том же духе, то при скорости, с которой поступали к нам новые люди, я бы в течение нескольких дней заполнил все тегеранские гостиницы и исчерпал свой хилый банковский счет. Я стал советоваться с Довом Адивом, Ционом Эзри и его сыном Меиром, который успел активно включиться в нашу работу (кстати, в 1970-х годах он стал послом Израиля в Иране). Все они лишь подтвердили, что я действительно загнал себя в угол. Когда же я спросил, как мне выбраться из положения, все трое оказались в затруднении. По их словам, не было никакой надежды ускорить оформление документов, а расселить значительную группу людей тоже некуда. Значит, мне придется слегка застопорить ход нашей спасательной операции. Я не допускал и мысли о том, чтобы тормозить исход из Ирака, — поскольку процесс вообще находился еще под моим контролем. Друзья терпеливо, но настойчиво стали объяснять мне, что в противном случае придет конец всей операции.

— А что если мы просто займем здание одной из еврейских организаций Тегерана? — спросил я.

— Во-первых, в городе не так уж много еврейских организаций, кроме синагог, — объяснил

Эзри-старший. — К тому же, вселившись туда, мы лишь устроим шум и привлечем к себе внимание, а это нам меньше всего нужно.

— Существует только одно место, где можно спокойно расположиться, — добавил Дов со своим вечным цинизмом, — на кладбище.

Проигнорировав это замечание, я попросил Дова устроить мне встречу с руководителями еврейской общины Тегерана.

— Пользы не жди, — кисло заметил Дов, — но если ты этого хочешь, ничего не может быть проще. Они, в сущности, хорошие люди, и тебе все равно следует с ними познакомиться.

Одевшись как можно респектабельнее, чтобы хоть как-то замаскировать главный свой недостаток — двадцатишестилетний возраст, — я направился в дом ныне покойного Мусы Това Пастура (который до конца дней почитал себя главой сионистского движения в Иране) на встречу со столпами еврейской общины. Как и говорил Дов, все они были люди честные и добрые, вот только воображения им немного недоставало, да еще они опасались, как бы мое предприятие не повергло местную еврейскую общину в хаос. Я долго и взволнованно говорил о судьбе иракского еврейства, получив в ответ много сочувствия, много чаю и предупреждение о том, что уже ходят слухи, будто в Тегеране незаконно проживают "сотни иракских евреев". Кроме того, мне с сокрушением душевным разъяснили, что у руководства тегеранской общины нет ни малейшего понятия о том, где разместить моих беженцев.

"Неужто и вправду конец? — подумал я с грустью. — Неужели после всех разговоров, телеграмм и гневных писем мне остается только информировать товарищей в Тель-Авиве, Париже и — самое ужасное — в Багдаде, о том, чтобы они прекратили отправку беженцев, поскольку мне их

негде поселить"? В таком отчаянном настроении мне припомнилась саркастическая шуточка Дова Адива, и я неожиданно для самого себя произнес:

— Есть место, где я могу разместить своих людей, никого не беспокоя.

— Где же? — с любопытством спросил Муса Тов.

— На старом кладбище возле Тегерана, — сказал я, еще не веря, что у меня хватило духу произнести такое.

В комнате воцарилась долгая, гнетущая тишина. Наконец один из нотаблей оскорбленно проговорил:

— Господин Перез, почему вы обижаете нас? И как можете вы выказывать такое неуважение к мертвым? Мы ведь объяснили вам ситуацию со всей серьезностью.

— Боже упаси, вы меня неправильно поняли! — выпалил я, уже прикидывая, насколько осуществима моя идея. — Я менее всего хотел бы кого-то обидеть. И я уверен, что святые души тех, кто нашел последнее успокоение в этой освященной земле, воспримут возможность спасти жизнь другим евреям как большую честь.

Возражения моих собеседников переместились в практическую сферу, и я понял, что они больше не смотрят на меня как на врага.

— Вы понимаете, как сейчас холодно? — спросил один из них.

— Вы знаете, сколько у нас зимой бывает снега? — подхватил другой.

— Да куда же вы денете своих людей?

— На кладбище должна быть покойницкая, — сказал я. — Мы можем ее переоборудовать, поставить обогреватели.

— Вы думаете, что ваши люди согласятся жить в покойницкой? — испуганно спросил кто-то. —

Разве можно уснуть в таком месте?

— Я уверен, что они предпочтут жить в покойницкой, чем лежать в могиле, — реплика моя прозвучала, пожалуй, резковато, но я хотел подчеркнуть, что дело идет о жизни и смерти.

В комнате снова установилось молчание, собеседники мои сидели в глубокой задумчивости. Наконец Муса Тов произнес, словно продолжая течение своих мыслей:

— Вы знаете, что означает название нашего кладбища — "Бахаштия"?

— Нет. Быть может, так называется место, где кладбище расположено? — предположил я.

— "Бахаштия" означает "рай", — сказал Муса Тов с ободряющей улыбкой. — Это хороший знак. Что до меня, я охотно позволил бы вам использовать наше кладбище. И желаю вам всяческого успеха.

Другие последовали примеру Мусы Това, я распрощался с главами тегеранской общины очень дружески. На следующее утро мы уже принялись готовить покойницкую к приему необычных постояльцев: вымыли стены, выскребли полы, провели дезинфекцию, заколотили окна, поставили керосиновые обогреватели и печки для приготовления пищи. В течение нескольких дней старое еврейское кладбище Тегерана превратилось в лагерь, через который в течение последующего года прошло более двенадцати тысяч беженцев. Вскоре после исторического совещания в доме Мусы Това на территории нового лагеря уже проживали сотни жильцов, и нам не оставалось ничего другого, как пристроить дополнительные жилые, кухонные и санитарные помещения.

Руководить этим импровизированным общежитием оказалось так сложно, что, знай я обо всех трудностях наперед, я бы вообще вряд ли взялся за такую задачу. Со всех сторон наваливались

новые хлопоты, но я старался сосредоточиться на главном: подвоз и хранение продуктов питания, получение одеял и одежды, обеспечение медицинского обслуживания. Многие олим нуждались в срочной медицинской помощи. Это было вызвано, с одной стороны, тяготами путешествия (не говоря уж о страшном психическом напряжении), с другой — резким изменением климата и тем обстоятельством, что Тегеран расположен на высоте более тысячи метров над уровнем моря, а такая высота вызывает у некоторых людей резкую слабость.

Но кроме заботы о физическом состоянии олим, необходимо было чем-то занять их, поэтому я стал спешно организовывать учебные и спортивные группы и прочие мероприятия. Во всей этой работе мне оказал огромную помощь Яаков Софер, иракский еврей, много лет проживший в Палестине до своего переезда в Тегеран. Откликнувшись на мой отчаянный призыв о помощи, Яаков взял на себя ответственность за содержание лагеря — от поставки продуктов до обеспечения медицинского обслуживания. Он трудился без устали, и мы сделались с ним неразлучными друзьями.

Но даже когда этот груз свалился с меня, я все равно проводил в лагере все свободное время, старался поддержать его обитателей, поднять их настроение. Я участвовал во всех лагерных мероприятиях, начиная с волейбола (мы расчистили спортивную площадку неподалеку от могил) и кончая хоровым пением. Часто я просто разговаривал с репатриантами, стараясь немного успокоить нетерпение людей, вынужденных подчас неделями ждать продолжения маршрута. Не раз сиживал я вместе с ними долгими зимними ночами вокруг печки в покойницкой, когда, закутавшись в шерстяные одеяла, они пели пе-

чальные монотонные песни бедуинов.

Но, как правило, нам все же удавалось поддерживать в лагере оптимистическое настроение, на нашем кладбище часто слышался смех. Настроение особенно поднималось в те дни, когда в лагере ждали появления полицейских и фотографа, которые периодически приходили проверить и сфотографировать семьи беженцев, обращавшихся с просьбой о получении разрешений на выезд из Ирана. Нам всякий раз приходилось подбирать из обитателей лагеря семьи, соответствующие визам, выданным французским консульством, тут было где разгуляться артистическим талантам. Мы превращали девочек в мальчиков и наоборот, меняли возраст и вносили прочие "поправки", так что при каждом посещении полиции мы справляли на земле Эстер и Мордехая мини-Пурим[48].

В такие минуты мои товарищи с удовольствием отмечали, что Бахаштия, безусловно, самое веселое кладбище на всем Ближнем Востоке.

А меня поражала другая библейская параллель: возрождение еврейского кладбища, наполнившегося шумом детских голосов, ивритской речью и песнями о Сионе, напоминало символическую картину поля, полного костей, о которой повествуется в Библии:

"...Произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху... и вошел в них дух, — и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище... Так говорит Господь Бог: вот, Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся и соберу их отовсюду, и приведу их в землю их" (Иех. 37: 7-10,21).

Но и не вдаваясь в подобные размышления, я знал, что в Ираке нарастает давление на евре-

ев. Поэтому, раз тегеранский лагерь налажен, а переправка через границу на юге, в районе реки Шатт-эль-Араб идет более или менее удовлетворительно, мы решили попробовать открыть путь через границу на севере, через Ханакин (на иракской стороне) и Касре-Ширин (в Иране, примерно в 200 км к западу от Керманшаха). Поэтому, невзирая на суровую зиму, я отправился в Касре-Ширин, чтобы встретиться с представителями иракского подполья и совместно с ними выработать план действий. Я решил также воспользоваться этой возможностью, чтобы доставить в ассирийский монастырь возле Керманшаха обещанный пикап. В поездке меня сопровождал Беник Пинхаси, способный парень, всецело преданный нашему делу; он был мне и шофером, и охранником, и проводником, а главное — хорошим товарищем. Беник, живущий теперь в Израиле, в одном из мошавов[49], родился в русской части Армении, куда его семья перебралась много лет назад из Ирана, а когда Беник был ребенком, они вернулись в Иран. Беник владел множеством языков и прекрасно знал все стороны иранской жизни; все это делало его бесценным помощником.

Несколько месяцев назад мы с аббатом Глазбергом и Нинон добрались до Керманшаха часов за восемь, теперь эта поездка заняла у нас более двух дней — из-за отвратительной погоды. Снег с дорог не убирали; бывало, на протяжении целых километров вообще невозможно было различить, где дорога. На таких отрезках пути машины сбивались в колонну и ждали, пока вооруженный длинной палкой человек промерял глубину снега, а затем указывал путь. Кроме того, ветровое стекло то и дело покрывалось инеем и сквозь него ничего не было видно. Поскольку обогреватель стекла на пикапе отсутствовал, мы

боролись с инеем более примитивными средствами: соскребали его ножом и даже поливали водкой, чтобы растаял, — последнее с острым чувством огромности приносимой жертвы. Громкие протесты Беника, возмущавшегося разбазариванием хорошей водки, не помогали, я предпочитал баловать стекло, а не шофера.

После изнурительного дня пути мы заночевали в Казвине, находящемся на полпути между Тегераном и Хамаданом, в гостинице, принадлежавшей армянину — одному из многочисленных знакомых Беника. На следующий день скорость продвижения была ничуть не выше, а во второй половине дня, когда мы уже подъезжали к Керманшаху, полиция остановила нашу колонну, сообщив, что в районе действуют вооруженные бандиты и разумнее будет переждать до восхода солнца. Выбора не оставалось, и по совету полицейского мы остановились в ближайшей чайхане (буквально "чайная", а на самом деле нечто вроде постоялого двора). Чайхана представляла собой глиняную хижину, каких много встречается вдоль иранских дорог, где путешественник мог утолить голод и распрямить затекшие члены. В тот вечер чайхана кишела народом, тут были и путешественники вроде нас, и крестьяне из окрестных деревень, и бродяги, и контрабандисты всех мастей. Большинство носило тяжелые теплые халаты из верблюжьей шерсти поверх разноцветных живописных лохмотьев. Халаты перепоясывались широкими кушаками, из-под которых торчали кинжалы — неотъемлемая принадлежность каждого уважающего себя мужчины.

Мы уселись в углу на поставленные на попа чурбаки. Хозяин принес медный поднос с маленькими чашечками очень крепкого сладкого чая. Горячий чай быстро оживил нас, казалось, тепло расходится по всему телу. Мы оттаяли, настро-

ение поднялось. По местному обычаю Беник обменялся с хозяином тостами, выражавшими пожелания здоровья и благоденствия в столь цветистых оборотах, что я следил за этой персидской пышностью с некоторым затруднением. Тем временем к нам подошел мальчик (вероятно, хозяйский сын), неся в одной руке поднос с белым овечьим сыром и домашним сливочным маслом, а в другой — миску кремового йогурта. Как сейчас вижу искусно вырезанную деревянную ложку, торчавшую из миски; она предназначалась для нас обоих — ложка на каждого считалась, видимо, ненужной роскошью. На голове мальчик нес две огромные питы (плоские лепешки, распространенные на Ближнем Востоке), совершенно закрывавшие его косматые кудри, свисавшие ему на глаза. Когда он осторожно ставил свой груз на глиняный пол, мы ясно почувствовали, что ребенок этот давненько не вступал в контакт с водой и мылом. Но к тому времени я уже отчасти преодолел свою старомодную брезгливость, и еда в чайхане показалась мне королевским пиршеством. Естественная деревенская атмосфера, тепло и искреннее радушие совершенно разнежили меня — пока я не спросил про кровать.

Насколько мне известно, "курси" — это собственно иранское изобретение. Оно представляет собой широкий низкий стол с круглым отверстием посредине, приходящимся обычно на центр комнаты. Под этим отверстием ставят угольную жаровню, затем стол покрывают холстинами или одеялами, которые свисают до полу. Спят на курси, свернувшись калачиком, ногами к центру, накрывшись одним общим одеялом так, что открытой остается только голова. Жаровня сразу согревает всех постояльцев — и чем их больше, тем веселее.

С такой постелью я никак не мог смириться,

особенно после того, как бросил взгляд на своих будущих соседей справа и слева. Черт с ней, с конспирацией, — ничто не загонит меня в этот хитроумный рассадник вшей. Поймав выражение мученичества на моем лице, Беник пришел мне на помощь и уговорил хозяина поставить для меня деревянную койку возле стены. Впрочем, она оказалась почти излишней, ибо мне не суждено было хорошо выспаться той ночью. После трапезы в чайхане началась оживленная игра в шешбеш[50], которая при свете закопченной масляной лампы продолжалась до зари. После каждой партии проигравший обязан был заказать арак на всю компанию. Сей полезный обычай дал мне возможность загладить дурное впечатление, которое я произвел на публику необузданным индивидуализмом, и позволил на краткий срок снискать, по крайней мере, репутацию славного выпивохи. К счастью, все они уже храпели, уютно свернувшись на курси, когда я выскочил во двор и, не замеченный никем, кроме отдаленных звезд, выдал назад весь поглощенный мною арак. Не только цена, но и качество напитков в чайхане были "общедоступные", и мой аристократический желудок мстительно восстал. Долгие годы после этого не мог я выносить запах арака.

Встреча с товарищами из Ирака состоялась в Касре-Ширине, в доме Элияху Муаллема, который вскоре тоже втянулся в нашу работу и оказал нам большую помощь. Двое ребят из Ирака пришли перед рассветом, перейдя ночью горную границу, а затем — один из бурных притоков реки Сирван. Потом они много часов ждали нас в доме Муаллема, конечно, не подозревая, что разбойники задержали продвижение нашей колонны (слава Богу, не ее саму!). Из-за отсрочки они волновались еще больше, да, признаюсь, и я тоже, ведь я знал, что одним из двух иракских

делегатов будет Шнеур, которого я в последний раз видел памятной ночью на взлетной полосе багдадского аэродрома.

Входя в дом Муаллема, я увидел спину Шнеура в дальнем конце просторной прихожей, по которой он ходил из угла в угол, сгорая от беспокойства. Шнеур мгновенно развернулся на 180° и кинулся ко мне. Несколько секунд мы молча мяли друг друга в объятиях. Наконец, заикаясь от волнения, Шнеур сказал:

— Не могу поверить, что ты здесь!

— Помнишь, когда мы последний раз виделись?

— Ну конечно! — воскликнул он. — В аэропорту. Ночью.

— А помнишь, что ты сказал мне на прощанье?

Он смущенно поглядел на меня и признался: "Ничего не помню. Момент был страшно нервный".

— Зато я помню, — гордо произнес я. — Ты сказал: "Амо Юсуф, приезжай снова". Вот я и приехал.

Слова эти вызвали новый раунд объятий, который длился до тех пор, пока нас не позвали в столовую. За едой я внимательно слушал ребят, рассказывавших про свой переход через горные кручи и разлившуюся реку. Понятно, этот путь не годился ни для кого, кроме молодых и крепких искателей приключений, по крайней мере в зимние месяцы. Но все же это был проходимый маршрут, им вполне можно было воспользоваться. Поэтому я дал ребятам имена еще нескольких контрабандистов и заручился согласием Элияху Муаллема на превращение его дома в перевалочный пункт. Потом мы уладили финансовые вопросы, связанные с платой за ночлег и покупкой билетов в Тегеран, а также с необходимостью "сунуть" кому-нибудь из чиновников в продолжение путешествия. Мы разработали также систему

связи между Касре-Ширином и Тегераном и условились о кодировании ключевых слов в письмах, телеграммах, а если понадобится, то и при телефонных разговорах. Потом, после волнующего прощания с ребятами, которым предстояла нелегкая дорога в Ирак и еще бóлее опасная работа там, — мы с Беником поздно вечером вернулись в Керманшах.

По плану мы должны были прибыть в ассирийский монастырь в середине следующего дня и привезти обещанный пикап. Но по дороге мы передумали: оставили грузовик в Керманшахе для ремонта, в котором он нуждался после тяжелого пути из Тегерана, и поехали в Касре-Ширин на такси. На том же такси мы вернулись в Керманшах, остановились в весьма задрипанной гостинице и, после всевозможных волнений последних дней, тут же повалились на кровати. Проснулись мы утром довольно поздно. Беник отправился бриться в парикмахерскую, а я, отказавшись от этой роскоши, решил побриться в номере. Итак, я был один, когда вдруг услыхал, что кто-то скребется в дверь.

— Кто там? — спросил я по привычке.

— Откройте! Полиция! — раздался ужасный ответ.

Легкое поскребывание превратилось в чудовищный стук, заставивший меня отворить дверь прежде, чем я успел подумать, как объясню свое присутствие в районе. Чуть только я приоткрыл дверь, как в комнату ворвался здоровенный мужчина в гражданском платье.

— Ваши документы! — рявкнул он. Такое обращение было самым грубым контрастом изысканным манерам, к которым я успел привыкнуть в Иране. Молча приказав себе не впадать в панику, я вытащил из кармана брюк водительские права и развернул перед ним. Он презрительно

глянул на них и по-прежнему грозно произнес:

— Я имею в виду удостоверение личности. Или паспорт.

— Мой французский паспо́рт находится в Тегеране, а других документов у меня нет, — объяснил я, стараясь держаться возможно спокойнее, но сознавая, что тем самым обнаружил свое самое уязвимое место. Я прибыл в Тегеран в августе 1948 года с визой, годной только на месяц. Тогда я считал, что этого срока вполне хватит, так как намеревался ехать в Ирак; когда же оказалось, что мне придется задержаться в Тегеране, я попытался было продлить визу, но безуспешно. Даже появившиеся у меня за время жизни в Иране связи не помогли. Получением виз на проживание в Иране и выездных виз ведали два соперничающих друг с другом департамента, которые тратили на подрыв планов друг друга куда больше времени, чем на ведение собственных дел.

Отчаявшись продлить визу законным путем, я решил просто взять с собой водительские права (срок годности которых был год), уповая, что при нужде они сойдут за удостоверение личности, хоть и понимал, что если произойдет осечка и я попаду под настоящее следствие, права не спасут. Более того, я знал, что нелады с законом ведут в Иране к большим неприятностям. Описания иранских тюрем и методов допроса не оставляли ни малейшего желания познакомиться с ними воочию. Я, конечно, отдавал себе отчет и в том, что если начнется серьезное расследование и полиция посетит мой дом, где находится рация, радист без всяких документов и спрятанное оружие, то шансы отделаться легко (то есть просто уцелеть) не слишком велики.

Но керманшахский сыщик вроде бы удовлетворился правами и перешел к следующему вопросу:

— Где ваш друг? — резко спросил он.

— Кого вы имеете в виду? У меня много друзей, — парировал я.

— Послушайте, я с вами не шучу, — зарычал он. — Где человек, с которым вы приехали? Тот, который живет с вами в этой комнате?

— Ах, этот! — я просто сиял оттого, что мы сумели преодолеть коммуникативный барьер; увы, радость эта меня не спасла. — Он пошел купить что-то в магазине одежды, — добавил я, стараясь выиграть время и продумать дальнейшие шаги.

— Хорошо, пойдемте поищем его, — приказал сыщик. Я надел пальто и последовал за ним.

— Вы предпочитаете идти пешком или возьмем извозчика? — спросил он.

— Я бы предпочел извозчика.

— Тогда вам придется платить.

— Чашм (с удовольствием), — ответил я, выговаривая персидское слово как можно точнее.

Усевшись в экипаж, я полез в карманы за перчатками и с ужасом нащупал бумаги, о которых успел позабыть. В одном кармане лежал маленький и очень опасный листок бумаги, на котором были записаны имена и номера телефонов; в другом — аккуратно сложенный информационный листок из моего киббуца, добравшийся до меня перед самым отъездом из Тегерана. При первой возможности я изобразил припадок кашля, засунул записку в рот и проглотил. Но с газеткой это бы не прошло. С одной стороны, в ней не было никакой секретной информации; из того, что я успел прочитать, мне запомнились сообщения об увеличении надоев молока, производства яиц и тому подобные оптимистические подробности, свидетельствующие о процветании киббуцного хозяйства. С другой стороны, все эти захватывающие и совершенно невинные сведения излагались

в газетке на иврите и возникал естественный вопрос: как мог француз марокканского происхождения Морис Перез объяснить свое присутствие в окрестностях Керманшаха, возле иракской границы, без документов, но с подробным отчетом на иврите о достижениях сельского хозяйства в Израиле? Итак, моя первоочередная задача состояла в том, чтобы избавиться от этой улики.

Тут мне, по счастью, вспомнилась старая байка про то, как вор, пойманный на месте преступления, умолял конвоировавшего его в тюрьму полицейского отпустить его на минутку в булочную за хлебом, пообещав за это принести конвоиру вкусный пирожок. Расчувствовавшийся полицейский согласился и стал ждать снаружи, а вор, как и следовало ожидать, вошел в булочную через одну дверь и скорехонько смылся через другую. Некоторое время спустя тот же полицейский снова поймал того же вора. По дороге в тюрьму они проходили мимо табачного магазина, и вор попросился купить сигарет. На сей раз полицейский оказался более осмотрительным. "Ну нет, ты меня больше не одурачишь, — сказал он вору. — Теперь ты останешься за дверью, а я схожу за сигаретами".

Пока мы ездили по магазинам, ни в одном из которых, как мне было отлично известно, Беника не было, я решил попытать счастья согласно той же стратегии. Возле одной из лавок я предложил полицейскому, что пойду погляжу, там ли мой приятель. "Ни в коем случае, — отрезал сыщик. — Вы останетесь в экипаже, а я зайду в лавку". В отличие от вора из анекдота, я не видел смысла бежать, зато у меня было достаточно времени, чтобы отодрать край обивки сиденья и засунуть вовнутрь киббуцную газетенку. И если экипаж этот не разобран на составные части, он, может быть, до сих пор хранит не-

опровержимое свидетельство гигантского хозяйственного прогресса в моем киббуце.

Сыщик наконец отчаялся найти Беника в магазинах и решил сдать меня своему начальнику, а сам отправился дожидаться Беника в гостинице. Начальник — инспектор в наглаженном мундире, восседавший за большим полированным столом, — предложил мне сесть и приступил к систематическому допросу: имя, адрес, место рождения, дата въезда в Иран, место постоянного проживания и т.д. Я отвечал как можно короче, а он записывал. То обстоятельство, что я сумел избавиться от подозрительной записки и уличающей меня в связи с Израилем газеты, придавало мне бодрости, но оставалось еще объяснить свои переезды по приграничной зоне.

— Какова цель вашего приезда в Керманшах? — спросил инспектор.

— Я приехал с целью посетить настоятеля ассирийского монастыря, — ответил я за неимением другого разумного объяснения, и тут же пожалел о своем ответе, так как инспектор нажал кнопку на столе и когда на вызов явился солдат, передал ему какую-то записку, а затем отпустил его. Предположив, что они собираются обратиться к настоятелю для подтверждения моих показаний, я забеспокоился. А вдруг настоятель заявит, что знать меня не знает?

— А что вы делали в Касре-Ширине? — продолжал допытываться инспектор тем же мягким тоном, внушавшим мне особые опасения.

— Мне рассказывали, что это приятная поездка, очень красивые места, — отвечал я, боюсь, не очень убедительно.

— В самом деле, — пробормотал инспектор. — А не отправились ли вы туда с целью контрабанды? По моему предположению, вы занимаетесь незаконным ввозом в страну товаров или людей.

Опасаясь, что точность его догадки заставила меня покраснеть, я сделал оскорбленную мину в надежде, что краска сойдет за проявление гнева.

— Сожалею, что у вас составилось такое впечатление, сударь. Я являюсь представителем очень солидной французской фирмы, — произнес я как можно высокопарнее. — Я решительно протестую против ваших инсинуаций. Имеется ли в этом городе французский консул? Я желаю немедленно встретиться с ним.

— Так вы, значит, француз? — скептически спросил он. — Как же вы тогда говорите по-персидски? Только не рассказывайте мне, будто выучились бегло говорить за те несколько месяцев, что вы, по вашим же словам, находитесь здесь!

— Благодарю за комплимент, — скромно ответствовал я. Действительно, я усвоил персидский очень легко, поскольку многие персидские слова идентичны их арабским эквивалентам, а многие другие слова — индоевропейского происхождения, их мне тоже было нетрудно запомнить. Я делал грамматические ошибки, но говорил бегло.

Но языковые прения были вскоре забыты, ибо в этот момент в комнату вошли сыщик с Беником. Беник бушевал, как тайфун, он громко жаловался на деревенских кретинов, посмевших оскорбить почтенного джентльмена, и заявлял, что не оставит это поведение безнаказанным. Он-де подаст протест в соответствующие инстанции в Тегеране. Пока же он требовал, чтобы нас немедленно соединили с его другом генералом Сартипом Сафари, начальником иранской полиции. Инспектор, который отнюдь не производил впечатления деревенского кретина, все же слегка оторопел от самоуверенности Беника и приказал телефонисту соединить его с главным полицейским управлением в Тегеране. Как только теле-

фонист дозвонился, инспектор передал трубку Бенику.

— Начальник полиции у себя? — прокричал Беник в трубку, а через секунду-другую добавил: "Когда ожидают его возвращения?"

Прикрыв свободное ухо ладонью, Беник весь напрягся, стараясь расслышать ответ из столицы.

— Хорошо, как только он вернется, передайте ему, пожалуйста, что звонил Беник. Б-е-н-и-к. Мне необходимо с ним срочно переговорить. Я звоню из Керманшаха. Кер-ман... Нет, это невозможно! — воскликнул он, обращаясь к инспектору, будто тот был лично ответствен за плохую связь. — Вы меня слышите? — снова закричал Беник в трубку. — Я перезвоню. Да. Хорошо. Благослови вас Бог, — заключил он разговор традиционной персидской формулой прощания.

Инспектор заговорил мягче, объяснял, что никого не хотел оскорбить. Город гудел слухами о подозрительных незнакомцах, поэтому он обязан был проверить наши документы, особенно после того, как узнал, что мы наняли специальное такси для поездки в Касре-Ширин, расположенный на границе с Ираком. Да еще в такую погоду! Я тоже изменил тон, признал его бдительность вполне оправданной и заверил, что ему нет нужды извиняться. — Вы честно исполняли свои обязанности, — я широко улыбнулся и протянул ему руку в знак прощания.

— Будьте любезны, еще минутку, мсье Перез. Присядьте, пожалуйста, — сказал инспектор более предупредительно, но по-прежнему твердо, и нажал кнопку звонка. Вошел солдат, и инспектор скомандовал: "Проводите его сюда".

Я затаил дыхание. На пороге стоял настоятель ассирийского монастыря, и по его глазам было видно, как потрясен он, увидев меня в приемной инспектора полиции. Настал момент исти-

ны, встреча лицом к лицу, или очная ставка на профессиональном жаргоне — самый эффективный, хоть и одиозный способ опровержения алиби. Коротенькой фразы настоятеля: "Никогда его не видел" — было бы достаточно, чтобы ввергнуть меня в беду и сорвать всю тщательно подготовленную операцию.

— Вы знаете этого человека? — услышал я отрывистый вопрос инспектора.

— Да, бесспорно, — послышался твердый ответ.

— Это честный человек? Его слову можно верить? — продолжал допрашивать инспектор.

— Господин Перез был сегодня приглашен отобедать со мной, а я не пригласил бы человека к обеду, не будь я уверен в его честности и добрых намерениях.

Большего нельзя было и просить. Инспектор был вполне удовлетворен и тут же нас отпустил. До нынешнего дня я порой думаю, многие ли люди повели бы себя так, как настоятель. В конце концов почтенный священник не знал, почему я задержан и какие надо мной тяготеют обвинения. Его собственное положение было достаточно ненадежным, но он взял на себя большой риск, которого можно было легко избежать, сказав лишь: "Мне кажется, мы не встречались" или "Что-то не припоминаю". Еще до того, как я вышел из кабинета инспектора, былое раздражение на аббата Глазберга, пообещавшего ассирийцам грузовик, сменилось чувством вечной благодарности.

Этот самый грузовик и вез нас теперь в монастырь, где монахи уже приготовили торжественный обед, хоть мне было еще не до пиров. Но несколько рюмок виноградной водки помогли восстановить форму, а вскоре мы распрощались с монастырем и отправились на автобусе в долгий путь по заснеженным иранским дорогам.

Когда мы наконец смогли спокойно поговорить с Беником, я сказал, не скрывая изумления:

— Не представлял, что ты знаешь начальника полиции!

— Да кто ж не знает начальника полиции, — отмахнулся Беник.

— Но ты ведь сказал инспектору, что хочешь с ним поговорить.

— Морис, ну подумай сам — какой у меня еще был выход? Позволить тебе гнить в тюрьме?

— Но ты же просил передать, что звонил Беник.

— Пускай выясняет, кто такой Беник.

— Но что бы ты сделал, если б он как раз оказался на месте?

— Ты это серьезно? Думаешь, начальнику полиции больше делать нечего, только сидеть у себя в кабинете, дожидаясь, пока какой-нибудь маньяк ему позвонит? Я ведь даже не слышал, что они там отвечали на том конце. Я только сказал, что хотел, и повесил трубку. И вообще перестань приставать, — вдруг отрезал он, кажется, смущенный собственной наглостью.

* * *

Сперва я думал, что северный маршрут просто обречен. После наших злоключений в Керманшахе группа из шести олим, отправившаяся по этому маршруту, была схвачена на иракской стороне, возвращена в Багдад и посажена под арест (наши люди в Багдаде считали, что их предал полицейский офицер в Ханакине). А позднее, в октябре 1949 года, трое парней бесследно исчезли и, по-видимому, были убиты из-за денег контрабандистом, который должен был их перевести через границу в Касре-Ширин. Но мы не сдавались. Путь через Касре-Ширин был важен для

нас (хоть им могли воспользоваться сравнительно немногие), потому что позволял разнообразить маневры, заставлял иракскую полицию охранять очень протяженную границу, вместо того, чтобы концентрироваться исключительно на юге. К тому же, несмотря на трудность северного маршрута, на то, что его могли одолеть только очень выносливые люди, все же для жителей Северного Ирака он был гораздо короче, не приходилось делать многокилометровый крюк на юг до Басры, а потом снова на север в Тегеран.

Тем временем поток беженцев через южную границу шел почти бесперебойно. Управляя операцией на месте, Сами старался расширить ее объем, и к концу февраля 1949 года границу перешло сто двадцать человек, направленных сионистским подпольем (еще двадцать явились в Иран самостоятельно); лагерь на тегеранском кладбище разрастался, жизнь в нем била ключом.

Въездные визы в Европу также поступали регулярно, это позволяло нам уверить иранские власти в том, что наши "клиенты" покинут страну, как только получат разрешение на выезд. Но несмотря на то, что мы "смазали" так много жадных лап, набили столько карманов — и получили столько обещаний, — скорость отправки из Ирана оставалась страшно медленной. Когда же люди, получившие laissez-passers наконец попадали в Европу — в Париж или Рим, — их снова помещали в лагеря иммигрантов и велели ждать, пока подойдет их очередь на корабль в Израиль. Система эта требовала больших финансовых затрат, не говоря уж о растягивании периода неопределенности для людей, уже перенесших значительные бытовые неудобства, связанные с жизнью в импровизированном тегеранском лагере. Покуда мы имели дело с одиночными беженцами, у нас не оставалось другого выбора, кроме от-

правки через Европу, да и сама задача не являлась слишком трудоемкой. Но с тех пор, как мы стали переправлять группы, насчитывавшие десятки и даже сотни человек, обходный путь уже не казался мне удобным. В январе 1949 года я написал в Париж и Тель-Авив запрос насчет более эффективного маршрута. Из обоих мест мне ответили, что как только выездные визы и laissez-passers будут выданы более крупным группам олим, можно будет организовать прямые авиарейсы в Израиль. Авиакомпания "Эр Франс" уже дала принципиальное согласие осуществлять такие полеты.

Поставленное условие было выполнено в начале марта 1949 года, когда иранцы выдали сразу сто два laissez-passers — количество, весьма значительное по любому счету; оно показывало, что наша программа вышла из экспериментальной, эпизодической фазы. Поэтому 3 марта я телеграфировал в Тель-Авив, спрашивая, остается ли еще в силе предложение "Эр Франс", и сообщая, что олим смогут вылететь из Тегерана в течение недели. По прошествии пяти дней я получил ответ: "Предложение "Эр Франс" действительно, но только до Франции. Цена — 83 фунта стерлингов после скидки..." Но ведь вся идея состояла в том, чтобы избежать полета через Европу, поскольку, посылая этим окольным путем сотни людей, мы попусту тратили время, энергию и деньги. Хуже того, я выяснил, что регулярные рейсы "Эр Франс" из Тегерана предусматривали промежуточную посадку в Дамаске, что было абсолютно исключено для евреев—беженцев из Ирака, незаконно покинувших страну и не имевших других документов, кроме laissez-passers. На следующий день я отправил в Тель-Авив радиограмму, выражавшую полное разочарование полученным предложением, а сам стал разузнавать,

как отправить из страны наших людей, пока не истек срок выданных им laissez-passers.

Интересуясь в других авиакомпаниях рейсами в Европу без промежуточной посадки в арабских странах, мы сразу столкнулись с денежной проблемой. До тех пор я предполагал, что переговоры о специальных полетах будут вестись в Париже, поэтому и платежи будут происходить за границей. Теперь же, когда мне приходилось отправлять своих олим регулярными коммерческими рейсами, платить надо было в Тегеране. А если один билет стоил в "Эр Франс" 83 фунта стерлингов (со скидкой!), то сто два билета обошлись бы почти в 8500 фунтов стерлингов (т.е. около 35000 долларов по курсу 1949 года) — в те дни это было для нас целое состояние! Я попросил наши центры в Тель-Авиве и Багдаде перевести мне 5000 фунтов стерлингов и продолжал расспросы в авиакомпаниях.

У Дова Адива возникла идея разузнать, нельзя ли отправить олим в Израиль самолетом иранской национальной авиакомпании "Ираниан Эрвэйз". Дов был хорошо знаком с директором этой авиакомпании Голамом Ибтихаджем, считал его одаренным и влиятельным бизнесменом и верил в то, что он согласится организовать чартерный рейс в Израиль. Мысль об "Ираниан Эрвэйз" несколько раз приходила в голову и мне, но я ее всегда отбрасывал как нереальную. Компания располагала тогда пятью двухмоторными самолетами "Дакота", которые выполняли, в основном, полеты на внутренних линиях и не совершали регулярных международных рейсов. Несколько раз воспользовавшись услугами иранской авиакомпании, я отметил, что почти в каждом полете случались какие-нибудь технические неполадки, и к месту назначения самолет подлетал обычно на одном моторе. Но мне не прихо-

дилось быть особенно разборчивым, и я согласился встретиться с Ибтихаджем.

Директор "Ираниан Эрвэйз" оказался рослым элегантно одетым господином средних лет, величественность его объемов уравновешивалась лишь непомерным самомнением. Он получил образование на Западе, свободно говорил по-английски и был предельно откровенен относительно своих политических амбиций. С гордостью повествуя о своих влиятельных связях, он не забыл упомянуть про зятя — начальника полиции Сартипа Сафари. Дов был совершенно прав относительно коммерческих инстинктов Ибтихаджа. Мы едва успели задать несколько наводящих вопросов, как он взял быка за рога, заявив: "Я готов заключить с вами сделку. Она выгодна вам и мне". Потом быстро добавил с широкой улыбкой: "Она выгодна даже для Ирана".

Я потребовал от Ибтихаджа торжественного обещания, что самолеты не будут пролетать над территорией Ирака или любой другой арабской страны. Мы все вместе склонились над картой и наметили маршрут: на север к границе с Турцией, затем на запад к Адане и наконец на юг, через Средиземное море, в Израиль. Цена, названная Ибтихаджем, была пристойной, по крайней мере, намного ниже, чем цена билета в Париж. Мои опасения таяли, я начал сознавать преимущества установления контактов с Иранской национальной авиакомпанией и местной коммерческой элитой.

Поскольку самолет типа "Дакота" мог взять не более двадцати — двадцати двух пассажиров, мы пока что договорились о пяти полетах и наметили начало рейсов на 17 марта. Чтобы выполнить намеченный график, мы как угорелые носились то во французское консульство за визами, то в банк для получения переведенных из Ирака де-

нег, которые затем надо было обменять на местную валюту, то на встречу с пилотами, то в лагерь, где инструктировали будущих пассажиров, — все это плюс к обычной работе в лагере и по приему новоприбывших. Но перспектива послать из Тегерана большую группу олим прямо в Израиль снимала усталость лучше любого тонизирующего средства.

Первый полет, намеченный на 17 марта, был отменен из-за плохой погоды. Два дня спустя возникла непредвиденная сложность, заставившая нас принять рискованное решение. Несмотря на нашу договоренность с Ибтихаджем, лететь через Турцию было невозможно, так как турки отказались одобрить намеченный нами маршрут, во всяком случае, не разрешали посадку и заправку горючим на их территории, а без этого самолет "Дакота" с полной нагрузкой не мог долететь из Тегерана до Тель-Авива. Оставалась единственная возможность — лететь напрямик через Ирак, Сирию и Ливан, то есть именно тем курсом, которого я стремился избежать.

Однако время поджимало, поэтому в радиограмме в Тель-Авив я не только объяснял ситуацию и излагал предложение иранцев насчет прямого маршрута, но потребовал: "Если ваш ответ отрицательный, вы должны немедленно связаться с "Эр Франс" и вывезти отсюда сто два человека". Кроме того я напоминал, что регулярный маршрут самолетов "Эр Франс" идет через Дамаск, и "если вы договариваетесь с французами, вы должны подчеркнуть, что они не могут садиться в какой-либо арабской стране или даже пролетать над ней".

Конечно, я обязан был радировать в Тель-Авив и проконсультироваться с руководством Мосада, но по совести говоря не очень-то рассчитывал на избавление из Сиона: если в дан-

ном случае дело будет рассматриваться обычными темпами, то пока Гель-Авив договорится с "Эр Франс", пройдет много дней. Не верил я и в то, что удастся убедить французов изменить обычный курс полетов. Поэтому вместо того, чтобы покорно дожидаться решения сверху, я принялся искать выход из положения.

Дов Адив устроил мне срочную встречу с Ибтихаджем и летчиком, который должен был выполнять наши полеты. Я открыл дискуссию, изложив несколько необычную идею, которая успела созреть у меня за последние дни. Поскольку опасность перелета через Ирак и Сирию существовала лишь для пассажирского самолета, направлявшегося в Израиль, то, если мы сумеем скрыть эти два обстоятельства (то есть если командно-диспетчерский пункт тегеранского аэропорта объявит, скажем, что самолет порожний и направляется в Бейрут или Каир), по всей вероятности, его не заставят приземлиться в одной из пересекаемых арабских стран.

— Просто великолепно, — произнес летчик-француз со столь явным сарказмом, что Ибтихадж даже поморщился от его недипломатичности. — А как прикажете поступать с людьми? Тегеран объявит, что мы отправляемся с порожним самолетом, а когда приземлимся в Бейруте или Каире, на борту окажется двадцать человек. Что я должен тогда говорить — что все они родились по дороге? И как обойдутся там с вашими людьми? Разве в ваших учебниках Ливан и Египет не считаются арабскими странами?

— Вы прибудете в Бейрут или Каир с пустым самолетом, — терпеливо объяснил я, — в точности, как объявит командно-диспетчерский пункт. Вы лишь немного отклонитесь от курса в процессе полета и высадите людей в Израиле, а потом снова взлетите и продолжите курс по плану.

В сущности, моя идея представляла собой вариацию испытанного метода "Майклберг", но я был вовсе не уверен, как воспримут ее Ибтихадж и французский летчик, который мало походил на искателя приключений. Ибтихадж, безучастная физиономия которого не предвещала ничего хорошего, откликнулся первым.

— Хорошо, — сказал он. — Я берусь устроить, чтобы диспетчерский пункт объявил отправление порожнего самолета.

Это было самое главное, ибо без сотрудничества с диспетчерским пунктом план ничего не стоил, а решить этот вопрос мог только Ибтихадж.

Теперь мы оба повернулись к летчику.

— Что ж, — ответил он, — если это будет устроено, я, пожалуй, смогу выполнить остальной план без особых затруднений.

— А другие члены экипажа? — поинтересовался я, не желая оставлять ничего без проверки.

— Можете на них положиться. Они отличные ребята.

— Так что же, господа, по рукам? — спросил я. Они кивнули.

Когда из Тель-Авива пришло сообщение о договоренности с "Эр Франс", я передал им подробности нового плана. Мосад формально не утвердил его и не отверг. Они лишь лаконично сообщили, что посадку следует совершать в Хайфе, а не в Лоде (последний был слишком загружен, и там не удалось бы соблюсти никакой секретности), указали необходимые технические подробности: ширину воздушного коридора, высоту и точку, где самолет должен пересечь береговую линию, и предупредили: "Вы не должны пролетать над портом или каким-либо кораблем... связь на тех же радиоволнах, как и с Лодом".

Я принял эти указания как санкционирование моего плана.

Во время следующей встречи летчик объяснил мне, что предпочитает указать местом назначения не Каир, а Бейрут, поскольку расстояние до него короче, а имея на борту более двадцати человек, он сможет взять ограниченный запас топлива. Однако я настоял на том, чтобы для первого полета пунктом назначения был указан все же Каир: это позволяло использовать тот факт, что уже поступил запрос на грузовой рейс из Каира. Такие условия потребовали от нас особых мер, на которые я согласился только при условии, что весь план будет держаться втайне. Я даже не рассказал о нем местным активистам, а сообщая подробности в Израиль, потребовал от них соблюдения строгой секретности.

Накануне первого полета я пригласил всех членов экипажа (а также Дова Адива с женой) на обед в "Парк-Отель". Я хотел лично познакомиться со всеми, потому что просто не мог вручить жизни двадцати двух человек каким-то безымянным, безликим летчикам, а за обедом представлялась возможность немного объяснить им, что значит для нас этот полет. Экипаж состоял из четырех человек: капитан и второй пилот были французы, радист — грек, стюард — иранец. В тот вечер и в многочисленных последующих встречах с ними я убедился, что они вполне заслуживали высокой оценки своего капитана — это действительно были отличные, ответственные люди. Когда к концу обеда я заговорил о предстоящем полете, я старался держаться собранно и деловито, но они, конечно, почувствовали мое волнение. Я объяснил, кто будут их пассажиры, почему они бежали с родины и что грозит им, если самолет приземлится в арабской стране, — в лучшем случае пытки, а скорее всего — казнь.

Я прекрасно понимаю вас, мсье Перез, — серьезно сказал капитан. — Можете положиться на меня. Даже если нам будет грозить смертельный риск, я не посажу самолет в арабской стране.

Другие члены экипажа кивнули в знак согласия. Мы наполнили бокалы и выпили за успех, на этот раз с чувством истинного товарищества.

Остальное, как говорится, принадлежит истории. В пятницу 25 марта, еще до рассвета, двадцать два человека ждали автобуса, который должен был отвезти их из Бахаштии в аэропорт. В руках у них были немудрящие пожитки. Несмотря на ранний час, все обитатели лагеря вышли провожать отъезжающих. Некоторые из этих людей прибыли в Бахаштию три месяца назад. Не раз за это время посещали их тяжелые думы, не раз спрашивали они себя, не суждено ли им до конца дней жить среди этих могильных плит. Они и теперь еще не знали, что через несколько часов будут в Израиле, — по соображениям безопасности я не рассказал им о новом плане и они думали, что летят в Париж. Правду знал только руководитель группы, которому был вручен конверт с первыми двадцатью двумя израильскими визами, выданными в Тегеране. Он получил приказ спрятать конверт и не вытаскивать его из тайника до тех пор, пока самолет не приземлится в Хайфе. Визы были, конечно, самодельные. Мне сказали, что если у олим будут документы, это облегчит их регистрацию при въезде в Израиль, поэтому я отпечатал на машинке коротенькие удостоверениица:

"Я, нижеподписавшийся, представитель правительства Израиля, подтверждаю прибытие ..... в Израиль в качестве репатрианта.

Шаммай".

В аэропорту все шло гладко, вскоре после прибытия автобуса с пассажирами "Дакота" взмыла в небо, а Дов Адив, выходя из диспетчерского пункта, показал мне большой палец — в знак того, что полет был объявлен как запланировано. Я попросил Мансура, одного из моих тегеранских помощников, остаться в аэропорту, следить за поступающими с самолета сообщениями и держать меня в курсе. Мы с Довом поехали назад в город, но вместо того, чтоб вернуться домой, я решил пройтись, подышать бодрящим весенним воздухом. Мне надо было немного побыть одному, чтобы справиться с жутким чувством беспомощности. Еще час назад я мог принимать решения, менять планы, даже отменить всю операцию. Теперь закрученное мной дело развивалось само по себе, выйдя из-под моего контроля. Мне оставалось только нервничать и надеяться на лучшее, хотя логически я понимал, что и находясь в самолете я вряд ли мог бы изменить судьбу пассажиров.

В сущности, я ведь собирался лететь с первой партией — хотел "заглянуть" в Тель-Авив, обсудить с начальством беспокоящие меня вопросы. Главным образом это были уже изрядно поднадоевшие темы: финансы, дополнительный персонал, смена агентов Мосада в Иране и Ираке. В письме, отправленном в Тель-Авив со вторым самолетом, я писал: "Хочу сообщить вам, что ни Юдке Рабинович у Бермана, ни Сами, ни я не можем больше продолжать работу". Дальше следовало разъяснение:

"Что касается меня, то я уже объяснял, что срок моего разрешения на жительство в Иране давно истек и я, по-видимому, не смогу его возобновить. Я в любой день могу получить распоряжение о депортации, а при нынешней ситуации, когда здесь находятся десятки иракских евреев,

это может привести к катастрофе. Кроме того, все мы давно перекрыли свои командировочные сроки. Не знаю, понимаете ли вы, какие здесь сейчас условия... Мы чувствуем, что наша продуктивность неуклонно падает. Единственное, что удерживает нас на месте, — это нежелание оставить пост прежде, чем придет смена, потому что на восстановление организации и контактов потребуются годы. Но ведь всему есть предел..."

Я писал также о необходимости заменить старый радиопередатчик, о том, что сотрудничество с "Ираниан Эрвэйз" не может быть слишком длительным и что нам рано или поздно придется договориться с авиакомпанией, располагающей большими, более надежными самолетами, способными покрывать значительные расстояния без дозаправки горючим, ибо это единственный способ избежать маршрута, проходящего над арабскими странами. Как бы то ни было, поскольку многочисленные прошения о предоставлении мне визы, позволяющей легально выезжать из Ирана и возвращаться туда, оставались без ответа, я решил, что если не получу ее в самое ближайшее время, то улечу нелегально, с одним из следующих рейсов.

Таковы были мысли, вертевшиеся у меня в голове, пока я кружил по тегеранским улицам, стараясь взять себя в руки. К тому времени, как я добрался до дому, самолет уже находился в воздухе пять с половиной часов, и я совершенно позабыл про Мансура, все еще торчавшего в аэропорту, но тут зазвонил телефон, и я услышал его надтреснутый от волнения голос:

— Морис, случилось что-то плохое, что-то очень плохое!

— Мансур, успокойся, перескажи мне в точности, что ты слышал, но в точности.

— Дело очень плохо. Бейрутский контрольно-

диспетчерский пункт объявил, что иранский самолет WF AAK, направляющийся в Каир, сообщил о неисправности одного из двигателей. Морис, это наш самолет!

— Это у них часто случается, — сказал я успокоительным тоном. — Будем надеяться, что все обойдется. Постарайся разузнать, где именно находится сейчас самолет, и перезвони мне.

— Я уже выяснил. Он над Средиземным морем, вблизи ливанского побережья. Морис, ты ведь знаешь, что случится, если самолет вынужден будет сесть в Бейруте! — плачущим голосом проговорил он.

— Будем надеяться, что этого не случится, — ничего лучшего я не сумел изобрести в ответ, — но тебе не стоит оставаться у телефона. Ступай, выясни, что происходит.

Несколько минут спустя он позвонил снова.

— Морис, положение ужасное, весь аэропорт в панике. С самолета только что сообщили, что отказал второй двигатель и они теряют высоту. Морис, это просто ужасно!

— Мансур, надо надеяться на лучшее, иди послушай, что еще сообщили.

Через несколько минут телефон зазвонил в третий раз. Теперь голос Мансура звучал по-иному.

— Морис, все в порядке! — кричал он. — Самолет сообщил, что совершает аварийную посадку в Хайфе.

— Отлично, Мансур, — ответил я тем же нейтральным тоном. — Теперь ты можешь вернуться сюда.

Следует добавить, что и в Хайфском аэропорту царило смятение. Скорая помощь и пожарные машины ждали наготове, весь персонал аэропорта от носильщиков до кассиров высыпал из здания аэропорта, чтобы увидеть финал драмы. Ко все-

общему облегчению, самолет совершил безупречную посадку. Первыми из него вышли француз — командир экипажа и иранец-стюард. Все были потрясены их поразительным самообладанием, они выглядели так, будто не произошло ничего экстраординарного. Не менее спокойны были и двое сотрудников Мосада, явившиеся встречать самолет, ведь они знали, что драма была срепетирована заранее. Мы с первым пилотом придумали ее для того, чтобы прикрыть тот факт, что самолет так и не попадет в Каир. (Разумеется, повторить сей сценический трюк было невозможно, и в последующих полетах самолет просто совершал незапланированную — и необъявленную посадку в Хайфе, а затем продолжал путь в Бейрут). Пока собравшаяся на аэродроме толпа потихоньку расходилась, салон самолета превратился в сумасшедший дом, так как руководитель группы сообщил своим товарищам, что они находятся в Израиле.

"Но ведь Морис сказал, что мы сперва летим в Париж!", — настаивал кто-то, точно уличая руководителя группы в глупейшей ошибке. Суматоха продолжалась несколько секунд, но как только люди осознали, что произошло, началось дикое ликование. Сперва пассажиры устроили овацию, потом с песнями, пританцовыванием и прыжками стали спускаться по трапу, обнимая друг друга. Они все еще не смели поверить своему счастью.

Самолет не вылетел в Каир, за ночь его "починили", и на следующий день он возвратился в Тегеран. 28 марта, доставив в тегеранский аэропорт вторую группу репатриантов, я сказал командиру экипажа: "В следующий раз с вами полетит "заяц".

— Интересная личность? — заинтригованно спросил он.

— Ваш покорный слуга, — ответил я с легким поклоном. — Мне надо ненадолго съездить в Израиль. Не возражаете прихватить меня с собой?

— Только при условии, что вы пообещаете вернуться обратно, — подмигнул он.

— Об этом не беспокойтесь, но должен предупредить вас, у меня нет визы ни на выезд, ни на въезд.

— Я не полицейский, а тем более не доносчик, — серьезно сказал летчик. — Я вас возьму, можете не беспокоиться.

Итак, 30 марта, в день третьего полета, я явился в аэропорт рано утром. Аэровокзал кишмя кишел полицейскими, но меня это больше не смущало, поскольку к этому времени многие из них уже относились ко мне как к старому приятелю, некоторые даже вытягивались и брали под козырек. Их жалованье было столь низким, что они с благодарностью встречали любую "субсидию" со стороны тех, кому больше повезло в бренном мире, а я явно считался ярким образчиком этой счастливой породы. Поэтому мне не только оказывали почтение, но и позволяли свободно передвигаться на территории аэропорта. Я явился без багажа (чтобы не обеспокоить своих молчаливых "партнеров" возможностью потерять столь прибыльный источник дополнительного дохода) и, увидев нашего первого пилота, подошел к нему. Мы стали прогуливаться от аэровокзала к стоящему неподалеку от него самолету; повторили этот маршрут несколько раз кряду, но во время последней прогулки я остался в рубке, а капитан пошел в аэровокзал один. В течение нескольких минут самолет принял на борт олим, подрулил к взлетной полосе, отрапортовал диспетчерскому пункту, что направляется в Бейрут без пассажиров, получил разрешение на взлет и оторвался от земли.

Часа через два мы пересекли границу и полетели над пустынными равнинами Ирака, столь непохожими на зеленый гористый Иран. Я был в отличном настроении, которое сбилось всего на несколько минут из-за одной любопытной встречи. В какой-то момент мы увидели летящий нам навстречу самолет "Ираниан Эрвэйз", обозначенный WF AAK, на котором был совершен наш первый полет Тегеран — Хайфа. Теперь он возвращался из Каира с грузом, который наш экипаж тогда так и не доставил. Пилот этого самолета вызвал нас по радио и предупредил, что египтянам известно про наш трюк и они намерены арестовать членов нашего экипажа, если они осмелятся когда-нибудь появиться в Каире.

— Не обращайте внимания, — добродушно сказал наш командир. — Он просто дурачит нас из зависти.

Я успокоился и пошел в пассажирский салон, к своим подопечным. Увидев меня, они были очень удивлены и обрадованы. За те недели, что они провели в лагере, я подружился со многими из них. Было очень приятно разыгрывать их, расспрашивать, как они собираются пуститься в загул, когда прибудем в Париж. Потом я вернулся в кабину экипажа и сразу почувствовал неладное. Прежде чем я успел спросить, в чем дело, левое крыло самолета резко нырнуло вниз и мы стали разворачиваться на 180°. Я едва устоял на ногах, но как только восстановил равновесие (и перевел дух) тут же спросил, что происходит.

— Мы возвращаемся в Тегеран, — бросил первый пилот, протягивая мне листок бумаги, на котором радист записал сообщение, переданное тегеранской контрольной башней. Оно гласило:

"Не летите над Сирией. Существует опасность, что ваш самолет будет сбит. Предлагаю вам вернуться в Тегеран".

Я почувствовал дурноту и заметил, что державшая роковой листок рука дрожит. "Они узнали про нас, — подумалось мне. — Игра кончена". Вспомнилось и предупреждение, которое передал нам около часу назад пилот самолета WF AAK. Теперь оно вовсе не казалось шуткой[51].

— Что вы собираетесь делать? — спросил я командира.

— Мы уже возвращаемся в Иран, как нам предложено. Я постараюсь добраться как можно дальше, хотя до Тегерана горючего не хватит.

— Куда мы примерно сможем долететь? — поинтересовался я.

— Постараемся приземлиться в западном Иране. Может, дотянем до Керманшаха.

— Может, дотянем, — повторил я, выдавая свое растущее беспокойство. — А если нет? Вы обещали ни при каких обстоятельствах не совершать посадки в Ираке!

— Надеюсь, у нас хватит горючего до Керманшаха, возможно, даже до Хамадана. А вы можете предложить что-нибудь получше?

Я был оглушен, но еще не окончательно утратил способность соображать и знал, что думать надо быстро, потому что с каждой минутой мы уносились дальше на восток. Если мы вернемся в Тегеран, — а еще того пуще, если приземлимся в Керманшахе, — сохранить нашу операцию в секрете будет невозможно. Более того, если самолет, вылетевший из Тегерана, согласно объявлению, пустым, вернется туда через несколько часов с двадцатью непонятно откуда взявшимися пассажирами, нас ждет неминуемый скандал. Все подробности операции выплывут наружу, все, кто помогал нам, евреи и неевреи, окажутся в затруднительном положении. И что хуже всего — это будет означать конец всему, достигнутому нами в Иране, конец не только лагеря беженцев,

но и всей системы связей с правительственными и коммерческими кругами.

А если мы не вернемся в Иран? Если, несмотря на предупреждение, продолжим полет в Израиль? Тогда мы подвергнем опасности не только успех операции, но также самолет и жизнь пассажиров. Я перечитал записку, которую все еще держал в руках. Текст ее был совершенно однозначен: "Не летите над Сирией. Существует опасность, что ваш самолет будет сбит". Я снова ощутил ту давящую тяжесть, какую испытывал, когда от моего решения зависела жизнь многих людей. Только я нес ответственность за людей, сидящих позади меня в пассажирском салоне и верящих, что они наконец в безопасности. Любое решение, которое я приму, могло иметь для них роковые последствия. Смертельная опасность грозила в обоих случаях и я не знал, в каком она более вероятна.

Но я все же способен был понять, что́ ведет нас к цели, а что уводит от нее. Возвращение в Иран, бесспорно, означало закрытие той единственной дверки, через которую могли бежать иракские евреи. Если же мы продолжаем лететь на запад, то хоть и при огромном риске, у нас есть шанс добраться до Хайфы. Придя к этому выводу, я решил принять вызов командира, спросившего, не могу ли я предложить что-нибудь получше, сказав, что по-моему нам все равно стоит лететь в Хайфу.

Командир даже не счел нужным отвечать, он просто продолжал лететь на восток. Мне надо было убедить его, и убедить быстро. Тут нужно было что-нибудь покрепче аргументированных возражений.

— Не могу понять, — начал я почти небрежно, чтоб он не заподозрил моей уловки, — чего вы так боитесь этих сирийцев? Наши ребята во вре-

мя войны их не боялись. Впрочем, может быть, наши ребята просто смелее и лучше знают летное дело, но они перед сирийцами не дрожали, — дразнил я его.

— Как вы можете сравнивать меня с вашими летчиками! — уже сердито возразил пилот. — Да они просто мальчишки. Какой у них опыт?!

— Вообще-то, — нес я, будто не слыша его ответа, — тут, наверное, загвоздка в другом, в вашей как бы это сказать... робости, что ли.

Я проговорил эти слова, сосредоточенно изучая свои ладони, чтоб не встречаться с ним взглядом, но краем глаза я заметил, как пунцовеет наш командир.

— Ну и наглец же вы, — прорычал он. — Да знаете ли вы, в каких боях участвовал я во время войны? Знаете ли вы, сколько у меня боевых наград?

— Тогда объясните, — продолжал я, стараясь еще больше раззадорить его, — чего вы трясетесь перед этими слабаками-сирийцами? С земли вам нечего бояться, а если их самолеты попытаются перехватить нас, вы всегда можете уйти через границу в Иорданию или Израиль. Так кого же вы боитесь?

— Никого я не боюсь, — взревел он. Потом замолчал, взял себя в руки и продолжал подчеркнуто спокойно: — Я отвечаю за пассажиров этого самолета и я действительно опасаюсь за их жизнь.

— Если так, я беру на себя всю ответственность за жизнь пассажиров, — заявил я.

— Это не так-то просто. Я командир экипажа.

— Но это мои люди, они на моем попечении, поэтому решать должен я, и я говорю вам: разверните и летите в Хайфу.

Командир взглянул на второго пилота, словно

ища помощи, но тот только пожал плечами.

Командир смягчился.

— Тогда так и надо было говорить с самого начала, — сказал он, отступая. — Раз вы берете ответственность на себя, я готов лететь, куда вы пожелаете, хоть на край света.

До сего дня я так и не знаю наверняка, почему он сдался. Он являлся командиром экипажа, ему безусловно принадлежало решающее слово. Если б нас сбили, мое заявление о том, что я беру ответственность на себя, оказалось бы бессмысленным. Быть может, он осознал, что возвращение в Иран имело бы для него лично такие же гибельные последствия, как и для операции в целом. Может, его допекли мои наглые сомнения в его смелости и просто руки чесались показать свою удаль. Как бы то ни было, левое крыло снова нырнуло вниз, самолет опять развернулся на 180° и полетел на запад. Никто не проронил ни слова. У меня не хватило духу выйти к пассажирам, за жизнь которых я только что объявил себя лично ответственным. Я способен был лишь отчаянно молиться: "Господи, ну пожалуйста, сделай, чтоб все было хорошо. Только на этот раз, только один разочек..."

Вдруг я почувствовал, что командир положил руку мне на плечо и, показывая вниз через правый иллюминатор, сурово произнес: "Дамаск". Больше никто ничего не сказал, точно боясь, как бы нас не услышали внизу. Я, напрягая зрение, вглядывался в голубизну неба. Нигде не было видно ни одного самолета. Небо было попрежнему пусто и спокойно, Дамаск остался позади, мы продолжали безо всяких помех лететь на запад, и вот уже голубизна неба смешалась с лазурью вод — мы летели над Средиземным морем. В кабине появились улыбки, послышались шуточки насчет сирийцев, раздался взрыв смеха,

наверное, чересчур бурный, — и через несколько минут мы уже приземлялись в Хайфе, высаживали пассажиров. Я крепко тряхнул руку командира и вместо того, чтобы объясняться и извиняться, просто сказал: "Спасибо!" Он тепло улыбнулся в ответ, и я понял, что прощен. Мы распрощались с остальными членами экипажа и договорились, что я вернусь с ними последним, пятым рейсом. Самолет быстро взлетел и взял курс на Бейрут, куда и прибыл порожняком, в точности как было объявлено тегеранской контрольной башней.

Тем временем я узнал, что означала срочная радиограмма, поступившая на борт самолета из Тегерана. В то утро в Сирии произошел военный переворот — первый из серии переворотов, сотрясавших страну, — генерал Хосни эз-Заим разогнал парламент, сместил президента и правительство и захватил власть в стране. Сообщая об этом событии, дамасское радио объявило (весьма благоразумно), что сирийское воздушное пространство закрыто и любой самолет, нарушивший его, будет сбит без предупреждения. Добросовестный диспетчер с тегеранской контрольной башни немедленно передал нам это, не подозревая, какую панику он посеял своим сообщением.

Разобравшись в новостях ближневосточной "высокой" политики, я вскоре столкнулся с проявлением власти на совсем ином уровне. После того, как все олим благополучно и организованно прошли регистрацию в качестве репатриантов, я пошел вслед за ними, но пограничник, стоявший в проходе, остановил меня.

— Паспорт! — гаркнул он.

— У меня нет паспорта, я не оле, я здешний, — отвечал я.

— Но я же видел, что вы пришли вместе с ни-

ми, — настаивал пограничник.

— Правильно, я прибыл вместе с ними. Но я израильтянин.

— У вас есть удостоверение личности? Паспорт? Laissez-passer?

Поскольку я всякий раз отрицательно покачивал головой, пограничник объявил: "Раз у вас нет никакого документа, постойте вон там в сторонке и подождите".

— Но...

— Никаких "но". Ждите.

Я отодвинулся к стенке, раздумывая, как мне представиться. Я уехал из страны под именем Яакова Мунира, превратился с тех пор в Мориса Переза, но паспорт на это имя остался в Тегеране. Но когда ко мне снова подошел пограничник в сопровождении какого-то человека в штатском, я вдруг вспомнил, что у меня есть при себе документ, сослуживший мне добрую службу и в более крутых переделках, — и гордо вытащил свои иранские водительские права. Штатский взял права, посмотрел на меня, потом повертел книжечку, точно ожидая, что обратная сторона окажется более информативной.

— Что это такое? — наконец спросил он.

— Водительские права. Разве вы не видите?

— Да что вы меня дурачите? Мне нужна виза. Есть у вас виза на въезд в Израиль?

Мне показалось, что выход найден, и я с полнейшей серьезностью предложил: "Знаете что, поскольку именно я изготовил въездные визы для всех этих олим, то, если вы позволите мне воспользоваться вашей пишущей машинкой, я быстренько напечатаю себе такую же".

Я не хотел злить его, но мои слова привели его в неистовство. Лицо его сделалось свекольно-красным, он заорал как оглашенный:

— Вы только посмотрите на этого умника! Без

паспорта и визы в государство Израиль въехать нельзя. Это вам не ничейная земля!

На какой-то момент мне показалось, что он собирается меня арестовать, до меня наконец дошло, что дело плохо. Мне никогда и в голову не приходило, что меня могут не пустить на родину из-за отсутствия документов. Израиль, из которого я уехал девять месяцев назад, был точно одна большая семья, достаточно было свободно говорить на иврите, чтобы тебя считали своим. Но за истекшие месяцы мы превратились из большой семьи в государство с обычными бюрократическими формальностями, которые приходилось соблюдать. И вот я беспомощно стоял перед разгневанным слугой закона, который был полон решимости спасти честь государства и не пустить меня на его суверенную территорию. Но поскольку его гнев улегся, он позволил мне позвонить в хайфское отделение Мосада, и вскоре наш постоянный шофер Шмуэль Варди приехал за мной. Инцидент завершился взаимными улыбками и рукопожатиями.

По дороге из аэропорта мне подумалось, что столкновение с пограничником — это, быть может, только разминка перед предстоящей мне схваткой. После месяцев обмена раздраженными письмами и радиограммами, которые не принесли почти никаких результатов, я готов был дать бой в Тель-Авиве. Но к моему удивлению — и облегчению, — встретившись лицом к лицу, мы сразу положили конец всем недоразумениям и принялись за разработку дальнейших шагов. Нашлось решение даже для самой трудной проблемы — прямой доставки олим из Ирана в Израиль. Мы решили договориться с американской чартерной[52] авиакомпанией "Транс-Оушн", которая доставляла наших людей из Бомбея на больших четырехмоторных самолетах, о рейсах Тегеран—

Лод. У меня даже состоялась долгая беседа с Ронни Барнеттом, английским евреем, который добровольно участвовал в организации нелегальной алии и выполнял функции посредника между Мосадом и компанией "Транс-Оушн". Так что я мог вернуться в Иран не с пустыми руками. Летел я (после незапланированной отсрочки) самолетом "Ираниан Эрвэйз", который выполнил для нас несколько дополнительных рейсов.

Вылетев из Бейрута, самолет сделал необъявленную посадку в Хайфе, подобрал меня и снова вернулся в воздушное пространство Ливана. В этот момент бейрутская контрольная башня по радио запросила точные координаты самолета. Когда наш пилот ответил, мы услыхали озадаченный голос бейрутского диспетчера: "Вы вылетели из Бейрута более часа назад. Как же вы можете быть там, где вы указываете?"

Вопрос был весьма затруднительный. За этот час самолет долетел до Хайфы, приземлился, подобрал меня, снова взлетел — вот куда ушло время. Но наш командир не растерялся. Он повел себя так, как будто неделями репетировал ответ.

— Вскоре после вылета из Бейрута мне показалось, что один из двигателей неисправен, — ровным голосом проговорил он в микрофон. — Я развернулся и полетел назад, но потом убедился, что все в норме, снова развернулся и пошел на Тегеран.

Несколько долгих секунд радио молчало, потом раздался голос бейрутского диспетчера: "О'кей, счастливого пути!"

— Уфф! — шумно выдохнул командир, отирая воображаемый пот со лба. Инцидент был незначительный, но он служил лишним доказательством того, что трюк с "порожним" самолетом исчер-

пал себя и договоренность с "Транс-Оушн" подоспела вовремя.

Мне оставалось преодолеть еще одно препятствие: незаметно вернуться в Иран. Уезжая, я условился с Сами, что по приезде воспользуюсь способом "Майклберг" навыворот, т.е. выпрыгну из самолета в конце посадочной полосы и потихоньку смоюсь с аэродрома (правда, на этот раз предстояло проделать фокус среди бела дня). Когда мы приземлились, я попросил командира разворачивать самолет как можно медленнее, так, чтобы прикрыть меня со стороны контрольной башни. Этот маневр вполне удался: я успел убежать с бетонированной полосы и растянуться на поле рядом с ней. Но когда самолет покатился по посадочной полосе в направлении аэровокзала, я увидел мчащийся прямо на меня полицейский джип. Я лежал ничком на совершенно ровном месте, бежать было некуда, да и незачем, все равно на джипе полицейские бы сразу догнали меня. Я инстинктивно свернулся калачиком, натянул на голову свой габардиновый пиджак и изо всех сил постарался притвориться холмиком земли. Я лежал, точно парализованный, ожидая, что чья-то рука вот-вот схватит меня за плечо и грубо поставит на ноги. Мысленно я уже видел себя в камере пыток иранской секретной полиции. Даже шум мотора проезжающего рядом джипа не мог заглушить гулких ударов моего собственного сердца.

Прошла минута, другая, третья. Наконец, превозмогая страх, я чуть приподнял пиджак и поглядел вокруг. Джип быстро удалялся от меня. Оглядев летное поле, я потихоньку пополз в сторону знакомого черного бьюика, стоявшего на шоссе довольно далеко от аэровокзала. Машина принадлежала Яакову Соферу. Сам Яаков и Меир Эзри стояли перед открытым капотом, позвя-

кивая инструментами, по-видимости, занятые ликвидацией какой-то мудреной неполадки. Завидев меня, они мгновенно прекратили ремонтные работы, я нырнул внутрь, и мы рванули в город.

Дов Адив, ждавший в аэровокзале, потом рассказывал, что он чуть не получил разрыв сердца, когда, столкнувшись с командиром нашего экипажа, услышал от него: "Отлично вы все организовали! Точно в тот момент, как Морис выпрыгнул, подъехал джип и забрал его!"

— О чем вы говорите? — набросился на него Дов. — Какой еще джип? Куда он его забрал?

— Превосходная координация! Как только Морис выскочил из самолета, появился полицейский джип и подобрал его.

Дов побледнел и помчался в панике домой. Он знал, что не должен ничего предпринимать касательно моего ареста, не посоветовавшись с Сами, но боялся говорить по телефону. Приехав, он застал меня спокойно попивающим чаек, и разразился серией русских ругательств, которую заключил бурным восклицанием: "Я чуть с ума не сошел, а ты тут сидишь и чаи распиваешь!"

Когда мы все немного успокоились, я рассказал Дову и Сами про сделку с "Транс-Оушн" и торжественно провозгласил, что наша операция вступает в новую стадию. Скоро мне предстояло обнаружить, что это была воистину новая стадия, во многих аспектах, и отнюдь не все из них были приятными.

ПОД УГРОЗОЙ ВИСЕЛИЦЫ

Использование самолетов "Транс-Оушн" открывало перспективу прямой безопасной перевозки в Израиль значительно большего числа олим. Поэ-

тому я хотел максимально использовать эту возможность, попытавшись открыть новый канал алии также и для иранских евреев. Возвратясь в Тегеран, я решил обсудить этот вопрос с Голамом Ибтихаджем в надежде, что успех нашего первого совместного предприятия возбудил у него аппетит. 25 апреля, через четыре дня после своего возвращения в Тегеран, я уже мог радировать в Тель-Авив, что по моей просьбе Ибтихадж звонил премьер-министру и начальнику полиции (своему зятю) и предлагал разрешить тем иранским евреям, которые этого желают, эмигрировать в Израиль при условии, что они воспользуются иранским транспортом или другими транспортными средствами по соглашению с иранской авиакомпанией. Последняя оговорка насчет "соглашения" возникла потому, что мы решили больше не летать на иранских самолетах, но я договорился с Ибтихаджем, что "Ираниан Эрвэйз" будет выступать местным агентом фирмы "Транс-Оушн" и обеспечивать все наземное обслуживание самолетов.

Реакция высокопоставленных лиц была, по словам Ибтихаджа, "позитивной и обнадеживающей", они поставили лишь одно условие: эмигранты должны отказаться от иранского подданства. Неделю спустя я сообщил в Тель-Авив о другой встрече с Ибтихаджем, во время которой мы окончательно сформулировали соглашение. Оно предусматривало, что за оказываемые фирмой "Ираниан Эрвэйз" услуги компания "Транс-Оушн" будет платить по стандартному тарифу IATA (International Air Transport Association — Международной ассоциации воздушного транспорта); дополнительная плата (которую Ибтихадж установил в размере 25 долларов на человека) будет взиматься за оформление эмиграционных документов, включая выдачу выездных виз и прочие формаль-

ности. "По словам Ибтихаджа, — говорилось в моей радиограмме, — выезд будет разрешен неограниченному количеству евреев".

К концу месяца мы подписали с "Ираниан Эрвэйз" формальное соглашение — весьма странное, если учесть, что мусульманский Иран еще не признал государство Израиль и между двумя странами не существовало никаких дипломатических отношений. Соглашение состояло из десяти пунктов, причем один из них по существу признавал законной сионистскую деятельность в Иране.

Компания "Ираниан Эрвэйз" будет улаживать с иранским правительством, полицией и таможенным управлением все формальности, необходимые для получения виз перечисленным ниже пассажирам. Было дано также письменное разрешение иранского правительства и полиции выявлять среди еврейских жителей Ирана лиц, добровольно желающих отказаться от своего иранского подданства в обмен на разрешение на выезд в Израиль.

Голам Ибтихадж подписал документ от имени иранской авиакомпании, а Дов Адив — с нашей стороны как представитель израильского туристического агентства "Пелтурз Лимитед" в Иране. Однако Ибтихадж настаивал, чтобы я тоже каким-то образом официально участвовал в соглашении, поэтому на этом историческом документе имеется также подпись: "Морис Перез, свидетель".

Среди иранских евреев, воспользовавшихся этим договором, известным под мосадовским кодом "Биг дил" ("Большая сделка"), были прежде всего члены или воспитанники юношеской сионистской организации. Но находилось также немало евреев, которых привлекала идея заново начать жизнь в молодом государстве, чтобы из-

бавиться от нищеты еврейского квартала Тегерана. Еще более жалкой была участь евреев в провинциальных городах, ибо большинство их более состоятельных собратьев перебралось в столицу, оставив еврейские общинные учреждения в провинции без поддержки, а бедняков — без надежды на улучшение их судьбы.

Но самым жутким было положение евреев из Мешхеда. Они скитались по улицам Тегерана, не имея никаких средств к существованию, но боялись возвращаться в родной город, где жили на положении марранов[53] около столетия. В 1839 году по Мешхеду пронесся слух о том, что евреи, которых мусульмане-шииты называют "ниджис", то есть нечистыми, осквернили священную могилу имама Резы, привлекавшую массовое паломничество шиитов. Разъяренные паломники и многие жители города, известного своим религиозным фанатизмом, начали беспощадную резню евреев — мужчин, женщин и детей. Под страхом смерти большинство оставшихся в живых евреев Мешхеда перешло в мусульманство, но лишь внешне. На протяжении поколений они втайне сохраняли еврейские обычаи, живя в постоянном страхе, как бы их иудаизм не раскрылся. Положение улучшилось при Реза-шахе, который взошел на престол после революции 1925 года и пытался проводить в стране прогрессивные реформы, преодолеть социальную и экономическую отсталость, а также освободиться от засилья фанатичных имамов. В процессе этих попыток преобразования Ирана в современное общество евреям Мешхеда было разрешено открыто исповедовать свою религию, и все как будто устроилось. Но после Второй мировой войны ситуация снова изменилась к худшему. Как только союзники (оккупировавшие Иран в 1941 году) вывели из страны свои войска, новый шах Мохаммед Реза Пехлеви

уже не смог управлять страной так полновластно, как его отец. Это позволило религиозным фанатикам частично восстановить свое влияние. Мешхедских евреев снова стали преследовать, многие из них бежали в Тегеран, надеясь добраться до Израиля. Только что подписанное соглашение позволяло помочь им и всем остальным иранским евреям, желавшим уехать. За период с 1949 по 1951 год, когда мы работали в Иране, занимаясь, главным образом, иракской алией, 24805 иранских евреев также репатриировались в Израиль.

Итак, хотя мы и не склонны были почивать на лаврах, но очень радовались нашему успеху, когда 17 июня 1949 года на нас обрушился неожиданный удар — мы оказались пешками, которыми решено было пожертвовать в гамбите ради улучшения ирано-иракских отношений. Все это началось несколькими днями ранее, когда в Южном Иране была арестована группа наших олим из тринадцати человек, а также двадцать два иракских еврея, по собственной инициативе перешедших границу. Сначала мы не поняли, что столкнулись с совершенно новым явлением. Аресты такого рода случались и раньше, и мы обычно без труда решали эту проблему: задержанных переводили в Тегеран, судили, приговаривали к символическому штрафу и разрешали жить в лагере беженцев до получения laissez-passer.

Однако поскольку группа арестованных была исключительно крупной, Цион Эзри отправился в Хорремшехр, чтобы встретиться с полковником Миром Джахангири, командующим пограничной полицией Хузистана (с братом полковника Эзри был знаком по совместной службе в полиции) и убедиться, что полковник не нарушит неписаного договора. Усилия Эзри увенчались успехом: полковник согласился отпустить задержанных на

поруки и разместить их под охраной полиции в Хорремшехрской синагоге, пока не поступит распоряжение об их переводе в столицу. И тут грянул гром среди ясного неба: из Тегерана прибыл приказ о немедленной депортации задержанных в Ирак, подписанный лично министром иностранных дел Али Асгаром Хекматом.

Не подлежало сомнению, что приказ о депортации имел непосредственное отношение к государственному визиту в Иран иракского регента Абд-Илла — визиту, на который в обеих странах возлагались великие надежды. Вскоре также выяснилось, что иракский консул в Хорремшехре, неустанно трудившийся над тем, чтобы блокировать бегство евреев из Ирака, и требовавший выдачи беженцев, привлек к этому вопросу внимание гостящего в Иране иракского регента. По воле судьбы в свиту регента входил шеф иракской полиции Али Халед аль-Хиджази, отъявленный антисемит, чье самолюбие было сильно уязвлено тем, что из Ирака наперекор его воле удается бежать столь многим евреям. Хиджази с жаром объяснял своим иранским коллегам, что эти псевдобеженцы являются на самом деле опасными преступниками и "подрывными элементами" (эвфемизм, заменявший слово "коммунисты"), взаимная выдача которых предусматривалась уже составленным договором между двумя странами. Не желая уступать в непримиримости своему шефу полиции, регент Абд-Илла обусловил продолжение своего визита в Иран немедленной выдачей содержавшихся в Хорремшехре беженцев.

Разгневанных иракцев умиротворил министр иностранных дел Хекмат, которому по закону принадлежало право подписывать приказы о депортации. Министр иностранных дел был, естественно, заинтересован в том, чтобы визит регента прошел успешно (по иронии судьбы Хекмат яв-

лялся потомком еврейского рода, перешедшего около века назад в мусульманство). Позднее мы, правда, обнаружили, что Хекмат не только исполнял свой официальный долг, но и сводил с нами личные счеты. Во всяком случае в тот период он наотрез отказывался принимать всех, кто пытался вступиться за беженцев, — в том числе своих собственных близких друзей. Надо ли говорить, как мы волновались. Меня преследовало кошмарное видение: десятки "опасных преступников" — выданных Ираку евреев — поднимаются на виселицы, установленные на главных площадях Багдада и Басры. Я знал, что иракцы вполне способны на такое зверство, что они могут повесить не только злополучных беглецов, но заодно и их семьи.

В каждом деле бывают порой провалы, и можно было бы ожидать, что к тому времени я уже достаточно закалился, чтобы воспринимать их спокойно. Но я переживал этот провал очень мучительно, как свое личное поражение. Я вдруг почувствовал, что теряю всякую опору в Иране, меня терзали предчувствия громадной катастрофы, казалось, вот-вот рухнет все: и лагерь, и полеты, вся система. Я был на грани отчаяния, началась вакханалия самоистязания, во всем винил я свою проклятую самоуверенность. Вспоминались сомнения товарищей, которые я отметал прочь и даже высмеивал, — и вот судьба воздала мне за наглость. Один на один с собой я бы, наверно, не выбрался из этой ямы, но, по счастью, меня окружали люди вроде Дова и Сами, они не давали мне возможности предаваться мазохизму, заставляли действовать. С их помощью мне удалось преодолеть шок, я ожесточенно принялся за работу, а она, как известно, лучшее лекарство от отчаяния.

Сначала я созвал на срочное совещание всех

наших ведущих активистов. Мы решили действовать по двум направлениям. Главное: мобилизовать всех наших высокопоставленных друзей и оказать на иранское правительство максимальное давление с тем, чтобы оно пересмотрело решение Хекмата. Однако для достижения этой цели могло потребоваться довольно много времени, а его-то у нас было в обрез, ибо депортация могла начаться с минуты на минуту. Поэтому прежде всего надо было найти способ отсрочить исполнение приказа, а если это не удастся — саботировать его: разбросать подлежащих депортации людей по разным местам и хорошенько их спрятать.

Я считал, что добиться отмены приказа о депортации не удастся раньше чем через неделю. К тому же наши шансы значительно повысятся, как только будет завершен визит в Иран иракского регента. Наш эксперт по юридическим вопросам Цион Эзри объяснил, что если подписание приказа о депортации входило в полномочия министра иностранных дел, то его исполнение могло быть поручено только пограничной полиции. В этом направлении, по мнению Циона, и надо было действовать, чтобы добиться отсрочки.

Начальник пограничной полиции Хузистана полковник Мир Джахангири, с которым Эзри беседовал несколько дней назад, как раз находился в Тегеране. Заместитель полковника славился своей жестокостью, поэтому необходимо было немедленно разыскать самого Джахангири и обратиться к нему за помощью, пока его заместитель не испортит все дело. После нескольких неудачных звонков мы наконец узнали, где находится полковник, и я вместе с Эзри поехал умолять его. Джахангири согласился дать нам отсрочку в несколько дней, но предупредил: "В вашем распоряжении очень мало времени. Если приказ не

будет аннулирован, мне рано или поздно придется его выполнить".

— Каким образом вы обеспечите отсрочку? — спросил я.

Эзри бросил на меня сердитый взгляд, показывая, что мне не пристало подвергать сомнению возможности полковника, но Джахангири ответил с любезной улыбкой:

— Это военная тайна. Положитесь на меня.

Мы с чувством поблагодарили его, добавив, что, спасая жизнь беззащитным и невинным людям, он совершает благородный поступок, который, конечно, не останется без вознаграждения. Немного позднее мы узнали, как удалось полковнику отсрочить депортацию. Способ был предельно элементарный. Прежде всего он телеграфировал своему заместителю, что в связи с важностью операции и возможными осложнениями он решил вернуться в Хорремшехр лично руководить ею и чтобы заместитель ничего не предпринимал до его возвращения. Прибыв в Харремшехр на следующий день, Джахангири послал в Тегеран телеграфный запрос о том, следует ли ему лишь доставить задержанных к границе или же он должен передать их иракской полиции. Когда поступил ответ, полковник отправил следующую телеграмму, где сообщал, что некоторые из задержанных больны, и спрашивал, надлежит ли ему пока депортировать остальных или же дождаться, пока можно будет отправить всех вместе. Джахангири продолжал посылать запрос за запросом, обеспечив нам время, чтобы добиться отмены приказа.

Наша стратегия тоже была проста до предела. Мы доказывали, что иранцы согласились помочь еврейским беженцам из Ирака, следуя глубоко укоренившейся в иранском народе гуманной традиции. Совершенно невероятно поэтому, чтобы теперь они уступили грубому диктату со сторо-

ны Ирака и столь круто изменили свою политику. Составив программу встреч с несколькими высокопоставленными лицами, я сообщил в Израиль: "Мы пытаемся добиться аннулирования приказа. Одновременно Сами и Цион Эзри вылетели на юг с тем, чтобы изучить возможность тайно вывезти олим из синагоги, если потребуется". Такая операция сама по себе была довольно простой. Не составляло трудности отделаться от стоящего на посту возле синагоги полицейского — взяткой, обманом или силой, — а потом спрятать тридцать три человека в еврейских семьях Хорремшехра, Абадана и Ахваза. Но прибегнув к такой операции, мы бы поставили под угрозу с таким трудом созданную систему доверительных отношений с властями. Поэтому я просил Сами подготовить операцию спасения, но не приступать к ней без крайней нужды (то есть в случае, если депортация будет неминуемой) и моего разрешения.

К счастью, до этого дело не дошло. На следующий день из Тель-Авива пришел запрос: "Будет ли вмешательство Франции или США полезным или только принесет вред?" Мне и в голову не приходило воспользоваться дипломатическими каналами. Тут я простил своим коллегам из Тель-Авива все неприятности и разочарования, которые они причинили мне за прошедший год, и от души признал, как важен центр координации. Я немедленно радировал в ответ, что было бы чрезвычайно желательно заручиться поддержкой американского посла в Тегеране, поскольку он один имеет вес, "а остальные ничего не стоят". Абба Эвен, являвшийся тогда послом Израиля в США и одновременно нашим представителем в ООН, встретился с иранским послом в Вашингтоне Насроллой Энтезамом, а затем с несколькими крупными чиновниками госдепарта-

мента США. Тем временем, вдохновленные идеей из центра, мы с Довом обратились к политическому атташе американского посольства в Тегеране, который "отнесся к нашей просьбе с глубоким участием" и вскоре оказал конкретную помощь.

В тот момент иранское правительство особенно прислушивалось к общественному мнению в Соединенных Штатах, так как в Конгрессе шли дебаты о продаже оружия Ирану и предоставлении Тегерану займа на 250 миллионов долларов, а вскоре намечался визит шаха в Вашингтон. К тому времени борьба Израиля против агрессии арабских стран, последовавшей почти сразу за Второй мировой войной и систематическим истреблением европейского еврейства, создала на Западе, и в частности в Америке, такой климат, при котором те, кто поворачивался спиной к еврейскому горю, а тем более отдавал евреев в руки палачей, вряд ли могли рассчитывать на радушный прием. Поэтому мы крепко надеялись, что прозрачный намек со стороны американцев окажется чудодейственным. А пока мы неустанно обрабатывали иранские верхи. Нам удалось проникнуть к полковнику Хийе, возглавлявшему пограничную полицию, к начальнику полиции генералу Сартипу Сафари, к начальнику генерального штаба Али Размара, к нескольким министрам, в том числе к министру внутренних дел Манухеру Эгбалю, министру обороны Ахмади (одному из наиболее могущественных в Иране людей) и министру без портфеля Халилу Фахими.

Параллельно Сами составил прошение, дал его подписать задержанным беженцам и разослал всем, кто хоть что-нибудь значил в Иране. Маленькая еврейская община Хорремшехра, делавшая все возможное для облегчения участи иммигрантов, объявила дневную голодовку и послала

об этом телеграммы членам парламента и правительства; аналогичным образом поступила еврейская община Тегерана. Единственные, кого я критиковал в тогдашних отчетах из Тегерана, были лидеры маленькой общины иракских евреев в Тегеране, которые продолжали "вилять хвостом перед иракской делегацией", игнорируя тот факт, что она требует депортации их братьев и, следовательно, их казни. Они оказали регенту восторженный прием, преподнесли ему автомобиль и забросали дорогими подарками его свиту (в том числе начальника полиции, открыто заявившего, что намеревается казнить беженцев, после того, как они будут выданы Ираку).

В хоре заступников за наших олим особенно трогательно прозвучал голос Мани Фанахи. Маня была дочерью Бориса Монсона — казначея ашкеназской синагоги Тегерана, одной из наиболее заметных фигур в маленькой общине осевших в Иране европейских евреев. Сама Маня приняла ислам и вышла замуж за Хабиба Фанахи, отпрыска одной из богатейших и знатнейших фамилий Ирана. Дов был хорошо знаком с Маней и предложил использовать ее связи в правящих кругах Тегерана. Она пригласила нас в свой прекрасно убранный особняк, и я кратко рассказал о нашем деле. Маня была глубоко тронута, со слезами на глазах она сказала мне: "Клянусь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти этих несчастных людей".

Маня Фанахи оказалась человеком слова. Позднее мне рассказали (причем рассказ этот подтверждался разными источниками), что она пошла прямо к любимой сестре шаха Ашраф Пехлеви (они с шахом были близнецами), с которой была издавна дружна. Начав со страданий евреев Европы и участи своих родственников, погибших в Катастрофе, Маня сказала, что считает Иран

своей родиной, но ей непереносима мысль, что люди, с которыми она связала свою судьбу, могут отдать на гибель безвинных евреев. Затем она сделала нечто совершенно невероятное: вытащив из сумочки пузырек с темно-синей жидкостью, Маня объявила принцессе, что это яд и что она немедленно примет его, если принцесса не даст ей обещания спасти несчастных, загнанных людей, которых Маня считает своими братьями. То ли оторопевшая от неожиданности, то ли и вправду растроганная благородным порывом подруги, принцесса Ашраф пообещала немедленно поговорить с шахом. Она была уверена, что ему не известно об этом деле, ибо ее брат не мог одобрить столь бесчеловечное преступление.

Вся эта история похожа на некое современное переложение библейской повести о царице Эстер, спасшей евреев в той же стране, хоть и при несколько иных обстоятельствах. Маня Фанахи действовала не в строгом соответствии с библейским сценарием, да и положение ее было другое. И все же, хотя сейчас невозможно в точности сказать, что именно сыграло главную роль, известно, что решение об отмене приказа о депортации было вынесено с ведома и явного одобрения шаха, а тут Маня, несомненно, приложила руку.

23 июня 1949 года я смог сообщить в Тель-Авив:

"Арци от Голдмана:

1. Благодаря сильному давлению с нашей стороны вчера вечером состоялось заседание правительства, на котором решено отменить приказ о депортации, подписанный министром иностранных дел. Люди будут переведены в столицу..."

Я мог бы добавить, что решение это было принято, несмотря на давление, которое до последней минуты оказывали иракцы, что Абд-Илла еще находился в Тегеране, а подписанный в тот же

день договор о взаимопомощи между двумя странами гласил, что Иран и Ирак будут сотрудничать в борьбе против "коммунизма и сионизма", и гарантировал в этой связи выдачу беглецов, незаконно перешедших границу. Поэтому угроза депортации людей, задержанных при переходе границы, оставалась в силе. На сегодня опасность миновала, но в будущем нам пришлось столкнуться с нею снова.

Например, в конце июня, когда в Тегеране гостил трансиорданский король Абдалла, раздраженный предыдущим инцидентом министр иностранных дел Ирана Хекмат нашел предлог подписать приказ о депортации других беженцев, перешедших через ирано-иракскую границу. Мобилизовав своих иранских и американских друзей, мы сумели сорвать его план, но в августе и в сентябре появились новые приказы о депортации. В последнем из этих случаев нам помог иранский посол в США Энтезам, который тогда находился в Иране. В тот день, когда мы изложили ему свою просьбу, Энтезам сказал на дружеском вечере, в присутствии ведущих министров правительства (нам потом рассказал об этом один из участников), что если задержанные евреи будут депортированы в Ирак, ему "нет смысла возвращаться в Америку и в ООН". Присутствующим оставалось сделать вывод, что он говорил не только о себе. Шах как раз намеревался отбыть в США и посетить Организацию Объединенных Наций, а если там нечего делать иранскому послу, то и шаху стоило лучше остаться дома.

Мы, как пожарная команда, кидались туда, где полыхало пламя, и пока нам удавалось гасить его, но общее направление развития событий в Иране было неблагоприятным. В какой-то момент мы почувствовали, как я писал в одном из отчетов, "очень беспокойный симптом, а именно:

нашим иранским друзьям начинает надоедать все время выручать нас". На наше счастье, однако, иранцам еще больше надоели иракцы. Объединенный комитет, созданный для урегулирования пограничных проблем между двумя странами, собрался на первое заседание, обнаружил, что сразу же зашел в тупик, — и больше не собирался. Вскоре иракцы стали по-прежнему преследовать десятки тысяч проживающих в Ираке иранских граждан. В ответ иранское правительство решило предпринять необычную меру — депортировать из Ирана всех иракских подданных. По иронии судьбы большинство их оказалось евреями, и Багдад это решение, надо думать, не слишком огорчило. Впрочем, я до сегодняшнего дня не вполне уверен, что вся эта история не являлась дьявольской шуткой министра иностранных дел Хекмата, который не упускал ни одной возможности отомстить евреям за свои непрерывные фиаско. Как бы то ни было, благодаря энергичным действиям иракской общины в Иране, нашей поддержке и усилиям влиятельных иранских евреев, этот приказ был также аннулирован.

Однако и нам дали понять, что нарастающий поток беженцев из Ирака не по душе иранцам. Даже такой испытанный наш друг, как начальник полиции Сартип Сафари, обратился к иракскому посланнику в Иране — по своей собственной инициативе — с требованием, чтобы иракцы усилили охрану своей границы, поскольку приток беженцев стал слишком велик. А в разговоре с одним из наших людей Сафари как-то заметил, что добрая половина иранских полицейских занята проблемой беженцев. Он даже отрядил на юг двух высших офицеров, чтобы выведать, каким путем пробираются беженцы. 24 августа офицеры подали рапорт на четырех страницах, помеченный грифом "совершенно секретно" и отпечатанный в одном эк-

земпляре. Тем не менее, мы получили копию этого рапорта и прочли:

"Оба берега реки Шатт-эль-Араб заросли финиковыми пальмами, что облегчает работу контрабандистов. В течение дня люди собираются и ждут, спрятавшись среди пальм, а ночью, когда пограничных патрулей меньше, контрабандисты перевозят беженцев на нашу сторону реки... Контрабандисты получают значительные суммы — явно из фондов еврейской общины — и потому готовы на любой риск".

Далее мы с удивлением увидели в этом рапорте просионистское и не лишенное сочувствия объяснение причин исхода евреев из Ирака:

"Как уже отмечалось выше, евреи всего мира являются партнерами в создании государства Израиль и тесно связаны с ним. Они готовы пожертвовать ради него чем угодно и помогают друг другу... Они работают для государства Израиль, которое считают обетованной землей для еврейского народа и его исторической родиной. Совершенно ясно, что все иранские евреи разделяют эти взгляды и помогают иракским евреям бежать из страны".

В оперативной части рапорта предлагалось увеличить численность пограничников, а также полицейских машин, прожекторов и другого оборудования и установить вдоль границы постоянно действующие караульные посты. В конце содержалось предупреждение — как, должно быть, в документах такого рода во всем мире, — что "до тех пор, пока полиция не получит указанного подкрепления, она не сможет эффективно справляться со своей задачей".

А поскольку иранцам было не с руки делать крупные капиталовложения в свою пограничную охрану, число беженцев продолжало возрастать. К концу 1949 года границу переходили уже не

десятки, а сотни евреев. Иракцы пытались запереть границу со своей стороны, но безуспешно. В середине августа министерство иностранных дел Ирака подало формальный протест в госдепартамент США по поводу того, что самолеты американской авиакомпании "Транс-Оушн" регулярно нарушают воздушное пространство Ирака, совершая рейсы из Тегерана в Израиль... Фирма "Транс-Оушн" направила в Багдад своего представителя, который "получил серьезное предупреждение о том, что если воздушное пространство Ирака будет снова нарушено, на перехват будут высланы военные самолеты, которые находятся в боевой готовности и выполняют регулярные патрульные полеты вдоль границ страны".

Это была наглая угроза — и только. Во всяком случае, иракские евреи продолжали переходить в Иран, а мы продолжали отправлять их в Израиль. Первый самолет компании "Транс-Оушн" с семьюдесятью олим на борту вылетел из Тегерана 22 июня в разгар хлопот из-за первого приказа о депортации, с тех пор полеты не прекращались, несмотря на все угрозы и неистовство иракцев. Пережитые волнения не заставили нас свернуть работу в Иране, наоборот, — вот что писал я в то время товарищам в Багдад:

"...Теперь у нас появилась возможность возобновить работу в более широком масштабе. Из кризиса мы вышли окрепшими, сегодня мы располагаем здесь гораздо более разветвленной системой связей. По моему мнению, как только наши люди переходят границу, им больше не угрожает никакая опасность, и чем большим будет их число, тем легче нам будет работать..."

Но если в борьбе за трудно давшуюся победу кто-то понес потери — так это я. Может быть, если учесть ситуацию в целом, "потеря" — слово чересчур сильное, но нервное напряжение и не-

прерывная лихорадочная деятельность вконец измотали меня. Мне уже был назначен преемник — Цион Кохен, и во время наезда в Тель-Авив меня торжественно заверили, что он скоро прибудет. Вернувшись в Тегеран, я время от времени спрашивал про него, но эти вопросы либо оставались без ответа, либо я получал туманные обещания, что делу уделяется должное внимание. Я знал только, что Кохен с семьей находится в Париже, дожидаясь какого-нибудь североафриканского паспорта, и что их отъезд в Иран все время откладывается. Потом мне сообщили, что Цион Кохен наконец превратился в Аристида Калласа, а тринадцатого июля я с огромным облегчением послал в Тель-Авив телеграмму: "Цион Кохен с семьей благополучно прибыл сегодня вечером". Только теперь начал я верить, что моя "короткая командировка" действительно подходит к концу.

Однако смена караула в Тегеране затянулась дольше, чем я ожидал, поскольку, несмотря на наши многочисленные связи, получить легальную визу на выезд из страны оказалось очень трудно. Только в середине сентября после суда за пребывание в Иране с просроченной визой и уплаты солидного штрафа я наконец получил необходимые документы. Тем временем в Иран и в Ирак приехало еще несколько наших агентов (в том числе новый радист). Работа, с которой мы до сих пор справлялись втроем с Сами и Элияху Шином (да к тому же в самый трудный, первый период), теперь была поделена на гораздо большее число коллег. Нам это, конечно, принесло только удовлетворение.

Я возвратился в Израиль тридцатого сентября, одним из самолетов компании "Транс-Оушн", заполненным в тот день до отказа. Было в этом что-то символическое. Я оставлял в Иране ши-

рокую оперативную базу, целый штаб сотрудников, бурлящий жизнью лагерь олим, нарастающий поток беженцев из Ирака. С тех пор, как я приехал в Тегеран, прошел ровно год — год выматывающих кризисов, непрерывного волнения, тяжелых разочарований. И все же это был год прорыва, год надежд.

Я чувствовал, что вполне заслужил право вернуться в киббуц, жениться на Тмиме (если она еще захочет выходить за меня), привыкнуть к ощущению земли под ногами, грязи под ногтями — короче говоря, вести наконец нормальную жизнь! Оглядываясь при взлете на лица окружающих, я различал на них знакомую напряженность и волнение, ведь большинство этих людей летело самолетом первый раз в жизни. А я уже успел позабыть, как волновался первый раз. Сколько пришлось мне налетать за последние три года! "Ну ладно, — сказал я себе, — это последний раз перед долгим перерывом".

— Чему ты улыбаешься, Морис? — спросил Элияху Шин, наш радист, сидевший рядом со мной, его тоже сменили, и он летел в Израиль. — Нравится летать?

— Летать неплохо, — ответил я голосом бывалого путешественника. — Но знаешь, дай мне только сесть в Израиле, меня потом в самолет калачом не заманишь. Помяни мое слово!

Мысль эта заставляла меня улыбаться добрых полпути до Тель-Авива.

НОВЫЙ УДАР НУРИ САИДА

На рассвете 27 апреля 1950 года я сидел в самолетном кресле рядом с Рони Барнетом. Наш самолет совершал ночной рейс из Амстердама в Багдад. Мы встретились в амстердамском аэро-

порту накануне вечером, я прилетел туда из Парижа с новехоньким удостоверением личности, да и сама личность звалась по-новому. Все эти "новшества" мне предстояло сперва опробовать на нейтральной почве. Я молча протянул свой британский паспорт голландскому иммиграционному чиновнику. Он внимательно прочел документ, поглядел на меня, и губы его подернулись загадочной улыбкой. Потом он подошел к коллеге, сидящему в соседней будке, прошептал ему что-то по-голландски и оба они расхохотались.

Я чувствовал себя весьма неуютно, но, к счастью, консультация длилась недолго. Через несколько секунд чиновник занял свое место и, все еще посмеиваясь, спросил по-английски:

— Вы играете на трубе?

— Нет, — озадаченно ответил я.

— Но вы хоть родственники? — продолжал он с широкой улыбкой.

Тут я тоже рассмеялся — с облегчением: "Учитывая состояние моих финансов, я бы не прочь быть с ним в родстве!"

Он снова улыбнулся и утешил меня стандартным пожеланием: "Желаю приятно провести время в Голландии", — потом поставил в паспорте штемпель и протянул его мне.

Взрыв смеха в амстердамском аэропорту был вызван украшавшим мой паспорт именем Ричарда Армстронга, которое напомнило голландскому чиновнику прославленного музыканта. По этой самой причине я был не слишком доволен своим новым именем. Работая в Мосаде, я всегда пользовался заурядными, быстро забываемыми именами, которые мгновенно выпадали из памяти паспортных и прочих чиновников. Я не знал тогда, да и теперь не знаю, окрестил ли меня изготовлявший документы специалист Ричардом Армстронгом по необходимости или просто решил позабавиться.

Да и самый выбор британского паспорта для данной командировки вряд ли был оправдан. Иракцы все-таки знали англичан не понаслышке, вполне вероятно, что в Ираке до сих пор проживало порядочное их число, — а это не сулило такому самозванцу, как я, ничего хорошего. Но поскольку мы с Рони путешествовали вместе, решено было сделать нас соплеменниками. Таким образом, он мог играть роль моего старого друга и заступаться за меня, объясняя странное несоответствие моей внешности и манер с обликом истинного сына Альбиона.

Чтобы объяснить бросающиеся в глаза некоторые странности Ричарда Армстронга-младшего — его относительно миниатюрные размеры и смуглый цвет кожи, а также то, что он постоянно проживал в Копенгагене, а не на Британских островах, — мы сплели вокруг него целую паутину легенд. При каждой возможности Рони должен был доверительно рассказывать приятелям, что у Ричарда Армстронга необыкновенная история. Его отец Ричард Армстронг-старший много лет служил колониальным чиновником в Индии и вернулся с востока со смуглокожим сыном, в котором души не чаял. Один Бог знает, почему мальчик вырос в Копенгагене, но несомненно, что молодой Армстронг до сих пор продолжает жить там. Его вкусы и наружность носят скорее космополитический, чем чисто британский отпечаток. "Но хорошее воспитание всегда сказывается", — с жаром заверял Рони тех, кому скармливал этот романтический вздор. Я же, со своей стороны, должен был, хоть приближенно, соответствовать типично британской манере поведения.

Поэтому, дожидаясь Рони в одном из залов аэропорта Шипол, я стал возиться с трубкой, являвшейся неотъемлемой частью "воспитания"

Ричарда Армстронга. Разобрав и вычистив трубку, я набил ее ароматным табаком, зажег своим верным "Ронсоном" и принялся пускать клубы дыма. Я хотел было продолжать параллельно курить сигареты, но Рони стоял на том, что даже самый эксцентричный англичанин никогда не будет курить ничего, кроме трубки.

— Но ведь ты-то куришь сигареты и сигары, а трубку никогда в рот не берешь, — дулся я.

Но Рони мог позволить себе такую роскошь. Его "персона" не носила следов приключений какого-нибудь сладострастного сахиба. Чтобы слыть истинным подданным Его Величества короля Великобритании, Рони нужно было только быть самим собой, я же принужден был отказаться от удовольствия курить сигареты (по крайней мере, в компании) и посасывать эту чертову трубку, обжигавшую мне язык и губы.

Предаваясь этим мыслям и ожесточенно дымя, я не заметил, как подошел мой мучитель.

— Хелло, Дик! — громко приветствовал меня Рони и, наклонившись, шепнул: — Полегче! Ты тут весь аэропорт задымишь своей трубкой!

Я выпустил последний клуб дыма прямо ему в лицо, с облегчением отложил трубку и облизнул губы. Рони, должно быть, нахмурился, но я был слишком поглощен трубкой — следил, чтоб не осталось горячих угольков.

— Что ты будешь пить, Дик? — продолжал Рони в лучших традициях английского мужского разговора.

— Кока-колу, — инстинктивно выпалил я, предвкушая сладкую пузырящуюся струю в своем обожженном рту.

— Чтоб я этого от тебя *никогда* больше не слышал! — зашипел возмущенный моей непроходимой тупостью Рони. — Ты будешь пить виски с содовой или джин с тоником.

Мы сошлись на славном голландском пиве, и я решил, что пора перестать измываться над Рони. Ведь, по совести говоря, не он изобрел мистера Армстронга, а суетился только для того, чтобы спасти мою шкуру. Он, видимо, не сознавал, что в результате его непрерывных тычков я только нервничаю и не могу приспособиться к новому амплуа, но тут уж ничего не поделаешь. Кроме того, никто не заставлял меня ехать в Багдад. Я вызвался лететь туда по доброй воле, несмотря на долгую болтовню об "отставке", потому что в результате целой цепи событий, достигших апогея в марте 1950 года, открылась уникальная возможность спасения измученного и запуганного иракского еврейства. Посвятив этому делу более трех лет жизни, я хотел довести его до конца. И если для этого требовалось ехать в Багдад в новой роли, с трубкой и прочими удовольствиями, — значит, быть по сему.

* * *

Как это ни парадоксально, ответственным за изменение моих планов был не кто иной, как премьер-министр Ирака Нури Саид. Чтобы понять, как он, помимо своего желания, произвел столь драматический переворот в печальной судьбе иракского еврейства, нужно вернуться к тому моменту, когда мы впервые встретились с ним на этих страницах, то есть к началу 1949 года; он тогда вернулся к власти после того, как двадцать два месяца находился не у дел. В то время я отчаянно искал способа разместить в Тегеране иракских беженцев, приток которых нарастал с каждым днем (в конце концов я вынужден был удовольствоваться кладбищем). Евреев заставляла бежать из Ирака невыносимая обстановка, сложившаяся в стране под воздействием враждеб-

ного и подчас иррационального поведения Нури Саида, которое и является ключевым элементом в этой истории.

Итак, 6 ноября 1949 года Нури Саид в десятый раз возглавил правительство Ирака. Эта его каденция не принесла ни Ираку, ни иракским евреям ничего хорошего. Осмелюсь даже сказать, что и сам Нури не был слишком удовлетворен ею, хотя на первых порах правительство достигло, как будто, значительных успехов. Военное положение давало премьер-министру широкие полномочия, которые он употребил прежде всего, чтобы разгромить коммунистов, которых сотнями арестовывали и посылали на виселицу.

Завершив сие доблестное предприятие, Нури решил, что для возвеличивания Ирака на межарабской арене необходимо занять радикальную позицию в палестинском вопросе. В то время, как другие воюющие стороны вели переговоры о заключении соглашений о перемирии, Ирак заявил, что он не пойдет ни на какие переговоры или соглашения с Израилем. Вместо этого, отведя свои войска на родину, Нури опубликовал односторонний план решения арабо-израильского конфликта. Как ни странно, основой его был раздел Палестины в соответствии с теми самыми границами, которые предусматривались планом ООН и которые были отвергнуты арабами в ноябре 1947 года (а затем изменены в результате побед Израиля на поле боя). Однако, кроме того, план Нури Саида призывал к полному разоружению Израиля, арабскому суверенитету над Иерусалимом, превращению Хайфы в международную зону и возвращению всех беженцев[54]. Было, разумеется, абсурдно верить, что Израиль примет эти требования. Однако, когда Нури увидел, что Израиль не торопится ответить ему согласием, а арабские страны не могут или не хотят сплотиться вокруг

него — как, впрочем, и вокруг любого другого, — он впал в неистовство и предметом его злобной мстительности сделались иракские евреи.

О непредсказуемости поведения Нури, когда дело касалось евреев, говорили не только наши источники в Багдаде, но и (как я обнаружил много позже) британские дипломаты, опасавшиеся, как бы их протеже не сорвался с цепи и не скомпрометировал правительство Его Величества. Восстанавливая впоследствии картину того года, я пользовался не только мемуарами участников событий, но и архивами британского министерства иностранных дел. Этот бесценный кладезь информации помог найти объяснение некоторым загадкам, которые в ту пору так мучили нас. Например, роясь в архивных материалах, я понял, что в начале 1949 года, стремясь отомстить за поражение своей армии и за то, что сотни тысяч палестинцев стали беженцами — в результате войны, начатой арабскими странами, — Нури замыслил дьявольски хитрый план уничтожения новорожденного государства Израиль. Он заключался в том, чтобы, собрав всех евреев Ирака (более 120000), посадить их на грузовики, довезти до границы с Израилем и заставить их перейти через границу. Затопив молодое государство беспомощными беженцами, Нури рассчитывал привести его к быстрому краху.

Узнав об этой идее (которая никогда не выносилась на открытое обсуждение), британское министерство иностранных дел ознакомило с ней все свои ближневосточные отделения и просило прислать отзывы. Завязался любопытный спор, тесно связанный с закулисной стороной интриги, тянувшейся почти весь 1949 год, и с кампанией систематических преследований евреев Ирака. Первая часть корреспонденции британского министерства иностранных дел концентрировалась

вокруг вопроса о том, действительно ли Нури изгонит из страны всех евреев и каковы вероятные последствия такого поступка. Британский генеральный консул в Иерусалиме сэр Хью Доу иронически заметил: "Угроза Нури-паши изгнать евреев из Ирака будет, вероятно, иметь совсем иные, чем он предполагает, последствия. Здешние евреи будут лишь приветствовать такую акцию, они также будут настаивать на том, чтобы иракцы забрали вместо них перемещенных палестинских арабов". Однако британский посол в Багдаде сэр Генри Мэк ставил под сомнение серьезность Нури Саида. Время показало, что он был прав, считая идею Нури не реальным, продуманным планом, а трюком, рассчитанным на то, чтобы поиграть на нервах у израильтян. Отвечая на срочный запрос Лондона прокомментировать вероятность массовой депортации, Мэк писал 17 февраля 1949 года: "...Нури-паша не имеет намерения немедленно приступить к осуществлению этого замысла. Он рассматривает его как возможную ответную меру, если евреи неразумно поведут себя в отношении арабских беженцев".

Однако руководители Форин-оффис, упорно считавшие себя истинными защитниками интересов Ирака, не желали рисковать. Они приказали Мэку как можно быстрее предотвратить подобный демарш. Следует добавить, что они поступили так не для того, чтобы избавить от страданий невинных людей, а потому, что "изгнание евреев из Ирака даст израильскому правительству прекрасный предлог, чтобы отказаться от выплаты компенсаций за собственность арабских беженцев. Было бы фатальной ошибкой совершить что-либо, способное повредить арабским интересам в этом вопросе, и мы надеемся, что можно удержать Нури от подобного шага".

Посол Мэк ответил: "Я сделаю все, что в моих силах, с тем чтобы убедить Нури Саида не предпринимать никаких действий в этом направлении, если окажется, что он их серьезно замышляет".

После этого вопрос о депортации евреев исчезает из британской дипломатической корреспонденции. Лишь месяцев через шесть, уже к концу лета, он снова упоминается в связи с тем, что Нури заговорил о своей идее в беседе с аккредитованными в Багдаде британскими дипломатами. Вероятно, именно эта беседа явилась причиной весьма любопытного письма, направленного 5 сентября секретариатом по делам Ближнего Востока британского министерства иностранных дел послу Мэку в Багдад. В нем к приготовлениям Нури предлагается относиться совсем иначе:

"...Нам представляется, что угроза Нури Саида изгнать евреев из Ирака... заслуживает внимания... Если эту угрозу можно было бы превратить в какое-то соглашение, по которому перевезенные в Израиль иракские евреи получили бы компенсацию за свое имущество от израильского правительства, а их имущество, оставшееся в Ираке, перешло бы к арабским беженцам, то к ней можно было бы отнестись позитивно.

...Ирак избавился бы от национального меньшинства, положение которого осложняет поддержание общественного порядка в кризисные периоды. С другой стороны, израильскому правительству будет трудно отказаться от возможности привезти в Израиль значительное число евреев. Правительство, бесспорно, отнюдь не будет заинтересовано отягощать экономику страны этим дополнительным бременем, но общественное мнение Израиля, вероятно, вынудит его пойти на это.

Любой план изгнания евреев из Ирака должен

быть, естественно, встречен отрицательно. С другой стороны, разумное предложение об обмене населением (с соответствующими соглашениями о компенсации) можно было бы рекомендовать.

...Вам не следует пока что обсуждать с иракцами этот вопрос".

Разумеется, сейчас уже невозможно узнать, действительно ли посол Мэк и его помощники воздержались от обсуждения этой темы с иракцами. Однако, по странному совпадению, всего через несколько дней, 29 сентября 1949 года, сообщая о беседе с Нури Саидом, багдадское посольство приписало *ему* предложение о "принудительном обмене около 100000 городских евреев на арабских беженцев-горожан... Все имущество этих арабских евреев будет конфисковано для использования в качестве компенсации за имущество, брошенное арабами в Палестине, а израильское правительство по своему усмотрению выдаст иракским евреям компенсации из конфискованного имущества бежавших арабов".

Действительно ли эта идея принадлежала Нури Саиду, отвечала его истинным намерениям? Был ли шанс когда-нибудь воплотить ее в жизнь? Могу лишь сказать, что были веские причины сомневаться в готовности Ирака принять палестинских беженцев. В разгар войны против Израиля король Трансиордании Абдалла обратился к иракцам с просьбой принять 100000 беженцев, наводнивших его страну, но Багдад и слышать не хотел об этом. Различные комиссии ООН, искавшие решения проблемы арабских беженцев, также рекомендовали Ирак как идеальное место для них — ввиду обилия в стране плодородных земель, воды и нехватки рабочей силы, — но все эти рекомендации игнорировались. Поэтому нет никаких оснований полагать, что Нури Саид был хоть в малейшей степени обеспокоен облег-

чением судьбы палестинских беженцев по гуманным или иным соображениям. Более того, следует отметить, что 31 октября 1949 года после того, как в печать просочились слухи о возможности соглашения по вопросу беженцев, "Нью-Йорк таймс" опубликовала письмо в редакцию поверенного в делах Ирака, аккредитованного в Вашингтоне, Абдаллы И.Бакра, которое решительно опровергало сообщения о том, что Ирак заинтересован в обмене населением. А если у кого-то еще оставались иллюзии по этому вопросу, то интервью иракского представителя в ООН (исполнявшего одновременно обязанности министра иностранных дел Ирака) Фадхила Джамали, появившееся в печати в феврале 1950 года, где снова отвергалась идея обмена, положило конец всем дипломатическим маневрам вокруг этого предложения.

Поэтому представляется обоснованным заключение о том, что Нури Саид никогда не намеревался выпускать (или выгонять) иракских евреев, ни выталкивая их силой, ни согласовав обмен населением. Чем он действительно занимался на протяжении всего 1949 года, — а с особым рвением с осени, т.е. в самый разгар описанных дипломатических маневров, — это неустанным преследованием евреев, которые стали для него козлом отпущения за бесславные действия иракской армии в Палестине. Безвыходное положение иракских евреев заставляет вспомнить басню Лафонтена про голодного волка, искавшего предлог, чтобы сожрать ягненка:

— Ты ругал меня на этом самом месте год назад, — обвинял волк ягненка.

— Ах, этого не может быть, — отвечала испуганная жертва, — ведь я тогда еще не родился.

— Тогда это, должно быть, твой брат? — рассудил волк.

— Но у меня нет брата, — с облегчением сказал ягненок.

— Значит, это кто-то другой из твоих родичей! — воскликнул волк... "и в темный лес ягненка поволок".

Согласно той же логике, евреев Ирака наказывали за то, что их родичи оскорбили иракскую гордость, сокрушив иракскую армию.

Впрочем, они несли ответственность не только за военное поражение как таковое. Поскольку война обострила экономические трудности Ирака и усугубила дефицит основных продуктов, легко было обвинить евреев и в этих грехах. А для порядка к списку обвинений присовокупили еще одно: евреи, незаконно покидавшие Ирак, продавали свою собственность за малую толику ее истинной цены, усиливая таким образом "экономический застой", — формулировка эта была в те дни чрезвычайно популярна. Действительно, евреям, решившим уехать из Ирака, как и тем, которые оставались в стране, было крайне трудно продать свое недвижимое имущество, и они вынуждены были довольствоваться десятой частью его подлинной стоимости — если им вообще удавалось найти покупателя-мусульманина, обладающего достаточным весом, чтобы преодолеть все формальные препятствия для заключения подобной сделки. Но эта ситуация существовала благодаря правительству, а не вопреки ему. И хотя она затрагивала не более сотни-другой человек в месяц и безусловно не оказывала никакого ощутимого воздействия на иракскую экономику в целом, раздутые слухи о влиянии распродажи еврейской собственности расходились очень широко, находя отклик даже в дипломатических отчетах. Так, 12 декабря 1949 года британский посол замечает в своем рапорте: "Следует, вероятно, отметить, что переживаемые Ираком экономиче-

ские трудности обострились вследствие беспокойства еврейской общины за свою безопасность. В результате неуверенности евреев ограничился кредит. Мусульмане же приписали нежелание евреев рисковать деньгами их преднамеренной политике, направленной на подрыв иракской экономики".

Кроме всего прочего, иракские власти были взбешены собственной неспособностью остановить бегство евреев из страны. Особенно невыносимым, с их точки зрения, был общественный резонанс, который получало бегство евреев за рубежом, — создавалось впечатление, что иракское правительство не в состоянии держать на замке собственные границы даже в условиях военного положения!

Полиция срывала свою злость, подвергая пыткам неудачливых беглецов, родственников сбежавших и всех, кого подозревали в связи с сионистским движением. Даже столь беспристрастный наблюдатель, как английский посол, вынужден был через несколько месяцев сообщить:

"...Нет сомнения в том, что продолжаются преследования членов семей бежавших в Палестину иракских евреев".

Отчеты, поступавшие от наших людей, были менее сдержанны. Например, 24 августа 1949 года мы получили следующую радиограмму о событиях предыдущих дней:

"Преследование евреев нарастает. В Хилле (маленький городок к югу от Багдада) арестованы руководители общины. Глава общины Ханакина, шойхет (умерший через несколько дней вследствие пыток) и другие видные лица взяты под стражу по обвинению в содействии бегству евреев. Положение заключенных ужасное. Их заставляют выполнять самые тяжелые работы... Некоторые из них переведены в Бадру — отдаленное

поселение неподалеку от границы с Ираном... где их крайне сложно навещать".

Аналогичные отчеты поступали и в течение сентября. В Басре было схвачено несколько евреев, пытавшихся бежать в Иран. В Киркуке был схвачен, подвергнут пыткам, а затем насмерть забит тюремщиком престарелый Салах Эфраим, дочь которого, активная участница молодежного сионистского движения, бежала в Иран. В Багдаде полиция совершила налет на Османский банк, арестовала на месте восьмерых клиентов-евреев и предъявила им обвинение в попытке перевести деньги в Израиль. Те же обвинения были выдвинуты против трех еврейских купцов в Мосуле. Но самое страшное началось, когда полиции удалось найти осведомителя-еврея, помогавшего ей наносить более точные и опустошительные удары.

Саид Халаши, худенький смуглолицый семнадцатилетний юноша, самой запоминающейся особенностью лица которого были темно-карие, навыкате глаза, как и многие другие молодые евреи Багдада, примкнул к сионистскому движению. Вскоре руководители группы заметили легкомыслие Саида, а в начале 1949 года его исключили из группы за "низкие моральные качества". Несколько месяцев спустя, к концу лета, в дом Халаши явилась полиция, разыскивавшая брата Саида, видного коммуниста. Не найдя брата, полицейские забрали Саида и сделали его агентом тайной полиции. То ли из страха, то ли соблазнившись денежной наградой, но он согласился работать на них и для начала, желая, видимо, доказать свою ценность, выдал имена и адреса всех известных ему членов подполья, главным образом руководителей молодежных групп. Потом он стал участвовать в полицейских облавах, опознавая разыскиваемых людей. В январе 1950 года Халаши вместе с офицером тайной полиции даже по-

слали в Иран, где он шпионил за нашей работой. Ребята в Багдаде были настолько разъярены и встревожены, что запросили Мосад о разрешении ликвидировать Халаши, но им ответили твердым отказом.

Первые результаты предательства Халаши сказались осенью 1949 года, во время праздника Суккот, когда были арестованы пятеро подпольщиков. Сначала руководители подполья решили, что это случайный провал. Но затем последовали новые аресты, причем полиция сразу являлась по правильному адресу, и стало известно, что полицейских сопровождает молодой человек, судя по внешности — еврей, опознающий обвиняемых. Более того, аресты не рекламировались, как прежде, злорадно и с помпой, — вся информация о них была, видимо, запрещена, так как пресса хранила полнейшее молчание.

Подполье быстро перестроилось: была приостановлена всякая деятельность, спрятано оружие, а руководители скрывались в домах тех подпольщиков, которые, по общему мнению, были вне подозрения. Люди, положение которых считалось наиболее опасным, были отправлены в другие города или даже в Иран, а оттуда — в Израиль. В этот период широко использовался маршрут через Касре-Ширин, поскольку он, хоть и требовал большой физической выносливости (три—четыре дня люди пробирались по высоким горам и глубоким ущельям), но меньше контролировался полицией. На южном же направлении полиция предпринимала огромные усилия, чтобы перекрыть поток еврейских беженцев. Вокзал в Басре буквально кишел шпиками, и многих наших людей им удалось схватить. Но вскоре дичь перестала попадаться в ловушку, и тут полиция вступила в стадию буйного помешательства.

Опытному охотнику известно, что, подстерегая

желанную добычу, приходится иногда часами лежать неподвижно. Измученный ожиданием охотник может легко потерять терпение и начать бешено палить во всех направлениях — но тогда у него нет никакой надежды попасть в цель. Именно так повела себя иракская полиция, поняв, что ее перехитрили. Привыкнув бить наверняка и арестовывать людей при каждой облаве, они стали лупить почем зря со всей силой и варварством, на которые были способны. Явившись в какой-нибудь дом и не застав того, кого они искали, полицейские арестовывали всю семью и начинали зверски ее пытать, но ничего не добивались, потому что несчастные их жертвы действительно не знали, где их сыновья или дочери. Бессмысленные допросы еще больше распаляли ярость полицейских, и скоро аресты распространились на евреев, ни в коей мере не связанных ни с сионистским подпольем, ни с бегством из Ирака. Каждую ночь в еврейских кварталах Багдада слышались леденящие кровь крики. По мере того, как багдадские тюрьмы заполнялись евреями, их многочисленных обитателей стали переводить в концентрационные лагеря, устроенные в Бадре, рядом с иранской границей, и в Абу-Харибе, южнее Багдада, еще в начале военного режима.

До меня эти сведения дошли в начале октября, когда после короткого отпуска, проведенного с отцом, а затем в киббуце с Тмимой, я явился в штаб-квартиру Мосада; с тех пор я ежедневно читал донесения из Багдада. Кажется, больше всего я взбесился, прочитав сообщение о том, как 3 октября, в Иом-Киппур, самый святой для евреев день, полиция окружила синагогу в Амаре, крохотном городишке, расположенном между Багдадом и Басрой, и арестовала множество молящихся, в том числе главу местной еврейской

общины. Эта акция была столь беспрецедентна и чудовищна, что даже английский историк Стефан Лонгригг приводит ее в своей книге "Ирак: 1900—1950" как показатель "усилившейся... враждебности к евреям" и замечает, что "при виде объятой ужасом еврейской общины... во многих иракцах проснулись темные инстинкты, началось злобное издевательство" над евреями.

За этим известием последовали другие сообщения об арестах, жутких пытках и смерти многих людей; преследование евреев не имело никакого отношения к сионистскому подполью, все еврейство Ирака трепетало от ужаса. Естественно, что на фоне таких новостей я страшился за судьбу нашего подполья и иракских евреев в целом. Внезапно на меня нахлынули воспоминания об ассирийской резне 1933 года. Когда я поделился своими опасениями с коллегами, они посоветовали мне обратиться к министру иностранных дел Моше Шарету и сказать ему, насколько серьезно, по моему мнению, положение в Ираке. Я обращался и к Шарету, и к другим нашим руководителям, объяснял каждому, кто готов был меня слушать, что мы не можем больше ограничиваться подпольной работой в Ираке, что необходимо перейти к открытым действиям, оказать всеми доступными нам способами давление на иракское правительство, чтобы остановить угрожающее развитие событий. Наши багдадские товарищи явно были того же мнения. 12 октября они радировали:

"Арци от Бермана:

...

4. Мы не можем справиться с положением..

5. Мы полностью прекратили деятельность подполья и Шуры.

6. Есть основания считать, что преследования могут стать массовыми, что аресты и пытки

коснутся сотен, если не тысяч евреев".

На следующий день из Багдада поступила еще более настойчивая радиограмма:

"Арци от Бермана:

По нашему мнению, если вы не вмешаетесь немедленно, не окажете сильного и эффективного давления с целью прекращения репрессий, все руководители нашего движения и Шуры будут схвачены и разделят судьбу руководства компартии — их отправят на виселицу".

21 октября мы получили новую радиограмму:

"Арци от Бермана:

В домах руководителей движения и командиров Шуры проводятся обыски. Три девушки и один парень умерли от пыток. В школах арестовывают учителей и учеников. Тайная полиция применяет следующие пытки:

1. Они сковывают узникам руки цепями, натягивают цепи и избивают.

2. Окунают руки и ноги людей в кипяток.

3. Жгут тело раскаленным железом.

В результате пыток люди впадают в состояние истерии, некоторых почти невозможно узнать. В еврейской общине нарастает волнение, раздаются требования объявить день всеобщего поста и молитвы, но глава общины и другие руководители возражают, страшась мести властей..."

Широкая кампания, которую мы организовали с помощью наших дипломатов и еврейских организаций ряда стран, чтобы привлечь к этим событиям внимание мировой общественности, оказалась обоюдоострым оружием. Ведь она обнаружила наличие секретной коммуникации между Багдадом и Израилем. Когда министр иностранных дел Шарет объявил, что располагает списком имен двухсот пятидесяти арестованных в Ираке евреев, иракская газета "Аль-Якзаха" ответила: "Мы не станем ни подтверждать, ни опровер-

гать этого заявления, но читателям следует знать, что у евреев Ирака есть секретные средства передачи информации". Нури Саид самолично объявил в иракском парламенте, что власти убеждены в существовании радиосвязи между сионистским подпольем Ирака и Израилем.

Однако несмотря на риск обнаружить наших людей, кампания принесла значительные плоды — опубликованные нами факты вызвали неожиданно широкий интерес. Такие американские газеты, как "Нью-Йорк таймс" и "Геральд трибюн", почти все влиятельные французские газеты, многие другие средства массовой информации в Европе (за исключением Англии) поместили на видных местах сообщения своих корреспондентов в Тель-Авиве о мерах, предпринимаемых министерством иностранных дел Израиля и еврейскими организациями всего мира. Вскоре иракское представительство в Вашингтоне и делегация Ирака в ООН вынуждены были отреагировать на сообщения прессы. Они посылали в редакции ведущих газет длинные письма, опровергавшие обвинения Израиля. Это внушало надежду, ибо доказывало, что иракцы озабочены общественным мнением и с его помощью можно будет добиться хотя бы ослабления репрессий против евреев.

К сожалению, интерес прессы оказался недолговечным, через некоторое время новые факты арестов и пыток, не говоря уж о демаршах израильских дипломатов, перестали быть сенсацией. Опасаясь, как бы этот спад интереса не повлек за собою ослабления давления на Ирак, я отправился к покойному Мойшу (Моше) Перельману, возглавлявшему тогда пресс-бюро правительства Израиля. Выслушав меня, Мойш сказал:

— Ты прав, Шломо. Возможно, тема начинает приедаться, перестает возбуждать интерес. Чтобы избежать этого, нам нужны проверенные фак-

ты. Интерес публики, знаешь ли, похож на костер: если не подкладывать новых поленьев, он затухает.

Требование фактов и так было для меня больным местом, я неоднократно сталкивался с ним в телеграммах, поступавших от наших послов за рубежом.

— Каких ты еще хочешь фактов? — взорвался я. — В радиограммах из Ирака приводятся даты, названия городов, имена арестованных и погибших от пыток. Что тебе еще нужно? Ты хочешь, чтоб я представил тебе свидетелей?

— Да не злись ты на меня! — вполне оправданно запротестовал Мойш. — Правила игры от меня не зависят. Я только стараюсь помочь. Может быть, лучше всего было бы послать туда иностранного журналиста. А может, мы действительно сумеем привезти из Ирака свидетелей, которые рассказали бы обо всем сами. К сожалению, Шломо, больше у нас почти ничего не осталось.

Я ушел из бюро Мойша с тяжелым сердцем. Послать журналиста в Ирак, конечно, хорошая идея, но кто сказал, что иракцы его пустят? А мысль привезти свидетелей только сыпала соль на раны. Мойш, должно быть, воображает, что это так же просто, как привезти кого-нибудь из Англии во Францию — пошлешь телеграмму и через пару дней нужный человек на месте.

Все еще ворча себе под нос, я вернулся в штаб-квартиру Мосада и столкнулся с Сами, жаждавшим услышать последние новости из Багдада. Я рассказал ему про разговор с Мойшем, и Сами вместо того, чтобы тоже озлиться, беспечно спросил: "Так в чем же дело, Шломо? Если им так нужен свидетель, мы его предоставим!".

— Каким это образом? — спросил я с недоумением.

— Свидетелем буду я, — заявил он так, будто ничего проще и быть не могло. — Тебя, конечно, многие знают, а меня никто. Я вполне подойду.

— Но, Сами, это должен быть человек, только что приехавший из Ирака. А ты уже десять месяцев как оттуда, — пытался объяснить я.

— Да что с тобой стало за неделю жизни в киббуце? Тебе мозги вынули? — заорал он на меня.

После такой встряски я задумался над его предложением и начал понимать, что в нем есть толк.

— Ты, пожалуй, прав, — неуверенно проговорил я. Но заметив его усмешку, с искренним восторгом завопил:

— Да ты гений, черт бы тебя побрал!

Соблюдая приличия, я выждал два дня, а затем позвонил Мойшу и сказал, что человек, выехавший из Багдада меньше недели назад, прибыл утром в Израиль.

— Мы связались с нашими людьми в Тегеране и попросили отправить кого-нибудь из новоприбывших, — изложил я логичный, но абсолютно вымышленный сценарий.

— Ладно, — сказал Мойш, и я почувствовал, как он заводится. — Я организую большую пресс-конференцию. Мы пригласим всех иностранных корреспондентов, ваш человек сможет выступить перед ними и ответить на их вопросы.

— Это не так просто, — проговорил я с поддельным опасением, рассчитывая, что это будет более убедительно. — Тут есть одна сложность.

— В чем дело? — спросил Мойш.

— Он не говорит ни на одном из общепонятных языков.

— Как это? — тревожно переспросил Мойш.

— Я имею в виду, что он не владеет ни ивритом, ни английским, ни французским, даже арабский знает очень плохо. Говорит он только на том диалекте арабского языка, которым пользуются иракские евреи. Он простой лавочник, совершенно необразованный.

— Ну, это не проблема, — облегченно сказал Мойш. — Ты будешь переводить его слова на иврит и английский. Надеюсь, ты с этим справишься.

— Я постараюсь, — скромно ответил я.

На следующий день я повел Сами в отель "Риц" на тель-авивском взморье — на пресс-конференцию. Когда мы вошли в зал, я даже растерялся: в жизни не видел я такого количества журналистов. Зал был набит до отказа, в воздухе висел густой дым от бесчисленных сигарет, трубок и сигар. Сами был одет весьма причудливо — так, как, по его мнению, представляла наша аудитория еврея — беженца из Ирака. Очень темные солнечные очки дополняли его экзотический облик. Мойш прервал свою беседу с журналистами и представил им "еврейского беженца из Ирака, прибывшего в Израиль только накануне, который желает сохранить инкогнито, так как вся его семья еще там". Пока Мойш произносил эти слова, Сами вдруг разразился гневными ругательствами и поспешил к выходу. Растерявшись от неожиданности, я рванулся следом и, к счастью, вовремя вспомнил, что надо обращаться к нему по-арабски. Он взволнованно объяснил, что видел у журналистов фотоаппараты и ни в коем случае не согласится, чтобы его снимали.

— Я подвергаю опасности свою семью, — бушевал он. — Вы обещали, что меня не узнают, и я вам поверил. Но теперь я ухожу.

С трудом успокоив его, я объяснил Мойшу, в чем дело, и он попросил журналистов убрать фотоаппараты. Только после этого сумел я уговорить Сами занять свое место на сцене. Мойш тем временем сообщил журналистам, что израильское правительство поддерживает заявление представленного им человека. Я возблагодарил небо за то, что он этим и ограничился, не пустившись в подробности по поводу самого "беженца". Где-то внутри я испытывал неловкость от того, как гибко мы относимся к правилам игры, но я говорил себе, что если бывают случаи, когда цель действительно оправдывает средства, то это безусловно один из них.

В своей неподражаемой манере Сами рассказал обо всем, что мы знали из радиограмм, расцветив сухие факты живописными описаниями и "личными впечатлениями", которые мне показались совершенно излишними, пока я не вспомнил, что он выступает в роли мелочного торговца из Багдада. Когда настало время отвечать на вопросы, он снова заартачился, пару раз опять порывался уйти, и я утихомирил его с большим трудом. Нелегко было переводить слово за словом его рассказ, пересыпанный множеством ярких идиом и пословиц ирако-еврейского диалекта, — я и не предполагал, что Сами владеет им с таким совершенством.

Когда пресс-конференция кончилась, ко мне подошел один из израильских журналистов и сказал:

— Никогда не думал, что там такой примитивный народ. Он был точно раненое животное.

— Не суди других, пока не окажешься на их месте, — процитировал я старинную еврейскую пословицу, — и не забывай, через что он прошел за последние несколько дней.

Но произнося эти укоризненные слова, я внут-

ренне ликовал: если уж этот остроглазый, прожженный журналист был так потрясен, значит, мы достигли своей цели.

Действительно, 25—27 октября и в израильских, и в зарубежных газетах отводилось много места рассказу "еврейского беженца из Багдада". Отчет в "Нью-Йорк таймс" был озаглавлен "Описание антиеврейского похода в Багдаде", а в "Геральд трибюн" — "Иракские погромщики угрожают бежавшему еврею... Израиль намеревается запросить санкций ООН". Подзаголовок отражал тот факт, что подхлестнутые новой волной общественного интереса израильские дипломаты лихорадочно работали на своем фронте. 21 октября министр иностранных дел Шарет направил послу Израиля в Вашингтоне Элияху Элату телеграмму, где излагался согласованный с Мосадом план действий, включавший организацию демонстраций перед иракским посольством в Вашингтоне и иракской миссией в Нью-Йорке, — в дополнение к формальной постановке этого вопроса на обсуждение ООН.

24 октября Элат сообщил Шарету, что он встретился с помощником государственного секретаря по ближневосточным делам Мак-Ги и в ходе беседы бросил неясный намек, что непрекращающиеся репрессии против евреев в Ираке могут подорвать стабильность на всем Ближнем Востоке. В ответ на это угрожающее замечание помощник госсекретаря "просил воздержаться от ответных действий... и обещал немедленно проконсультироваться с американским послом в Багдаде о возможности ходатайства за преследуемых евреев перед иракским правительством". 4 ноября Элат доложил о последующей беседе с Мак-Ги, в которой помощник государственного секретаря США подчеркнул, что госдепартамент "настойчиво рекомендует не поднимать вопроса

об иракских евреях в ООН", поскольку "дебаты на Генеральной Ассамблее лишь разожгут страсти и принесут евреям Ирака больше вреда, чем пользы".

Наше министерство иностранных дел склонно было внять этому совету, но угроза поставить вопрос на обсуждение Генеральной Ассамблеи оставалась в силе и заставила иракцев быть осмотрительнее, — до тех пор, пока один из членов британской делегации Теренс Шоун чуть было все не испортил. 8 ноября он послал в Лондон доклад о своем разговоре с главой израильской делегации Эвеном. Он писал о том, как много времени отнимает у Генеральной Ассамблеи обсуждение всех вопросов, стоящих на повестке дня, и о том, не собирается ли Эвен еще увеличить этот список, включив в него вопрос об отношении к его соплеменникам в Ираке. Эвен, смеясь, ответил, что у его делегации нет подобных намерений, но он надеется, что мы не расскажем об этом иракцам.

Надежды эти, боюсь, не оправдались, англичане, очевидно, сообщили иракцам, что вопрос не будет поставлен на повестку дня Генеральной Ассамблеи. Тем не менее, члены иракской делегации не могли не почувствовать, как живо обсуждается эта проблема в кулуарах ООН. Хотя в тот момент предсказать это было невозможно, несколько месяцев спустя глава иракской делегации в ООН Тауфик ас-Сувейди стал премьер-министром Ирака, и можно с большой долей вероятности предположить, что "обработка", которой он подвергся в ООН, повлияла на изменение политического курса, произведенное им сразу по вступлении в должность.

Что же касается резонанса в Европе, то французам факты были, видимо, хорошо известны. Это следует из меморандума, направленного на

Ке д'Орсэ[55] главой французской миссии в Багдаде 28 октября 1949 года. В меморандуме, озаглавленном "Антисемитская политика иракского правительства", в частности, говорится:

"Еврейская община Ирака снова переживает тяжелые времена... в результате дискриминационных мер, введенных правительством Нури Саида... В течение последних трех недель продолжается новая волна арестов, происходящих в лучших традициях гестапо: полиция вламывается в дома в два часа ночи, открывая двери автоматами, угрожая арестовать всю семью, если подозреваемый (причем полиции подчас известна только его кличка) не сдастся добровольно. Затем детей уводят на глазах ошеломленных родителей. Говорят, что в коридорах центрального управления уголовного розыска раздаются иногда крики пытаемых людей. Рассказывают также, что полицейские насилуют арестованных женщин...

...Когда членам иракского правительства задают деликатные вопросы о репрессиях, они всегда отвечают дежурной фразой о том, что им ничего не известно о пытках или других актах насилия. Начальник полиции заявил, что число задержанных — тридцать шесть человек, включая четырех женщин, и что его подчиненные всего лишь выполняют приказ научить сионистскую пятую колонну уважать закон... Эти заявления никого не могут ввести в заблуждение, ни о численности арестованных, ни о применяемых полицией методах..."

Англичане, в отличие от французов, твердо решили рассматривать происходящее под совсем другим углом зрения. Раз министерство иностранных дел почло за благо держать режим Нури Саида под своим крылышком, значит, к израильским обвинениям следует относиться как к злостной пропаганде. В начале ноября руководитель

восточного отдела британского министерства иностранных дел сухо информировал израильского посланника в Лондоне Мордехая Элиашера о том, что английское правительство изучило положение в Ираке в связи с выдвинутыми Израилем обвинениями и выяснило, что иракцами задержано некоторое число евреев, в том числе четверо женщин, но аресты произведены по обвинению в "сионистской деятельности, считающейся уголовным преступлением". Месяцем позднее, 12 декабря, британский посол в Багдаде отправил премьер-министру Клементу Эттли следующую успокоительную телеграмму: "Я не сомневаюсь, что здесь применялись методы "третьей категории", широко распространенные во всех восточных и ряде западных стран, но до меня не дошло ни одного известия о пытках".

Англичане не только отказывались видеть факты в истинном свете, они к тому же пытались клеветать на нас. Ссылки на эту закулисную кампанию мы находим в телеграмме Элияху Элата Моше Шарету от 4 ноября 1949 года, где говорится, что сотрудники британского посольства в Вашингтоне распространяют басни о том, будто Израиль сфабриковал историю о преследовании евреев в Ираке, дабы увеличить сборы Объединенного еврейского призыва[56].

Но даже англичанам не удалось долго отрицать факты, особенно при неослабном давлении на правительство со стороны "Совета представителей" (организация английского еврейства). В начале декабря премьер-министр Эттли вынужден был потребовать от своего посла в Багдаде полного отчета о ситуации, и сэр Генри Мэк не мог не отметить, что: "...начиная с мая 1948 года положение иракских евреев заметно ухудшилось... С помощью законов военного времени началось явное притеснение отдельных евреев,

а еврейская община в целом лишилась того равенства экономических возможностей, которое было ей предоставлено прежде... Наиболее неприятные эксцессы имели место в Басре летом 1948 года. Началась настоящая кампания доносительства на евреев... которые, в большинстве своем, питали к сионизму не более чем сентиментальный интерес. Такие нарушения, как насмешки над добровольцами арабской армии освобождения, влекли за собой суровые наказания. Подробных данных об этих случаях собрать невозможно, поскольку слушание дел происходило при закрытых дверях".

Снова опровергнув "лживые сообщения о пытках и злоупотреблениях, распространяемые Всемирным еврейским конгрессом", посол все же соглашается с тем, что "обращение с евреями не к чести иракского правительства, которое не может защититься от обвинений в дискриминации". По этому поводу сэр Мэк замечает: "Боюсь, еврейская община Ирака неизбежно обречена на нестабильное существование и весьма вероятно, что эта древняя община будет сокращаться численно, а ее влияние будет ослабевать. Однако, — продолжает британский посол, — как мне кажется, предположение Всемирного еврейского конгресса о том, что еврейская община Ирака подвергается тотальному разгрому, совершенно безосновательно".

Но евреи Ирака не в состоянии были вести дебаты о том, угрожает ли им лишь сокращение численности и влиятельности или же полное истребление. Они сознавали, что их положение самое отчаянное и что день ото дня оно ухудшается. Дошло до того, что те самые евреи, которые боялись публично выступить после погрома 1941 года, после массовых арестов в мае-июне 1948 и казни Шафика Аддаса, теперь требовали

действий. Официального, назначенного правительством руководителя еврейской общины степенного и покорного старца Хахама Сассуна Кадури[57] непрерывно осаждали требованиями выступить против правительства, предпринять какие-то демонстративные шаги. День за днем собирались в его приемной родители арестованных юношей и девушек, они не давали ему покоя, пока он наконец не сдался на их слезы и крики и не согласился провозгласить вторник 25 октября днем поста и молитвы. Но к тому моменту Хахам Сассун Кадури практически утратил всякий контроль над общиной. 23 октября матери и сестры арестованных собрались возле приемной Кадури и потребовали, чтобы он пошел вместе с ними на демонстрацию протеста перед дворцом регента. Он отказался, тогда женщины ворвались в его комнату и стали громить все вокруг. Даже его робкая капитуляция уже не смогла смягчить их, они сорвали со старика высокий головной убор вроде митры, являющийся символом его сана, стали громко поносить раввина на глазах собравшихся зевак. Неизвестно, кто вызвал полицию, возможно, один из перепуганных помощников Сассуна. Известно зато, что полиция прибыла в рекордный срок, с необычайным рвением разогнала демонстранток и принялась за аресты. После этого полицейские накинулись на мужчин-евреев, находившихся на окружающих улицах, большинство которых не имело ни малейшего отношения к демонстрации, — и разгул насилия продолжался с удвоенной силой.

День поста 25 октября поразил всех, и прежде всего самих евреев, потому что в сопровождавшей пост забастовке приняли участие все евреи поголовно. Ни один ребенок не явился в школу, ни один торговец не открыл магазин, даже правительственные служащие не вышли в тот день

на работу. Полиция, рассматривавшая забастовку как провокацию, а то и как открытое восстание, ответила усилением репрессий против евреев. Глава общины Сассун Кадури делал все возможное, чтобы добиться освобождения задержанных и убедить власти прекратить преследование евреев, но община больше не верила в своего руководителя. Наоборот, его стали обвинять во всех неудачах. Постоянно выступая с разоблачениями сионизма и Израиля (а делал он это, стремясь задобрить правительство), с готовностью заверяя иностранных журналистов, что все в порядке и еврейской общине не на что жаловаться, Сассун стал в конце концов выглядеть как новый Квислинг[58], как присяжный адвокат режима.

Сам Кадури либо сознавал свою неспособность возглавлять общину в столь бурные времена, либо чувствовал, что паства не ценит его усилий, не оказывает ему должного почтения. Как бы то ни было, в разгар событий он подал регенту прошение об отставке, и исполнение обязанностей главы еврейской общины было возложено на Иехезкеля Шемтова. Они с Кадури отличались друг от друга как день от ночи. Шемтов был обходительный богатый еврей, получивший образование в Стамбуле и в Женеве, светский человек, не религиозный по взглядам и образу жизни (кстати, он приходился двоюродным братом моей матери). Став главой общины, он повел себя гордо и решительно (как и следовало ожидать от человека с его богатством, образованием и положением), известно было, что его связывают тесные отношения с рядом высших правительственных сановников, в том числе с Тауфиком ас-Сувейди, который вскоре стал премьер-министром Ирака. Все эти качества Шемтова сыграли важную роль в ближайшие месяцы.

Судьба, любительница эффектов, устроила так, что на следующий день после отставки Кадури регент принял также отставку Нури Саида и поручил формирование правительства Али аль-Аюби Джаудату. Отставка Нури была вызвана, конечно, не его политикой по отношению к евреям, а неспособностью решить экономические проблемы Ирака и тем самым хоть как-то загладить провал военной авантюры в Палестине и неуклюжие попытки добиться лидирующего положения в арабском мире. Преемник Нури Саида оставался на своем посту менее двух месяцев, но за этот срок он успел облегчить положение евреев: 18 декабря 1949 года, всего через неделю после принесения присяги в качестве главы правительства, он отменил военное положение, остававшееся в силе с 15 мая 1948 года. Но отмена военного положения не только не ослабила бегства евреев из Ирака, а наоборот, лишь подхлестнула его. Полицейские и контрабандисты, раньше благоразумно державшиеся от евреев подальше, бросились предлагать свои услуги. Результаты отражают следующие статистические данные: в январе 1950 года Мосад переправил из Ирака в Иран 1058 евреев; в феврале 1020 человек; в марте число беженцев достигло 1700, причем эти данные не включают тех, кто бежал на свой страх и риск.

Другой стороной медали было то, что численность задержанных при попытке к бегству из страны тоже выросла катастрофически. Видя, что все усилия запереть границу на замок оказались тщетными, полиция начала арестовывать людей в таких важнейших перевалочных пунктах, как окрестности железнодорожного вокзала в Басре, по одному лишь "подозрению в намерении бежать из страны". Это было очень серьезное осложнение, поскольку любой находящийся в Басре еврей, в

том числе постоянные жители города, подпадали под категорию "подозреваемых" и посему подлежали аресту. Одновременно евреи сделались легкой добычей преступников, вымогавших деньги угрозами выдать их полиции.

Этот новый элемент беспричинной жестокости заставлял евреев еще острее чувствовать свою беззащитность перед лицом закона. Из Багдада посыпались отчаянные радиограммы. Они снова и снова заклинали предпринять какие-то действия, чтобы заставить иракское правительство изменить свою политику; им снова и снова отвечали, что иракцы вряд ли склонятся перед силой общественного мнения, а поэтому сделать почти ничего нельзя. Лучший совет, какой мог дать Тель-Авив, — это "переправлять как можно больше людей за границу", ибо бегство евреев из Ирака привлекало интерес мировой прессы, изображавшей власти Ирака в крайне негативном свете. Например, в начале февраля 1950 года "Нью-Йорк таймс" даже послала специального корреспондента в иранский пограничный город Хорремшехр для сбора документов об исходе евреев из Ирака, а затем напечатала его статью под заголовком "Непрерывный поток евреев из Ирака".

Важнее, однако, было то, что стала меняться атмосфера внутри Ирака, все больше трезво мыслящих иракцев чувствовало опасность эскалации насилия. Если бандам и хулиганам разрешают безнаказанно нападать средь бела дня на евреев, они могут вскоре обратить свои взоры на других граждан. Следуя логике развития событий по восходящей, положение выйдет из-под контроля и кончится полным крушением общественного порядка. Призрак анархии начинал все больше страшить иракцев как раз тогда, когда наши подпольщики уже теряли надежду. В каком-то смысле

ситуация напоминала войну на истощение между двумя армиями, окопавшимися на противоположных берегах узкой реки. В один прекрасный день, независимо друг от друга, главнокомандующие обеих армий приходят к одному и тому же выводу о том, что дальше сидеть на позициях бесполезно, — и вот на заре следующего дня окопы по обе стороны реки оказываются пустыми: обе армии отступили.

Почти то же самое произошло в Ираке. Когда в начале 1950 года сионистское движение уже, казалось, могло сломаться под неустанным давлением властей, преемники Нури Саида пришли к заключению, что война на истощение против евреев приносит стране больше вреда, чем пользы. 27 января мы получили из Багдада неожиданное сообщение: Иехезкель Шемтов был принят премьер-министром Джаудатом и получил от него заверения в том, что евреям снова будут выдавать паспорта, а приговоры, вынесенные с октября по декабрь прошлого года, будут пересмотрены.

По иронии судьбы (так, по крайней мере, нам показалось тогда) через несколько дней после этого Джаудат вынужден был уйти в отставку. Но его уход не только не замедлил начавшегося процесса, а лишь ускорил его. Место Джаудата занял Тауфик ас-Сувейди, бывший министр иностранных дел, возглавлявший (осенью 1949 г.) делегацию Ирака в ООН, человек, более чем его предшественники, чувствительный к общественному мнению за рубежом. Кроме того, Сувейди (хоть это и не было широко известно) когда-то учился в багдадской школе Альянса[59], которая считалась в свое время лучшим учебным заведением Ирака и где обучались сыновья нескольких аристократических мусульманских семейств. Может быть и поэтому новый премьер-

министр проявлял необычайное расположение к евреям. Как бы то ни было, 15 февраля Багдад радировал, что Сувейди обещал Иехезкелю Шемтову (с которым был дружен с детства), что правительство начнет выдавать евреям выездные визы. 27 февраля мы получили радиограмму, сообщавшую, что Шемтов потребовал, чтобы евреям, желающим выехать из страны, выдавались не выездные визы, а паспорта международного образца, и он надеется уладить это дело в течение недели.

И вот, меньше чем неделю спустя, свершилось невероятное. Дата не могла быть более подходящей для благоприятного поворота в судьбе — ведь он произошел в Пурим, в тот самый день, когда благодаря вмешательству царицы Эсфири евреи древней Персии избавились от нависшей над ними гибели, которую готовил им злобный Амман, первый министр персидского царя. Быть может, в силу географической близости к месту действия этой древней драмы, иракские евреи особенно любили Пурим и праздновали его с упоением: устраивали маскарады, пели, плясали, разыгрывали друг друга и, разумеется, посылали родственникам и друзьям большие тарелки с традиционными яствами: миндальным печеньем в виде звездочек "хаджи-бада", медовой коврижкой "зангула", темно-красными айвовыми пирожками "лузина" и сладкой, снежно-белой "манной небесной" ("ман-ис-сама"), название которой говорило само за себя. Детям непременно выдавались "пурим гелт" — мелкие деньги, чтобы они могли играть в карты и другие азартные игры, предписываемые ритуалом праздника, ибо они символизируют "бросание жребия" — неожиданный перелом судьбы, который увековечивает Пурим.

Вот и теперь евреям выпал на Пурим благоприятный жребий. Загнанные иракские евреи уже

теряли всякую надежду, казалось, карающий меч вот-вот обрушится на их голову, когда, собравшись в синагогах 2 марта 1950 года, чтобы читать Книгу Эсфирь и вспоминать о чудесном избавлении предков от преследования властей, они услыхали, что министр внутренних дел Салих Джабр внес в парламент законопроект, разрешающий евреям покидать Ирак "навсегда" при условии, что они отказываются от иракского гражданства. В тот же день закон был одобрен подавляющим большинством Палаты представителей и поступил в Сенат, где вызвал бурные дебаты с выпадами против евреев и Израиля, но все же вступил в силу двумя днями позже.

В тот момент я уже вернулся в свой киббуц, получивший наконец название "Мааган Михаэль" и разместившийся теперь на побережье, к югу от Хайфы. Я старался найти свое место в одной из отраслей киббуцного хозяйства, твердо веря, что завершил работу в Мосаде, хотя из штаба мне продолжали посылать радиограммы и отчеты — для общего "образования", как говорил Моше Кармил. Таким образом получил я срочную радиограмму, отправленную из Багдада нашим новым резидентом Мордехаем Бен-Поратом 2 марта. Начиналась она совершенно необычной эмоциональной фразой: "Мы вправе плакать от радости, видя плоды наших трудов, а также трудов наших предшественников. К несчастным измученным евреям пришло избавление". До тех пор у нас были некоторые основания надеяться, что иракцы ослабят давление на евреев и, возможно, даже выдадут нескольким из них разрешение на выезд. Но никто и мечтать не смел о такой коренной перемене обстановки, о возможности спасения всех иракских евреев, как справедливо писал Бен-Порат.

Наконец, со всей надлежащей скромностью,

следует все же отметить, что текст самого закона, особенно его преамбула, не оставляет сомнений в том, что изменение правительственного курса явилось результатом наших успехов в организации нелегальной эмиграции через Иран, которая ширилась день ото дня. Сами мы не могли оценить влияния своей работы, но когда закон был опубликован, мы увидели, что иракцы очень остро ощущали его. В преамбуле об этом говорится совершенно прямо:

"Было отмечено, что некоторые иракские евреи пытаются любыми способами навсегда уехать из Ирака, имеются и такие, которые уже нелегально покинули страну. Поскольку наличие в государстве подданных такого рода, насильно вынужденных оставаться в Ираке и сохранять иракское гражданство, неминуемо приведет к пагубным последствиям для общественной безопасности и повлечет за собой социальные и экономические проблемы, было решено не препятствовать желающим навсегда покинуть Ирак в их намерениях, лишив их иракского гражданства. С этой целью и вводится данный закон".

Внося законопроект на обсуждение парламента, Джабр заявил (согласно "Ирак таймс"), что "ввиду ненормальной ситуации, сложившейся из-за нелегального бегства иракских евреев, другой курс невозможен", и добавил, что "за последние недели из страны бежали сотни евреев и существуют специальные банды, занимающиеся этим промыслом".

Короче говоря, несмотря на страшное, колоссальное давление на иракских евреев и, в особенности, на сионистское движение, суть дела состоит в том, что иракское правительство сдалось первым. Впрочем, столь же очевидно (это явствует из официальных документов и опубликованных с тех пор мемуаров), что иракцы — и не

только иракцы — не могли вообразить, чтобы возможностью "по собственному выбору и желанию" отказаться от иракского гражданства и эмигрировать в Израиль воспользовались почти все евреи Ирака. Например, судя по отчетам британского посла в Багдаде, Тауфик ас-Сувейди и Салих Джабр оценивали количество желающих выехать из страны в семь—десять тысяч человек.

Быть может, мы сами невольно способствовали этой ошибке результатами того соглашения, которое мы заключили в предыдущем году с правительством Ирана и которое сами назвали "Биг дил" ("Большая сделка"). На поверку она вышла не такой уж большой по своим последствиям для иранской еврейской общины. Ведь Иран, одна из мусульманских (хоть и не арабская) стран, разрешил своим евреям свободно уезжать в Израиль (при условии, что они отказываются от иранского гражданства) — и ни одна из арабских стран даже бровью не повела. Да и воспользовалось этой возможностью всего около четверти иранских евреев, причем кроме убежденных сионистов это были, в основном, беднейшие элементы общины. Так что иракцы вполне могли рассчитывать, что сходные условия приведут к аналогичным результатам: получив свободу, иракские евреи преодолеют панику, вернутся к обычной жизни и найдут предостаточно причин остаться. А уедут либо сионисты, которые все равно являются подрывным элементом, либо неимущие, которые все равно ничего не дадут иракскому хозяйству. А раз уедет относительно незначительное число евреев, новый закон не вызовет большего резонанса за рубежом, чем иранский прецедент.

По правде сказать, когда подошло время оценить численность иракских евреев, которые решатся переехать в Израиль, некоторые опытные наблюдатели в Тель-Авиве пришли к подобным

выводам. Именно в те периоды, когда евреям предоставлялась свобода эмиграции, они эмигрировали неохотно — история жизни евреев в диаспоре изобилует примерами, подтверждающими этот тезис.

Другие полагали, что иракские евреи не станут отказываться от гражданства, боясь застрять в Ираке в положении людей без гражданства. Третьи считали, что евреи трижды подумают, прежде чем отказаться от своего движимого и недвижимого имущества (поскольку в Ираке было в тот момент совершенно невозможно продать что-либо более чем за 10% стоимости), и предпочтут выждать более благоприятный момент. Исходя из всех этих соображений, различные эксперты оценивали вероятную численность иракской алии от десяти до двадцати тысяч человек.

Я принимал участие в совещании, где приводились эти оценки, поскольку, получив подробные сведения о новом законе, прыгнул в первый автобус, направлявшийся в Тель-Авив, а с автостанции помчался в штаб Мосада, прямо к Моше Кармилу, и объявил ему дрожащим от волнения голосом, что готов немедленно ехать в Багдад и вообще делать все что нужно, чтобы помочь в организации нового исхода. Не спрашивайте почему, но после всего пережитого за последние годы я ожидал, что Моше вскочит со стула и, хлопнув меня по спине, скажет нечто вроде: "Добро пожаловать, старый друг!" Вместо этого я услышал: "Это хорошо, Шаммай, потому что я уже послал в Багдад радиограмму о твоем выезде".

Но все оказалось не так просто. Сначала предстояло ответить на несколько вопросов о том, до какой степени можно рассчитывать на сотрудничество с нами иракского правительства. Пойдет ли оно на прямые, хоть и секретные

переговоры с полномочным представителем государства Израиль о способах отправки эмигрантов из Ирака? Согласится ли по крайней мере обсуждать эту проблему с представителем одной из международных еврейских организаций, таких, как Всемирный еврейский конгресс или комитет Джойнта? Перед нами стояло также несколько практических задач, связанных с абсорбцией олим в Израиле. Именно тогда всплыл вопрос об их численности.

Когда подошла моя очередь высказаться о том, сколько евреев выедет из Ирака, я назвал максимальную цифру — около семидесяти тысяч человек, т.е. более половины еврейского населения. Я верил в то, что как только начнется настоящее движение, возникнет некий массовый психоз: увидев уезжающих соседей, люди вольются в поток эмигрантов хотя бы потому, что побоятся остаться в одиночестве. Я и помыслить не мог, что мой "максимум" скоро покажется весьма убогим, ибо реальность оставила далеко позади любые наши прогнозы: более 100000 евреев, т.е. не 50—60%, а 95% проживавших в Ираке, — воспользовались новыми правилами и, бросив все, приехали в Израиль.

Несколько недель спустя, когда я делал последние приготовления перед отъездом, меня пригласил к себе Леви Эшкол, который позднее, в 1963 году, стал премьер-министром Израиля, а тогда являлся казначеем Еврейского агентства — органа, занимавшегося абсорбцией новых иммигрантов. Я встречался с Эшколом и прежде, например на партийных конференциях, но тут мне впервые представилась возможность поговорить с ним, что было для меня большой честью. Не успел я войти в комнату, как Эшкол пророкотал:

— Юнгерман[60], вы, я слышал, едете в Багдад?

— Верно, — гордо ответил я. И чтобы произвести впечатление, добавил: — Я уезжаю через несколько дней, чтобы помочь наладить там массовую алию.

Я ждал многословных напутствий и комплиментов, но Эшкол почему-то угрюмо сказал:

— Говорят, вы считаете, что за год приедет 60000 человек.

— Надеюсь, что даже больше, — с энтузиазмом ответил я и принялся излагать свою теорию "инфекционного" исхода. Но Эшкол резко оборвал меня:

— Послушайте-ка, что я вам скажу. Кстати, как все же ваше имя — Гилель или Шаммай? Вы ведь фигурируете то под одним, то под другим. — И, не дождавшись ответа, продолжал: — Скажите этим добрым евреям, что мы рады будем принять их всех, но пускай они не торопятся. Сейчас у нас нет никакой возможности разместить их, даже палаток не хватает. Если они приедут, им придется жить на улице.

Сперва я так растерялся, что не знал, как отвечать, и решил перевести его слова в шутку. Из окна было видно, как ведомство общественных работ расширяет мостовую, и, кивнув вниз, я проговорил:

— Наверное поэтому тут и расширяют улицу.

— Оставьте свои шуточки при себе! — заревел Эшкол. — Я говорю вполне серьезно. Вы не знаете, на что зовете этих людей. Вы должны абсолютно четко объяснить им, что их ждут очень суровые, просто примитивные условия. Иначе они потом обозлятся — и вполне обоснованно. Я не хочу, чтоб они устраивали демонстрации протеста под моим окном. Я пошлю их демонстрировать возле Мааган-Михаэль!

Не желая больше выносить эти кощунственные речи, я поднялся, холодно поблагодарил его за

приглашение, добавив, что не собираюсь ехать в Ирак только для того, чтобы посоветовать людям оставаться там до тех пор, когда мы сможем гарантировать им благоустроенную жизнь. Если они не выедут быстро, их ждут более серьезные опасности, чем трудности устройства на новом месте. А если таковы его условия, то я вообще не поеду, только поставлю Мосад в известность о том, что не участвую в этом деле. За сим я повернулся и пошел к выходу, даже не попрощавшись. Уже открывая дверь, я услыхал: "Только не говорите, что я вас не предупреждал!"

Глава Мосада Шаул Авигур был болен, и я, кипя, отправился изливать душу к Моше Кармилу. Он, по своему обыкновению, постарался сгладить острые углы.

— Ты должен понять, какая на нем страшная ответственность, — урезонивал меня Моше. — Он казначей, а в кассе пусто. С мая сорок восьмого мы привезли сюда всех, кто находился в английском лагере на Кипре, евреев из лагерей для перемещенных лиц в Европе, всех евреев Йемена; из Восточной Европы и других мест непрерывно прибывают люди. Ты сам работал как сумасшедший, чтоб организовать полеты из Ирана. Тебе-то я не должен все это рассказывать. И палаток, действительно, не осталось. Сперва мы закупили в Индии английский армейский запас, но теперь и он весь кончился. Поезжай в лагеря олим и погляди своими глазами. Ты разве знаешь, что мы уже набили туда 100000 человек? И нет никаких надежд вытащить их оттуда, ведь у нас нет жилья!

Я попробовал было прервать эту литанию, подумав, что и Моше не грех напомнить про ужасы, пережитые иракскими евреями, но он не сдавался.

— И потом, дело не только в жилищных усло-

виях. Не хватает продуктов питания! Министр финансов уже грозился урезать паек, выдаваемый по карточкам, ему наверняка придется сократить выдачу молочного и яичного порошка. Несколько дней назад я прочел в газете, что инспекторам по продовольствию выдано оружие для самозащиты. Ты понимаешь, что это значит?

— Моше, я не собираюсь отмахиваться от всех этих страхов, я понимаю, насколько это серьезно...

— Но самое главное, в стране нет работы, — неумолимо продолжал он. — Вот в газетах приводится жуткая статистика. Ты знаешь, что кроме тех, кто живет в лагерях и — в большинстве — не имеет работы, в стране насчитывается еще около *тридцати тысяч* безработных? Это же целая армия! Ты не читал про демонстрации под лозунгами "Хлеба и работы"? Не слыхал про акты насилия при найме работников, про демонстрации безработных арабов в Нацерете, про столкновения между полицией и демонстрантами-коммунистами? Вы что в Мааган-Михаэль, газет не читаете?

— Моше, мы обсуждаем с тобой принципиальный вопрос, — твердо сказал я. — Должен я поддерживать евреев Ирака в их стремлении приехать сюда или мне лучше сказать им, чтоб сидели себе на печке, пока какой-нибудь тупой бюрократ не даст дальнейших указаний?

Моше вспыхнул, но сдержался. Ему, по-видимому, не хотелось брать на себя всю ответственность.

— Послушай, — сказал он, — мне все равно надо идти к Бен-Гуриону. Почему бы тебе не пойти со мной? Изложишь ему дело, посмотрим, что он скажет. По крайней мере, получишь авторитетный ответ.

И вот 27 марта я предстал перед Бен-Гурио-

ном и начал объяснять. Но он тоже прервал меня и произнес своим высоким голосом несколько отрывистых фраз: "Вы едете за евреями. Скажите им, чтобы торопились. А вдруг иракцы передумают и отменят новый закон? Поезжайте и привозите их поскорей".

И я поехал. Много лет спустя, когда я стал общественным деятелем, мне часто приходилось слышать жалобы на тяжелые условия, в которых оказались эти олим в первые годы абсорбции, затаенные обиды тех лет глубоко проникли в израильское общество; сталкиваясь с этими фактами, я часто вспоминал о беседах с Эшколом и Бен-Гурионом и думал, кто из них был прав. Эшколу не меньше, чем Бен-Гуриону, хотелось, чтобы все евреи приехали в Израиль и приехали быстро, но он хорошо знал условия жизни в лагерях олим и понимал возмущение иммигрантов, приезжавших с великими надеждами и попадавших в совершенно невыносимые условия. Осторожность Эшкола, безусловно, была оправданной. Но ответ Бен-Гуриона был поистине сионистским, это был тот ответ, который должен был дать премьер-министр Израиля в те исторические дни, когда неожиданно распахнулись ворота спасения, но никто не знал, сколько времени они пробудут открытыми. Бен-Гурион решил следовать заветам сионизма, и мы не имеем права забывать об этом.

К тому времени волнение, вызванное в Ираке новым законом об эмиграции, немного улеглось. Те из нас, кто опасался, что иракцы просто расставляют ловушку, желая узнать имена отказавшихся от гражданства, а затем покарать этих людей за нелояльность, убедились в том, что это не входило в намерения иракских властей. Но мы все еще не знали, что станется с имуществом евреев, подающих заявления о выезде из страны. Конечно, мы не собирались создавать

целую армию евреев, лишенных гражданства, пока не получим возможность организовать их перевозку из Ирака. По этим причинам мы просили своих резидентов в Ираке по возможности оттянуть начало регистрации желающих эмигрировать евреев. Только 4 апреля 1950 года, то есть через месяц с лишним после принятия нового закона, Тель-Авив радировал Мордехаю Бен-Порату: "Шаммай сегодня вылетает в Европу, мы надеемся, что он будет у вас через две недели... Не заключайте никаких соглашений о транспорте и по иным вопросам до его прибытия". Далее в этом сеансе радиосвязи Мосад с явной неохотой сообщил: "Мы согласны с вами, что следует начать регистрацию. Проследите за тем, чтобы сначала зарегистрировалось только несколько человек, причем пока что только молодежь и лица, не владеющие значительным имуществом".

Однако оказалось, что иракские евреи думали так же, как Бен-Гурион. После того, как Бен-Порат и другие наши резиденты дали "добро", менее чем за две недели заявления об отказе от гражданства подало более десяти тысяч мужчин и женщин, и очереди на регистрацию росли день ото дня.

ЧУДО НА БЕРЕГАХ ТИГРА

Чудеса случаются, но для этого надо хорошо поработать.

Хаим Вейцман, 1941 г.

Эти слова отчасти стали причиной того, почему Рони Барнет и я, или, точнее, Ричард Армстронг-младший, отправились в Ирак. Мы якобы являлись представителями американской чартер-

ной компании "Ниэр-Ист Эйр Трэнспорт" (ближневосточные воздушные перевозки) и ехали в Багдад, чтобы получить монопольное право на транспортировку евреев-эмигрантов. Следует сказать, что единственным поддельным элементом этой вывески был мистер Армстронг. Компания "Ниэр-Ист Эйр Трэнспорт" действительно существовала (хоть ее название было несколько иным), Рони Барнет действительно занимал в ней крупную административную должность, и фирма действительно была очень заинтересована в получении указанной привилегии. Владелец компании "Ниэр-Ист" американец Джеймс Уотен был предприимчивый, динамичный, даже не чуждый некоторой авантюристичности бизнесмен. Годом раньше он в качестве главы фирмы "Аляскэн Эйрлайнз" руководил переброской йеменских евреев в Израиль. С тех пор Уотен совместно с израильской авиакомпанией "Эл-Ал" основал новую фирму "Ниэр-Ист Эйр Оуверсиз", и мы надеялись, что, слегка изменив ее название ("Эйр Трэнспорт" вместо "Эйр Оуверсиз" — то есть "воздушных перевозок" вместо "воздушного сообщения"), чтобы прикрыть связь с Израилем, можно с успехом претендовать на монопольное право вывоза евреев из Ирака.

План этот был, в основном, разработан Рони Барнетом, который перешел в "Ниэр-Ист" из "Транс Оушн" и вскоре стал в компании заметной фигурой, особенно в сфере установления контактов. В конце концов разгульное житье, а особенно тяга к азартным играм и прекрасному полу оказались для Рони пагубными. Его кипучая энергия понемногу иссякла, баснословно быстро он растратил довольно солидный капитал, нажитый за годы совместной работы с Мосадом, и остался с весьма скромными средствами. Но в те дни, когда мы работали с ним в Бейруте,

Рони был в полном блеске — сообразительный, остроумный, находчивый, он чувствовал себя в сложной ситуации как рыба в воде — и чем она более запутана, тем лучше. К тому же у Рони был талант очаровывать практически всех, с кем он сталкивался.

Одним из тех, кого покорил Рони, был управляющий иракской авиакомпанией "Ирак Турс" Абд ар-Рахман Рауф. Они познакомились, когда Рони занимался перевозкой мусульманских паломников в Мекку от компании "Транс Оушн", и так сошлись, что когда мы стали обдумывать вопрос о транспортировке евреев из Ирака, Рони пригласил Рауфа к себе в Рим, чтобы обсудить сделку. Я тоже присутствовал на этой встрече, но поскольку это был мой дебют в роли Ричарда Армстронга, я предоставил Рони разговаривать с Рауфом. Барнет предложил своему иракскому коллеге "сделку века" — сотрудничество с фирмой "Ниэр-Ист Эйр Трэнспорт" в перевозке иракских евреев в Израиль. Он настойчиво подчеркивал, что "тут пахнет **огромными** деньгами" и что если Рауф сумеет уладить дело с нужными людьми в Багдаде и заручиться монопольным правом для "Ниэр-Ист", то на его долю достанется хороший куш.

Было очевидно, что эта перспектива весьма импонировала Рауфу. Он с энтузиазмом откликнулся на предложение Барнета и доверительно сообщил, что премьер-министр Ирака Тауфик ас-Сувейди входит в состав директоров "Ирак Турс" и к тому же является его близким другом. Конечно, с помощью Сувейди вряд ли удастся решить все поднятые Барнетом вопросы. Например, Рауф весьма скептически относился к возможности добиться официальной санкции правительства на прямые полеты из Багдада в Израиль. Разумеется, правда будет всем известна,

но чтобы соблюсти необходимый декорум, потребуется, вероятно, указать другой пункт назначения. Однако, по мнению Рауфа, этот момент не так уж важен.

Поскольку дело зашло так далеко, нам не оставалось ничего иного, как выяснить, действительно ли Рауф был столь влиятелен, как он утверждал. Поэтому 11 апреля 1950 года я телеграфировал в Тель-Авив (для передачи в Багдад):

"Выясните положение Абд ар-Рахмана Рауфа, управляющего "Ирак Турс"... который, по его утверждению, уполномочен заключать и подписывать контракты от имени авиакомпании и правительства. Проверьте также, действительно ли Тауфик ас-Сувейди заинтересован в сделках "Ирак Турс" и получает от них прибыль".

До тех пор все шло гладко, но тут сюжет начал осложняться. Через два дня наш резидент в Багдаде Мордехай Бен-Порат ответил на мой запрос:

"Абд ар-Рахман Рауф работает в "Ирак Турс"... Он отрицательный тип. По мнению многих специалистов по транспортным делам и моему собственному, его надо остерегаться".

Эта радиограмма крайне обеспокоила меня, не столько отрицательным отзывом о Рауфе, сколько ссылкой на "специалистов по транспортным делам", с которыми контактировал Бен-Порат. Я знал, что он по своей инициативе подыскивал транспортного агента, и боялся, как бы это не поставило нас в неприятное положение. В середине марта Бен-Порат сообщил, что, будучи в Басре, он "предпринял смелый шаг и, отрекомендовавшись представителем еврейской общины, начал вести переговоры с управляющим британским транспортным агентством "А.Х.Фуллер и К.°" майором Т.А.Кэтоном". В этой радиограмме

Бен-Порат сообщал также, что Кэтон служит не только в трансагентстве, но и в британской разведке, что он много лет провел в Ираке, Иране и Египте в составе английской армии. Для меня эти любопытные подробности вовсе не служили лучшей рекомендацией.

Поскольку в тот момент у нас не было лучшего транспортного агента и Бен-Порат не дал Кэтону никаких обязательств, мы не препятствовали ходу переговоров. Но теперь, когда на сцену выступила фирма "Ирак Турс", я боялся, как бы нам не запутаться во всей этой паутине. Если Рауф действительно в сговоре с Сувейди, а человек, с которым связался Бен-Порат, работает на английскую разведку, то мы можем запросто увязнуть в борьбе двух сторон за выгодный контракт. Почуяв запах золота, они, вполне возможно, начнут грызться друг с другом и глядишь — сорвут все наши планы. Поэтому я решил поставить на Рауфа и, не впутывая в дело больше никого, побыстрее приняться за работу. И вот 26 апреля 1950 года Рони и я, то есть Дик Армстронг, летели в Багдад, чтобы завершить сделку и дать возможность "Ниэр-Ист Эйр Трэнспорт" приступить к делу.

Шагнув на верхнюю ступеньку трапа в багдадском аэропорту, я почувствовал себя так, будто кто-то огрел меня по лицу. На самом же деле так подействовала на меня жара и слепящий багдадский свет после нескольких часов пребывания в затененном салоне самолета с кондиционированным воздухом. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя, потом я увидал круглолицего мистера Рауфа, махавшего нам снизу. Не успели мы спуститься, как он поочередно заключил нас в тесные объятия — как сейчас помню отвратительное прикосновение его потной кожи.

— Добро пожаловать, — прокричал он по-английски и, схватив меня под одну руку, а Рони — под другую, потащил к аэровокзалу. Здесь он усадил нас за липкий столик, попросил наши паспорта и билеты и предложил чего-нибудь выпить, пока он улаживает все формальности.

— Ах, я очень сожалею, мистер Армстронг. В этот час дня тут виски не добудешь. Я закажу холодный лимонад. Очень-очень сожалею, — повторял он, не замечая, что меня эта неудача ничуть не огорчила. — Немного позже, в отеле, вам принесут виски.

— Надеюсь, вы забронировали нам места в приличном отеле, — сказал Рони с неподдельным беспокойством.

— Как я и обещал — в "Риджент Палас-Отеле". Безусловно, лучший в городе. Прямо на берегу реки.

— А что за река? — спросил я, пожалуй, чуть-чуть переигрывая.

— Тигр, — гордо ответил Рауф. — По-арабски мы называем ее Дижла. Очень полноводная река.

Через несколько минут с формальностями было покончено — мне даже не пришлось взглянуть ни на одного чиновника паспортного контроля. Мы покатили в город на машине Рауфа, по маршруту, который я когда-то знал назубок, но со времени операции "Майклберг", то есть с августа 1947 года, успел немножко позабыть. "Риджент Палас-Отель" также напоминал о днях "Майклберга" — ведь там останавливались летчики. На какую-то секунду я даже испугался, как бы меня кто-нибудь не узнал, но тут же понял, что это просто наваждение, вызванное возвращением на родную землю, напряженным вживанием в роль и чувством огромной ответственности за то, чтобы дело пошло по правильному пути. Мы распро-

стились с Рауфом, условившись встретиться вечером. Он лишь заверил нас, что все устраивается как нельзя лучше, и обещал посвятить во все подробности позднее.

Когда Рауф наконец ушел, Рони заговорщицки прошептал: "Пока все отлично. Даже не думал, что ты такой артист. Ты и меня-то почти убедил, что никогда не бывал в Багдаде!"

Я едва улыбнулся в ответ на комплимент Барнета — мне не терпелось связаться с нашими агентами, войти в курс дел, исправить все, что шло не так, а главное, положить конец контактам с Кэтоном. Первая проблема, проблема надежной явки, была уже решена. Предполагая, что за мной могут следить (за иностранцами в Ираке обычно устанавливалась слежка), я перед отъездом из Израиля передал по радио в Багдад, что буду каждый день к шести вечера заходить в книжный магазин, расположенный в цокольном этаже "Риджент Палас-Отеля". Я хорошо знал этот магазин (принадлежавший одному индийцу) по своим предыдущим командировкам в Багдад. Здесь продавались английские книги и иностранные газеты — словом, место было вполне подходящее для Дика Армстронга. Просматривая книги, можно было обменяться записками (вложив их между страницами книги) или парой фраз с "незнакомцами".

Следующий вопрос состоял в том, когда выходить на связь. Безопасности ради я обещал Рони не встречаться с нашими людьми в первый день по приезде. Но когда мы закончили свой файв-о-клок, я, сгорая от нетерпения, небрежно заметил, что забыл прихватить с собой книжку и спущусь купить какое-нибудь чтиво.

— Дик, — упрекнул меня Рони, — ты нарушаешь обещание. Ты уверен, что все в порядке?

— Послушай, — негромко сказал я, — признаю,

мне не хватает терпения. Но какая у нас гарантия, что завтра или послезавтра это будет более безопасно? А чем раньше мы отошьем этого Кэтона, тем лучше.

Увидев, что я собрался идти, Рони решил для большей безопасности сопровождать меня. В назначенный час мы будто между делом заглянули в книжный магазин индийца. Пока Рони договаривался с хозяином о том, чтобы ему ежедневно доставляли в номер лондонскую "Таймс", я принялся листать книги возле полок. Через несколько секунд я уже стоял рядом с Давидом Шукхором, одним из командиров Шуры́, которого хорошо помнил по своему прошлому приезду в Багдад. Переворачивая страницы иллюстрированного альбома, Давид произнес, почти не шевеля губами и разумеется не глядя на меня: "Снаружи ждет такси. Хабиб[61] за рулем. Выйдя отсюда, сядь в машину". Потом он поставил альбом на место, повернулся и неторопливо вышел из магазина. Я продолжал копаться в книгах, исподтишка оглядываясь по сторонам, пока не увидел, что кроме Рони и меня в магазине не было покупателей. Тогда я подошел к хозяину и уплатил за две выбранные мною книги. Рони тоже рассчитался за свои журналы, и мы пошли к выходу. В дверях я довольно громко — для осведомления всех заинтересованных лиц — сказал: "Рони, давай возьмем такси и быстренько проедемся по городу, любопытно все же, как он выглядит". После этого я открыл дверь стоявшего возле магазина таксомотора, втолкнул внутрь ошарашенного Рони и уселся рядом с ним. Мордехай Бен-Порат завел мотор и мы тронулись.

Мы познакомились с Мордехаем Бен-Поратом в Израиле, перед самым его отъездом в Ирак осенью 1949 года. Он был из нового поколения агентов, которых Мосад направил в Ирак, при-

няв мое предложение об использовании ветеранов сионистского подполья, приехавших в Израиль за последние годы. Они вдоль и поперек знали родную страну, поэтому им было гораздо проще организовать себе надежное прикрытие. Правда, именно потому, что они занимались в Ираке подпольной работой и кое-кто из их старых знакомых знал о том, что они тайно бежали из страны и обосновались в Израиле, существовал риск, что какой-нибудь недоброжелатель узнает их и выдаст полиции. Но рисковали все наши агенты, нелегально работавшие в Ираке, а у уроженцев страны было все же больше шансов выпутаться из неприятного положения именно в силу лучшего знания местных условий или благодаря личным связям.

Бен-Порат прожил в Израиле дольше своих товарищей, работавших в то время в Ираке по заданию Мосада, — он приехал в Палестину еще в 1945 году. Сразу после приезда в Страну он вступил в подпольный отряд Хаганы и оставался на военной службе также после того, как Хагана была преобразована в Армию Обороны Израиля. К моменту демобилизации в 1949 году, незадолго до отправки в Ирак, Бен-Порат являлся командиром роты и имел чин капитана. Перед выездом Мордехая в Ирак меня попросили проинструктировать его; он показался мне тогда способным, напористым человеком, прекрасно подходящим к роли секретного агента[62]. И вот теперь мы встретились снова в потрепанном такси, которое подпольщики сумели у кого-то одолжить или прихватить без спросу. Встречу нашу вряд ли можно было назвать очень теплой, потому что мы все трое буквально одеревенели от напряжения и боялись произнести слово. Бен-Порат упорно смотрел в зеркало заднего вида, проверяя, нет ли за нами слежки, а мы с Рони нервно оглядыва-

лись по сторонам. Лишь твердо убедившись, что на хвосте никого нет, мы немного успокоились и заговорили.

Разговор начался в форме дуэта: Рони не терпелось покончить с Кэтоном, а Бен-Порат хотел прежде всего проинформировать нас о положении в Багдаде. Я знаком показал Рони, чтобы он не мешал говорить Бен-Порату, и он рассказал о кампании, которую развернули крайние националисты против нового закона об эмиграции. Один шиитский религиозный лидер даже опубликовал "фатвах" (религиозное предписание), запрещавший его последователям скупать еврейскую собственность, поскольку, "покупая у евреев, вы подрываете рынки и экономику страны". Атмосфера накалилась, выпады против евреев уже не ограничивались только словами. 8 апреля в кафе "Аль-Байза" на улице Абу Нувас, большинство завсегдатаев которого было евреями, бросили бомбу. Пострадало несколько человек, один был серьезно ранен. Но несмотря на эти попытки посеять среди евреев панику и заставить их укрыться в домах, регистрация на отказ от гражданства продолжалась спокойно и организованно — особенно после того, как удалось убедить министра внутренних дел поручить оформление документов опытным чиновникам-евреям. Обещанные еврейской общиной "опытные чиновники" оказались на поверку молодыми подпольщиками, но это ничуть не обеспокоило власти. "Чиновники" прекрасно справлялись с работой; синагоги "Масода Шемтов" и "Твейг" стали главными регистрационными пунктами, и каждый день с утра до ночи перед ними стояли длинные очереди.

— Ну, а как насчет этого Кэтона? — неожиданно спросил Рони, намеренный во что бы то ни стало выяснить все о "конкуренте".

Бен-Порат стал рассказывать историю своего

знакомства с майором. Рони насупился. Я тоже был более чем когда-либо уверен, что если мы не прекратим флирт с майором, то сами заведем себя на минное поле. Мы знали, что Кэтон служит сразу нескольким хозяевам, и если ему придется выбирать, он, разумеется, не поставит наши задачи на первое место. Но это, конечно, были лишь мои домыслы, я ничего толком не знал о Кэтоне. Интересно, что много лет спустя я нашел в папках британского министерства иностранных дел некоторые доказательства двурушничества Кэтона.

Считалось, что в начале апреля 1950 года майор Кэтон посетил Израиль, имея при себе рекомендательное письмо от Ибрагима Юсуфа Салмана, представителя еврейской общины Ирака (это был не кто иной, как Мордехай Бен-Порат). Но по какой-то причине майор так и не появился на Святой земле. Однако вскоре после его предполагаемого прибытия в Израиле объявился другой англичанин, по имени капитан Каслмейн, заявлявший, что он представляет "Эйрворк Лимитед" — английскую авиакомпанию, самолеты которой Кэтон собирался зафрахтовать для своего агентства. Каслмейн провел в Израиле несколько недель, а затем вдруг бесследно исчез, что было само по себе достаточно подозрительно. Причиной его внезапного отъезда (я узнал об этом много лет спустя из отчета британского посланника в Израиле) был полученный им сигнал о том, что "израильские власти были предупреждены из Рима, что он шпионит в пользу арабов".

Не вполне ясно, какую роль играл в этом странном эпизоде Кэтон. Но и не зная тогда об этих весьма скользких подробностях, мы имели все основания держаться от майора подальше. И если я воздержался от того, чтобы приказать

Бен-Порату прервать с ним все контакты, то лишь потому, что опасался восстановить против нас официальных английских представителей в Ираке. Я знал, что нам еще может пригодиться их поддержка, если понадобится уладить какие-то технические аспекты отправки олим в Израиль, например разрешение лететь через Кипр (еще остававшийся тогда британской колонией) или, еще лучше, формально указав маршрут через Кипр, лететь прямо через Иорданию (которая находилась в сильной зависимости от англичан).

После разговора с Бен-Поратом Кэтон тоже думал использовать Кипр лишь в качестве прикрытия, а лететь прямо в Израиль, что было и проще, и дешевле. Но ему не повезло: неожиданно для человека с его опытом он попробовал было изложить эту идею самым неполитичным и неделикатным образом иракскому министру внутренних дел. 6 апреля 1950 года Кэтон направил министру следующее письмо:

"Министру внутренних дел.

По вопросу о перемещении
еврейского населения Ирака
в Израиль.

Мы получили запрос организовать перевозку около 40000 иракских евреев в Палестину авиационным транспортом. Мы предложили еврейской общине перевозить людей из Багдада и Басры прямо в Израиль, в Лидду (Лод). Затем пустой самолет направится на Кипр, где будут выправлены документы, после чего самолет должен возвратиться в Багдад и Басру за новыми пассажирами... Нам бы хотелось заручиться вашим согласием на предполагаемую сделку".

С уважением
Кэтон

Нечего и говорить, что никакого ответа он не получил: если иракцев еще можно было убедить смотреть сквозь пальцы на прямые полеты в Израиль, то письменного разрешения на это они, разумеется, дать не могли!

Но английские авиакомпании потеряли выгодную сделку не из-за своей неуклюжей наглости, а наоборот, из-за своей чисто английской педантичности, стремления соблюсти все приличия и формальности. Когда со временем некоторые из этих авиакомпаний пожаловались в британское посольство в Багдаде на то, что вся сделка досталась американской фирме, посол Мэк ответил, что американцам просто повезло. Пока "английские фирмы подавали прошения генеральному директору гражданской авиации Ирака, а он пересылал их для изучения в министерство транспорта, решения которого, в свою очередь, нуждались в санкции министра внутренних дел", американская компания обошла всю эту бюрократическую волокиту и обратилась прямо в верха.

Именно так мы и поступили. Действительно, не прошло и пяти дней после внезапного появления в Багдаде Ричарда Армстронга и Роналда Барнета, этих двух парвеню, представлявших какую-то захудалую (по английским респектабельным стандартам) авиакомпанию, как их уже принял премьер-министр, и не где-нибудь, а у себя дома! Неизвестно, знал ли британский посол о связях Сувейди с Рауфом и "Ирак Турс", но баснословно быстрый прием нас премьер-министром, конечно, испортил ему настроение. Однако, как это ни смешно, приглашение в дом Сувейди последовало так быстро именно потому, что одна из английских авиакомпаний перестала соблюдать правила игры. Появившись в тот день в ресторане нашего отеля во время завтрака (с висящим во всю длину галстуком поверх успевшей

уже пропитаться потом сорочки) Рауф взволнованно произнес:

— Премьер-министр желает встретиться с вами сегодня во второй половине дня у себя дома, поскольку на него оказывают сильное давление. Какая-то английская фирма установила контакты с полковником Сабахом Саидом — директором "Ираки Эрвейз" и главой управления гражданской авиации, предложив ему участие в намечаемой сделке или какие-то прибыли от нее.

— Неужели этот Саид обладает большим весом в нашем деле, чем премьер-министр? — недоверчиво спросил Рони.

— Сабах — сын Нури Саида! — воскликнул Рауф и добавил для просвещения своих иностранных партнеров: — Нури — очень сильный политический деятель. Несколько месяцев назад он был премьер-министром. Он большой друг англичан, и ему не доставляет особого удовольствия тот факт, что ваша компания американская.

Мы с Рони обменялись настороженными взглядами.

— Теперь вы видите, — продолжал, задыхаясь, Рауф, — почему премьер-министр опасается, что контракт может перейти к совсем другой фирме. Поэтому он и приглашает вас. Если вам удастся убедить его заключить соглашение, все остальное станет на свои места.

Нельзя было и представить себе более приятной и одновременно тревожной новости. Для Ричарда Армстронга это было, разумеется, великолепно, но для Шломо Гилеля дом премьер-министра мог стать настоящей западней. Признаюсь, я был испуган и чувствовал, что мне необходимо хорошенько подготовиться к следующему акту нашей комедии с переодеваниями. Поэтому, позаботившись, чтобы в Тель-Авив было отправлено сообщение о последних новостях, я вернулся в

отель и автоматически направился к затененной веранде, выходившей на реку. Официант поставил передо мной стакан виски с содовой — напиток, который я уже начал поглощать с определенным удовольствием. Я смотрел на Тигр, чьи мутные воды неслись на юг с такой быстротой, что в защитную стенку перед отелем били настоящие волны. Уровень воды в реке был исключительно высок, и по всему Ираку уже прошли наводнения. "Гуффам" приходилось нелегко. "Гуффа" — это маленькая круглая лодочка (примерно метра три в диаметре), сплетенная из тростника и веревок и покрытая слоем смолы, она служит для перевозок и рыбной ловли. В тот день, стараясь переплыть реку, "гуффы" бешено вертелись, несмотря на отчаянные усилия "капитанов" выравнять лодки с помощью длинных тонких весел.

Водные просторы: озера, моря и особенно реки — всегда притягивали меня с какой-то гипнотической силой. Но когда я сидел в тот день на веранде "Риджент Палас-Отеля", даже зрелище бурлящего Тигра не могло отвлечь мои мысли от предстоящей встречи с премьер-министром. Господь ведает, как старался я следовать священным заповедям Мосада о сохранении невозмутимости при любых условиях, но все-таки не мог не чувствовать, какое событие должно вот-вот свершиться. Ведь не каждый день молодого человека из Израиля приглашают в дом премьер-министра арабской страны. Во всем этом было нечто нереальное. Я, еврейский мальчик из Багдада, младший сын Ахарона и Ханини Гилель, проживавших на улице Баб эль-Агха в еврейском квартале, должен был вот-вот встретиться с премьер-министром Ирака, чтобы обсудить с ним, как вывезти мой народ из страны древнего изгнания назад на родину, во вновь созданное су-

веренное государство Израиль. Все это буквально ошеломляло.

На какой-то момент я подумал даже, не слишком ли далеко я захожу в своем нахальстве, пользуясь гостеприимством премьер-министра под чужим именем. Возвращаясь к этому сейчас, я нахожу, что и риск, и наглость граничили с безумием. Вообразите себе политические последствия, не говоря уж о сенсационных газетных заголовках, если израильский секретный агент будет пойман с поличным в доме премьер-министра Ирака!

— Дик, — голос Рони внезапно вернул меня к действительности, — давай перекусим. Нам ведь скоро к премьеру.

Аппетита у меня, конечно, не было, но я пошел вместе с Барнетом в ресторан и ковырялся в тарелке, пока мы кратко повторяли основные пункты, которые необходимо обсудить во время встречи. Потом появился Рауф, проводил нас к своей машине, и мы отбыли — в надежде творить историю.

Тауфик ас-Сувейди принял нас в чудесном саду своего роскошного особняка в Каримате (привилегированный район на западном берегу Тигра). Сад был напоен ароматом цветущих роз, это создавало приятную, интимную обстановку. Премьер-министра сопровождали двое помощников. Едва мы расселись, как появился ливрейный лакей с серебряным подносом, на котором стояли шесть чашек с охлажденной розовой водой — традиционным летним напитком в аристократических домах Багдада. Лакей подошел сперва ко мне, но я отказался, кивнув в направлении премьер-министра и укоризненно проговорил (конечно, по-английски): "Сначала — его превосходительство". Слуга отвесил легкий поклон и направился к премьер-министру, от которого получил сле-

дующий выговор по-арабски: "Кретин, сколько раз можно тебе повторять, что когда я принимаю иностранцев, первыми надо обслуживать их". Обруганный лакей снова поклонился и воротился ко мне. На сей раз я соизволил взять чашечку ароматного питья, подумав: "Знал бы его превосходительство, кто такой его почетный гость!"

Тауфику ас-Сувейди было тогда под шестьдесят. В молодости он изучал право в Стамбуле и завершил свое образование в Сорбонне. Его небольшой животик, полное лицо, начинающие редеть седые волосы и крупный нос, увенчанный тяжелыми очками в темной оправе внушали чувство доверия, симпатии, к которым примешивалось, несомненно, и уважение к особе премьер-министра. Мы, по-видимому, тоже произвели на него благоприятное впечатление, а может, он просто заботился о том, чтобы не уронить достоинства своей страны перед двумя иностранцами, сидевшими в его гостиной. Во всяком случае, Сувейди начал беседу в несколько извиняющемся тоне, признавшись, что его тревожит положение, в котором оказалось его правительство. Проблема, по словам премьер-министра, состояла в том, что евреи покидали Ирак, нелегально переходя в соседний Иран, и тем самым наносили значительный экономический ущерб Ираку.

— Когда человек незаконно переходит границу, неизвестно, какую контрабанду он везет, — объяснял Сувейди с огорчением в голосе, — он не рассчитывается с долгами, не платит налогов; он просто удирает.

— Безобразие, — пробормотал Рони с наигранным сочувствием. Я же, отдавая себе отчет в том, какой невыразимой наглостью было само мое присутствие в этом доме, решил держаться в тени и не проронил ни слова.

Сувейди разъяснил далее, что когда он поднял этот вопрос при встрече с руководителями еврейской общины, которых он охарактеризовал как "людей благоразумных и ответственных", и попросил их содействовать прекращению бегства евреев из страны, они ответили, что корень проблемы — в горстке молодых шалопаев и недовольных своим положением неимущих евреев, решившихся во что бы то ни стало уехать из Ирака. Не имея возможности получить паспорта и выездные визы, они шли незаконным путем. Однако теперь, добавил премьер-министр, вводя нас в курс дела, он надеется решить эту злополучную проблему с помощью закона об эмиграции, недавно принятого парламентом.

Воспользовавшись этим замечанием, я задал вопрос:

— Сколько же людей выедет из страны по вашему мнению?

Сувейди немного смутился и, опасаясь, что мой вопрос затронул чересчур чувствительный нерв, я быстро прибавил: "Нам необходимы примерные цифры для расчетов".

— Да-да, я понимаю, — проговорил Сувейди со слабой улыбкой на губах, словно показывая, что он не обиделся. — К сожалению, я не могу дать вам точного ответа. Мы полагали, что уедет тысяч десять, но теперь мне сообщают, что цифра будет гораздо выше. На сколько именно, я сказать не могу. Мы не поощряем выезда, как вы сами понимаете, но и не препятствуем тем, кто предпочитает уехать.

Смущение Сувейди по поводу "более высокой" цифры, показывавшей ложь иракцев, отрицавших, что евреи подвергаются преследованиям, было очевидно. Когда Рауф объявил (воспользовавшись теми оценками, которые получил от нас и, вероятно, желая произвести впечатление на сво-

его высокопоставленного друга), что "уедет не менее шестидесяти-семидесяти тысяч", премьер-министр раздраженно оборвал его: "Я не знаю, сколько человек выедет. Как же можете **вы** называть какие-то цифры?" Но Сувейди быстро взял себя в руки и перешел к вопросу, ради которого пригласил нас.

— Джентльмены, как я понимаю, ваша фирма заинтересована в получении монопольного права на эти перевозки, но другая авиакомпания уже проявила интерес к этому подряду, могут появиться новые заявки. Мой друг Рауф хочет, чтобы правительство предоставило ему исключительное право на выполнение подряда, но у меня должна быть хоть одна серьезная причина, чтоб оправдать такое предпочтение.

Он просил указать ему одну причину. Рони назвал четыре: во-первых, мы предлагали самую низкую цену — 12 динаров (около 48 долларов) за взрослого пассажира; во-вторых, наши четырехмоторные самолеты более надежны, чем "Дакоты", которыми пользуются другие авиакомпании; в-третьих, мы располагаем значительным количеством самолетов и можем регулировать частоту полетов в соответствии с пожеланиями иракцев; наконец, в-четвертых, наша компания накопила значительный опыт в перевозке большого количества людей по всему миру. Приличие не позволяло нам привести другие важные соображения, как-то: предполагаемые прибыли для "Ирак Турс" и связанных с нею лиц, в том числе для нашего хозяина. Но об этом Сувейди не нужно было напоминать.

Тут премьер-министр, попросив извинить его, обменялся со своими советниками несколькими репликами по-арабски. Я чувствовал себя неудобно, поскольку понимал их разговор, но не смел показать этого. Было очень трудно сохранять

бесстрастное выражение лица, и в какой-то момент я чуть не выдал себя, вздрогнув, когда услышал, что они собираются пригласить на наше совещание главу еврейской общины Иехезкеля Шемтова.

Шемтов происходил из семейства, переехавшего в Ирак много лет назад из Турции и, как я уже упоминал, приходился двоюродным братом моей матери. Я не видел его с тех пор, как уехал из Ирака ребенком, в начале 30-х годов, да и тогда мы не очень часто бывали у них в доме, поскольку они жили в другом районе города. Но все же мы были довольно близкие родственники и перспектива его появления очень пугала меня, так как все члены нашей семьи очень похожи друг на друга. С самого прилета в Багдад меня не покидал страх быть узнанным, и вот теперь эта угроза стала вполне реальной, да еще в самом неподходящем месте! Но делать было абсолютно нечего, тем более, что, как оказалось, Шемтов жил в соседнем доме и через несколько минут вошел в комнату. Мы все встали в знак уважения, только Сувейди остался сидеть, как и подобает при появлении друга, с которым часто видишься. Затем премьер-министр представил нас Шемтову и объяснил цель нашего визита.

Иехезкель Шемтов сел напротив меня, и несмотря на все усилия сдержаться, я заерзал на стуле. Мне так и казалось, что он вот-вот взглянет мне прямо в глаза и скажет: "Простите, разве вы не Селим, сынок Ахарона и Ханини?" или хотя бы: "Ваше лицо мне очень знакомо. Не встречались ли мы раньше?" Но прошло несколько минут, Шемтов не произносил ничего подобного, и я немного успокоился. Я был попрежнему убежден, что он узнал меня, но предпочитает вести себя поосторожнее, пока у нас не появится возможность поговорить с глазу на

глаз. Такая возможность представилась лишь несколько месяцев спустя, в Париже, — и здесь, к моему величайшему изумлению, выяснилось, что Шемтов попросту не узнал меня. Ему и в голову не приходило, что не отрывающийся от трубки мистер Армстронг из "Ниэр-Ист Эйр Трэнспорт" — на самом деле не кто иной, как младший сын его собственной кузины Ханини. "То ли я уже дряхлый подслеповатый старик, то ли вы не совсем бездарный актер! — воскликнул Шемтов, вспоминая встречу в доме Сувейди. — Да и кто мог бы подумать, что сын Ханини окажется таким лгуном!"

Шемтов не говорил по-английски, но прекрасно владел французским (он несколько лет проучился в Женеве), поэтому премьер-министр и его помощники обращались к нему по-арабски, а я беседовал с ним по-французски, переводя потом Рони на английский. Эта трехъязычная беседа длилась довольно долго, пока мы не обсудили все существенные вопросы. Мы пообещали от имени "Ниэр-Ист" уладить вопрос о посадке на Кипре (благоразумно решив не предлагать прямых полетов в Израиль), а Шемтов от имени еврейской общины обязался собрать с пассажиров плату за проезд, внести деньги за тех, кто не в состоянии платить, и перевести всю сумму в "Ирак Турс".

Когда все это было улажено, нам оставалось, кажется, только разойтись с чувством взаимного удовлетворения, но тут я, прочистив горло, негромко сказал:

— Простите, господин премьер-министр, есть еще один пункт, который мы не обсудили.

Рони бросил на меня озадаченный взгляд.

— Слушаю вас, мистер Армстронг, — произнес Сувейди с рассеянной улыбкой. Видно было, что мысли его уже витали далеко отсюда.

— Речь идет о форме оплаты услуг нашей компании, — объяснил я. — Нам необходимо получить деньги в какой-то иностранной валюте. Видите ли, поскольку наша фирма американская, мы не заинтересованы в иракской валюте, если нет возможности перевести ее в доллары или фунты стерлингов.

С губ Сувейди сбежала улыбка и, даже не извинившись, он с неистовым пылом заговорил со своими советниками. Рони грозно смотрел на меня с другого конца комнаты и в какой-то момент произнес одними губами: "Сними этот вопрос!" Но я только легонько кивнул в ответ, словно говоря: "Оставь это мне". Премьер-министр был весьма смущен, даже разгневан. Я слышал, что он сперва наотрез отказался удовлетворить мою просьбу, и стал думать, как отступить. Это требование иностранной валюты, которое долго обсуждалось в кабинетах Мосада в Тель-Авиве перед моим отъездом (хотя Рони я об этом не рассказывал), было связано не столько с хитросплетениями международной финансовой системы, сколько с желанием утвердить за нашей компанией репутацию настоящей американской фирмы[63]. Поэтому я понимал, что заколебавшись теперь, я дам пищу для прежде не существовавших сомнений. Но мне повезло: из разговора Сувейди с его помощниками по-арабски я понял, что премьер и К° находят мои требования справедливыми, и если я буду настаивать, им придется согласиться. Поэтому я вежливо, но твердо стоял на своем, покуда не получил заверения, что нам будет уплачено в конвертируемых стерлингах.

Теперь все основные вопросы были утрясены, мы с Рони откланялись и вернулись в отель в сопровождении Рауфа, вполне довольные собою. Сделку можно было считать решенной. Рауф так

и светился гордостью за свою роль в заключении соглашения, он счел себя приглашенным отпраздновать событие и за обедом между прочим заметил, что не понимает, как это иракские евреи надеются прижиться в Израиле. Они привыкли заниматься коммерцией и канцелярской работой, а никак не физическим трудом, так что же им там делать? Начитавшись о трудностях Израиля: о режиме строгой экономии, распределении продуктов по карточкам и тому подобных вещах, Рауф был уверен, что наши пассажиры долго там не задержатся — они скоро запросятся назад.

— Знаете что, мистер Армстронг, — хитро улыбнулся Рауф, — я думаю, нам стоит сразу же начать продажу обратных билетов.

— Мистер Рауф, вы меня удивляете! — с шутливым возмущением ответил я. — Какой же вы бизнесмен? Если мы сейчас продадим им обратные билеты, то придется сделать десятипроцентную скидку. А к чему это нам? Пускай платят полную цену в оба конца.

Рауф загоготал так, что несколько человек из обедавших в ресторане обернулись в нашу сторону.

— Совершенно верно, мистер Армстронг, совершенно верно! — восторженно повторял он. — Пускай платят полную цену в оба конца!

В ту ночь все мы спали сном праведников, но на следующий день выяснилось, что торжество наше было преждевременным. Контракт еще не был подписан и рано было считать, что он у нас в кармане, ибо мы столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны Управления гражданской авиации, возглавляемого Сабахом Саидом, который одновременно являлся управляющим национальной авиакомпании. Но еще больше расстроил нас визит в американское посольство, куда мы отправились во второй половине дня,

чтобы урегулировать вопрос о праве на посадку в Багдаде. В посольстве нам объяснили, что причина срыва не в каком-либо противодействии со стороны иракцев, а в том, что невозможно договориться о полетах через Кипр без согласия тамошних властей; причем британский губернатор острова отнюдь не был расположен дать свое "добро".

— Да почему же нет? — спросил Рони с редким для него всплеском отчаяния.

В ответ наши друзья-дипломаты рассказали нам нечто абсолютно невероятное: по прошествии почти двух лет после своего ухода из Палестины, где они вступили в острейший конфликт с евреями из-за запрещения иммиграции, англичан вдруг обуял страх, что Израиль откажется принять беженцев из Ирака и, таким образом, наводнит Кипр не имеющими подданства евреями. Поэтому не было никакой возможности объявить пунктом назначения наших рейсов Никосию, если мы не сумеем представить формального обязательства израильского правительства принять всех евреев, прибывших на остров.

Рони в полном изнеможении возвел глаза к небу, я же старался подавить вздох облегчения, ибо знал, что нет ничего проще.

— В этом все дело? — спросил я, не желая после устранения одного препятствия оказаться перед целым полчищем новых.

— По-видимому, да, — передернул плечами любезный американец.

— Что ж, тогда этим и следует заняться, — произнес Ричард Армстронг-младший с врожденной английской невозмутимостью и благоприобретенной американской уверенностью в выполнимости любой задачи[64].

На следующее утро я и стал этим заниматься, отправив в Тель-Авив телеграмму о том, что я

немедленно вылетаю домой через Кипр, что прибуду на Кипр самолетом "Сайпрэс Эрвэйз" и прошу приготовить в аэропорту Лод въездную визу на имя Ричарда Армстронга. Но мои коллеги из Мосада сделали гораздо больше. Вылет на Кипр задержался на два часа, и я, как показывал простейший арифметический подсчет, не успевал на самолет, вылетавший в тот же день в Израиль. Откровенно говоря, я с удовольствием думал, что заночую в Никосии. Прошло всего восемь дней с того момента, как мы с Рони приземлились в Багдаде, но из-за лихорадки событий и беспрерывной нервотрепки казалось, что прошло много недель, и я рад был возможности немного перевести дух.

Однако я не учел супероперативности израильских представителей на Кипре. Прежде чем наш самолет совершил посадку, летчик объявил по внутреннему радио в салоне самолета, что мистера Армстронга просят первым сойти на землю, так как его ожидает специально задержанный самолет. Пассажиры стали оглядываться в поисках особы высокого ранга, удостоившейся такой привилегии, но на меня почему-то никто не посмотрел. Впрочем, подумал я, это и неплохо, ведь надолго мне все равно не удастся сохранить свое инкогнито. Чуть позже, спускаясь по трапу, я увидел "нашего человека на Кипре", стоявшего рядом с высоким рыжеволосым англичанином, который оказался ответственным за безопасность в аэропорту. Они быстро повели меня к боковой полосе, где стоял с вращающимися пропеллерами самолет "Сайпрэс Эрвэйз", ждавший лично меня.

— Вы, должно быть, очень важный господин, раз самолет на Лидду задержали из-за вас, — заметил рыжеволосый офицер, пока мы бежали через летное поле.

Наверное, у него возникли и иные мысли на-

счет Ричарда Армстронга, ведь не каждый же день пассажир, прибывший из Багдада, вылетает в Израиль, да еще на специально задержанном самолете! Но я предпочел не заботиться об этом, а скоро у меня появилось столько дел, что некогда было вспоминать про суетливого офицера безопасности с Кипра.

Мое четырехдневное пребывание в Израиле состояло, казалось, из одного непрерывного совещания. Каждый уважающий себя государственный деятель желал получить личные разъяснения о ходе нашего дела. Меня повели даже к Бен-Гуриону, который задал несколько метких вопросов, интересовался подробностями и велел мне следить за собой и не рисковать понапрасну.

Тем временем в Багдаде дела шли полным ходом. Пока меня не было, Рони успел заключить сделку, боясь, что она сорвется, если он не будет действовать быстро. На второй день моего пребывания в Израиле Рони передал (по нашему подпольному радио), что министр внутренних дел подписал все необходимые бумаги и направил их в министерство транспорта. Опасаясь, как бы там не начали ставить палки в колеса, он обещал, что Сабах Саид получит свою долю от прибылей. Двумя днями позднее Рони послал новую радиограмму о том, что Сабах, являвшийся последним препятствием, "возражал против предоставления "Ниэр-Ист" монополии, если она не подпишет соглашения с "Ираки Эрвэйз". Итак, после изматывающих переговоров я подписал контракт", — заключал Рони.

Это соглашение между "Ираки Эрвэйз" и "Ниэр-Ист Эйр Трэнспорт", вступившее в силу 9 мая 1950 года, было столь же странным, сколь исторически важным. В нем говорилось, что "'Ниэр-Ист' берет на себя перевозку воздушным транспортом евреев из королевства Ирак"

(причем нигде не упоминалось **куда**, будто эти люди отправлялись в бесконечность или в забвение), а фирме "Ираки Эрвэйз" предоставлялось "исключительное право наземного обслуживания пассажиров и самолетов, занятых во всех рейсах из королевства Ирак". Таким образом, за сумму, равную ста двадцати долларам за один рейс, полковник Сабах Саид, сын великого Нури, этого истребителя евреев, готов был снять все возражения и поставить свою подпись под документом, возвещавшим их спасение. Неправдоподобно, но факт!

Читая радиограмму от Рони об этом соглашении, я почувствовал, как не терпится мне вернуться в Багдад. Теперь самое главное было поскорее начать полеты, прежде чем у кого-нибудь возникнет желание передумать. А это означало прежде всего наладить координацию между различными правительственными агентствами и сионистским подпольем. Задача колоссальная! И вот на следующее утро мой босс Джимми Уотен и я уже летели в Никосию, снабженные всевозможными запросами и ручательствами израильского правительства, необходимыми для получения прав на посадку наших самолетов на Кипре. Мне не давало покоя ощущение, что надо работать быстро. И когда в Никосии обнаружилось, что на оформление документов, утверждающих посадку самолетов, понадобится несколько дней, я оставил Уотена заниматься формальностями, а сам первым же самолетом вылетел в Багдад. Через несколько часов я уже с головой ушел в лихорадочные приготовления, которые продолжались более недели.

Прежде всего, я посетил синагоги "Масода Шемтов" и "Твейг", проверил, как идет регистрация, и с удовольствием убедился, что все четко организовано. Молодые подпольщики вежливо

и подробно отвечали на вопросы многочисленных посетителей, а главное — им удалось создать при регистрации атмосферу спокойствия и бодрости, что было очень важно для будущих олим. Кругом, разумеется, сидели полицейские чиновники, которые официально отвечали за проведение операции. Но достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, насколько поверхностны и несущественны были их функции. Они попивали чай из маленьких чашечек, читали газеты, листали иллюстрированные журналы, в изобилии поставляемые нашими ребятами.

Наш отдел превратился в оперативный штаб, то и дело появлялись правительственные чиновники, служащие "Ирак Турс", представители еврейской общины — поток людей не иссякал. Почти всю эту неделю я работал, кажется, двадцать четыре часа в сутки. Больше всего напряжения требовало от меня циркулирование между двумя полюсами — "Риджент Палас-Отелем" и подпольем. Всякий раз, как мне надо было провести совещание с подпольщиками или послать радиограмму в Израиль, подкатывал в своей развалюхе Мордехай Бен-Порат и отвозил меня куда требовалось. Потом я возвращался в "Риджент Палас" и становился Ричардом Армстронгом, зная, что если я где-то поскользнусь, если сорвется у меня с языка хоть одно слово на иврите или арабском, это будет означать конец для всех нас. Я ни на секунду не мог расслабиться, потерять контроль над собой.

Поэтому я очень обрадовался, когда вскоре после моего возвращения в Багдад Рауф пригласил нас совершить водную прогулку по Тигру. В мою память с детства врезались два багдадских моста через Тигр, неторопливо рассекающие воды большие суда и снующие вокруг них рыбачьи ялики. Но всего сильнее запомнился мне Тигр в

слепящие летние дни, когда уровень воды понижался настолько, что в середине реки появлялся большой остров, покрытый густой зеленью. Это было идеальное место для отдыха, и наша семья частенько отправлялась туда. Нанимали лодочника, который переправлял нас к одному из живописных мест на краю острова, и начинался восхитительный беззаботный день, завершавшийся пиршеством: непременным "самак масгуф" — особым образом зажаренной на вертеле рыбой, приготовление которой входило в обязанности лодочника.

Иракская кухня (а особенно ирако-еврейская) изобилует деликатесами, но ее piece de resistance[65] — это, бесспорно, "самак масгуф". Приготовление этого шедевра начиналось перед тем, как мы отправлялись на пикник. На причале у одного из рыбаков (они держали свою добычу в воде, привязанной к длинной палке, чтобы рыба оставалась живой до самого момента продажи) покупали подходящего карпа, длиной фута полтора или больше[66]. Когда подходило время еды, лодочник одним ударом острого ножа распарывал рыбу посередине и принимался за стряпню: он солил ее, приправлял ароматным кэрри, насаживал на деревянные вертела и выкладывал, но не на огонь, а скорее рядом с ним. Через несколько минут, когда надо было поворачивать рыбу, он клал ее поверх затухающих угольков, добавляя помидоры и лук. Вокруг разносился дразнящий запах жареной рыбы, лука и кэрри. Пока на берегу реки расстилались циновки, у всех уже слюнки текли, но наконец все рассаживались и лодочник приглашал отведать изысканное угощение.

И вот, прогуливаясь с Рони и Рауфом по берегу реки, я вдруг почувствовал несомненный запах "самак масгуф" и, оглядевшись, увидел

костер на берегу реки, а рядом с ним — жарющуюся рыбу, наполнявшую воздух ароматом кэрри и лука. Я стоял как зачарованный, уставившись на костер, изнемогая от желания еще раз ощутить во рту пленивший меня с детства вкус.

— Что случилось, Дик? — в голосе Рони слышалось скорее любопытство, чем тревога.

Я безмолвствовал, не зная, что сказать. Потом меня осенило.

— Погляди-ка, что они там делают, Рони, — ответил я, изо всех сил изображая наивный восторг. — Это, должно быть, какое-то жертвоприношение. Они сжигают рыбу на берегу реки!

— Жертвоприношение? Какое еще там жертвоприношение! — с некоторым даже раздражением воскликнул Рауф. — Они просто готовят рыбу, — объяснил он, явно задетый тем, что я принял обычное иракское развлечение за языческий ритуал.

— Но это несомненно какой-то религиозный обряд, — настаивал я. — Помню, я где-то читал про обычай сжигать жертвоприношения. Разве я не прав? — спросил я, не обращаясь ни к кому в особенности.

— Мистер Армстронг, — возмущенно ответил Рауф, — они просто готовят рыбу. Кушанье это называется "самак масгуф".

— Да, но зачем же они сжигают ее, мистер Рауф? Не хотите же вы сказать, что это действительно можно есть!

— Ну, конечно, можно. Очень вкусная еда, — заверил он меня.

— Правда? Так может, и мы попробуем? — решился я попытать счастья.

— О нет, мистер Армстронг, — добродушно запротестовал Рауф, — это не подобает людям нашего положения. Я позабочусь о том, чтобы вас угостили отличными рыбными блюдами. Зна-

ете, никто не готовит рыбу лучше евреев, я попрошу Шемтова пригласить вас. Тогда вы оцените нашу рыбу из Тигра.

— Не стоит, мистер Рауф, — попытался я отговорить его. — Я не хотел бы беспокоить мистера Шемтова. Я просто закажу рыбу в отеле.

Не хватало мне еще идти к Шемтову домой, чтобы кто-нибудь из родственников узнал меня! Но хотя я скоро забыл об этом разговоре, Рауф не оставил своей мысли — у него, несомненно, были на то свои резоны, — и несколькими днями позже сообщил, что мы приглашены на ленч к Шемтову. Никакие мои увертки не помогли. Я хотел только немножко раздразнить его, чтобы побаловать себя настоящим "самак масгуф", и доигрался — получил на свою шею приглашение к Шемтову.

Тревога не покидала меня, пока мы ехали к дому Шемтова, но на мое счастье хозяин не пригласил ни родственников, ни друзей, ограничив состав гостей правительственными чиновниками, которые вряд ли могли признать во мне сына Ханини Гилель. Поэтому я с легким сердцем наслаждался иракскими деликатесами, которые были в изобилии представлены на большом столе, стоявшем в центре просторной, окруженной деревьями веранды. Пир этот запечатлелся в моей памяти во всех подробностях. Первая перемена состояла из белого и розового риса, смешанного с миндалем и изюмом, курятины, мясных тефтелей в соусе "зукини", жареных пирожков с разнообразными начинками, множества артистически нарезанных салатов, плоских иракских пит и выложенных пирамидами чудесных разноцветных фруктов. Не успели мы занять свои места вокруг стола, как на веранду вступила целая вереница слуг с длинными подносами, на которых красо-

вался "самак масгуф", наполняя воздух ароматом кэрри.

Мы с Рони, как почетные гости, сидели по обе стороны от хозяина, но это была единственная соблюдавшаяся за столом формальность, даже обычные правила этикета были забыты. При появлении рыбы атмосфера стала совершенно непринужденной, и тут мы с Рони явно оказались в проигрыше — на этой встрече с "туземцами" нам приходилось помнить, что "noblesse oblige"[67]. Цвет иракского правительственного аппарата накинулся на рыбу, отрывая ломти руками, как едали "самак масгуф" с незапамятных времен, а мы неуклюже вертели ее ножом и вилкой, вызывая жалость и презрение сотрапезников, которые едва сдерживали смех, глядя на нас. Они прохаживались на наш счет по-арабски (предполагая, естественно, что мы не понимаем этих шуточек), а когда преданный Рауф предложил оставить нам лучшие куски, ему недвусмысленно и единодушно объяснили, что жаль переводить добро на этих двух привередливых англичанишек, поскольку от ножа и вилки даже такие отличные ломти потеряют вкус.

— Что знают ослы о вкусе ячменя? — процитировал один из гостей старинную арабскую пословицу к нескрываемому удовольствию остальных. Я изо всех сил крепился, чтобы не ответить, не показать, что понимаю их разговор, — и все это, следя за тем, как бы не проглотить кость!

Вспоминается еще один эпизод, когда от меня потребовалось немало изобретательности, чтобы сохранить маску англичанина. Дело было тоже на банкете. Надо сказать, чем дольше мы оставались в Багдаде, тем шире становился круг наших знакомств, он охватывал высших чиновников "Ирак Турс", служащих Управления гражданской авиации и "Ираки Эрвэйз", не говоря уж о лич-

ных друзьях Рауфа, которые регулярно выпивали с нами (конечно, за наш счет), проводили вечера в кабаре или играли в карты в гостиничном саду. В моем киббуце относились к карточной игре крайне отрицательно, но, к счастью, я выучился играть в покер еще ребенком, так что мне удавалось остаться при своем среди карточных акул Багдада, а иногда — даже сорвать неплохой банк. Но я все же предпочитал картам кабаре; уровень развлечений был не ахти какой высокий, но, по крайней мере, кабаре избавляло от нервного напряжения, неразлучного с азартной игрой.

На одной из таких совместных вечеринок 14 мая, в день, когда Джимми Уотен прибыл из Никосии со всеми необходимыми документами, Ричарду Армстронгу едва не пришел конец. В тот вечер в гостиничном саду собралось особенно много гостей; пригласил их Рауф, желавший отметить приезд "настоящего босса" авиакомпании, назначившего его своим представителем. Мы сидели широким кругом с бокалами в руках, шел обычный для коктейль-парти легкий разговор, как вдруг до моего слуха донеслись несколько реплик, которыми обменивались по-арабски сидящие справа от меня гости.

— Ты заметил шрам у него на лице? Выглядит в точности, как "ухт", — сказал один.

— Да не смеши, — нетерпеливо отмахнулся другой. — Откуда у него может быть "ухт"? Совершеннейшая чушь.

— А я тебе говорю, что очень похоже, — настаивал первый.

У меня от волнения сжались все внутренности. Как было мне не знать, что предметом спора был маленький шрам на моей правой щеке, метка, которую оставляет Ирак почти на всех своих уроженцах, да и на многих приезжих. Так называе-

мая "роза Багдада" — поражение кожи, вызываемое особым паразитом, которого разносят мухи и комары, гнездящиеся на плантациях финиковых пальм. Поражение это возникает на открытых участках кожи, доступных для летающих насекомых, заживает исключительно долгое время, оставляя глубокий шрам и пожизненный иммунитет к данному паразиту. Где именно расцветает "роза Багдада" — вопрос чистой случайности. Если она появится на ладони или на ступне, то считайте, что вам повезло, ведь шрам почти незаметен. Неизвестно почему чаще всего она появляется на лице, оставляя неизгладимый след на щечке или подбородке ребенка, а иногда и на кончике носа.

Но если конкретное место "розы" зависит от судьбы, то само ее присутствие практически неизбежно для всякого, кто живет в Ираке, отсюда и фольклорное название характерного шрама на коже — "ухт" (по-арабски "сестра"): подобно тому, как почти у каждого есть сестра, так почти все иракцы отмечены "ухтом".

Я тоже подпадаю под это правило — у меня четверо реальных сестер и пятая метафорическая, на щеке. Язвочка не была особенно глубокой, но оставила соответствующий шрам, который узнает любой знакомый с этим феноменом. Легко понять, почему я так неохотно согласился играть в Багдаде роль Ричарда Армстронга, имея на щеке типично иракский "ухт". И вот теперь я попался в западню и отчаянно искал объяснения, которое удовлетворило бы моих не в меру любознательных соседей. Я инстинктивно схватился за трубку и задымил, словно пытаясь отгородиться от них дымовой завесой, и притворился погруженным в задумчивость, между тем как мое ухо напряженно ловило продолжение разговора.

— Знаешь что, — решительно произнес тот,

чьи зоркие глаза разглядели метку на моем лице, — я просто спрошу его самого.

Именно так он и поступил.

— Мистер Армстронг, — обратился он ко мне, конечно, по-английски, с сильным арабским акцентом. — Я хотел бы задать вам один вопрос. Моему другу и мне было бы интересно узнать, откуда у вас этот шрам на лице.

Настала минута, когда надо было раз и навсегда положить конец всем домыслам на этот счет. Не успел прозвучать вопрос, как мистер Ричард Армстронг-младший затарахтел, уводя мысли собеседников от их верной догадки:

— Простите? Ах, вы имеете в виду этот шрамик на щеке! Вы очень наблюдательны, сэр. Я думал, что он уже практически не заметен. Любезность фрицев, то есть немцев. Эти гады подбили нас над Францией в сорок четвертом. Я был тогда стрелком. Они попали в один из моторов. К счастью, я не потерял сознания. Пилот у нас был отличный парень — сумел посадить самолет с одним мотором, и мне удалось убежать довольно далеко, прежде чем наша тарахтелка взорвалась, я имею в виду самолет, вы понимаете. Шрам остался от ожога, просто от искры, попавшей на лицо. Серьезную рану я получил в ногу!

Произнеся эти слова, я бесцеремонно засучил штанину на левой ноге и продемонстрировал большой шрам, оставшийся от травмы, полученной несколько лет назад, когда ногу пришлось несколько раз оперировать. Как я и надеялся, центр всеобщего внимания перенесся с лица на ногу, а я продолжал изводить их до полного изнеможения подробностями своего ранения, того, как доктора пытались восстановить чувствительность в ноге с помощью стальных иголок, нескончаемых операций и т.д. и т.п. Гости посо-

чувствовали моим страданиям, подивились достижениям современной европейской медицины и никогда более не возвращались к вопросу о моем маленьком "ухте". Господь несомненно оберегал меня в те дни.

И вдруг, когда все, казалось, шло хорошо, 18 мая, в тот день, на который был назначен первый полет (отложенный на одни сутки из-за обычной бюрократической волокиты), фортуна неожиданно повернулась ко мне спиной. В то утро я поехал в аэропорт, чтобы проверить все детали, а потом — в один из центров, где регистрировались и взвешивали багаж эмигранты. Выглядели они усталыми и нервными, без конца подходили к работавшим в центре ребятам, спрашивая, наверняка ли завтра состоится полет. Впрочем, у них были все причины для беспокойства, ведь они уже покинули свои дома и возвращаться им было некуда.

После ленча в отеле мы с Джимми и Рони поднялись в мою комнату, чтобы утрясти возникшие в последнюю минуту неувязки; вдруг дверь распахнулась и в комнату, задыхаясь, весь в поту, ворвался растрепанный, с перекошенным галстуком Рауф. Повалившись в кресло, он молча старался отдышаться, пока Уотен своим сдержанным, деловитым тоном не спросил его:

— Вы, кажется, расстроены, мистер Рауф? В чем дело?

— У нас неприятности, — все еще задыхаясь проговорил Рауф. — В секретную полицию поступил сигнал, что мистер Армстронг — еврей.

Я ощутил резкую боль в груди и осознал, что это самый примитивный страх. С формальной точки зрения эта новость ничего не меняла. Как бы ни было серьезно в тот момент положение иракских евреев, но принадлежность к еврейству все же не считалась уголовным преступ-

лением. Кроме того, наше пребывание в Ираке с целью перевозки евреев само по себе подразумевало какую-то связь с ними. Однако к тому времени иракские власти строго запретили въезд в страну иностранным евреям, независимо от их государственной принадлежности, и несоблюдение этого запрета считалось очень серьезным правонарушением. Словом, я оказался в очень трудной ситуации и должен был действовать с сугубой осторожностью. Приходилось считаться и с тем, что Рауф тоже мог состоять на службе в секретной полиции и просто проверял мою реакцию.

Первым на заявление Рауфа откликнулся Джимми Уотен:

— Да это же чистейшая ерунда! — выдохнул он.

Видя, что Рауф не понял английской идиомы, хотя тон Уотена достаточно ясно выражал его чувства, я добавил с предельной (на какую был способен) сдержанностью и английской презрительностью:

— Это действительно весьма занятно, мистер Рауф.

— Я знаю, что это неправда, — защищался Рауф, — но факт тот, что секретная полиция получила такие сведения.

— Ну и что же теперь будет? — спросил Уотен, как всегда обращаясь к сути дела.

— Сотрудники секретной полиции, возможно, пожелают допросить мистера Армстронга, — неуверенно пробормотал Рауф. — Я знаю, что все это бессмыслица, но боюсь, последствия могут быть самыми неприятными. По городу пойдут слухи, грязные языки ведь не остановишь.

"Если б на этом все и кончилось!" — подумал я. Взрыв страха, пронзивший меня несколько секунд назад, как-то улегся, опустился и сгустился в какой-то холодный комок в животе. Я поко-

сился на дверь, ожидая, что она может в любую минуту распахнуться — и наступит конец Ричарду Армстронгу. Я уже представлял, как за мной придут двое-трое в штатском, как они с безупречной вежливостью пригласят меня следовать за ними. У меня не было никаких иллюзий насчет того, что при настоящем допросе мне не удастся долго сохранять маску Ричарда Армстронга, оставалась лишь надежда, что не расколюсь сразу же. А если сумею продержаться на первой стадии, что ждет меня после? Сколько раз приходилось мне говорить о камерах пыток, расписывать все их ужасы, пытаясь рассказать о мучениях, которым подвергают иракских евреев, особенно членов сионистского подполья... Неужели пришел мой черед испробовать их на себе?

Странно, но эти картины развертывались передо мной, точно я смотрел пьесу, где сам же играл главную роль, и я воображал все действие совершенно спокойно, только холодок в желудке стал как бы растекаться. Я снова поглядел на дверь. Она по-прежнему была плотно закрыта, но напряжение становилось почти невыносимым. Я заставил себя сосредоточиться на том, что драма была, быть может, поставлена только для того, чтобы выяснить, как буду я себя вести, усилием воли подавил удушливое ощущение ужаса и попробовал взять инициативу в свои руки и разыграть пьесу собственного сочинения с контрсюжетом.

— Мне кажется, нам не стоит сидеть сложа руки и ждать, что случится дальше, — беспечно, как и подобает человеку с чистой совестью, проговорил я. — Вся эта история просто нелепа, и мне, пожалуй, стоит пойти в полицейский участок, представиться и ответить на все вопросы, которые могли возникнуть у полиции.

Джимми наложил вето на мое предложение, по-

скольку такой ход только осложнил бы дело. Рауф возражал еще более резко, объяснив, что речь идет не о дружелюбных полицейских из соседнего участка, а о тайной полиции, куда нельзя зайти мимоходом и сказать, что, дескать, услыхав о том-то и том-то, вы хотите выяснить недоразумение. Они сразу примутся выспрашивать, как и от кого вы услыхали об этом, и в конце концов вы только глубже завязните в трясине.

— Что же вы предлагаете, мистер Рауф? Чтоб я сидел тут, дожидаясь, пока они за мной придут? — укоризненно воскликнул я.

— Вовсе нет, — ответил Рауф, голос его зазвучал как-то странно. — Дело к вечеру, и раз они до сих пор не явились, то вряд ли придут сегодня. Завтра пятница, день отдыха, и они вас, вероятно, тоже не вызовут. А тем временем мы, быть может, сумеем разузнать, что за этим кроется и чьих рук это дело.

Джимми и Рони сочли этот сценарий неподходящим. Я подумал было, что в словах Рауфа есть доля истины, но как "заинтересованное лицо" не мог слишком рассчитывать на то, что у сотрудников иракской службы безопасности нормированный рабочий день. Все-таки они прошли английскую выучку и невероятно, чтобы британские менторы позабыли объяснить им некоторые не совсем утешительные с моей точки зрения приемы.

Но тут Джимми Уотен с присущей ему уравновешенностью нашел решение проблемы.

— Дик, я предлагаю, чтобы завтра именно вы сопровождали наши самолеты на Кипр. Вы были со мной в Никосии, знакомы с тамошними формальностями. Со всех точек зрения, вам лучше заняться первыми полетами. А мы тем временем попытаемся выяснить, откуда проистекает эта ерундистика.

Логика его была столь же безупречна, как и

подача, и такой оборот дела вполне устраивал меня. Тем не менее, чтобы произвести надлежащее впечатление на Рауфа, я сказал Уотену, что не могу себе позволить уехать из Ирака, не развеяв подозрения, и поэтому не могу принять его предложения.

— Это не предложение, а приказ, — в голосе Уотена прозвучало ровно столько твердости, сколько нужно, чтобы убедить самого проницательного слушателя. — Вы же знаете поговорку, Дик: босс, возможно, не всегда прав, но он всегда босс.

Удовлетворившись этой формулировкой, я стал готовиться к отъезду, хотя меня все время преследовала мысль о том, насколько правдива история Рауфа. Если он принес слухи про подозрения полиции о том, что Армстронг — израильтянин, то легко можно заключить, что кто-то, знавший обо мне правду, выдал меня полиции или просто проболтался, а информация попала в полицию по другим каналам. Если же кто-то заявил в полицию, что я прибыл в Ирак по подложному паспорту, не уточняя подробностей, то против меня могло было быть выдвинуто еще более страшное обвинение. Если же последняя новость восходила к моей поездке из Багдада в Тель-Авив и безумной пробежке по никосийскому аэродрому (которая, бесспорно, привлекла внимание находившихся там англичан), то были все основания сомневаться, подозревают ли меня иракцы только в том, что я еврей.

Разумеется, существовала еще возможность, что майор Кэтон или один из его приспешников пытались торпедировать наш контракт, распространяя злостные сплетни. Но это было не слишком вероятно, ибо Джимми Уотен и Рони Барнет казались гораздо более крупными фигурами, чем я, и поэтому дискредитировать их с коммерческой

точки зрения было бы гораздо разумнее, чем инспирировать слухи о том, что Ричард Армстронг — еврей.

Тайна эта остается нераскрытой по сей день, несмотря на полученный мною доступ к официальным документам, хотя из них и следует, что моя поездка на Кипр не имела отношения к "открытию" этнического происхождения господина Армстронга. Следует полагать, что если бы источником информации являлся Кипр, то британское посольство в Багдаде знало бы об этом, но в переписке посольства не содержится никаких биографических сведений об Армстронге. В письме от 5 июня 1950 года посол Мэк, пытаясь объяснить своему министерству, почему английским компаниям не удалось добиться контракта хотя бы на часть подряда, сетует на "влияние" фирмы "Ниэр-Ист" в Израиле, что и "послужило помехой" английским авиакомпаниям. Но он нигде ни словом не намекает на то, что один из представителей американской фирмы — еврей или, тем более, израильтянин.

До сих пор я нахожусь в недоумении относительно эпизода, положившего конец моему пребыванию в Багдаде. Но чем бы он ни был вызван, надо сказать, что если уж мне суждено было внезапно покинуть Ирак, то подвернулась эта история как нельзя более кстати. Первые два рейса "Ниэр-Ист" были назначены на следующий день и, как правильно сказал Джимми Уотен, было вполне естественно, что я отправился с одним из них. Тем временем мне, однако, оставалось провести в Багдаде еще сутки и приходилось учитывать, что за мной следят. Поэтому необходимо было держаться так, словно дела идут своим ходом. Я помнил, что мне нельзя было казаться нервным, мрачным, слишком активным и вообще чем-либо привлекать внимание.

Не мне судить, сумел ли я вести себя согласно этим благоразумным предписаниям. Могу, правда, сказать, что когда с наступлением вечера у нас собралось обычное веселое общество, я допоздна развлекал гостей как образцовый хозяин ("Пусть хоть помянут добром", — думал я). Ничего из ряда вон выходящего я не делал, разве что внимательно оглядывался по сторонам да сравнительно рано отправился спать — но тут у меня было вполне солидное объяснение: я намерен встать на заре и быть в аэропорту задолго до отлета, чтобы еще раз проверить все необходимое. По дороге к себе в номер я попросил дежурного портье разбудить меня в пять, хоть и был уверен, что не сомкну глаз. Руководствуясь этим предчувствием, я не стал раздеваться, а просто прилег, надеясь немного собраться с мыслями.

Следующее, что я помню, — это громкий стук в дверь, заставивший меня в панике вскочить с кровати. Думая, что в комнату вот-вот ворвутся полицейские, я кинулся сперва к окну, потом к стенному шкафу и только тут расслышал просительные оклики из-за двери и понял, что голос принадлежал ночному портье. Я чуточку приоткрыл дверь, желая убедиться, что он один, и портье с некоторой опаской (должно быть, его смутил мой ошарашенный вид) напомнил мне, что я просил его разбудить меня в пять, а пять уже давно пробило. Только тогда я понял, что полностью отключился с того самого момента, как голова моя коснулась подушки. Я пробормотал слова благодарности, пошарил в кармане в поисках мелочи и, сунув портье чаевые, снова повалился на постель, дожидаясь, пока сердце перестанет бешено колотиться. После этого я тщательно привел себя в порядок, переоделся, уложил кое-какие вещи, и к тому времени, как мы

встретились с Рони в вестибюле, уже был не просто в норме, но даже в приподнятом настроении — радовался своему спасению.

Но не успели мы подъехать к аэропорту, как настроение мое снова переменилось, и не из-за какой-то новой угрозы — просто я увидел десятки эмигрантов, столпившихся перед столами таможенников, на которых стояли разодранные картонки и раскрытые чемоданы. Таможенники, злые, как черти, переворачивали все вверх дном, осыпая оскорблениями отъезжающих евреев. При виде растерянных стариков и старушек, на которых обрушилось это последнее унижение, малышей, цеплявшихся за материнский подол и хныкавших от страха перед непонятной, но явно ощущаемой опасностью, во мне закипел гнев. Рони шел рядом со мной и, наверное, почувствовал мое состояние, а может, зрелище вопиющего беззакония разозлило и его, но он стиснул мне руку и прошипел: "Не смей произносить ни слова". Разумеется, он был прав. Разве хорошо воспитанные англичане вмешиваются, когда "туземцы" относятся к своим же "туземцам" не в полном соответствии с английскими правилами вежливости?

Итак, мы проследовали мимо таможенных прилавков с невозмутимым выражением лица, но я не мог не подумать о том, какая жалость, что после двух с половиной тысяч лет история еврейской общины в Ираке подходит к концу в обстановке брани и издевательств, что в финале этой истории, которая была длиннее и богаче, чем анналы многих других народов, представители обеих сторон в последний час относятся друг к другу с непримиримой враждебностью. По одну сторону таможенных столов — злобные, презрительные, надменные лица иракцев, по другую — печальные и измученные глаза евреев, которые кусали губы, но из гордости не произносили ни

слова. Мне пришлось напомнить себе, что даже это последнее жгучее унижение все же лучше, чем опасности нелегальной алии.

"Рони! Дик! Сюда!" — голос Джимми Уотена оборвал мои горькие думы. Он подзывал нас к своему столику, за которым сидели Рауф, летчики и представители управления гражданской авиации. Рядом в наглаженном мундире с надраенными пуговицами стоял молодой офицер, представившийся "инспектором", который должен был сопровождать наш рейс, дабы убедиться, что мы соблюдаем условия соглашения и летим на Кипр "безо всяких фокусов", как выразился один из работников управления гражданской авиации, сопроводив свою шутку извиняющейся улыбочкой. Вид у молодого офицера был неуверенный и несколько даже смущенный. Я пригласил его сесть рядом, задал ему пару вопросов и понял, в чем дело: офицер никогда прежде не летал. Я стал успокаивать его и попытался расположить к себе, а кроме того, объяснил, что поскольку наши самолеты возвращаются в Багдад только через двое суток, ему придется остановиться в Никосии; отель, конечно, за наш счет. Он наивно ответил, что у него есть деньги, и даже открыл бумажник, из которого торчали английские банкноты. Но я повторил, что в Никосии он наш гость и может потратить деньги на щедрый подарок для своей девушки. Он залился румянцем, и я понял, что наш "инспектор" — просто мальчик из высокопоставленного семейства, которому благодаря отцовским связям предложили даровую поездку на Кипр.

Ему, безусловно, еще предстояло открыть мир, и я решил, что для новичка из Багдада Никосия ничуть не хуже любого другого места. Мы постараемся, чтобы он был там *очень* занят, так как нам надо было несколько пересмотреть план, вы-

работанный совместно с иракцами. Мы, как запланировано, прилетим в Никосию, а затем, вместо того чтобы пересаживать своих пассажиров на другие самолеты, повезем их дальше, в Тель-Авив, на собственных, тех же самых самолетах. Моя задача состояла в том, чтобы сразу по прибытии в Никосию интерес нашего иракского инспектора переключился с авиарейсов на "мирскую суету", и, надо сказать, этот наивный офицерик был, пожалуй, наилучшим кандидатом для намеченной мною программы.

Наши олим поднимались в самолеты молча, почти окаменело, глядя прямо перед собой и не позволяя себе даже прощального взгляда на родственников, друзей, родную землю. Быть может, они страшились новых унижений после всего уже пережитого. Мы с молоденьким инспектором устроились в кабине, я распечатал пачку жевательной резинки и предложил ему, объяснив, что это поможет ослабить давление на уши. Он вытянул из пачки две пластинки, методично снял с них обертку и стал энергично жевать обе сразу. Взглянув на него в следующий раз, я с радостным изумлением увидел, что он вытащил изо рта два комочка жвачки и намеревался засунуть их себе в уши. Нет, мне положительно нравился этот младенец! Я мягко разъяснил ему, как пользоваться жвачкой, и защелкнул его привязной ремень.

Наш самолет медленно подрулил к концу взлетной полосы, развернулся, разогрел двигатели, пронесся назад по полосе и оторвался от земли. Сразу же вслед за ним взлетел второй самолет — так было положено начало великому авиамосту, с помощью которого репатриировалось в Израиль более 100000 олим из самой древней общины еврейской диаспоры. Когда было объявлено о соглашении между "Ниэр-Ист Эйр Трэнспорт" и "Ира-

ки Эрвэйз", известная своей сдержанностью газета "Нью-Йорк таймс" охарактеризовала предстоящую операцию как "самую крупную в истории миграцию по воздуху". А в радиограмме "Арци от Бермана" начало этой исторической операции было описано куда скупее и проще:

"Сегодня вылетели два самолета с Шаммаем на борту. Подробности следуют".

Должен сказать, что и мои чувства в эти последние моменты над Багдадом были тоже приглушены. Прижавшись лбом к стеклу иллюминатора и глядя на город моего детства, на исчезающий вдали Тигр и уже проступающие впереди очертания пустыни, я вспомнил, как не так уж давно эта обширная пустыня казалась мне стеной, отгородившей вавилонскую диаспору от земли предков, где зацветает новая жизнь евреев. Но в конце концов пали и стены вавилонские — пришел мне на память стих из Иеремии.

Как и полагалось, мы приземлились на Кипре и, передав "инспектора" в надежные руки с инструкцией "непрерывно его развлекать", тем же самолетом вылетели в Израиль. Когда наш самолет замер на посадочной полосе, я увидел, что встречать нас пришли буквально все сотрудники Мосада. Не могу сейчас припомнить всех, кто обнимал меня, жал руку, хлопал по плечу, даже наша рыженькая секретарша Цафрира приехала в аэропорт, чтобы запечатлеть звонкий поцелуй на моей щеке. Я чувствовал себя триумфатором, но вскоре радостное волнение сменилось смертельной усталостью, я понял, что хочу только спать. Если б это было возможно, я бы свернулся калачиком и заснул прямо на полу аэровокзала. Кажется, я способен был заснуть даже стоя! Но тут с самолета стали сходить олим, и эта их встреча с новой жизнью стряхнула с меня спячку. С каким-то очень личным,

затаенным волнением следил я за тем, как они неуверенно вылезают из самолета, словно не решаясь перешагнуть черту между мечтой и реальностью, и медленно идут к аэровокзалу. Несколько человек задержалось у самолета, ища какого-то символического выражения, какой-то церемонии для этого исторического момента, и тогда один из стариков стал нараспев читать благодарственную молитву Господу за то, что Он "дал нам жизнь и сохранил нас, и позволил нам дожить до этого мига"; ему ответило многоголосое "Аминь".

На следующий день одна израильская газета окрестила наш рейс операция "Эзра и Нехемия", по имени библейских вождей, возглавивших возвращение вавилонских изгнанников в Иерусалим и восстановление разрушенного Храма. Название это прижилось, выиграв соревнование с другими, такими как операция "Али-баба" или операция "Вавилон" (последнее, предложенное Моше Шаретом, нравилось мне больше всего). Но голос мой уже не был решающим в этом деле. Прямо из аэропорта я отправился домой, правда, как оказалось впоследствии, не "окончательно и бесповоротно", но все же для достаточно долгой заслуженной передышки. Если у меня еще возникали какие-то мысли насчет возвращения в Багдад, то пришедшая на следующий день от Мордехая Бен-Пората радиограмма положила им конец: "Глава тайной полиции уведомил Рауфа, что если ты вернешься, тебя арестуют". Итак, одно, по крайней мере, было окончательно и бесповоротно — никогда более не ступлю я на землю Ирака. На этот раз задача, не дававшая мне покоя четыре года, перешедшая, кажется, в манию, — задача возвратить иракских евреев на землю предков — была наконец решена.

ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ

Нет-нет, я не собираюсь брать назад своего решительного заявления о том, что моя миссия в Ираке была завершена. Через несколько месяцев после возвращения в киббуц меня ненадолго вытащили из "тихой гавани" и отправили в Париж для встречи с Иехезкелем Шемтовом. Но, кроме этого, я больше не занимался иракскими делами. А поскольку большую часть времени, о котором пойдет речь в этой главе, мне пришлось нелегально проработать по заданию Мосада в Египте, я оказался совершенно отрезанным от того, что происходило в Израиле, не говоря уж об Ираке. Но это не мешает мне досказать начатую историю до конца, и как бы мне ни хотелось, чтобы конец этот был триумфальным, жизнь вносит свои коррективы и абсолютно счастливые концы, увы, редки. В данном случае радость от трудно завоеванной победы — спасения около 120000 иракских евреев — омрачалась трагическим концом сионистского подполья в Ираке.

В ходе операции "Эзра и Нехемия", продолжавшейся около полутора лет, в Израиль прибыло около 104000 олим из Багдада, других иракских городов и даже самых удаленных от центра деревушек на севере и юге Ирака. Трансфер столь значительной группы людей был бы нелегкой задачей даже при современной технологии, с ее компьютерами и спутниками связи. Понятно, что и при самых благоприятных условиях операция такого размаха не обошлась бы без всякого рода накладок и неприятностей, начиная с потери багажа и кончая мелочными ссорами за место в очереди. Но эмиграция евреев из Ирака происходила отнюдь не при идеальных и даже не при нормальных условиях, давящее чувство тревоги

еще более увеличивало вполне естественное нервное напряжение.

Объективные трудности, к несчастью, усугублялись трениями между официальным руководством общины и эмиссарами Мосада. Причинами этих противоречий были и борьба за первенство, и вопросы личного престижа, и просто различия в стиле работы. Впрочем, отчасти противоречивой была и сама ситуация: легальная массовая эмиграция из Ирака требовала непрерывных открытых контактов руководителей общины с различными правительственными учреждениями, а по существу организовывал исход иракских евреев и осуществлял связь с Израилем главный эмиссар Мосада в Ираке, работавший нелегально. Но и это разделение функций было проведено не до конца. В центрах регистрации работали члены подполья, а последнее слово в важнейших конкретных вопросах (например, кто когда уезжает, кто подлежит освобождению от платы за проезд и т.д.) оставалось, хотя бы номинально, за руководителями общины. Кроме всего прочего, совет общины раскололся на два лагеря, один из которых поддерживал Иехезкеля Шемтова, а другой выступал против него. Все эти условия, вместе взятые, порождали бесконечные недоразумения, нервотрепку, переходившие порой в открытые стычки из-за тех или иных прерогатив, а страшно медленный темп отправки потерявших гражданство евреев из Ирака еще более осложнял положение.

В течение нескольких недель дело дошло до открытой вражды между Шемтовом и Мордехаем Бен-Поратом, причем к борьбе за формальное главенство между верхушкой общины и сионистским подпольем примешалась личная неприязнь: шестидесятидевятилетнему Шемтову, за которым стояли богатство, культура, положение и связи

в высших сферах, нелегко было сносить такого соперника, как двадцатисемилетний Бен-Порат с его динамизмом и прямотой. Бен-Порат, в свою очередь, находил Шемтова высокомерным и деспотичным, но сообщал, что он частенько прячет свою гордость в карман и уступает Шемтову, чтобы избежать конфликта. Но погасить распрю не удалось, и вскоре она захватила все руководство еврейской общины.

Когда в разгар междоусобицы Шемтов пригрозил уйти со своего поста, перерезав тем самым прямую связь еврейской общины с премьер-министром Сувейди, меня попросили вылететь в Париж, чтобы попытаться урезонить родственника, а Моше Кармил отправился в Тегеран для параллельной беседы с Бен-Поратом. Итак, в августе 1950 года я прилетел в Париж и явился в роскошный отель "Карийон", на Пляс де ля Конкорд, где достопочтенный Шемтов занимал номер-люкс. (Столкнувшись в вестибюле с ливрейными лифтерами, я с трудом удержался, чтобы не пропустить их в лифт первыми — так похожи они были в своих шикарных ливреях с золотым шитьем на адмиралов!). Я приветствовал Шемтова по-французски, ибо на этом языке разговаривал с ним прежде Ричард Армстронг, но он сразу же перешел на арабский диалект иракских евреев.

— Вам нет нужды притворяться, сын мой, — прервал меня Шемтов, — я знаю все.

Я решил, что до него дошел слух, будто Ричард Армстронг — еврей, и он хочет испытать меня, а посему воззрился на него с полнейшим недоумением и продолжал по-французски осведомляться о его здоровье, о том, как прошло путешествие, и пр. Но Шемтов снова остановил меня, сказав, что Джимми Уотен и Рони Барнет открыли ему правду, в том числе мое настоящее имя! Запираться дальше не имело смысла, я

уселся в глубокое кресло и стал отвечать на его вопросы. Он расспрашивал про моих домашних и особенно про мать, которая скончалась несколькими годами раньше и покоилась на Масличной горе в Иерусалиме, самом святом еврейском кладбище. Мы довольно долго говорили о семейных делах и надо сказать, что хотя меня весьма обескуражила неожиданная откровенность Барнета и Уотена, я утешал себя тем, что благодаря ей мы сразу сблизились с Шемтовом и в качестве родственника мне легче будет успокоить его уязвленное самолюбие.

Но оптимизм мой оказался преждевременным. Не успели мы перейти к цели моего визита, как он снова насупился и в голосе его послышались воинственные нотки. Он жаловался на Бен-Пората, на неблагодарность сионистского подполья и некоторых членов совета общины. В тот день я послал следующий отчет Моше Кармилу:

"Причины конфликта сугубо персональные, и Шемтов не пытается этого скрывать. Ему кажется, что все достигнуто именно благодаря ему: это он добился права на эмиграцию; к нему прислушивается премьер-министр; его слово — закон для всех, для евреев и неевреев. И тут появляется этот неотесанный молодой человек, полагающий, будто глава еврейской общины станет исполнять его распоряжения!.. Так представляет себе дело Шемтов, поэтому Бен-Порат оказывается в очень сложном положении..."

Наша беседа длилась более четырех часов, и каждый раз, как мне казалось, что Шемтов немного смягчается, в разговор вмешивалась его дочь Фахима и снова разжигала гнев отца. Я понял, что ситуация еще более осложнилась за счет необоснованных и неоправдавшихся обещаний Джимми Уотена сместить Бен-Пората, а мои коллеги из Мосада еще подлили масла в огонь,

когда до нашей встречи с Шемтовом тоже дали ему какие-то несерьезные обещания. Как бы то ни было, несмотря на все мои усилия, Шемтов вернулся в Багдад не менее раздраженным, чем покинул его. Он был настолько разозлен, что совершенно устранился от всякого участия в делах эмиграции, и правительство назначило вместо него комитет из нескольких влиятельных членов еврейской общины. Вышло так, что вскоре после этого Тауфик ас-Сувейди тоже ушел в отставку и таким образом уникальное положение Шемтова как единственного еврея, имеющего прямой доступ к премьер-министру, перестало иметь какое-либо значение.

Моше Кармил не более меня преуспел в планах смягчить сердце своего собственного агента, поскольку их встреча так и не состоялась. Чтобы добраться до Тегерана, Бен-Порату необходимо было нелегально перейти через ирако-иранскую границу и тут ему, к сожалению, не повезло — задержала полиция. Это был уже не первый его арест. В предыдущий раз, когда ему также было предъявлено обвинение в попытке незаконного бегства из страны, Бен-Порат отсидел пять дней в тюрьме, а затем был выпущен на поруки за крупную взятку. На этот раз ему пришлось отсидеть в тюрьме около двух недель, в результуте чего он так и не прибыл в Иран на встречу с Моше Кармилом.

В середине октября 1950 года Бен-Пората судили и отпустили на свободу после уплаты штрафа в пятьдесят динаров. Кроме того, согласно Закону об эмиграции, всякий еврей, признанный виновным в попытке незаконного бегства из страны, автоматически лишался гражданства и заносился в список кандидатов на эмиграцию в Израиль[68]. Таким образом, Мордехай Бен-Порат также подлежал высылке из Ирака, но он ре-

шил не покоряться судьбе и с неподражаемой бравадой радировал в Израиль: "Аресты не помешают мне исполнить свой долг. Мы будем продолжать работу с прежней энергией". Даже третий арест, последовавший за автомобильной аварией и шумной ссорой с офицером полиции, не убедил Бен-Пората, что ему следует бежать из Ирака, хотя ввиду довольно богатого "уголовного прошлого" ему просто необходимо было вернуться в Израиль как можно скорее.

Все эти события произошли в течение первых нескольких месяцев организованной эмиграции евреев из Ирака и, безусловно, затруднили проведение операции. Но самой острой проблемой в этот первоначальный период была недостаточная скорость эмиграции. Трудности абсорбции в Израиле, нехватка палаток и другого необходимого снаряжения, а также внутренние неполадки фирмы "Ниэр-Ист Эйр Трэнспорт" (авиакомпании сложно было предоставить необходимое количество самолетов) привели к тому, что темпы эмиграции оказались ниже расчетных. Кроме всего прочего, Еврейское агентство, погруженное в собственные бесчисленные заботы, было не слишком обеспокоено серьезностью положения в Ираке, несмотря на то, что в приходивших оттуда отчетах ситуация в стране описывалась в крайне мрачных тонах. Вот, например, радиограмма Бен-Пората от 17 июля 1950 года:

"... Евреям приходится очень тяжело. 36000 человек лишены гражданства... 16000 евреев на юге и севере страны являются, согласно закону, лицами без гражданства... Учитываете ли вы, что семьи, бросившие работу, продавшие дома и ждущие возможности уехать, могут восстать против нас?.. Почему вы дали нам обманывать евреев обещаниями о неограниченной эмиграции?.."

В провинциальных городах и отдаленных дерев-

нях местные власти и просто соседи выгоняли евреев из домов, те бежали в Багдад, где их приходилось размещать в синагогах, превращенных в центры эмиграции. 4 августа 1950 года Рони Барнет сообщал: "В центральной синагоге Твейг, где собираются перед отлетом пассажиры, царит беспокойство... Положение настолько серьезно, что приходится прибегать к помощи полиции. Местные евреи говорят, что правительство опасается, как бы дело не дошло до антисемитских бунтов..." 22 сентября Рони описывает ситуацию в еще более мрачных тонах:

"...Из провинциальных городов прибыло (точнее, их выгнали) несколько тысяч евреев без гроша в кармане и в самом плачевном состоянии. Они слоняются по столице, не зная, куда приткнуться; проев деньги, полученные на оплату билетов, они переходят на иждивение общины. Думаю, что знаете, что имеется уже около пятидесяти случаев смерти маленьких детей..."

Разумеется, Мосад и правительство Израиля знали о ситуации, сложившейся в Ираке в связи с непредвиденно низкими темпами эвакуации олим. Министр иностранных дел Моше Шарет предупредил 28 августа, что "существующая квота 2500—3000 человек в месяц" совершенно неудовлетворительна, ввиду "чрезвычайного положения в Ираке... капризности тамошнего режима и его способности прибегать к самым бесчеловечным средствам, не считаясь с жизнью людей". Однако корнем проблемы являлось вполне объективное обстоятельство — недостаток средств, и поэтому лишь несколько месяцев спустя, в начале 1951 года организации, занимавшиеся абсорбцией репатриантов в Израиле, преодолели наконец материальные затруднения, и иммиграционная квота повысилась до 13500 человек в месяц (а впоследствии стала еще выше).

Тем временем стали сбываться предсказания Моше Шарета: в начале сентября 1950 года пало правительство Тауфика ас-Сувейди, и премьер-министром снова (в одиннадцатый раз!) стал Нури Саид. Его возвращение к власти вызвало большое беспокойство в Израиле и среди иракских евреев, хорошо помнивших, что вытворял Нури Саид в 1949 году. Сперва опасались, что из чистой злости Нури отменит мартовский закон об эмиграции и напрочь остановит исход евреев из Ирака. Но у Нури был более хитроумный план. Он знал, что повернуть стрелки часов назад невозможно, и вместо того, чтобы держать евреев в качестве заложников, попытался воплотить в жизнь свою первоначальную идею: добиться краха Израиля, затопив его потоком иммигрантов, а потому попытался ускорить выезд евреев.

Одним из путей достижения этой цели было привлечение других, кроме "Ниэр-Ист", авиакомпаний. Согласно рапорту английского посла в Багдаде от 24 ноября 1950 года, эвакуации из Ирака ожидало 80000 евреев, когда из командировки в Лондон вернулся Сабах Саид с сообщением о том, что авиакомпания "BOAC" готова перевезти за месяц 50000 человек ("Ниэр-Ист" перевозила тогда ежемесячно три тысячи). "Ирак обеспечит транспорт и финансирование, — говорится в отчете английского посла, — а Израиль не сможет отказаться их принять, помня о выдвигавшемся сионистами требовании неограниченной иммиграции в период мандата". Однако оказалось, что ни "BOAC", ни какая-либо иная авиакомпания не могла перевозить людей в Израиль без предварительного согласия израильского правительства и поэтому темпы иммиграции попрежнему оставались под контролем Иерусалима.

Нури Саид кипел от возмущения и появились

признаки, что он обдумывает какое-то решительное изменение курса. Даже британское посольство сообщало в Лондон, что становится все труднее удерживать иракцев от варварских мер. Один из рассматривавшихся тогда проектов состоял в перевозке евреев на границу с Кувейтом. Неоднократно высказывалось предложение об отсылке евреев в Израиль наземным путем, через Иорданию, однако иорданское правительство наотрез отказалось. Нури впервые предложил такое "решение" королю Абдалле в октябре 1950 года, но король отверг его, заявив, что таким образом они лишь помогли бы Израилю увеличить свои "людские ресурсы", которые когда-нибудь могут быть использованы против него (Абдалла, по-видимому, опасался, что Израиль откажется принять этих евреев, и они застрянут в его королевстве на неопределенный срок, подобно десяткам тысяч арабских беженцев).

Но Нури Саид был столь увлечен идеей транспортировать евреев через Иорданию, что снова поднял этот вопрос во время своего официального визита в эту страну, состоявшегося в конце января — начале февраля 1951 года. Об этом рассказывает в своих мемуарах тогдашний английский посол в Аммане сэр Алек Кэркбрайд. Во время визита иракского премьера сэра Алека пригласили принять участие во встрече Нури Саида с главой иорданского кабинета Самиром Рифаи, на которой Нури сделал "поразительное предложение о том, чтобы колонна военных грузовиков с иракскими евреями под охраной броневиков подошла к иордано-израильской границе и евреев заставили бы пересечь границу". Ужаснувшись одной мысли о подобной операции, Кэркбрайд заметил: "Переход евреев через Иорданию почти наверняка повлечет за собой волнения среди и без того возбужденных арабских бежен-

цев, наводнивших страну. Дело кончится либо резней иракских евреев, либо тем, что иракская охрана вынуждена будет открыть огонь по арабам". Разгорелась бурная дискуссия, — продолжает сэр Алек, — и когда Самир Рифаи категорически отверг иракское предложение, заявив, что он "не желает участвовать в подобном преступлении", Нури страшно разъярился, и сэр Алек стал опасаться, как бы оба премьера не разругались совсем.

Увидев, что план разом сбыть евреев в Израиль не удается, Нури решил было отправить их в концлагеря в иракской пустыне, но этой бесчеловечной идее воспротивился регент Абд-Илла (ему, несомненно, припомнился международный скандал, вызванный преследованиями евреев в 1949 году). Затем, когда Израиль ускорил темпы иммиграции иракских олим до 15000—20000 человек в месяц и тем самым существенно облегчил проблему, связанную с пребыванием в Ираке лишенных гражданства евреев, Нури утратил всякий интерес к ускорению эмиграции и нашел другой способ покарать уезжающих евреев, а заодно и государство Израиль.

Девятого марта 1951 года истекал срок действия закона об эмиграции, с приближением этой даты напряжение в Ираке достигло апогея. К этому моменту все евреи, намеревавшиеся покинуть Ирак, уже отказались от гражданства, но десятки тысяч людей еще не знали, когда они смогут выехать из страны. Обстановка накалилась до предела, поползли слухи о том, что власти собираются прекратить выезд евреев после 9 марта.

И тут Нури поразил всех. Вместо того, чтобы перекрыть кран, оставив в стране лишенных гражданства, работы, а во многих случаях и крова евреев (ибо для чего ему в конце концов

нужны были эти обездоленные люди?), он созвал 10 марта специальное заседание палаты представителей и провел закон о замораживании имущества всех отказавшихся от иракского гражданства евреев (к тому моменту их численность достигала 103866 человек), а также тех евреев, которые сохранили иракские паспорта, но проживали за границей (в эту категорию входили богатейшие иракские коммерсанты-евреи). Закон о замораживании распространялся на все виды собственности, включая фонды магазинов (которые были опечатаны властями) и вклады в банках — словом, он имел катастрофические последствия для евреев. В одной из переданных подпольной радиостанцией радиограмм сообщалось: "Многие олим, поместившие свои сбережения в банк или переведшие их к менялам, остались без средств. Некоторые семьи оказались буквально без гроша. Никогда прежде не приходилось евреям переживать столь тяжкие времена".

Мосад не надо было убеждать в серьезности положения: ни для кого не было секретом, что правительство Израиля, отягощенное собственным финансовым дефицитом, отнесется к приезду в страну десятков тысяч неимущих олим без большого энтузиазма. Чтобы решить возникшую проблему, следовало организовать специальную фирму, которая скупила бы имущество выезжающих из Ирака, продала его согласно установленному порядку и перевела выручку владельцам. Даже нацисты пошли на такое соглашение в 1933 году, но иракцы и слышать о нем не желали. Таким образом, 10 марта 1951 года, когда более семидесяти тысяч лишенных гражданства евреев дожидались отправки из Ирака, те из них, кто еще не успели ликвидировать собственность или оказались достаточно легковерными, чтобы держать сбережения в банках, в одночасье превра-

тились в нищих. Удар был ошеломляющий.

Но исход из Ирака продолжался, и ответственным органам Израиля стало ясно, что вскоре сионистское подполье самоликвидируется. Это означало, что израильским агентам в Ираке предстоит скоро действовать в одиночку, без какой-либо поддержки на месте.

Одним из тех, кого избрали для выполнения этой опасной задачи, был Юдке Тайер (ныне доктор Иехуда Тагер), отправившийся в Ирак по поручению израильской разведки под видом представителя иранской коммерческой фирмы Исмаила Бен Махди Салхуна. Юдке, храбро сражавшийся в Войне за Независимость, происходил из старинной сефардской семьи, поселившейся в Иерусалиме после изгнания евреев из Испании в 1492 году. По виду сугубо восточный человек, Юдке мог бы, по-видимому, обосноваться в Багдаде, не привлекая излишнего внимания. Загвоздка состояла, однако, в том, что Юдке говорил на палестинском диалекте арабского языка и поэтому мог выдать себя, произнеся одну-единственную фразу. Вот почему Юдке сделался иранцем, впрочем, эта личина была отнюдь не безупречна, ибо он не знал ни слова по-персидски. Наверно, и при этих ограничениях, все могло бы сойти гладко, но его погубило совпадение самых неблагоприятных обстоятельств.

Юдке прибыл в Багдад, когда оболочка секретности, сотканная вокруг сионистского подполья, уже истончилась. В новых условиях невозможно было сохранять тщательную конспирацию, которая существовала на протяжении предыдущего десятилетия, ибо массовая эмиграция и глубокое подполье были несовместимы. Подпольщики организовывали эмиграцию по всей стране, более пятидесяти ведущих активистов подполья работали от министерства внутренних дел в центрах реги-

страции, где они постоянно соприкасались с полицейскими. Таким образом, нарушались элементарные правила конспирации, постепенно молодые подпольщики разбалтывались и теряли осторожность, принимали тень горы за саму гору, думая, что вся полиция столь же неумела и пассивна, как работавшие бок о бок с ними полицейские чиновники. Эта внезапная вылазка на поверхность вызывала головокружительное чувство обманчивого облегчения, как если бы средневековый рыцарь легкомысленно скинул тяжелые доспехи, не подумав о том, что они служили ему единственной защитой. Случилось так, что и в Израиле в этот момент происходила смена добровольных органов, нелегально действовавших в период мандата, новым аппаратом, возникшим после создания суверенного государства. Организация, построенная на личной инициативе, импровизации, мгновенном отклике на изменение обстановки, сменилась менее подвижной системой, делавшей первые неуверенные шаги и страдавшей всеми "детскими болезнями".

В результате Юдке Тайера отправили в Ирак вместе с весьма странным молодым человеком по имени Роберт Родни, который являлся, правда, обладателем подлинного английского паспорта, но во всех остальных отношениях отнюдь не подходил для порученного ему задания. К счастью, Родни не имел связи ни с одним из местных подпольщиков (кроме Юдке, которому он подчинялся). Юдке же работал в тесном контакте с Мордехаем Бен-Поратом, что противоречило элементарной логике, не говоря уж об осторожности, необходимой профессиональным разведчикам. Тем не менее, в тогдашних конкретных условиях связь между ними представлялась естественной, почти неизбежной. Дело было не только в том, что Юдке, отнюдь не являвшийся опытным шпионом,

просто по-человечески тянулся к Бен-Порату, с которым у них было общее боевое прошлое, — но ведь только через Бен-Пората мог он передавать радиограммы в Израиль. Со строго профессиональной точки зрения еще хуже было то, что функции Бен-Пората и Юдке не были четко разделены, неоднократно высказывались даже предложения, чтобы Юдке заменил Бен-Пората, если тому придется оставить Ирак раньше, чем первоначально планировалось.

Эта перспектива казалась все более вероятной с каждым днем, так как после трех арестов, при которых, правда, не возникло никаких подозрений об истинной роли Бен-Пората, его личность стала чересчур приметной для полиции. В конце апреля 1951 года был наконец послан другой агент на смену Бен-Порату, но по прошествии недели он вернулся назад, жалуясь на неприязненное отношение подпольщиков и в первую очередь самого Бен-Пората. Тот, со своей стороны, объяснял, что его рыжеволосый сменщик выделялся в толпе, как белая ворона, и мог бы "поставить под удар все подполье".

Увы, не прошло и месяца после возвращения рыжеволосого агента из Багдада, как там начал разыгрываться совсем другой сценарий. 22 мая 1951 года, выходя из универмага "Орозди-Бак", Мордехай Бен-Порат и Юдке Тайер натолкнулись на трех дюжих мужчин, сама поза которых — правая рука в кармане пиджака — с абсолютной откровенностью показывала, что они принадлежат к тайной полиции. Быстро окружив ошеломленных друзей, полицейские впихнули их в ожидавшую машину и доставили в штаб-квартиру тайной полиции. Все произошло так быстро, что нечего было и пытаться оказывать сопротивление или бежать. Никто из прохожих даже не повернул головы, ведь пятеро мужчин, садящихся в маши-

ну, — самое обычное зрелище на оживленной центральной улице города. Вся акция была проведена на удивление чисто — словно мгновенный надрез скальпелем, от которого в первый момент даже не чувствуешь боли.

Бен-Порат, для которого это был четвертый арест, испугался куда меньше Юдке и на какой-то момент даже поверил, что и на этот раз выпутается так же легко, как раньше. Но взглянув на бессильно осевшего, ошеломленного Юдке, он понял, что они попали в беду. Легенда об иранском происхождении Юдке, само собой, лопнет очень быстро. А что еще хуже, у Бен-Пората не было ни малейшего представления о том, почему их арестовали. В сущности, мы не знаем этого и по сей день, хотя имеются весьма солидные аргументы в пользу предположения, что на Юдке "настучал" какой-то знавший его лично палестинский араб, работавший в злополучном универмаге.

Главное подозрение, действительно, пало на Юдке, но бывший вместе с ним Мордехай тоже оказался скомпрометированным. Настойчивые заверения Бен-Пората в том, что он — простой служащий в центре, куда евреи обращаются с заявлениями об отказе от гражданства, и что "иностранца" он встретил случайно, не удовлетворяли следователей. Впрочем, они не сомневались в том, что он — иракский еврей. Бен-Порат прекрасно владел местным еврейским диалектом, указанный им адрес был проверен и оказался подлинным. Однако его связь с "иностранцем" (которого полиция сразу же заподозрила в том, что он — израильский шпион) требовала тщательного расследования. Юдке и Мордехая разделили и стали допрашивать с применением обычных иракских методов: пыток, оскорблений, запугивания.

Почти тотчас же были арестованы другие лица — и не потому, что Юдке или Мордехай "раскололись", а, по-видимому, просто на основании телефонов в записной книжке Юдке, которая была обнаружена при обыске в комнате, которую он снимал в одном из самых респектабельных районов Багдада. Среди задержанных оказался и Роберт Родни, избавивший следователей от необходимости пытать его и выложивший им все, что знал, включая цель своего приезда в Ирак. Он признался, что является евреем, родившимся в Германии (хотя в просьбе о предоставлении иракской визы назвался христианином), рассказал, что его семья после прихода Гитлера к власти переехала в Голландию, затем в Бельгию, а с началом Второй мировой войны перебралась в Англию. В конце концов Родни оказался в Израиле и согласился работать в Ираке по заданию израильской разведки, так как "верил в возможность взаимопонимания между Израилем и арабскими странами и решил трудиться ради этого" (заявление Родни). Он также сообщил, что в Багдаде имеется еще один израильтянин по фамилии Тайер, и опознал Юдке при очной ставке. Возможно, он с тою же легкостью выдал бы и Бен-Пората, но, к счастью, они никогда не встречались и потому Родни не мог узнать его. Тот факт, что Родни не смог опознать Бен-Пората при очной ставке, укреплял позиции последнего, косвенным образом подтверждая его заявление о случайном знакомстве с Тайером.

Когда весть об аресте просочилась наружу, в подполье поднялась паника. Прежде всего, кинулись к адвокату Юсефу Фаталю и попросили его вести дело, поскольку он был дружен с несколькими подпольщиками (хотя и не являлся членом организации). Фаталь, быстро поняв, насколько сложно и деликатно порученное ему дело, обра-

тился за помощью к достопочтенному коллеге-мусульманину, прежнему министру юстиции Джамалю Бабану, славившемуся внушительной осанкой и острым как бритва языком. (Даже судьи относились к Бабану с подчеркнутым уважением, опасаясь, как бы он снова не стал министром юстиции). Бабану пообещали щедрый гонорар — ради чего он готов был взяться почти за любое дело, — и он зарегистрировался в качестве поверенного Бен-Пората. Положение Юдке было таково, что ни один находящийся в здравом уме юрист не согласился бы представлять его, страшась прослыть защитником сионистского шпиона. Связь с подсудимым-евреем не прошла даром даже Бабану: ему на дом была доставлена посылка с миной, ранившей одного из слуг.

Но еще до этого происшествия Бабан, прекрасно сочетавший красноречие законника с виртуозным умением давать взятки, сумел добиться освобождения своего клиента под залог в пятьсот динаров. Таким образом, после недели допросов с пристрастием Бен-Порат вышел из тюрьмы — глаза его помутнели от недосыпа, лицо распухло от побоев, суставы посинели и вздулись от веревок, но дух остался непоколебленным. Даже теперь он продолжал считать, что все обстоит не так уж страшно, ведь ему не предъявили конкретных обвинений. "У них нет никаких реальных улик против меня, — радировал он в Тель-Авив сразу же после освобождения. — Они устроили мне очную ставку с Родни, но он понятия не имеет, кто я такой".

Пожалуй, любой другой человек, переживший пытки, которым подвергали Бен-Пората, опрометью бежал бы прочь из Ирака. Бен-Порат же не только остался на посту; сколь бы фантастическим это ни показалось, через несколько дней после освобождения он снова предстал перед су-

дом по обвинению в том, что по его вине якобы произошло дорожно-транспортное происшествие. Пусть Мордехай был абсолютно убежден в своей невиновности, но на горьком опыте он уже должен был бы убедиться в том, что у иракской судебной машины своя логика, особенно когда шофера-еврея обвиняют в том, что он сбил велосипедиста-мусульманина. К тому же одним из свидетелей происшествия являлся армейский офицер, с которым Бен-Порат успел повздорить и показания которого имели гораздо больше веса, чем реальные факты. В какой-то момент судебное разбирательство от выяснения того, кто виноват в происшедшем, переключилось на наглость подсудимого, посмевшего оскорбить иракского офицера, и судья приговорил самонадеянного выскочку к двухнедельному тюремному заключению. Так, всего через несколько дней после выхода из тюрьмы, Мордехай Бен-Порат снова очутился за решеткой.

Как ни смешно, в этом и было его спасение. Дело в том, что полиция тем временем арестовала много других людей, чьи адреса и телефоны оказались в записной книжке Юдке Тайера, и вскоре следствие пошло по нескольким направлениям. Полиция искала человека, которого звали "Цагхи" или "Хабиб" (подпольные клички Бен-Пората), он представлялся следователям крупной дичью, ибо многие из задержанных называли его под жесточайшими пытками. Однако в этом случае правила конспирации, согласно которым подпольщики фигурировали лишь под "noms de guerre"[69], оправдали себя. Большинство из тех, кто упоминал "Цагхи" или "Хабиба", понятия не имели о том, что его настоящее имя — Мордехай Бен-Порат. Еще меньше было число тех, кто знал о том, что у него имелось удостоверение личности на имя Ниссима Моше (одного из наших товари-

щей, нелегально бежавшего из Ирака и передавшего свое удостоверение на нужды подполья) и что под этим именем он известен полиции. Многие дни охотились полицейские за неуловимым "Цагхи"-"Хабибом" по всем рынкам и кафе, принадлежавшим евреям, но возвращались с пустыми руками. Собрав воедино обрывки показаний разных подследственных, полиция начала было подозревать, что "Цагхи", "Хабиб" и Ниссим Моше могут оказаться одним и тем же лицом. Но явившись в дом, где проживал Ниссим Моше, полицейские обнаружили, что он пуст, поскольку все его обитатели покинули страну, а следов самого Ниссима нигде не было. Единственное место, куда следователи не подумали заглянуть, была центральная багдадская тюрьма, где Мордехай Бен-Порат отбывал двухнедельный срок за наглое обращение с офицером!

Благодаря энергичному вмешательству Джамаля Бабана через несколько дней Бен-Пората снова выпустили, после чего его необходимо было срочно вывезти из Ирака. Когда обычные способы нелегального перехода границы были признаны слишком рискованными, кому-то из работников Мосада припомнилась операция "Майклберг", и с полок архива была извлечена пыльная папка с детальным отчетом о первом полете "Майклберг". Двенадцатого июня в Багдад передали по радио все подробности операции и приказали Бен-Порату в точности повторить ее, заверив, что время и место (в конце взлетной полосы) "тщательно рассчитаны и проверены". Предусматривались всего два отклонения от первоначального плана "Майклберг". Во-первых, Бен-Порату предстояло вылететь не на специальном спасательном самолете, а с обычным ежедневным рейсом "Трансоушн". Этим обусловливалось второе отличие: "Если вам не удастся взобраться в самолет, эки-

паж заявит, что пока они ждали разрешения на взлет, какой-то человек махал им с земли, будто показывая, что он забытый пассажир. Вы должны заявить то же самое".

По счастью, эта предосторожность оказалась излишней. Достоинства плана "Майклберг" не потускнели от времени, бегство Бен-Пората явилось еще одной безупречной его реализацией. Ко всему прочему, произошло оно буквально в последнюю минуту, ибо через несколько часов после приземления самолета с Бен-Поратом на борту в Израиле Багдад радировал: "Иракцы как сумасшедшие ищут Бен-Пората. Всем агентам секретной полиции розданы его фотографии и приказано его найти".

Но спасение Бен-Пората было единственным проблеском в наступившем мраке. Пытки сделали свое дело, и постепенно образцовая спайка и дисциплина подполья стали разваливаться. Каждая новая крупица информации помогала полиции все глубже забрасывать сети в поисках новой добычи, пока не случилось неизбежное. Судьба с кривой усмешкой превратила чистое совпадение в трагедию.

Драма, действие которой развернулось в Багдаде в последующие шесть месяцев, сконцентрировалась вокруг двух впавших в отчаяние протагонистов. Первым из них был Иосеф Басри, юрист, занимавший одно время крупный пост в министерстве финансов и являвшийся в Багдаде весьма видным лицом. Басри никогда не был связан с сионистским подпольем. Он был причастен к сбору разведывательной информации, которой занимался Юдке Тайер, но не фигурировал ни в одном из списков, попавших в руки полиции, и потому его не искали. Однако один из родственников Басри Иосеф Хабаза действительно входил в список разыскиваемых полицией лю-

дей, но успел уже выехать из страны.

Не подозревая об этих двух обстоятельствах, Басри без всякой задней мысли зашел в дом Хабазы и едва успел переварить известие о внезапном отъезде родственника, как в дом ворвались полицейские, надеявшиеся застигнуть хозяина. Тогда Басри в панике спрятался в ближайший гардероб. Не найдя того, за кем пришли, полицейские уже собирались уходить, как вдруг заметили странно сдвинутый гардероб. Один из полицейских распахнул дверцу, заметил торчавшие из-под платья ноги и, отодвинув одежду, обнаружил прижавшегося к стенке господина Басри. Поза Басри плохо сочеталась с его заявлением о том, что он просто пришел навестить родственников.

Басри был немедленно задержан, и когда провалились все попытки найти "Хабиба", или "Цагхи", его провозгласили главой израильской шпионской сети в Ираке. Юдке Тайер и Роберт Родни являлись иностранцами, тогда как Басри, в прошлом крупный правительственный чиновник, отлично подходил для роли резидента — во всяком случае, по понятиям иракской секретной полиции.

Другим злодеем в поставленном иракцами спектакле был еще не достигший двадцатилетия плотник Шалом Салех Шалом, весьма мало походивший на главаря подполья. Однако его арест оказался роковым не только для самого Шалома, но и для Басри, а в конечном счете, и для подполья в целом, поскольку он внес в создаваемое полицией дело элемент незаконного владения оружием.

Шалом занимался изготовлением тайников для хранения оружия. Он уже отказался от гражданства и мог уехать из Ирака, но отъезд молодого плотника отсрочили, т.к. его навыки, старательность и преданность делу были просто не-

оценимы в тот момент, когда главной задачей подполья было перепрятывание оружия. По мере того, как из Ирака уезжало все больше евреев[70], как пустело все больше надежных домов, становилось необходимо собрать имеющееся оружие и спрятать его в безопасном месте. В тайниках хранились учебные материалы и архивы (включая списки активистов, их клички и адреса), а также оружие, добытое за многие годы с колоссальным риском и предназначавшееся для целей самообороны в случае нужды. Новые тайники строили, главным образом, в синагогах, исходя из предположения, что эти здания будут служить еврейской общине до окончания процесса репатриации, а также в домах ведущих подпольщиков, которые должны были выехать в Израиль одними из последних.

Учебные материалы можно было быстро и без затруднения уничтожить. Но судьба оружия беспокоила руководителей подполья с самого начала массовой эмиграции. Я и сам поднял вопрос о роспуске Шуры в памятной записке, которую подал в Мосад еще в апреле 1950 года, перед тем, как выехал в Багдад под именем Ричарда Армстронга. Бен-Порат тоже неоднократно запрашивал инструкции о том, что делать с оружием, но вопрос этот застрял где-то между различными инстанциями, и Бен-Порат так и не получил ответа. Вследствие этого наши товарищи в Багдаде столкнулись со сложной дилеммой: то ли избавляться от оружия (выбрасывая его в реку, запирая в тайниках покинутых домов), то ли продолжать концентрацию оружия до тех пор, пока последний еврей не выедет из Ирака или хотя бы пока они не получат каких-либо иных инструкций. Они решили переправлять оружие из дома в дом, чтобы держать его под рукой как можно дольше.

Арестовав Юдке Тайера и Мордехая Бен-Пората, иракские следователи решили, что они напали на шпионскую сеть. Обыск в комнате Юдке принес им большой улов разведывательных материалов, но там не было и намека на оружие, поэтому трудно сказать, когда и почему полиция начала поиски в этом направлении. По всей вероятности, один из задержанных проговорился о существовании тайников оружия при допросе, и, начиная с определенного момента, полиция сконцентрировала усилия на поисках оружия.

Основываясь на устных свидетельствах участников и очевидцев, которые позднее появились в печати, на отчетах о судебном процессе, а также на тексте обвинительных речей и приговоров, можно восстановить следующую картину. Во время одной из облав в сети полиции попался молодой плотник Шалом Салех Шалом. Как и всех остальных, его долго допрашивали. Во время этих допросов по нескольку раз кряду повторялся вопрос: "Где оружие? Где вы спрятали оружие?" и всякий раз молчание каралось жуткими избиениями. В конце концов Шалом решил, что полицейские так свирепствуют потому, что знают о подпольных тайниках и его роли в их изготовлении, но и тогда совесть не позволила ему открыть тайну. Его воспитывали в беспредельной преданности делу; вступая в ряды Шуры, он торжественно принес присягу молчать обо всем, что ему известно, и старался держаться как можно лучше, пока у него не зародилась мысль о том, как обмануть мучителей, не принеся подполью никакого вреда.

Когда Шалом не занимался строительством тайников, он находился обычно в синагоге Масода Шемтов, превращенной в центр регистрации эмигрантов. Несколько дней назад он видел там уезжавшего в Израиль Иосефа Хабазу. Не могло

быть никакого сомнения в том, что это был именно он, — Шалом хорошо знал Хабазу, ибо некоторое время назад строил большой тайник в его доме и видел, что он доверху набит оружием. Но раз Хабаза уехал, тайник в его доме наверняка опустел. Вот Шалом и решил отвести своих следователей в дом Иосефа Хабазы и со сладостным чувством мести понаблюдать за тем, как они будут высаживать дверь тайника — только для того, чтобы убедиться, что он пуст. Шалом не знал и, конечно, не мог вообразить, что в спешке Хабаза даже не пытался убрать оружие из тайника, и он остался в том самом виде, в котором помнил его Шалом, — до отказа набитым теми уликами, которые так жадно искала полиция.

Полицейские уже не раз обыскивали дом Хабазы сверху донизу и ничего там не обнаружили (не считая спрятавшегося в шкафу Иосефа Басри); теперь, снова придя в этот дом с Шаломом, они, широко открыв глаза, смотрели на открывшийся им тайник. Здесь были ружья, боеприпасы, карты, приходно-расходные книги, списки членов подполья, тексты для изучения иврита и другой учебный материал (то, что главный обвинитель и судьи именовали впоследствии "сионистской пропагандой"). Мысль о том, что все эти улики можно связать с Иосефом Басри, нежила им душу, а увидев карту города с помеченными на ней другими тайниками, они пришли в полнейший восторг. Так полиции удалось вскрыть двенадцать тайников, принесших ей солидный улов. В обвинительном приговоре упоминалось 425 гранат, 33 пулемета (очевидно, ручные пистолеты-пулеметы), 186 револьверов, 24647 винтовочных патронов, 79 коробок патронов для пистолетов, 32 кинжала, хранившихся у обвиняемых.

Теперь полиция производила аресты, руководствуясь списками членов подполья, обнаружен-

ными в различных тайниках. В массовых арестах уже не было нужды, полиция вылавливала именно тех, кто был ей нужен. Число задержанных не доходило до ста, около тридцати из них впоследствии предстали перед судом. Однако в результате этих арестов вся сеть сионистского подполья распадалась с угрожающей быстротой.

Началась отчаянная "скачка" наперегонки с полицией: подпольщики пытались уничтожить содержимое оставшихся тайников прежде, чем до них доберется полиция. Сжигались целые библиотеки, собранные с величайшей любовью и огромным риском, — и делали это те самые люди, которые по крупицам собирали их на протяжении многих лет. Спешно уничтожались членские списки, несложное вооружение и все, что еще не успело попасть во вражеские руки. Но самым красноречивым свидетельством того, что сионистское подполье спустило флаг, была судьба радиопередатчика, с помощью которого организация, начиная с 1943 года, поддерживала непрерывную связь с Израилем. На протяжении восьми лет каждый день шел в эфире диалог между "Берманом" и "Арци", в нем слышался то гнев, то радость, то тревога — но вот в одно июньское утро 1951 года "Берман" не ответил на позывные Тель-Авива. Радист снова и снова упрямо повторял привычный сигнал: тире точка; точка, точка, тире — ритм ключа менялся, он просил, требовал, умолял. Увы, "Берман" безмолвствовал. Наконец радист снял руку с ключа и положил наушники на стол. Он не произнес ни слова, но столпившиеся вокруг него люди поняли, что означает это молчание. Нерв был перерезан, пульс затих. Еще недавно кипевшее жизнью, неукротимо смелое сионистское подполье Ирака стало достоянием истории.

Несколько дней спустя ребята, работавшие на

подпольной радиостанции в Багдаде, прибыли в Израиль и поведали о бесславном конце радиопередатчика, который даже в тяжелейшие дни террора спасал иракское подполье от отчаяния, связывал его с миром, приносил надежду. А теперь им пришлось погрузить этот магический прибор на маленькую лодочку "гуффу" и, добравшись до середины Тигра, сбросить его на илистое речное дно.

Как только прервалась радиосвязь с Израилем, уцелевшие агенты Мосада и активисты подполья со всей возможной скоростью бежали из Ирака; им удалось буквально на шаг опередить полицию. Задача доведения эвакуации до конца легла на плечи руководителей общины, которые не имели никакой связи с подпольем. Надо сказать, они выполняли эту трудную работу с большим мужеством и, несмотря на тяжелые времена, эмиграция не прекращалась до тех пор, пока в феврале 1952 года последний из евреев, решивших выехать из Ирака, благополучно не прибыл в Израиль.

Таковы факты. Дальше начинается история их преломления, а порой — бессовестного искажения. У иракцев были, безусловно, все основания выдвинуть против Басри, Шалома и других арестованных евреев серьезные обвинения, которые поддерживались вещественными доказательствами, обнаруженными в тайниках. Но наказания, к которым могли приговорить подсудимых на основании этих улик, не удовлетворяли иракцев; их чувство справедливости, а точнее, жажда мести, требовали большего. И вместо того, чтобы предъявить Басри и Шалому обвинение в незаконном хранении оружия, членстве в нелегальной организации или даже шпионаже, полиция воспользовалась обнаруженным оружием, чтобы состряпать против них еще более серьезное обвинение. Это избавляло полицию от необходимости искать

подлинных виновников другого преступления и отвечало ненасытному желанию иракских властей вздернуть евреев на виселицу.

Речь шла о серии взрывов, которые произошли в Багдаде в марте — июне 1951 года. 19 марта взорвалась граната возле здания информационного агентства, примыкающего к американскому посольству на центральной улице Багдада Ар-Рашид. Около двух месяцев спустя, 10 мая, на той же улице вновь раздался взрыв — на этот раз перед домом, который до введения закона об экспроприации принадлежал еврею. Еще через месяц, 3 июня, прогремел третий взрыв, также рядом с домом, прежде принадлежавшим еврею, неподалеку от здания "Багдад таймс", местной газеты на английском языке.

Полиции не удалось обнаружить преступников, впрочем, как и в других подобных случаях. Она и не пыталась по-настоящему раскрыть причины взрывов, происходивших в Багдаде как до, так и после трех описанных выше. Но шум, который поднимала пресса после каждого очередного взрыва, разгромные статьи в адрес полиции уже порядком поднадоели полицейской верхушке. Поэтому, когда были обнаружены тайники оружия, полиция пошла по пути наименьшего сопротивления, списав недавние взрывы на сионистское подполье, а точнее, на отсутствующего Иосефа Хабазу и всех связанных с ним лиц. Отсутствие Хабазы лишь облегчало дело, ибо его можно было спокойно обвинить во всех смертных грехах, подкрепив эти обвинения "доказательствами", вырванными под пытками у Шалома Салеха Шалома. Затем Шалома легко было судить в качестве сообщника, добавив к нему для компании Иосефа Басри, поскольку он был пойман в доме Хабазы. (Взятая сама по себе, эта улика против Басри была слишком шатким основанием для обвинения,

но по жестокому капризу судьбы в тайнике того же самого дома Хабазы оказались документы, свидетельствовавшие о нелегальной деятельности Басри и особенно о его связях с Тайером.)

Процесс Басри — Шалома начался в ноябре 1951 года. Согласно обвинительному заключению, Иосеф Хабаза и Иосеф Басри устроили три вышеописанных взрыва в центре иракской столицы, а Шалом Салех Шалом являлся их пособником. Прокурор требовал для Басри и Шалома высшей меры наказания. Можно было, конечно, предвидеть, что Басри станет отрицать связь с этим преступлением. Однако полнейшей неожиданностью были показания главного свидетеля против Басри — Шалома Салеха Шалома: он не только отказался от признания своей вины, заявив, что оно было сделано под пыткой, но рассказал, что после обнаружения тайника в доме Басри следователи непрерывно истязали его, добиваясь, чтобы он подтвердил, будто Иосеф Басри и Иосеф Хабаза бросали гранаты и подкладывали бомбы. "Всякий раз, как меня приводили к судье, я спрашивал, почему меня пытают. Он отвечал, что так будет продолжаться до тех пор, пока я не подтвержу, что Иосеф Хабаза подбрасывал бомбы... Следователи... выдергивали у меня ресницы и волосы из усов... пока я не сказал, что подбрасывал бомбы вместе с Иосефом Хабазой и Иосефом Басри..."

Согласно самым растяжимым нормам правосудия, такое заявление, по крайней мере, поставило бы под сомнение истинность сделанных Шаломом признаний. Но суд просто проигнорировал показания Шалома, в вердикте указывалось, что "применение насилия или пыток не было доказано", а подсудимого, кроме всего прочего, обвиняли в том, что "он порочит репутацию иракской юстиции". Кроме этого вопиющего факта имелись

и другие, говорившие о том, что процесс являлся, по существу, не чем иным, как судебным фарсом. Например, суд заседал в особом составе, назначенном специально для данного случая, под председательством не профессионального судьи, а одного из государственных прокуроров, получавшего приказы сверху. Далее, адвокаты, "представлявшие подсудимых", исполняли свои обязанности с колоссальным трудом. Правда, первый защитник Иосефа Басри попытался отвести состав суда (т.к. при назначении его членов имели место нарушения иракской конституции), опротестовал признания Басри и Шалома, поскольку они были сделаны под пыткой, и привел прецеденты, когда иракские суды отводили полученные таким образом признания. Но все его возражения были в конечном итоге отвергнуты, а вскоре кто-то потрудился напомнить адвокату, что на этом злополучном процессе жизнь не остановится и ему лучше подумать о собственном будущем. Неизвестно, что в точности произошло, но после второго судебного заседания этот адвокат перестал вести дело, заявив, что "хотя каждый человек имеет право на защиту", в данном случае дело Басри попытались использовать против него "в политических целях", и это вынуждает его снять свою кандидатуру.

Его место занял адвокат, вылезавший из кожи вон, чтобы убедить суд в том, что он взялся за это дело против своей воли. Защитник Шалома также заявил суду: "Присяга обязывает адвоката защищать преступника, будь он убийцей или выродком... Но теперь даже мое семейство ополчилось против меня за то, что я согласился выступать в защиту данного подсудимого..." И, продолжая в том же тоне, он заключил свою речь словами:"Я не отметил того обстоятельства, что евреи воевали против нас не только с помощью

бомб, но с помощью богатства, ума, красоты — то есть тех сил, которым невозможно сопротивляться. Но вопрос, стоящий перед нами сегодня, — это вопрос совести и милосердия. Могу честно сказать: мой подзащитный не одарен ни богатством, ни умом, ни красотою..." Адвокат, очевидно, предполагал, что этот вздор может сойти за "смягчающие обстоятельства", разжалобить судей и спасти жизнь его клиенту!

Что же касается представленных суду вещественных доказательств, то, как ни странно, признание Шалома, вырванное у него после стольких мучений и послужившее основой для составления обвинительных заключений, так и не было привлечено к делу. Вместо того, чтобы представить суду какие-то доказательства вины подсудимых, обвинитель намеренно направил дело по пути бесплодных споров о трех взрывах, добавив к ним два более ранних инцидента, когда гранаты были брошены в двух связанных с евреями точках: кафе "Аль-Байза" на улице Абу-Нувас (8 апреля 1950 года) и в центре регистрации эмигрантов в синагоге "Масода Шемтов" (14 января 1951 года). В первом инциденте пострадало четверо евреев, во втором трое евреев, в том числе маленький ребенок, было убито и более двадцати ранено.

По совершенно необъяснимым мотивам обвинитель вызвал целый ряд свидетелей, включая мать и братьев Иосефа Хабазы, а также владельца дома, в котором проживала семья, — всем им было совершенно нечего сказать по существу дела. Однако они рассказали суду о пытках, которым их подвергали во время допросов, — картина была совершенно ужасающая. Один из свидетелей заявил, что после того, как он два дня подряд провисел по десять часов на вытянутых руках, ему дали день отдыха, в течение которого его

"посадили на стул со связанными за спиной руками, обвязали шею веревкой и, просунув в узел палку, стали ее поворачивать, так что веревка сжимала горло все туже. Казалось, я вот-вот задохнусь..."

Ни защитники, ни судьи никак не отреагировали на эти показания.

Когда окончился сей необычный парад свидетелей, перед судом предстали двое офицеров полиции. Первый из них, Абд-ар-Рахман Хамуд ас-Самрай, занимавший низшую офицерскую должность в особом отделе багдадской полиции, сообщил, какой именно тип гранат был использован при взрывах,— "гранаты типа 36 и взрывчатое вещество, известное специалистам под названием "желигнит". Но как только ас-Самрай покинул область конкретных данных, его показания превратились в набор противоречивых и плохо связанных между собою фраз. Вот некоторые из его перлов:

"...Мне было ясно, что эти преступления действительно направлены против евреев, но достаточно было рассмотреть эти происшествия более углубленно, чтобы увидеть, что преступники не хотели причинить ущерба евреям... Некоторые данные указывали на то, что эти преступления служили на благо евреям, а также определенным еврейским организациям в Палестине..."

Говоря о взрыве возле американского информационного агентства, Самрай следующим образом объяснил подоплеку этого дела: "Перед взрывом ходили упорные слухи о том, что американское правительство отдало своему посольству в Багдаде распоряжение изучить вопрос о преследованиях евреев в Ираке... Этого совпадения было достаточно, чтобы у меня составилось представление о... мотивах, руководивших преступниками..." Следующий взрыв был подведен

под нужную теорию не менее элегантно:

"Через несколько дней, когда еще шло расследование, в одной газете... появилось сообщение о том, что подозреваемые были выпущены на свободу... В результате в три часа утра в здании компании "Леви" на улице Аль-Гашид произошел новый взрыв. На этот раз в качестве взрывчатого вещества использовали желигнит, который причинил лишь незначительные повреждения фасаду здания. Сравнив этот взрыв с другими, мы получим бесспорное доказательство того, что эти преступления совершили сами евреи с тем, чтобы представить себя жертвами нападения..."

Если даже допустить, что вывод, полученный с помощью столь извращенной логики, верен и евреи действительно несут ответственность за взрыв здания "Леви", то и тогда совершенно невозможно постичь, зачем евреям понадобилось бросать гранату в информационное агентство США как раз в тот момент, когда американское посольство собиралось расследовать справедливость выдвинутых против Ирака обвинений в преследовании евреев. Подобные террористические акты скорее всего помешали бы американским дипломатам осуществить предполагаемое расследование, поэтому гораздо логичнее предположить, что взрывы совершены радикальными иракскими националистами. Некоторых из них действительно задержали после взрыва, но тут же выпустили под залог. Еще менее вероятно, чтобы евреи бросали заряды желигнита на багдадских улицах по случаю ареста или выпуска на свободу иракских радикалов, задержанных после нападения на американское информагентство. Это уже совершенно бессмысленно.

Однако ни один из защитников (не говоря уж о судьях) не поставил под сомнение "бесспорные доказательства", предъявленные свидетелем обви-

нения. Самрая не стали подвергать перекрестному допросу, не просили разъяснить (а тем более — подтвердить) его заявление; суд принял его "бесспорное доказательство".

Второе заседание суда началось с показаний другого офицера полиции Салама Джассама аль-Краити, который также входил в особое подразделение по расследованию взрывов. Краити повторил многое из того, что сказал Самрай, но несколько иначе осветил события. Так, говоря об инциденте 14 января 1951 года в синагоге "Масода Шемтов", Краити отметил, что, по мнению экспертов, все гранаты относились к современному высокоэффективному типу "36", которым располагает **только** иракская армия. Добавлю от себя, что среди четырехсот тридцати шести гранат, обнаруженных в тайниках Шуры, не было ни одной гранаты этого типа, поскольку вооружение, собранное Шурой, относилось к более старому образцу, времен Второй мировой войны. Но защита об этом важном обстоятельстве даже не упомянула.

Стараясь произвести впечатление на суд (и, возможно, на своих начальников), Краити хотел показать сходство между всеми взрывами, в которых обвиняли подсудимых. Он заявил: "Преступления совершались сходными методами. Гранаты бросали в безлюдных местах, ибо преступники не собирались никого убивать". Вспомним, что возле синагоги "Масода Шемтов" гранату бросили в толпу народа и уж, конечно, с самыми злодейскими намерениями.

Но защита пропустила это заявление свидетеля без возражений. Когда же наконец подошло время вызвать свидетелей защиты, ни один из адвокатов не пригласил ни одного свидетеля, не попытался оспорить шаткие доказательства обвинения.

Суду оставалось лишь заслушать заключительные речи прокурора и защитников. Прокурор открыл свою речь бурными выпадами против сионизма: "Сионистское движение свернуло с религиозного пути на тропу терроризма. Оно не может претендовать на звание освободительного движения, поскольку евреи не являются народом в подлинном смысле слова". Истощив эту благодарную тему, он наконец обратился к разбираемому судом делу и проявил незаурядные способности, внося сумятицу в разноречивые показания привлеченных им свидетелей: "Нет никакой возможности объяснить, почему кто-то бросает гранаты, а тем более новейшие, наиболее эффективные, в толпу людей возле синагоги "Масода Шемтов", если это не делается в целях убийства. Бомбы, подложенные в информационном агентстве США и в здании фирмы "Леви", лишь случайно не повлекли за собой смертельных случаев. Преступление, совершенное в синагоге "Масода Шемтов"... показывает, что последующие преступления также преследовали цели политического убийства..."

Вскоре стало ясно, чем был продиктован выбор именно этой формулировки: "Доказав" серьезные обвинения против Басри и Шалома, прокурор напомнил судьям пункт 14 главы 12 иракского уголовного кодекса 1924 года, утверждающий: "Любое лицо, применяющее бомбы или иные взрывчатые вещества для совершения... преступлений... или в целях политического убийства, приговаривается к смертной казни".

Судьи учли слова прокурора и выполнили его наказ: 5 ноября 1951 года Иосеф Басри и Шалом Салех Шалом были признаны виновными по всем трем пунктам обвинения (три взрыва, фигурировавших в обвинительном заключении) и приговорены к смертной казни через повешение.

Несколько дней спустя Басри и Шалом снова

появились в зале суда в качестве обвиняемых — среди других евреев (всего 21 человек) — в нелегальном хранении оружия и боеприпасов. (Все подсудимые являлись членами сионистского подполья или их родственниками). Самый суровый приговор — пожизненное заключение с тяжелыми принудительными работами — был вынесен Юдке Тайеру, поскольку, как гласил вердикт, "он прибыл в Ирак не в качестве обычного шпиона, а для того, чтобы стать одним из лидеров подпольной сионистской организации". На этом процессе Басри и Шалом получили по пятнадцать лет тюрьмы. Шестеро подсудимых (в том числе мать Хабазы) были оправданы; трое других приговорены к срокам, не превышавшим времени их предварительного заключения, и выпущены по окончании суда. Еще один из обвиняемых был приговорен к пятнадцатилетнему заключению, остальные — к пятилетнему.

Этот второй процесс продолжался до 13 декабря, а два дня спустя начался третий, в котором подсудимыми являлись Юдке Тайер, Роберт Родни и пятнадцать иракских граждан — восемь евреев (в том числе Басри) и семеро арабов, — обвинявшиеся в шпионаже. Все они были признаны виновными и приговорены к различным срокам тюремного заключения. Тайера не присудили к смертной казни, которой требовал для него прокурор, а снова к пожизненному заключению с тяжелыми принудительными работами. Поскольку защищавший Тайера на обоих процессах адвокат был более чем пассивен, остается предположить, что либо кто-то вел за него закулисную борьбу, либо иракские судьи предпочли не брать на себя ответственность за казнь израильского офицера. Прокурор не желал смириться со снисходительностью судей и в течение нескольких месяцев рассылал апелляции, добиваясь пересмотра при-

говора. Все это время Юдке находился в камере смертников. О Роберте Родни, который являлся английским подданным, позаботились чиновники британского консульства в Багдаде — он отделался краткосрочным заключением.

С течением времени тезис о том, что евреи повинны в серии взрывов в Багдаде, претерпел печальную метаморфозу. Сначала мало кто готов был поверить, будто евреи бросали гранаты возле еврейских или каких бы то ни было иных зданий. Однако в середине пятидесятых годов разыгралось так называемое "гиблое дело", когда египетская полиция арестовала нескольких молодых евреев, пытавшихся подбросить заряды взрывчатки в американские информационные бюро в Каире и Александрии, причем эти акции проводились по приказу израильской разведки. Не замедлили возникнуть параллели между египетским фиаско и взрывами в Багдаде. Позднее пропагандистская машина арабских стран стала утверждать, что взрывы устраивались для того, чтобы запугать евреев и вынудить их к бегству из Ирака, поскольку у них не было никаких объективных причин покидать родную страну и эмигрировать в Израиль. С тех пор прошло много лет, но это циничное обвинение все еще используется арабской пропагандой в своекорыстных целях, хотя и под маской беспристрастного научного исследования[71]. Однако тот, кто изучит историю борьбы евреев за выезд из Ирака, поймет смехотворность подобных измышлений. Замечу лишь, что беглого взгляда на хронологию событий достаточно, чтобы увидеть абсурдность этой клеветы.

Три взрыва, инкриминированные Иосефу Басри и Шалому Салеху Шалому, произошли после 9 марта 1951 года, т.е. последнего срока, до которого иракские евреи имели право отказаться

от гражданства, чтобы выехать из Ирака. Понятна поэтому вся бессмысленность инсинуаций о том, что взрывы были устроены, чтобы посеять панику среди евреев, поскольку после взрывов уже поздно было отказываться от гражданства. То же относится и к взрыву у синагоги Масода Шемтов, произошедшему 14 января 1951 года, так как к этому времени (за два месяца до истечения указанного в эмиграционном законе срока) 100000 евреев (из общего числа 104000 человек, покинувших Ирак) уже успело отказаться от иракского гражданства. Короче, несмотря на упорное повторение клеветнических обвинений в адрес сионистского движения, нет и тени истины (не говоря уже о логике) в утверждениях, будто злополучные взрывы были совершены евреями. Никто никогда не отрицал, что арестованные и осужденные на процессах 1951 года занимались подпольной сионистской деятельностью, запрещенной иракским законом, но необходимо с тою же откровенностью признать, что обвинение в подбрасывании бомб, за которое поплатились жизнью двое евреев, было абсолютно беспочвенным.

Как только завершился процесс Басри — Шалома, стали предприниматься усилия, направленные на смягчение приговора (оспаривать вердикт суда было бессмысленно). Адвокаты осужденных подали апелляцию на вынесенный им смертный приговор, а израильские дипломаты и ведущие деятели различных еврейских организаций пытались действовать по всем возможным каналам: через благожелательно настроенные правительства, через людей, имеющих влияние в арабском мире, через международные организации. В середине декабря апелляции в предусмотренные законом инстанции были отвергнуты, оставалась лишь надежда на помилование со стороны регента, и все усилия сосредоточились в этом направлении.

Представитель Израиля в ООН Абба Эвен подал прошение через президента Генеральной Ассамблеи Падиллу Нерво. Посольство Израиля в Вашингтоне передало президенту Трумэну личное письмо президента Хаима Вейцмана с просьбой содействовать помилованию осужденных евреев. Но все было напрасно, ни мольбы, ни замаскированные угрозы не действовали, не смягчил иракцев даже предложенный за спасение жизни Басри и Шалома огромный выкуп.

Почти десятилетие спустя возвратившийся в Израиль Юдке Тайер[72] описал последние часы Иосефа Басри и Шалома Салеха Шалома, которые он провел с ними в одной камере. Юдке запомнились их слова о любви к Израилю — стране, о которой они мечтали, но которую им не суждено было увидеть. Он рассказал, как всю ночь напролет они сидели в крохотной сырой камере и пели песни на иврите, стараясь отогнать ужас предстоящего утра. На рассвете 21 января 1952 года они услыхали звук отпираемой двери и на пороге появился палач. Он приказал Иосефу Басри и Шалому Салеху Шалому следовать за ним к ожидавшей машине, которая доставила их к виселице на площади Баб аль-Муезем, что в самом центре Багдада. Здесь под сладострастное улюлюканье многотысячной толпы Басри и Шалом были казнены.

Вернувшись в тюрьму, палач пришел к Юдке Тайеру и сообщил, что двое его друзей встретили смерть с достоинством. Когда им на шеи накинули петли, они выкрикнули "Да здравствует государство Израиль!" С этими гордыми словами на устах они вручили создателю свои измученные души.

Через несколько недель после казни, в феврале 1952 года состоялся последний полет операции "Эзра и Нехемия", возвратившей в Сион ва-

вилонских изгнанников. Ни у Моше Кармила, ни у Мордехая Бен-Пората, ни у меня, ни у кого-либо из двадцати пяти агентов Мосада, работавших в Ираке и Иране начиная с 1942 года, растивших сионистское подполье, закладывавших базу для массового исхода из Ирака, мечтавших об этом историческом моменте, — ни у кого из нас не хватало духу праздновать успешное завершение операции, спасшей 100000 наших братьев и сестер из той страны, где смерть еврея была поводом для кровожадного восторга. Казнь Иосефа Басри и Шалома Салеха Шалома словно всколыхнула в наших сердцах старинную боль. "Так сидели мы и плакали на реках вавилонских", — писал древний псалмопевец об изгнании наших предков в Вавилон, — так же плакать суждено было нам и в час избавления.

ЭПИЛОГ

По совести говоря, многие из тех, кому мы помогли выехать из Ирака, подчас спрашивали себя, не променяли ли они одну беду на другую. Спасаясь от преследований и страха, они радостно устремились к какому-то абстрактному будущему, которое рисовалось им в самых розовых тонах, где царили свобода и безопасность. Суверенное государство действительно было создано, чтобы обеспечить своим гражданам свободную и безопасную жизнь. Но кроме того, существовала еще суровая реальность повседневной жизни — и здесь мрачная картина, которую нарисовал мне перед отъездом в Ирак Леви Эшкол, оказалась еще чересчур оптимистической.

Люди, прибывшие из Ирака в ходе операции "Эзра и Нехемия", составляли только часть огромного притока иммигрантов в Израиль. Если

учесть также тех, кто бежал из Ирака через Иран, то общее число иракских евреев, приехавших в Израиль с мая 1948 года по начало 1952 года, достигало 121512 человек. Кроме них, Израиль принял за этот период 656225 репатриантов буквально со всех концов света. За три с половиной года еврейское население Израиля увеличилось больше чем в два раза. Если вы на минуту задумаетесь над этими данными, вы поймете, как они поразительны. Они также во многом объясняют, почему первая половина пятидесятых годов оказалась крайне тяжелым для страны периодом с экономической точки зрения.

Газеты, трубившие о прибытии первых самолетов с иракскими олим, изобиловали сообщениями о дефиците продуктов питания, о продаже сахара и растительного масла на черном рынке, о "перспективе сокращения импорта". В стране свирепствовала безработица, возникали ожесточенные столкновения между рабочими, объединенными в профсоюзы, и недавними репатриантами, готовыми трудиться за более низкую, чем добились профсоюзы, заработную плату.

Но самые тяжелые условия были в лагерях абсорбции. Прямо с самолета и корабля репатриантов перевозили на грузовиках (автобусы считались роскошью) в один из окрестных лагерей, где целые семьи, от младенцев до стариков, размещали в тесной будке из натянутого холста или в уже порядком обветшавших английских военных палатках. "Меблировка" этих жилищ исчерпывалась узкими железными койками и соломенными матрацами. Умывальники и туалеты (полевые уборные, предназначенные для военных лагерей) размещались в дальнем конце обширного лагеря, и чтобы попасть туда, приходилось в любую погоду выстаивать длинные очереди. Кстати о погоде — она была к нам особенно немилос-

тива в те годы: зимние дожди превращали лагеря в море грязи, часто случались заморозки. В каком-то смысле репатриантам из Ирака пришлось хуже, чем другим: короткий и весьма комфортабельный перелет еще усиливал страдания от примитивных условий в лагере. Некоторые из иракских олим выехали утром из просторных, хорошо оборудованных квартир в Багдаде, а в середине дня оказались в палатке посреди какого-нибудь забытого Богом лагеря репатриантов.

Кроме этого, была естественная тревога о будущем; шок, вызванный тем, что в лагере перемешались люди разного культурного уровня, говорящие на многих языках. Добавьте еще, что лагерный персонал, правительственные чиновники, представители Гистадрута[73] и т.д. и т.п. относились к олим несколько свысока, — и вы поймете, какая горечь скопилась в сердцах этих людей за короткое время. Правда, прогноз Эшкола не оправдался: демонстраций репатрианты почти не устраивали. Но их разочарование и беспокойство были видны невооруженным глазом. И успокоить их было нелегко — я имел возможность убедиться в этом, приезжая к ним уже в новом качестве — члена Кнесета.

Столь резкое изменение моего статуса — из секретного агента я превратился в человека, известного широкой публике, — началось в июне 1951 года, когда, работая по заданию Мосада в Египте, я неожиданно вынужден был спешно бежать оттуда. В парижском аэропорту Орли, еще не успев опомниться от грозившей опасности, я с радостью увидел встречавших меня друзей. Мне, конечно, и в голову не приходило, что они пришли сообщить о провале нашей сети в Ираке, об аресте Мордехая, Юдке и других товарищей, попавших в первую волну арестов. У меня еще голова кружилась от этого второго потрясения,

когда какой-то незнакомец, назвавшийся представителем *Мапай* (центристской лейбористской партии Израиля), попросил, чтобы я подписал уже составленную телеграмму, где выражалось согласие на включение моей кандидатуры в партийный список кандидатов на выборах в Кнесет.

Я уставился на него с недоумением, потом слабо улыбнулся, решив, что кто-то захотел меня разыграть, не зная, на какой неподходящий момент придется его шутка. Это, безусловно, была мистификация, иначе откуда могло у кого-либо появиться убеждение, что я гожусь для политики (или хотя бы интересуюсь ею). Но в глазах стоявшего рядом со мною человека не было и тени озорства, он не отодвигал руку, державшую телеграмму. Потом, понемногу вслушавшись в его слова, я стал понимать, что организаторы предвыборной кампании *Мапай* надеялись получить голоса десятков тысяч иракских репатриантов, украсив свой список хорошо известным им именем. Объяснение было не слишком лестное, но вполне разумное.

Но меня в тот момент абсолютно не волновал успех партии *Мапай* на выборах, и я наотрез отказался что-либо подписывать. Во-первых, я всегда считал себя полной противоположностью профессионального политика, во-вторых, израильский парламент представлялся мне ареной, где подвизаются пожилые знаменитости, и в возрасте двадцати семи лет перспектива слоняться среди них вовсе не вдохновляла меня. Но безымянный посланец *Мапай* оказался настойчивым, а стоявшие вокруг друзья мягко помогали ему, и я под конец капитулировал, особенно когда мне объяснили, что между выставлением кандидатуры на выборах и получением места в Кнесете — дистанция огромного размера. Согласно принятой в Израиле системе пропорционального представи-

тельства, избиратели голосуют за тот или иной партийный список, в котором насчитывается до 120 кандидатов. Поэтому шансы того или иного кандидата попасть в Кнесет зависят от его места в избирательном списке, и мне сразу сказали, чтобы я не сильно опасался стать членом Кнесета, ибо меня поставят на достаточно нереальное место.

Действительно, я оказался пятидесятым номером, и поскольку наша партия получила только сорок пять мест, я не попал в Кнесет, то есть не попал туда сразу. Однако в моей жизни произошли важные изменения. То ли из-за выдвижения моей кандидатуры в Кнесет, то ли оттого, что коллеги из Мосада стали бояться, как бы не кончилось мое феноменальное везение, но они порешили больше не посылать меня на секретные задания. Но на волю, в киббуц, меня все же не отпустили, непрерывно подсовывая разную штабную работу, а в середине 1952 года сделали мне чрезвычайно заманчивое предложение — занять официальную должность в нашем парижском посольстве.

Я не мог отказаться. К тому же новое назначение помогло убедить Тмиму в том, что я насытился приключениями и решился стать трезвым благонамеренным гражданином. Возможно, она не была вполне уверена в этом, но выйти за меня замуж согласилась. Итак, я отправился в Париж с молодой женой и израильским дипломатическим паспортом на мое собственное имя. Что за изумительное чувство — путешествовать, не имея нужды играть чью-то роль, без боязни совершить оплошность, потерять маску! Чтобы отпраздновать эту радостную перемену в моей судьбе (а заодно и наш медовый месяц), мы поехали через Вену, где Тмима повела меня к дому, в котором родилась и выросла. Для нее эта

прогулка была полна ностальгических воспоминаний, но она не переставала подшучивать надо мной — дескать, когда мы окажемся в Багдаде, она будет сопровождать меня к "фамильному особняку" Гилелей, но мы оба знали, что шансов на это слишком мало. Приехав в Париж, мы поселились в маленькой квартирке возле Булонского леса и стали наслаждаться жизнью в великом городе, а больше всего — возможностью быть друг с другом.

Эпизод с выставлением моей кандидатуры в Кнесет к тому времени канул в Лету, мы и думать о нем позабыли. Однако к концу 1952 года случилось так, что четверо депутатов от *Мапай* скончались, а пятый был избран президентом государства, и я вдруг получил право заседать в парламенте. Пожалуй, я мог бы отказаться от этой привилегии, не вызвав возмущения в партийных рядах. Без сомнения нашлись бы другие люди, более меня жаждавшие быть членами Кнесета и, возможно, лучше подходившие для этой роли. Но друзья стали настойчиво напоминать мне о критическом положении в лагерях абсорбции, говорили, что я должен идти в Кнесет и отстаивать интересы олим, если я не хочу добавить еще одно разочарование к длинному списку их горестей. В результате ранней весной 1953 года мы с Тмимой отправились пароходом домой в Израиль. Сказать по правде, мы оба были чуть опечалены своим возвращением на родину. "Может, это и к лучшему, — сказала Тмима однажды утром, стараясь подбодрить меня. — В конце концов мы ведь всегда хотели, чтоб наш ребенок родился в киббуце", — и она машинально похлопала себя по округлившемуся животу.

4 мая я принял присягу как член Кнесета и сразу с головой ушел в работу — ездил по лагерям абсорбции, разговаривал с репатриантами,

все еще остававшимися там, выслушивал их жалобы на бытовые условия и высокомерие бюрократов. Но тяжелее всего было слышать часто повторявшийся вопрос (или, скорее, обвинение), не ошиблись ли мы в своих самонадеянных расчетах, не завлекли ли мы этих до предела измученных людей в западню, заставив их сперва долгие месяцы сгорая от нетерпения ждать выезда из Ирака, а потом рассовав по невыразимо гнусным лагерям, где они снова были обречены гнить долгие месяцы. Мне оставалось только содрогаться от боли, слыша, как кто-то из отчаявшихся олим повторяет грязную иракскую клевету о том, что сионисты бросали гранаты возле синагоги и еврейского кафе, чтобы посеять панику среди евреев и заставить их толпами бежать из Ирака.

Снова и снова разговор возвращался к судьбе тех пяти тысяч евреев, которые не поддались на агитацию сионистов и, несмотря на все их доказательства, предпочли остаться в Ираке. Из писем, приходивших обходными путями, из слухов, проникавших сквозь песчаную завесу, которая отгораживает Израиль от его восточных соседей, мы знали, что положение этих евреев было вполне удовлетворительным, даже завидным. Они жили в довольстве, особенно по стандартам безработных репатриантов, ютившихся в палаточных лагерях, их религиозные и духовные потребности удовлетворялись соответствующими институтами маленькой общины. Конечно, процесс культурной ассимиляции шел полным ходом, но еврейские школы продолжали функционировать (правда, в них больше не преподавались иврит, Библия и еврейская история), а их выпускников принимали в иракские университеты. Пусть некоторые области оставались закрытыми для выпускников еврейских школ, но они не отчаива-

лись, а с еще большим упорством устремлялись в другие и добивались успеха.

Это положение оставалось стабильным на протяжении десятилетия. Даже во время военного переворота 14 июля 1958 года, когда были растерзаны такие крупные деятели, как Абд-Илла и Нури Саид, проявление антиеврейских настроений свелось к нескольким выпадам против сионизма и Израиля да антисемитским лозунгам на революционных демонстрациях. Хорошо знакомые с потрясениями такого рода, остававшиеся в Ираке евреи прибегли к испытанной тактике — затаились, пока буря не улеглась, — и вскоре могли поздравить друг друга с тем, что дела идут не хуже прежнего. В некоторых сферах революция даже ослабила существовавшие ранее ограничения. Это касалось, например, возможности получить высшее образование или поехать за границу. Другим обнадеживающим знаком явилось освобождение из тюрьмы значительного числа евреев. Даже Юдке Тайера выпустили на свободу и позволили ему вернуться на родину. Один из офицеров, познакомившийся с Юдке в тюрьме, проникся к нему таким уважением, что устроил ему встречу с лидером революции генералом Абд эль-Каримом Касемом, который возглавил новое правительство Ирака. В результате этой встречи Юдке и получил свободу.

Однако к началу шестидесятых годов картина значительно изменилась. В Израиле все репатрианты из Ирака уже проживали в постоянных квартирах, работали или учились, в общем нашли свое место в экономической и общественной жизни страны, раны, нанесенные потрясениями предыдущего десятилетия, понемногу залечивались. (Не могу удержаться от искушения, чтобы не добавить, что многие люди, чье детство прошло в лагерях абсорбции, занимают теперь ведущие пос-

ты в правительстве, армии, учебных заведениях и особенно в мире бизнеса). Тем временем положение евреев в Ираке резко ухудшилось после нового правительственного переворота 1963 года, приведшего к власти партию Баас. Этот переворот подорвал экономическую стабильность, которая составляла основу процветания евреев. Страну потрясали непрерывные перевороты и контрперевороты, чистки и контрчистки. Было почти аксиоматично, что в таких условиях на маленькую еврейскую общину обрушатся беды. Поездки за границу, даже для лечения, были запрещены; университеты практически закрыли свои двери перед евреями; имущество евреев (как личное, так и общинное) было конфисковано, а древнее еврейское кладбище Багдада полностью разрушено. Наконец, этим евреям, которые не уехали из Ирака вместе со своими единоплеменниками и предпочли считать себя иракцами, было нанесено последнее оскорбление: их обязали иметь при себе особые желтые удостоверения личности, чтобы нельзя было спутать их с истинными сыновьями и дочерьми Ирака.

Падение режима баасистов в 1963 году и приход к власти более умеренного правительства внушил еврейской общине новые надежды на будущее. И они оправдались — на некоторый срок. Но менее чем через четыре года, в июне 1967-го года, разразилась Шестидневная война. История этих дней походила на бездарное повторение событий 1948 года. Иракские войска вновь двинулись на запад, через Иорданию, чтобы участвовать в совместном арабском нападении на Израиль (и хотя они практически не участвовали в войне, Ирак нес ответственность за ее последствия). В первый день войны Ирак затопили праздничные манифестации, из репродукторов неслись марши, перемежавшиеся с восторженными (и

насквозь фальшивыми) реляциями о победах египетской армии на суше, на море и в воздухе. На следующий день израильские самолеты атаковали пограничную базу иракских ВВС "Н-3", и ликующие демонстрации сменились гневными. К концу недели иракское радио передавало уже не бравурные марши, а разгромные речи против "пятой колонны" и "сионистских агентов". Евреев по давно заведенной привычке сделали козлом отпущения за все поражения.

Затем последовала волна арестов, насилий, пыток, вымогательств. Она была предзнаменованием неотвратимого кризиса, и не требовалось богатого воображения, чтобы предугадать будущее. В июле 1968 года к власти вернулась партия Баас, возглавляемая генералом Ахмедом Хасаном аль-Бакром, а в октябре пришло роковое известие: официальный представитель Революционного совета партии Баас мрачным тоном сообщил о раскрытии шпионской сети, действовавшей по заданию "сионизма и империализма". (Теперь, когда иракское правительство шло в фарватере Кремля, прежний вопль против сионистов и коммунистов уже утратил популярность). Когда в Израиль поступило сообщение о высоком проценте евреев среди арестованных по обвинению в шпионаже, у нас еще больше усилилось ощущение "déjà vu" ("однажды виденного"), мы стали страшиться самого худшего.

Нечего и говорить, сколь нелепы были эти затасканные обвинения в шпионаже. Из ста пятидесяти тысяч евреев, проживавших в Ираке в 1932 году, накануне провозглашения независимости, в стране осталось лишь пять тысяч. Эти люди по доброй воле отмежевались от сионистского движения и государства Израиль. Они не участвовали в массовом исходе из Ирака, поскольку не соглашались с сионистским решением старого как

мир "еврейского вопроса" либо по идеологическим, либо по прагматическим соображениям. Они даже не воспользовались возможностью покинуть Ирак на основании сравнительно благоприятного закона 1950 года, чтобы обосноваться в Европе или в Америке.

Следовательно, они предпочли остаться на родине, веря, что смогут вести там мирную и спокойную жизнь, поскольку их лояльность по отношению к Ираку подтверждалась самим их решением остаться, когда 95% евреев выбрали другую судьбу.

Иракские власти, разумеется, знали, что у оставшихся в стране евреев нет никаких контактов с Израилем. Скорее всего, именно эта изолированность и сделала их такой привлекательной жертвой, особенно в свете того, что метать громы и молнии против евреев стало в тот период особенно модным занятием в арабском мире. Так, например, в документах состоявшейся в сентябре 1967 года встречи глав арабских государств содержалось ханжеское (и весьма знаменательное) заявление о том, что "евреи арабских стран вели себя недостойно, учитывая защиту, которую предоставлял им ислам на протяжении многих поколений: они поощряли сионизм и Израиль". Поэтому мусульманским правительствам предписывалось относиться к евреям, подтвердившим свои связи с сионизмом и государством Израиль, "как к стороне, принимающей участие в конфликте, как к агрессорам, то есть так, как надлежит мусульманским народам... относиться к своим заклятым врагам". Таким образом, эта проблема не ограничивалась одним лишь Ираком.

Но Ирак вел себя еще более нагло и непримиримо, чем другие арабские страны, — я был хорошо осведомлен об этом, так как начиная с

Шестидневной войны принимал непосредственное участие в попытках облегчить судьбу евреев арабских стран, занимая должность помощника генерального директора по ближневосточным делам в управлении министерства иностранных дел. Мы избрали путь тихой дипломатии и пользовались содействием ряда сочувствующих правительств (особенно правительства Франции), а также многих деятелей, пользовавшихся международной известностью. При их посредничестве удалось добиться выпуска на свободу арестованных евреев в Египте, поскольку египетское правительство прислушивалось к общественному мнению на Западе. К Ираку это, к сожалению, не относилось. Арестованные в октябре 1968 года по обвинению в шпионаже иракские евреи продолжали оставаться в заключении, и, зная методы иракских следователей, нам нетрудно было представить их участь. После продолжавшихся несколько месяцев бесплодных усилий получить о них какую-либо информацию, в январе 1969 года мы узнали о том, что заседавший при закрытых дверях военный суд приговорил нескольких евреев к смертной казни.

Прошло семнадцать лет с того дня, когда тела Иосефа Басри и Шалома Салеха Шалома безжизненно повисли на виселицах в центре Багдада, но воспоминание об этом все еще вызывало у меня озноб. И вот теперь мне снова рисовался ужасный ритуал казни, совершаемой над другими невинными людьми, самое страшное преступление которых состояло в необдуманном выборе пути. Хотелось кричать на весь мир о чудовищной несправедливости, остановить это бессмысленное убийство беззащитных людей. Но мы не могли и слова сказать вслух, потому что любые протесты со стороны Израиля принесли бы иракским евреям больше вреда, чем пользы. Поняв, что они

затронули чувствительный нерв, иракцы могли убить еще больше людей просто назло нам. В конце концов, разве они что-нибудь теряли, казня евреев?

Поэтому мы проглотили гнев и гордость и снова стали действовать за кулисами. Мы обращались с просьбами о помощи к нескольким правительствам, к генеральному секретарю ООН и даже к Римскому папе. Все они обещали воздействовать на иракцев, но их усилия оказались бесплодными. В Ираке победила дикая жестокость, ни стыд, ни элементарная порядочность не могли устоять перед жаждой крови.

Сразу после полуночи 26 января 1969 года багдадское радио начало зачитывать выдержки из отчетов о показательных процессах. Наши люди сразу поняли, что должно произойти. Предупрежденный армейской разведкой (которая прослушивает радиопередачи из арабских стран) дежурный по министерству иностранных дел позвонил мне и попросил указаний. Я велел ему созвать основных сотрудников и помчался в министерство, надеясь, что благодаря разнице во времени между Ближним Востоком и США мне удастся связаться с какой-то влиятельной инстанцией и остановить сообщение, которое невозможно отменить задним числом. Но было уже слишком поздно. Словно насмехаясь над нашим бессилием, голос военного прокурора, раздавшийся в семь утра из нашего радиоприемника, возвестил, что пойманные с поличным четырнадцать предателей были приговорены к смерти и уже казнены. Трупы одиннадцати казненных в Багдаде были перевезены на главную площадь Багдада — Площадь Освобождения — и выставлены для всеобщего обозрения. Еще три человека были казнены в Басре. Имена, зачитанные по радио, казалось, издевались над нами каждым своим сло-

гом: девять из четырнадцати повешенных были евреи.

В парижской газете "Ле Монд" появилось следующее сообщение об "инциденте", переданное корреспондентом агентства Франс Пресс из Багдада:

"...Вчера утром жизнь в иракской столице замерла. Рабочие не явились на заводы, студенты и школьники вместе с учителями высыпали на улицы, сотни женщин фанатическими воплями встречали лозунги, раздававшиеся из установленных вдоль улиц репродукторов. Как полагают, около миллиона демонстрантов вышло на улицы Багдада в ответ на объявленный по радио призыв отметить день 27 января как национальный праздник".

В Иерусалиме 27 января было холодно. Город покрылся белой пеленой снега, но на душе у нас было мрачно — столь же мрачно, как весело было в сердцах у тех, кто с гордостью и восторгом вопил на площадях Багдада, празднуя узаконенное убийство. Сомневаюсь, чтобы за две с половиной тысячи лет истории иракского еврейства произошло другое событие столь злодейское, как казнь девяти евреев в один день. Меня одолевали бессильный гнев и боль — потому, что мы не могли сделать ничего или почти ничего, чтобы предотвратить подобные убийства и в будущем. Но я был убежден, что нам надо по крайней мере вслух сказать о своих чувствах. Если тихая дипломатия не действует, мы ничего не потеряем, заявив Ираку и всему остальному миру о том, что государство Израиль считает себя ответственным за благополучие проживающих в Ираке евреев. Мы обязаны были сделать это для них, да и для самих себя. Я созвал пресс-конференцию и был приятно удивлен тем, что, несмотря на неблагоприятную погоду, пред-

ставители прессы явились в полном составе и немедленно разнесли по всему миру заявление, которое я зачитал им от имени израильского правительства.

Результаты вполне подтвердили правильность моего решения обратиться непосредственно к общественности. Во всем мире поднялась волна негодования по поводу совершенного в Ираке акта циничной жестокости. Даже египетское правительство осудило казни как "наносящие ущерб арабскому делу", а полуправительственная газета "Аль Ахрам" назвала их "тактической ошибкой". Для целей внутреннего потребления иракское правительство разразилось бранью по поводу "мировой пропаганды", а президент Хасан аль-Бакр глумливо заявил: "Гавкающие со всех сторон собаки хотели бы остановить нашу революцию". Тем не менее, когда 19 марта 1969 года завершился второй процесс над "шпионами", мы с огромным облегчением увидели, что, хотя в списке обвиняемых было тринадцать евреев, ни одного из них не послали на виселицу. 18 августа 1969 года кончились два новых антисионистских процесса, а 21 января 1970 года — еще один. По вынесенным на них приговорам было казнено еще трое евреев. На этом завершилась мрачная полоса показательных процессов и казней евреев в Ираке.

Но преследование евреев, увы, продолжалось — в менее открытых, более замаскированных формах. Теперь евреев не только арестовывали, но похищали в ранее невиданных масштабах. Десятки людей погибли от пыток в пресловутом "Летнем дворце" (где до переворота 1958 года находилась резиденция регента), других просто хватали на улицах, уводили из дому и они навсегда пропадали.

Мы снова писали прошения, обхаживали знаме-

нитостей, а главное — просто держали мировую общественность в курсе невыносимого положения иракских евреев, пока разгромные передовицы, запросы в парламентах и демонстрации перед иракскими посольствами в разных столицах не разъяснили иракцам бессмысленность их утверждения о том, что судьба иракских граждан — внутреннее дело Ирака, в которое не имеют права вмешиваться посторонние. По инициативе нашего министерства иностранных дел и при энергичном содействии послов Израиля в разных странах была созвана международная конференция за спасение евреев Ближнего Востока под председательством президента французского сената Алана Пойера. Конференция открылась в Париже 27 января 1970 года, в годовщину багдадских казней; в ней участвовали представители всех вероисповеданий, делегаты более чем из тридцати стран мира.

Под давлением общественного мнения иракцы, желая продемонстрировать свою гуманность, время от времени разрешали кое-кому из евреев выехать из страны, но большинство бежало нелегально. В некотором смысле, эта история завершается так же, как она началась, — тайным переходом через границу. Особенную популярность среди беглецов приобрел северный маршрут (проложенный смельчаками из сионистского подполья около двадцати лет назад), поскольку здесь можно было рассчитывать на поддержку местных курдов. Этим путем покидало Ирак большинство евреев, оставшихся там после операции "Эзра и Нехемия"; теперь они приезжали в Израиль, чтобы начать новую жизнь.

Так замкнулся круг, была перевернута последняя страница в хронике вавилонской диаспоры, ее история подошла к концу. Массовая эмиграция из Ирака в 1950—1951 годах свидетельствует о

силе идей сионизма, а судьба нескольких тысяч евреев, которые предпочли отколоться от своего народа и остаться в изгнании, только подтверждает это.

Один из иронических парадоксов еврейской истории состоял в том, что даже те, кто не пожелал разделить общую народную судьбу, поняли, как они ошиблись, когда сидели и плакали в тени пальмовых ветвей, на далеких реках вавилонских.

Расскажу еще об одной человеческой судьбе, о которой мне стало известно, когда из Ирака бежали последние евреи. В начале семидесятых годов моя кузина Фахима, дочь Иехезкеля Шемтова, ехала через Израиль в Канаду и пришла навестить меня. В последний раз мы виделись перед тем в 1951 году, в Париже, когда Фахима кипела от возмущения за посягательство на прерогативы ее отца в трудные первые месяцы операции "Эзра и Нехемия". Я знал, что Иехезкель Шемтов умер в 1954 году в возрасте семидесяти трех лет. Теперь Фахима рассказала мне об обстоятельствах его кончины: смерть настигла его в Бейруте, когда он возвращался домой из Англии, где проходил курс лечения от рака. Мне наконец представилась возможность сказать Фахиме, как я уважал ее отца — незаурядного мужественного человека, сыгравшего важнейшую роль в обеспечении легального выезда евреев из Ирака.

От разговора об отце Фахимы мы перешли на воспоминания детства. Я расчувствовался, вспоминая о близких, о тогдашней еде, об играх на берегу реки, а больше всего о нашей наивности. Как далеко ушли мы от тех дней, когда верили, будто опустив жалюзи и заперев дверь можно уберечься от зла. В глазах Фахимы появилась глубокая печаль — она вспомнила о том, что ей

и другим оставшимся в Ираке евреям пришлось пережить после Шестидневной войны. Она говорила о своем тогдашнем отчаянии, и я спросил, думала ли она, что мы забыли о них.

"Было много таких минут, когда я была уверена в этом, — без горечи сказала она. — Но когда я поймала передачу Би-Би-Си на следующий день после этих ужасных казней в январе 1969 года и услыхала твой голос на пресс-конференции, я впервые испытала чувство единства, чувство причастности, я поняла, что вы нас не забыли и никогда не оставите в беде".

Она опустила глаза и замолчала, должно быть стесняясь своего порыва. Но я чувствовал, что она сказала еще не все, и не ошибся.

"Знаешь, Селим, — продолжала она, называя меня детским именем, — во мне долго таилась неприязнь к вам. Мне казалось, что все выпавшие на нашу долю ужасы — это из-за Израиля, из-за ваших мечтаний, ваших войн. Вы праздновали победы, а мы расплачивались за них".

Она остановилась, погруженная в свои думы, потом поглядела мне в глаза. "Теперь я понимаю, что мы спаслись только благодаря существованию Израиля, благодаря его усилиям. Видишь, мы сочлись. Теперь мы квиты!" — договорила она с мягкой усмешкой, а по ее разгоряченным щекам текли слезы раскаяния или, быть может, облегчения.

Я не произнес этого вслух, но мне казалось, что она говорит не только от своего имени.

העמותה לקלישת עלית הטיפה
רח'י. ל. פרץ 20 חיפה 33041
ספריה
מס' .....

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мосад — неофициальное название израильской разведывательной службы.

[2] Палмахник — боец Палмаха. Палмах (ивр.; аббр. Плугот махац — ударные отряды) — добровольческие регулярные подразделения Хаганы (см. примеч. 4) для выполнения специальных заданий.

[3] Олим (ивр.; ед.ч. оле) — евреи, репатриировавшиеся в Израиль.

[4] Хагана (ивр.; оборона) — еврейская подпольная военная организация, действовавшая в подмандатной Палестине с 1920 года до провозглашения независимости, когда эта организация стала основой Цахала — Армии Обороны Израиля.

[5] Мосад ле-Алия-Бет был создан в 1939 году. В его задачи входили организация и координация потока "нелегальной" алии. Иногда эту организацию называют просто "Мосад". Не следует путать с израильской разведкой Мосад.

[6] Белая книга — отчет о политических мероприятиях британского правительства, регулярно представляемый парламенту Великобритании. Ряд Белых книг сыграл важную роль в истории подмандатной Палестины.

[7] Декларация Бальфура — документ, в котором правительство Великобритании впервые официально выразило свое благожелательное отношение к стремле-

ниям евреев всего мира создать свой национальный очаг. Декларация была направлена в виде письма на имя лорда Лайонела Уолтера Ротшильда Артуром Джеймсом Бальфуром, британским министром иностранных дел, 2 ноября 1917 года.

[8] "Хрустальная ночь" — под таким названием известен в истории еврейский погром, совершенный в Берлине в ночь на 10 ноября 1938 года. Поводом к нему послужило покушение Г. Гриншпана на жизнь советника германского посольства.

[9] Эвианская конференция была созвана в июле 1938 года в гор. Эвиан (Франция) по инициативе президента Рузвельта. Кроме представителя Доминиканской Республики, заявившего о согласии его правительства принять 100000 беженцев, ни одна делегация не изъявила готовности оказать им какую-нибудь действенную помощь.

[10] "Железная гвардия" — фашистская организация, существовавшая в Румынии в 1931—41 гг.

[11] Алия (ивр.; букв. "восхождение") — переселение евреев в Израиль на постоянное жительство.

[12] Гилель, или Хиллел (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.) — крупнейший еврейский законоучитель, старавшийся внести в толкование Закона дух терпимости и кротости; уроженец Вавилонии.

[13] Лидда — принятое у англичан название Лода.

[14] Шурá (ивр.; букв. "шеренга") — подпольная организация еврейской самообороны.

[15] Берман — кодовое название Ирака; Арци — кодовое название Палестины. (*Примеч. авт.*).

[16] Арабский легион — наименование армейских частей Трансиордании (Иордании) в период 1921—1956 гг.; был создан английскими мандатными властями, со-

держался на английские субсидии и фактически находился под командованием английских офицеров.

[17] Шалиах (ивр.; мн.ч. шлихим) — посланец, эмиссар.

[18] Муфтий — высшее духовное лицо у мусульман, наделенное правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам. В данном случае имеется в виду иерусалимский муфтий Хадж (Мухаммад) Амин ал-Хусейни — лидер арабских палестинских националистов в 1920—40-е годы. Английская мандатная администрация, первоначально поддерживавшая муфтия, была вынуждена в 1937 г., после нескольких инспирированных им экстремистских акций, выслать ал-Хусейни из Палестины.

[19] Фаузи эль-Каукджи — глава арабских банд в Палестине, именовавших себя Арабской армией освобождения. (*Примеч. авт.*)

[20] Акива Файнштейн отсидел свой срок полностью и вернулся домой только в середине 1950 года. (*Примеч. авт.*)

[21] Эцел (аббр. от Иргун цваи леумми; Национальная военная организация) — вооруженная подпольная организация активистов в подмандатной Палестине, созданная частью командиров и бойцов Хаганы (1931 г.).

[22] Киббуц Бет ха-Арава не входил в состав еврейского государства по плану раздела Палестины, принятому ООН. Евреи оставили этут киббуц через несколько дней после провозглашения государства Израиль; впоследствии иорданцы полностью разрушили его. (*Примеч. авт.*)

[23] Муджахидины — добровольцы из арабских стран, засылавшиеся в Палестину для подстрекания арабского населения к террористическим актам в период, когда британский мандат еще оставался в силе

и суверенные арабские государства воздерживались от открытых действий. (*Примеч. авт.*)

[24] Таллит — прямоугольное молитвенное покрывало из шерсти (или шелка) с черными или голубыми полосами вдоль коротких сторон и с кистями (цицийот) по углам. Тфиллин (филактерии) — кожаные коробочки с отрывками из книг Исход и Второзаконие, которые накладываются совершеннолетними евреями на левую руку и на лоб во время утренней молитвы в будни.

[25] Стэны — автоматы английского образца, бывшие на вооружении Хаганы.

[26] Кокни — название диалекта, на котором говорят представители низших социальных слоев населения Лондона.

[27] Несколько измененная цитата из псалма 137, в котором выражены чувства угнанных в Вавилон евреев, тосковавших по Сиону.

[28] Старик — так называли Давида Бен-Гуриона друзья и соратники.

[29] Ишув (ивр., поселение) — в переносном смысле все еврейское население Эрец-Исраэль до создания государства Израиль.

[30] Например, Хайхал-паша, официальный представитель Египта в ООН, предупреждал, что если эта международная организация одобрит план раздела Палестины, "она будет нести ответственность за возможные серьезные беспорядки и массовые убийства евреев. Стихийные бунты могут прокатиться по всем арабским странам и повлечь за собой войну между двумя народами. Предлагаемое решение палестинской проблемы может подвергнуть большой опасности миллион евреев, проживающих в мусульманских странах". Представитель Ирака Фадхил Джамали был более ос-

торожен в выражениях. Он предупреждал, что раздел Палестины "будет способствовать разжиганию религиозных предрассудков, распрей и ненависти" в Ираке и вызовет "еще больший хаос не только в Палестине, но и вокруг нее", но угрожающий смысл этого заявления был не менее очевиден. (*Примеч. авт.*)

[31] Terra incognita (лат.) — букв. "неизвестная земля"; незнакомая область, что-либо непонятное, непостижимое.

[32] Бриха (ивр., букв. "побег") — подпольная организация, осуществлявшая после Катастрофы европейского еврейства в 1939—1945 годах переброску евреев из Восточной и Центральной Европы к портам Средиземного моря с целью дальнейшей их переправки в Палестину.

[33] "Эксодус-1947" (от лат. "эксодус" — исход) — судно с нелегальными иммигрантами, направлявшееся в Эрец-Исраэль в июле 1947 г. После захвата судна английскими войсками его пассажирам было предписано вернуться в лагеря для перемещенных лиц в Европе, но они отказались. Героическое сопротивление пассажиров "Эксодуса-1947" нажиму английской мандатной администрации вызвало волну антибританских настроений в мире и способствовало решению о разделе Палестины. См. книгу Ж.Дерожи "Тайна судна "Эксодус-1947"", изд. "Библиотека-Алия", 1982 г.

[34] Маки́ (фр.; букв. "заросли") во время Второй мировой войны так стали называть французских партизан, боровшихся с фашистами.

[35] C'est bon (франц.) — это хорошо.

[36] A votre santé (франц.) — За ваше здоровье.

[37] А идише коп (идиш; букв. "евр. голова") — здесь: изобретательный, творческий ум.

[38] Еврейский национальный фонд (Керен Каемет ле Исраэль) — фонд сионистского движения, созданный для приобретения и освоения земли в Эрец-Исраэль. Основан 29 декабря 1901 г. на Пятом сионистском конгрессе в Базеле.

[39] Par excellence (франц.) — по преимуществу.

[40] Шохет (ивр.) — резник, совершающий убой скота и птицы согласно ритуалу.

[41] Кацажиция — турецкое слово, широко распространенное в Иране и Ираке; означает "контрабандисты". (*Примеч. авт.*)

[42] Как раз в это время в Басре проходил описанный выше суд над Шафиком Аддасом. (*Примеч. авт.*)

[43] Хаггада — традиционный свод благословений, бенедикций, псалмов и отрывков из мидрашей, читаемый в ходе седера — торжественной трапезы в первую ночь праздника Песах.

[44] Déjà vu — французское выражение, буквально означающее "это уже видано".

[45] Laissez-passer — разрешение на временное пребывание в стране.

[46] Халуц (ивр., букв. "пионер") — активный участник еврейского заселения и освоения Эрец-Исраэль.

[47] Голдман — кодовое совокупное обозначение агентов Мосада ле-Алия-Бет в Тегеране и вообще в Иране. (*Примеч. авт.*)

[48] Пурим — праздник, увековечивший спасение евреев Персии и Мидии от грозившего им уничтожения. В Пурим по традиции устраиваются маскарады. (*Примеч. авт.*)

[49] Мошав — кооперативное сельскохозяйственное поселение, основанное на совместном владении сельскохозяйственными машинами и сбыте продукции при сохранении частной собственности на землю и имущество.

[50] Шеш-беш — распространенная на Востоке настольная игра, называемая иначе нарды.

[51] Позднее мы узнали, чем была вызвана эта "шутка": египтяне заметили в бортовом журнале самолета WF AAK запись, что он совершал посадку в Хайфе, и попросили объяснений. (*Примеч. авт.*)

[52] Чартерная авиакомпания осуществляет перевозки на зафрахтованных самолетах.

[53] Марраны — испанские и португальские евреи, в средние века официально принявшие христианство. Подвергались преследованиям инквизиции, обвинявшей их в тайной приверженности прежней вере.

[54] Более полумиллиона палестинских арабов покинули свои дома в 1948 году, бежав в соседние арабские страны или в те части Палестины, которые находились под арабским контролем. Некоторые бежали, испугавшись войны, другие по рекомендации арабских лидеров, просивших "временно" оставить территорию, с тем, чтобы их армии могли разгромить новое еврейское государство безо всяких помех. (*Примеч. авт.*)

[55] Министерство иностранных дел Франции находится на набережной Ке д'Орсэ, французы называют так и само министерство.

[56] Объединенный еврейский призыв (ОЕП) — американская еврейская организация, учрежденная в 1939 году. ОЕП — основной орган, с помощью которого американское еврейство оказывает помощь евреям других стран.

[57] Хахам — так уважительно называют раввинов в восточных еврейских общинах, буквально это слово означает "мудрый". (*Примеч. авт.*)

[58] В.Квислинг (1887—1945) — лидер норвежских фашистов; в 1942 году стал премьер-министром марионеточного правительства Норвегии, жестоко расправлялся с норвежскими патриотами, после освобождения Норвегии расстрелян по приговору норвежского суда. Имя Квислинга стало символом предательства и соглашательства.

[59] Alliance Israelite Universelle (Всемирный еврейский союз) — международная еврейская организация, созданная в 1860 году в Париже для оказания помощи евреям во всем мире.

[60] Юнгерман (идиш) — молодой человек. (*Примеч. авт.*).

[61] Одна из подпольных кличек Мордехая Бен-Пората. (*Примеч. авт.*).

[62] Мордехай Бен-Порат впоследствии занимался общественной деятельностью, стал членом Кнесета и министром. (*Примеч. авт.*).

[63] Впоследствии я обнаружил, что наши английские конкуренты упорно утверждали, что "Ниэр-Ист", дескать, финансируется не чем иным, как Джойнтом, и, по существу, принадлежит Израилю. Подобные заявления звучали бы еще более убедительно, если б я не держался прожженным бизнесменом и не настаивал на получении только твердой валюты. (*Примеч. авт.*).

[64] Документы архива британского министерства иностранных дел показывают, что английским дипломатам удалось заразить своих американских коллег в Багдаде опасениями, что Израиль не примет иракских евреев. В своем рапорте от 5 июня 1950 года посол Мэк сообщает о том, что ему стало известно

о нашей встрече в американском посольстве. "Нас информировали, что ... два представителя "Ниэр-Ист Эйр Трэнспорт"... побывали в Багдаде. Они встречались с премьер-министром и министром внутренних дел... Советник посольства США сказал нам... что он предупреждал этих бизнесменов о необходимости заручиться гарантией того, что израильское правительство примет эмигрантов..." (*Примеч. авт.*).

[65] Piece de resistance (франц.) — главное, основное блюдо в меню.

[66] Фут равен 30,48 см.

[67] Noblesse oblige (франц.) — положение обязывает.

[68] Вторая статья Закона об эмиграции 1950 года гласит: "Всякий иракский еврей, покидающий Ирак или пытающийся покинуть Ирак незаконно, лишается иракского гражданства..." (*Примеч. авт.*).

[69] Noms de guerre (франц.) — клички.

[70] К 1 июня 1951 года из Ирака эмигрировало 84000 евреев и еще 20000 ждали своей очереди на самолет. (*Примеч. авт.*).

[71] См. например, книгу Аббаса Шиблака "Соблазн Сиона. История иракских евреев", вышедшую в Лондоне в 1986 г. (*Примеч. авт.*).

[72] Тайера выпустили в январе 1960 года после того, как он провел в заключении девять лет. (*Примеч. авт.*).

[73] Гистадрут — Всеобщая федерация израильских профсоюзов.

ספריה
1078
439

КНИГИ ИЗД-ВА "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1. **Леон Юрис.** ЭКСОДУС. Книга 1
2. **Леон Юрис.** ЭКСОДУС. Книга 2
3. **Д-р А.И.Кауфман.** ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. **Сарра Нешамит.** ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. **Арье (Лева) Элиав.** НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. **Д-р Е.Хисин.** ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. **Макс Брод.** РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. **А.И.Гешель.** ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. **Натан Альтерман.** СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. **Шаул Черниховский.** СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. **Теодор Герцль.** ИЗБРАННОЕ
14. **Ахад-Гаам.** ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. **Ахарон Мегед.** ХЕДВА И Я
16. **Яаков Цур.** И ВОССТАЛ НАРОД
17. **Р. и У.Черчилль.** ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. **Говард Фаст.** МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. **И.Домальский.** РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. **Игал Аллон.** ОТЧИЙ ДОМ
22. **Юлия Шмуклер.** УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. **Хана Сенеш.** ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. **Ш.Й.Агнон.** ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов

26. **Элиэзер Смоли.** ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. **Тувия Божиковский.** СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. **А.Итай и М.Нейштат.** ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. **Эли Люксембург.** ТРЕТИЙ ХРАМ
32. **С.Г.Фруг.** СТИХИ И ПРОЗА
33. **Р.Губер.** КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. **Дж. и Д.Кимхи.** ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. **И.Башевис-Зингер.** РАБ
37. **Р.Бонди.** ЭНЦО СЕРЕНИ
38. **Иегуда Галеви.** СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. **Шломо Цемах.** ГОД ПЕРВЫЙ
40. **Шаул Авигур.** С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. **Ханох Бартов.** ВОЗМУЖАНИЕ
42. **Ружка Корчак.** ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. **Бернард Маламуд.** ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков
46. **Моше Натан.** БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. **Ицхак Маор.** СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. **Ицхак Шенхар.** СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. **Генри Рот.** НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. **Моше Шамир.** ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. **Ахарон Мегед.** ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. **Давид Маркиш.** ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. **Джон Орбах.** РИКША
56. **Иосеф Гедалия Клаузнер.** КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА СВОЮ СВОБОДУ

57. **Исаак Бабель.** ДЕТСТВО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
58. **Проф. И. Слуцкий.** ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. **Проф. И. Слуцкий.** ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. **Андре Шварц-Барт.** ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. **Эммануэль Литвинов.** ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ
62. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** ИЗБРАННОЕ
63. **Мартин Бубер.** ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. **Макс И. Даймонт.** ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. **Сол Беллоу.** ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
    И. Кауфман. Библейская эпоха
    Л. Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
    Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. **А. Суцкевер.** ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР
70. **Ури Дан.** ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. **Моше Шамир.** СВОИМИ РУКАМИ
72. **Л. Коллинз и Д. Лапьер.** О, ИЕРУСАЛИМ!
73. **М. Новомейский.** ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. **М. Гесс.** РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. **Ф. Кандель.** ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. **Ф. Баазова.** ПРОКАЖЕННЫЕ
77. **А. Шлионский.** ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. **Иехуда Бурла.** ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. **Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий.** АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
    Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
    С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе

82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. **Х.Бартов.** ВЫДУМЩИК
84. **Гилель Бутман.** ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. **Жак Дережи.** ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"
86. **Цивья Любеткин.** В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. **М.Стейнберг.** ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. **А.Кестлер.** ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. **Ада Серени.** КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. **Иехуда Атлас.** ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. **М.Стейнберг.** КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. **Н.Полетика.**ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. **Эли Визель.** ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. **Альбер Мемми.** ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. **Шломо Авинери.** ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. **Хаим Градэ.** АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. **Луи Финкелстайн.** РАББИ АКИВА
100. **Хаим Вейцман.** В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. **Хаим Вейцман.** В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. **Муня М.Мардор** СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. **Феликс Розинер.** СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. **Владимир Лазарис.** МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. **Михаэль Бар-Зохар.** БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. **Михаэль Бар-Зохар.** БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. **Ахарон Аппельфельд.** ПОРА ЧУДЕС
109. **Гилель Бутман.** ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. **Голда Меир.** МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1

Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
В ОТКАЗЕ. Сборник
Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
Владимир (Зеев) Жаботинский. ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания
Оскар Минц. ПРИЗМЫ
Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
Исраэль Таяр. СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2
Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ
Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
Ицхак Орен (Надель). МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
Андрэ Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...
Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ

137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие. Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие. Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. **Шломо Гилель.** С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. **М.Бейзер.** ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. **Абба Ковнер.** КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. **Авигдор Шинан.** МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. **Давид Роскес.** ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. **Томас Манн.** О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. **Рамбам (Маймонид).** ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. **Рамбам (Маймонид).** ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. **И.Ахарони, Б.Ротенберг.** ПО СЛЕДАМ ЦАРЕЙ И БУНТАРЕЙ
149. **И.Гутман, Х.Шацкер.** КАТАСТРОФА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
150. **Амос Эттингер.** СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. **Феликс Кандель.** СЛОВО ЗА СЛОВО
152. **Ицик Мангер.** ЖИЗНЬ В РАЮ
153. **Леон Юрис.** МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. **Леон Юрис.** МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. **Коннор О'Брайен.** ОСАДА. Книга 1
156. **Коннор О'Брайен.** ОСАДА. Книга 2
157. **Давид Шахар.** ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ
158. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** САМСОН НАЗОРЕЙ
159. **И.Башевис-Зингер.** СБОРНИК РАССКАЗОВ
160. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** ПЯТЕРО
161. **Малькольм Хэй.** КРОВЬ БРАТА ТВОЕГО
162. **А.Эйнштейн.** О СИОНИЗМЕ
163. **И.Константиновский.** СУДНЫЙ ДЕНЬ
164. СКОПУС — II. Сборник произведений израильских литераторов, пишущих по-русски

165. **Р.Зернова.** ИЗРАИЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ. Сб. рассказов
166. **П.Пели.** ТОРА СЕГОДНЯ
167. **Р.Маркус, Г.Коэн, А.Галкин.** ТРИ ВЕЛИКИХ ЭПОХИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
168. **С.Кац.** ЕВРЕЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ
169. **Э.Луз.** ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ
170. **Яков Кац.** КРИЗИС ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
171. ИЗРАИЛЬСКАЯ НОВАЯ ПОЭЗИЯ. Сб. переводов

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. **Рут Сэмюэлс.** ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
2. **Дорит Оргад.** МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ
3. **Ури Орлев.** ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ
4. **Амос Оз.** СУМХИ
5. **Шмуэль Хуперт.** ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ
6. **Й.Сегал.** ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ
7. **Яэль Розман.** МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ И ПНИНОЙ
8. **Двора Омер.** ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ
9. **Сами Михаэль.** ПАЛЬМЫ В БУРЮ
10. **Шмуэль Авидор-Хакохен.** И СОТВОРИЛ БОГ...
11. **Двора Омер.** ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА
12. **Юрий Суль.** ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ
13. **Ицхак Ной.** РОН И ДЖУДИ
14. **И.Башевис-Зингер.** ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов и сказок для детей
15. **Эстер Файн.** ХАДАС
16. **Н.Гутман и Э.Бен-Эзер.** МЕЖ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ СИНЬЮ
17. СЧАСТЬЕ, ЧТО Я — ЭТО Я! Антология израильской детской литературы. Книга I

18. ОСВЕЩЕННОЕ ОКНО. Антология израильской детской литературы. Книга 2
19. **Одед Бецер.** ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНА БАР-КОХБЫ
20. **Давид Шахар.** ТАЙНА РИКИ
21. **Абба Эвен.** МОЙ НАРОД. Том I
22. **Абба Эвен.** МОЙ НАРОД. Том II
23. **Мартин Гилберт.** АТЛАС ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
24. **Гила Альмагор.** ЛЕТО ИЗ ЖИЗНИ АВИИ

ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ

Наши книги можно заказать
также по адресу:
P.O.B. 4140
91041 Jerusalem
Israel